ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Под общей редакцией
О.И. Шкаратана

Москва 2003

УДК 316.334.2
ББК 60.55
Г 72

Авторы:

Н.М. Давыдова (гл. 8, 9); Н. Меннинг (гл. 2, 3);
Т.Ю. Сидорина (гл. 4, 6, 7);
Н.Е. Тихонова (гл. 4, 8, 10, заключение);
О.И. Шкаратан (введение, гл. 1, 4, 5, 6, заключение)

Рецензент:

доктор экономических наук, академик РАЕН С.Н. Смирнов

435816

Sp-KI
KU[illegible]NASI

ISBN 5-7598-0216-X

© Коллектив авторов, 2003
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2003

Оглавление

Введение *(О.И. Шкаратан)* 5

Раздел I
Социальная политика: проблемная ситуация, концепция и методика изучения.....31

Глава 1
Декларируемая и реальная социальная политика *(О.И. Шкаратан)* 32

Глава 2
Социальная политика России в контексте зарубежных концепций и практики *(Н. Меннинг)*.....69

Глава 3
Социальная защита населения в ельцинской России (взгляд извне) *(Н. Меннинг)*.....110

Глава 4
Методика исследования социальной политики в регионах *(Т.Ю. Сидорина, Н.Е. Тихонова, О.И. Шкаратан)*.....144

Глава 5
Региональные особенности Москвы, Петербурга и Воронежа *(О.И. Шкаратан)* 201

Раздел II
Социальная политика: акторы и дебаты.....225

Глава 6
Акторы российской социальной политики 1990-х годов *(Т.Ю. Сидорина, О.И. Шкаратан)*.....226

Глава 7
Дискуссии в России по проблемам социальной политики и занятости *(Т.Ю. Сидорина)* 283

Раздел III
Кризис занятости и стратегии выживания городских домохозяйств 327

Глава 8
Кризис занятости и пути его преодоления на микроуровне *(Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова)* 328

Глава 9
Способы выживания домохозяйств в ситуации кризиса занятости одного из членов семьи *(Н.М. Давыдова)* 370

Глава 10
Ресурсы и уровень жизни домохозяйств, переживающих кризис занятости *(Н.Е. Тихонова)* 404

Заключение
Социальная политика: есть ли альтернатива? *(О.И. Шкаратан, Н.Е. Тихонова)* 443

Введение

Замысел исследования

Работа, результаты которой представлены в этой книге, была завершена нами в конце второго года президентства В.В. Путина. Однако эта книга о прошлом, о социальной политике эпохи ельцинизма. Конечно же, мы располагаем данными (и в некоторых случаях они приводятся) об определенных шагах в социальной сфере администрации и правительства второго президента. Принимавшиеся решения и реальные акции в этой области дают вполне достаточную базу для суждений. Но мы не стали бы спешить с выводами о преемственности или новизне социальной политики В.В. Путина. Нет, пожалуй, области более инертной, чем социальная политика. Сказываются и ограниченность материально-финансовой ресурсной базы, и слабость кадрового состава (все годы советской и постсоветской власти здесь сосредотачивались наименее «продвинутые» администраторы и аналитики). Главное же состоит в опасности обрушения стабильности, неустойчивого баланса интересов «власть — элита — массы» при разрушительном эгоизме элиты и консерватизме обездоленных низов с их устойчивым недоверием к новациям властвующих.

Даже этих обстоятельств достаточно для осторожности в суждениях относительно «новой политики нового президента». Да и намечающиеся акции пока что являются в значительной части прямым продолжением программных установок младореформаторов, сформированных в 1992—1997 гг. Кстати, и состав лидеров, вдохновителей и исполнителей этого блока правительственной политики остался неизменным. Так что подождем, увидим, какой же будет реальная социальная политика собственно путинского времени.

Наибольшую роль в формировании нашего понимания проблем социальной политики в России 1990-х гг. сыграли результаты работы над международным исследовательским проектом «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и

Запад. 1995—1998» («Restructuring the Welfare State: East and West compared»). Цель проекта — сопоставление процессов перестройки социальной политики в России (первоначально — в Москве и Санкт-Петербурге), Польше, Дании, Франции и Великобритании с акцентом на проблемы занятости. Инициатором и научным руководителем этого исследовательского начинания выступил профессор Кэнтерберийского, позднее Ноттингемского университета (Великобритания) Н. Меннинг. Проект был поддержан и финансировался в течение трех лет INTAS (International Association for the Promotion of the Cooperation with Scientists from the Independent States of the Former Soviet Union).

В российской части проекта «Социальная политика и политика занятости в России, 1955—1998» («Social and Employment Policy in Russia. 1995—1998») предполагалось обратить особое внимание на анализ развития социальной политики в условиях трансформации общества. Главной темой исследования стали изменения в политике занятости и социальной защищенности безработных, т.е. тех, кто несет наибольшие потери в процессе либеральных реформ. В задачи проекта также входили разработка методов сравнительных социолого-экономических исследований и формирование базы данных для последующего изучения социальной политики в России. На основании анализа статистических данных возникла необходимость включить в круг изучаемых объектов помимо двух столиц типичный крупный провинциальный город — Воронеж.

Научный руководитель российской части проекта — О.И. Шкаратан; административный руководитель — Н.Е. Тихонова. Кроме них, в проекте с российской стороны принимали участие Т.Ю. Сидорина, Н.М. Давыдова, Л.В. Панова, Н.Л. Русинова. Материалы проекта положены в основу книги. Подробное описание методики исследования содержится в гл. 4. Объектами исследования выступали, с одной стороны, акторы социальной политики (чиновники из федеральных и местных органов власти, связанные с разработкой и реализацией социальной политики, а также руководство профсоюзных организаций и представители хозяйственной элиты, всего 75 человек), а с другой — представители кризисных групп на рынке труда (находящиеся в вынужденных неоплачиваемых отпусках или на сокращенном рабочем дне или неделе по инициативе администрации, предупрежденные об увольнении, официальные безработные и трудоустроившиеся после периода официальной безработицы), т.е. рядовые россияне, оказавшиеся в ситуации обо-

стрения проблемы занятости в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже (в общей сложности 277 человек). В ходе панельного исследования, проходившего в 1996—1997 гг., т.е. с интервалом в год, по различной методике для «политиков» и «рядовых россиян», с представителями обеих групп респондентов были проведены 2—3-часовые углубленные, частично формализованные интервью.

Собранные данные позволили получить довольно полное представление об имеющемся спектре мнений относительно целей социальной политики, ее приоритетов, возможностей и т. д., а также о различиях в подходах к этим проблемам у акторов социальной политики и ее объектов. Понимая скромность масштабов данной выборки, мы, там где это было возможно, проверили некоторые полученные выводы на результатах общероссийских представительных мониторинговых опросов РНИСиНП, которые подтвердили правильность отмеченных нами тенденций. В остальных случаях, не претендуя на абсолютную достоверность полученных данных для России в целом, мы все же считаем их заслуживающими внимания, особенно в отношении позиции акторов социальной политики.

В процессе исследования мы стремились получить ответы на следующие вопросы. Готово ли российское правительство предложить населению четкую программу социальной политики? Готовы ли региональные власти включиться в эту деятельность? Сформирован ли в России институт акторов социальной политики? Понимают ли они свою новую ответственную роль? Достаточны ли материальные и организационные ресурсы для обеспечения хотя бы минимальных базовых нужд обездоленной части населения? Рассматривают ли они саму политику занятости как органическую составляющую общей социальной политики? Чему они отдают приоритет: программам активной политики занятости или мерам по поддержанию доходов лиц, пострадавших от сокращения занятости? Каковы мотивы и нормы поведения различных субъектов социальной политики?

Рабочая гипотеза состояла в том, что правительство, региональные власти и политические силы не обладают концепцией социальной политики, ни одна из ведущих политических партий не способна взять на себя роль лидера социальной политики. Предполагаемые субъекты социальной политики из числа новых российских предпринимателей и управленцев еще не готовы к активному включению в решение социальных проблем. Так, например, про-

цесс формирования рынка труда был лишен необходимой государственной стратегии. Если бы такая стратегия была, то развитие рынка труда происходило бы под определяющим влиянием макроэкономического регулирования в масштабах страны — путем структурных сдвигов в экономике, осуществлением целенаправленной инвестиционной и кредитно-финансовой политики. На деле применялась преимущественно ведомственно-организационная форма воздействия на рынок труда.

Для новой российской государственности важно было определиться, какая модель социальной политики наиболее адекватно могла бы соответствовать как потребностям российского населения, так и возможностям современного состояния российской экономики. Два фактора были определяющими при выборе направления реформ в социальной сфере. Первый — инерция социальной политики советского времени. Второй — влияние моделей социальной политики, проводимой в западных странах. Рассмотрим каждый из этих факторов — предпосылок конструирования социальной политики новой государственности.

Основные черты советского опыта

Советская социальная политика в реальности была политикой защиты интересов номенклатуры, хотя внешне эта политика представлялась как политика защиты интересов трудящихся. Под маской «поддержки материнства, детства, пенсионеров и т.д.» советское тоталитарное государство долгие годы проводило очень жесткую политику, направленную на формирование системы мер по максимальному благоприятствованию представителям номенклатуры. Например, использовались ограничительные меры, препятствовавшие развитию интеллигенции и в то же время стимулировавшие формирование интеллектуальной элиты, тесно связанной с номенклатурой.

Однако, успешно прикрываясь мифотворчеством, советская социальная политика выглядела и воспринималась как политика защиты интересов различных социальных групп, составлявших советское общество, и прежде всего групп городских рабочих. Поэтому, говоря о советской социальной политике, следует различать ее

доминирующую составляющую, направленную на защиту интересов номенклатуры (при учете интересов других социальных групп), и «мифотворческую» составляющую, включавшую такие аспекты, как декларация ведущей роли рабочего класса и приоритетного соблюдения его интересов, равенство шансов всех членов общества при их социальном старте, равенство этнических групп и т.д.

Что же касается такого аспекта, как степень осознанности номенклатурой реального содержания проводимой социальной политики, то она с течением времени возрастала, как возрастала и самоидентификация представителей господствующего слоя в отличие от других слоев, которые во многом верили в реальность именно «мифологической» социальной политики. В номенклатуре существовала циничная осознанность реальной направленности существовавшей социальной политики, поскольку скрытые от общества привилегии для тех, кто ими пользовался, были очевидны и открыты для самой номенклатуры.

Как известно, официальная социальная политика в бывшем Советском Союзе трактовалась как система организационных мер, направленных на конкретные преобразования в социальной сфере (например, увеличение количества врачей или учителей, рост масштабов жилищного строительства и т.д.). При этом система социальной защиты включала три основных компонента.

1. Право на труд, которое декларировалось как одно из важнейших достижений советской государственности. Каждому члену общества, по крайней мере формально, было гарантировано рабочее место в соответствии с полученным образованием и квалификацией. Большинство населения было убеждено в естественности и постоянстве полной занятости, безработица представлялась признаком западного образа жизни. На деле это право было подкреплено постоянным дефицитом рабочей силы преимущественно на тяжелых и неквалифицированных работах.

2. Систему гарантированных и предоставляемых государством бесплатно таких услуг, как образование, здравоохранение, физическая культура и спорт, а также пенсионное обеспечение. Значительная часть этих социальных благ и услуг (жилье, образование, здравоохранение, отдых) распределялась бесплатно или льготно через предприятия. Реальный доступ ко многим особо дефицитным товарам и услугам (например, приобретение автомобиля, ряда товаров длительного пользования, получение садового участка, обеспечение продовольственными заказами) также зависел от места работы.

3. Систему административно регулируемых цен, гарантировавшую доступность товаров и услуг «первой необходимости» (продукты питания, жилье, общественный транспорт и т.д.) лицам с низкими доходами.

Можно сказать, что наблюдалось сходство социальной политики советского режима и политики welfare state на Западе. И на Западе, и в СССР провозглашались приоритеты социальной защищенности граждан. Однако это было чисто внешнее сходство. «Не соответствует действительности и миф о нашем «собесовском» типе развития — отсутствии или недостатке социальных защитных механизмов. По продолжительности жизни, характеризующей, в числе прочего, и заботу о пожилых людях, мы находимся в мире за пределом 30 лучших мест; по детской смертности, демонстрирующей отсутствие заботы о детях, — за пределом 50... В действительности наша система общественных фондов потребления не является социальным гарантом нуждающихся» [*Найшуль*, с. 485]. Но дело даже не только и не столько в масштабах поддержки нуждающихся в помощи, а в более глубоких явлениях.

На Западе нуждающийся в общественной поддержке выступает как обладающий реальными правами и свободами гражданин, который может добиваться предоставления положенных по закону благ через институты гражданского общества. В СССР же обездоленный человек не был ни гражданином (за отсутствием гражданского общества), ни свободным агентом трудовых отношений; в общественно-политической сфере это был подданный государства, а в экономике — государственно зависимый работник, который не имел права на самозащиту и свободу, который даже не помышлял о борьбе за свои права, принимая от государства любую подачку как благо, не задумываясь, действительно ли это благо и насколько оно необходимо.

В СССР на протяжении длительного времени любой человек был «работником единой государственной фабрики», что принципиально отличает условия формирования и конечную модель государственной социальной политики в СССР и на Западе. Государство в России поэтому выступает как носитель господства по отношению к подданным, а вовсе не как государство welfare. И социальная политика в России — это не социальная политика welfare state. Сравнивать welfare state и социальную политику в бывшем СССР все равно, что сравнивать английскую капиталистическую мануфактуру XVIII в. и петровско-екатерининскую крепостническую мануфактуру.

Западные аналитики и исследователи, наблюдая со стороны нашу советскую действительность, довольно основательно изучили и проводившуюся социальную политику [*Labor, Geoge, Manning*]. Уже после обрушения Советского Союза вышла из печати в определенной мере итоговая статья Г. Стендинга, чьи суждения приводятся ниже [*Standing*, p. 225—255].

Анализируя вопрос о приложимости термина «welfare policy», Стендинг напоминает, что классическое государство благосостояния имеет семь потенциальных функций: 1) облегчение бремени бедности; 2) предотвращение обнищания населения; 3) обеспечение социальной защиты граждан; 4) перераспределение доходов; 5) препятствование росту «социальной солидарности»; 6) обеспечение равенства возможностей для трудовой мобильности; 7) создание условий для экономического роста, структурной реорганизации экономики и гибкости рынка труда.

Согласно Стендингу прежняя, советская, система достаточно хорошо справлялась с выполнением ряда перечисленных функций, в особенности это касается первых четырех при практическом забвении последних двух. По его мнению, система, которая пала в 1980-х гг., опиралась на экстенсивное обеспечение безопасности низкого уровня доходов, сдерживание неравенства и отсутствие возможностей трудовой мобильности. В то же время пик послевоенного государства благосостояния в Западной Европе основывался на безопасности доходов, ограничении неравенства и наличии адекватных возможностей мобильности и занятости. Обе системы провозглашали обеспечение полной занятости, хотя в них по-разному понимался смысл этого термина.

Проводившаяся в СССР социальная политика носила явно выраженный патерналистский характер, органичный для страны с отсутствием гражданских отношений и, соответственно, граждан, для страны, состоявшей из «начальства» и подданных.

Таково наследство, доставшееся новой России в сфере социальной политики.

Ориентация на опыт Запада

Что касается второго фактора, задававшего в решающей степени вектор действий неолиберальных политиков, контролировавших принятие решений в социальной сфере в 1990-е гг., т.е.

влияния сложившегося и в еще большей мере нового, складывавшегося в 1980—1990-е гг. опыта Запада, то здесь можно отметить следующие моменты. Инициаторы реформ придавали решающее значение не некоей сбалансированной и всесторонней оценке целостного мирового опыта с учетом уровня и характера развития экономики разных стран и их цивилизационных особенностей. Акцент был перенесен на «внедрение» в Россию элементов лишь одной модели — социальной политики англосаксонских консерваторов без взвешивания ее адекватности реалиям России. Принятие унитаристской модели глобального мирового развития было упрощенной теоретической базой такого выбора.

А на Западе примерно с начала 1980-х гг. в консервативных фракциях, законодательной системе, предпринимательской среде отчетливо обозначилась тенденция к пересмотру сформировавшейся в 1950—1970-х гг. концепции «государства всеобщего благосостояния». Развитие теории и применение на практике этой концепции было неразрывно связано с возросшей ролью государства в экономической и социальной жизни общества посредством налогово-бюджетного перераспределения национального дохода как инструмента социальной политики. Это вызывало растущее противодействие со стороны тех сил, которые были заинтересованы в разгрузке бюджета от социальных расходов в пользу финансового стимулирования предпринимательской деятельности.

На передний план государственной социальной политики стали настойчиво выдвигаться предложения «социальной самопомощи» или «социального самообеспечения». По убеждению М. Тэтчер, морального лидера консервативных сил Запада и идейного вдохновителя российских неолибералов, социальная ответственность — категория не общественная, а по преимуществу личная, т.е. население посредством увеличения индивидуальных взносов в фонды личного страхования, а также за счет сбережений обязано само создавать финансовую базу социального обеспечения и отказаться от психологии «социального иждивенчества» [Welfare].

Здесь необходимо остановиться на более общей проблеме, отношение к которой во многом предопределяет успешность реформирования экономики и социальной сферы. Речь идет об отношении к этнокультурной специфике как фактору экономического развития. Среди сторонников неолиберального выбора преобладала убежденность в том, что никакая национальная специфика, никакие цивилизационные характеристики не имеют значения при

определении экономической стратегии. В реальной политике экономических преобразований в стране восторжествовал дух чистейшего универсализма. Внерыночные институциональные факторы экономического роста игнорировались. Были отброшены результаты исследований по сравнительной социологии цивилизаций, сравнительному менеджменту, современной институциональной экономической теории.

Обычно для объяснения эволюции трансформирующегося постсоветского российского общества в качестве теоретико-методологического подхода использовалась лишь теория модернизации. Получившие распространение ко времени российских реформ такие объясняющие эволюцию развивающихся стран подходы, как теория зависимого развития и теория эндогенного развития, даже не упоминались. Практически игнорировался опыт различных по цивилизационным и историко-экономическим характеристикам стран мира с высокими показателями экономической динамики, кроме англо-американской модели.

Приведем несколько небезызвестных примеров из зарубежного опыта, подтверждающих, что развитие глобальной экономики не погашает, а, напротив, усиливает культурное и институциональное разнообразие наций (обществ), стимулируя в то же время их взаимозависимость.

Это демонстрирует анализ существенных различий даже среди наиболее «продвинутых» стран («большой семерки»), где можно выделить две доминирующие модели информационной экономики: «модель экономики услуг» представлена США, Великобританией и Канадой; «модель индустриального производства» — Японией и Германией. Франция в этой классификации занимает промежуточное положение, склоняясь к первой модели. Италия же формирует, видимо, некую третью модель, основанную «на сетях мелких и средних фирм, приспособленных к меняющимся условиям глобальной экономики и [где. — *О.Ш.*], готовится почва для своеобразного перехода от протоиндустриализма к протоинформационализму» [*Кастельс*, с. 222—225]. Западные авторы предлагают и другие классификации [*Лэйн*], из которых во всех случаях следует один и тот же вывод — о разнообразии моделей современной экономики в наиболее развитых странах мира. Тем более нелепыми выглядят многолетние усилия радикал-либералов вогнать Россию в наименее подходящую ей американскую модель развития.

Первой страной за пределами европейского культурного ареала, достигшей высочайших результатов в экономическом развитии, была Япония. Ведущие аналитики пришли к однозначному выводу, что немалую, если не определяющую, роль в ускоренном развитии послевоенной Японии сыграло квалифицированное руководство, учитывавшее в числе прочего и национальные особенности японского работника. Так, проводя экономические реформы (после Второй мировой войны), японские элиты не стали уничтожать отличавшуюся высокой солидарностью общину — архаистскую коллективистскую структуру, а, напротив, использовали ее как канал реализации целей государства. Ведь община могла ответить на задачу либерализации экономики лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество [*Китахара*; *Сакаия*].

Конечно, модернизация общества и экономики в Японии была следствием долгого и кропотливого изучения западного (а по ряду направлений и российского) опыта. Но мировое значение японских преобразований в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности. Это же относится к эффективным результатам деятельности китайской организации бизнеса, основанной на семейных фирмах и кроссекторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей [*Кастельс*, *Киселева*, 2000; *Castells*, p. 206—309].

В мировой практике на протяжении второй половины XX в. наибольшую известность получили две целостные модели экономического развития — американская и японская, каждая из которых четко строится на альтернативных системах ценностей, в одном случае — на достижительно-индивидуалистической, в другом — на достижительно-коллективистской. Опыт русской экономической культуры и арсенал эффективных технологий отечественного менеджмента не получили системной, культурно-антропологической интерпретации. Проходившие в дореформенный период дискуссии выявили их большую близость к японской модели.

Именно в этой связи целесообразно соотнесение черт японской, американской, китайской и русской этнокультурных моделей. И именно исходя из особенностей России (а не в связи с масштабами успешности каждой из зарубежных моделей на коротких исторических дистанциях) для нас более оправданно было бы обратиться к дальневосточному опыту (Япония, Китай, Южная Корея и т.д.). Он дает образец некатастрофичного рефор-

мирования, позволяющего смягчить естественное напряжение между «традиционным» и «современным», совместить поток экономических и социальных нововведений с сохранением национальных культурных традиций. Ведь по большому счету в зависимости от того, будет ли выработана искомая макросоциальная технология, мы можем рассчитывать на реализацию тех прогрессивных идей, которые были провозглашены при приходе реформаторов к власти.

С нашей точки зрения, необходимо разработать способы «включения» специфических компонентов менталитета русских в программу вывода нашей экономики на пути ускоренного развития и, наконец, отказаться от продолжающегося весь реформенный период стремления к «беспощадному» искоренению (что все равно явно недостижимо) ядра национальной центральной (по Т. Парсонсу) ценностной системы, что чревато непредсказуемыми и явно разрушительными результатами.

Вопрос о разработке адекватных национальной специфике эффективных моделей модернизации экономики, конечно, следует рассматривать в контексте основных гипотетически возможных сценариев развития России в ближайшей перспективе. Влияние национальной культуры на характер и эффективность экономического развития необходимо учитывать, исходя из ориентации на становление в России информационной экономики. Это предполагает учет параллельного и, по-видимому, длительного сосуществования в стране глобальных/информационных и национальных/локальных секторов экономики. Для эффективного развития каждого из них требуются разные качества рабочей силы и несовпадающие модели менеджмента. Нам представляется особенно важным выявить накопленные в национальной культуре свойства, качества работников и адекватные модели менеджмента, которые могут оказаться востребованными именно информационным сектором экономики [*Шкаратан, Карачаровский; Shkaratan*].

Таким образом, определяется комплексная проблема, включающая несколько базовых элементов: реинтерпретация накопленного культурно-антропологического и этносоциологического материала применительно к проблемам развития экономики; обобщение имеющегося знания относительно проблем российской экономической, управленческой и трудовой культуры; выработка специфических моделей государственного управления и

менеджмента, опирающихся на результаты культурно-антропологического и этносоциологического анализа; апробация выработанных моделей.

Первые шаги новой государственности в социальной сфере

В России 1990-х гг. (впрочем, и позднее) государство оставалось главным субъектом социальной политики. Переход к рыночной экономике продемонстрировал, с одной стороны, необходимость активной социальной поддержки значительных групп населения, оказавшихся в критическом положении, а с другой — невозможность сохранения масштабов социальной защищенности даже на уровне, который обеспечивался в недавнем прошлом.

После августа 1991 г. под давлением демократического движения правительство в программе экономических реформ предусмотрело целый комплекс мер по социальной защите населения. В их число входили:

1) снятие ограничений на заработную плату;

2) увеличение зарплаты работникам бюджетных организаций и учреждений (здравоохранение, образование, наука, культура, правоохранительные органы, органы управления и др.) примерно на 90%;

3) повышение социальных пособий и компенсационных выплат семьям с детьми; матерям, находящимся в отпуске по уходу за ребенком; официально зарегистрированным лицам, потерявшим работу; одиноким матерям, а также другим социально незащищенным категориям на 90%;

4) сглаживание перекосов в доходах, возникших после 1985 г. и вызывающих недовольство людей (разрыв в доходах между работниками государственных предприятий и представителями новых коммерческих структур);

5) компенсация роста цен для людей, живущих на зарплату (прежде всего в госсекторе), и разумное ограничение (посредством нового налогового механизма) безудержного роста доходов у представителей других секторов экономики, что в определенной степени выравнивало бы условия для «старта» в рынок. Смысл реформы — стимулирование активного, творческого, добросовестного труда;

6) переход к практике ежегодного заключения генеральных соглашений по социально-экономическим вопросам между правительством и объединениями профсоюзов и предпринимателей с целью более гибкого регулирования уровня зарплаты;

7) немедленная коммерциализация оптовой и розничной торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения; упразднение системы управления торговлей и специализированных торгов; объявление магазинов, столовых и т.д. самостоятельными предприятиями с расчетным счетом, правами юридического лица, экономической ответственностью за результаты деятельности.

Тогда же, в конце 1991 г., правительство Е. Гайдара поручило только что созданной Федеральной службе занятости, во главе которой были поставлены высококомпетентные специалисты, опираясь на западный опыт, выработать основные принципы политики занятости при переходе к рыночной экономике. Исходным моментом был решительный отказ от всех несвобод личности в сфере трудовых отношений, доставшихся в наследство от советского режима. Непременными задачами политики занятости были признаны:

максимальное привлечение на рынок рабочей силы трудоспособных граждан;

обеспечение рабочими местами всех желающих;

создание условий для развития профессионализма и компетентности;

создание рабочих мест, конкурентоспособных в рамках национального и мирового рынков труда.

Политика занятости должна была быть направлена на содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости, что означает:

приоритетное право выбора между участием и неучастием в общественном труде должно принадлежать самому человеку;

причина пресечения добровольной незанятости может быть одна — незаконный источник средств существования;

право гражданина на свободно избранную занятость не есть обязательство общества удовлетворить желание каждого, а право как возможность;

занятость может быть полной, если все изъявившие желание иметь оплачиваемую работу ее имеют;

полной может считаться лишь та занятость, при которой удовлетворяется потребность населения в искомых рабочих местах, т.е. с учетом их качественных характеристик;

стать безработным не должно быть выгодно ни в экономическом, ни в социальном плане;

материальная помощь потерявшим работу — важная, однако не главная задача политики занятости.

Следует иметь в виду, что концепция реформ изначально исходила из необходимости повышения эффективности хозяйственной системы. При этом социальная сфера рассматривалась как элемент общей экономической стратегии. Критерий эффективности лежал на стороне экономических факторов, а состояние и динамика социальной сферы относились к числу ограничений. Несмотря на многочисленные декларации о «социально ориентированной экономике», «социальном государстве», развитие социальной сферы даже не называлось в качестве явной цели реформ. Достаточно сказать, что и к началу реформ, и позднее в отличие от других постсоциалистических стран в России даже не ставился вопрос о создании программы по борьбе с бедностью. Фактически принимался во внимание лишь один аспект — возможность предупреждения острых социальных кризисов.

Совершенно не учитывалось то обстоятельство, что в отличие от многих из реформирующихся национальных экономик в России большинство домохозяйств не располагало материальными и финансовыми ресурсами на период адаптации к новой социально-экономической ситуации. Более того, одним из элементов «шоковой терапии» была конфискация всех сбережений населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах. К началу реформ у населения и предприятий на счетах имелось около 1 трлн. руб. И здесь-то небрежение социальными проблемами рикошетом ударило по структурным преобразованиям в экономике. Все основные фонды страны оценивались тогда в 2 трлн. руб. Многие специалисты расценивали готовность владельцев этих денег вложить свои средства в акции или в прямой выкуп государственных предприятий в 300—400 млрд. руб. По мнению такого авторитетного и реформистски ориентированного автора, как академик Н. Шмелев, если бы не конфискация, то «15—20% всей государственной собственности могло бы быть в 1992—1993 гг. выкуплено, т.е. приватизировано нормальным путем, не задаром, а за деньги...» Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности — раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам [*Шмелев*, с. 65—67].

Частично объяснение странностям начального периода трансформации дал профессор из Гарварда Дж. Сакс, который был экономическим советником правительства Е. Гайдара. Его неолиберальные идеи в огромной мере повлияли на установки и решения реформаторов [*Сакс, 1994*]. В своей статье конца 1995 г. он подчеркнул то обстоятельство, что складывавшаяся в России ситуация коренным образом зависела от всепроникающей коррупции, ставшей спутником процесса реформ. В этом, по его мнению, в значительной степени была повинна позиция Запада. Как отмечал Дж. Сакс, исторический шанс реально повлиять на ситуацию в России был Западом упущен в 1992 г., когда развитые страны не предоставили финансовой помощи молодым, но в основном честным реформаторам под руководством Егора Гайдара.

Из-за отсутствия внешней поддержки под давлением экономических обстоятельств Ельцин, по мнению Дж. Сакса, был вынужден заключить «союз с дьяволом» в лице бывшей партийной номенклатуры. Молодые реформаторы в основном были изгнаны из правительства, и старые аппаратчики овладели контрольными позициями в управлении страной. Западные лидеры успокаивали себя тем, что люди, не вполне чистые на руку, лучше отъявленных экстремистов.

Через короткое время стало совершенно очевидно, что данная позиция Запада оказалась столь же катастрофической для России, как и отношение Запада к борьбе с большевизмом в 1918—1920 гг., к становлению нацизма в Германии, т.е. практически политика в одних случаях непротивления злу насилием, а в случае России 1992—1993 гг. — отказ от активной политики, стимулирующей демократические и либеральные преобразования в этой большой и трудно становящейся на ноги как неагрессивная, немилитаристская страна [*Сакс*, 1995]. В этом контексте можно понять ситуацию безресурсности социальной политики, отсутствие каких-либо шансов сформировать подлинно социальное государство, провозглашенное Конституцией Российской Федерации.

Каковы же были первые реальные результаты социальной политики к моменту, когда было начато наше исследование? Естественно, речь идет о тех фактах, на основе которых складывался замысел исследования, а не о той системе данных, которая выстроилась как итог реализации нашей программы.

На протяжении периода высокой инфляции (1992—1994 гг.) социальная политика в России, как и во многих других странах с переходной экономикой, была ориентирована преимущественно

на наращивание удельного веса социальных затрат в совокупных расходах государства. В то же время повышение эффективности социальных программ оказалось на втором плане. Финансовая стабилизация, реальное начало которой было положено в 1995 г., обнажила системные ограничения в проведении подобной политики. В 1995 г. социальные расходы впервые в истории России составили более половины всех государственных расходов, что выявило естественные финансовые пределы, дальнейшее превышение которых могло создать угрозу устойчивости государственных финансов и перспективам возобновления экономического роста. Между тем эффективность большинства социальных программ оставалась недостаточной. По мнению либеральных аналитиков, основная часть (80%) социальных выплат не достигала тех категорий населения, которым она была предназначена, т.е. беднейших и социально незащищенных слоев. Подобный рост государственных социальных расходов наблюдался в большинстве стран Восточной и Центральной Европы, и он являлся своеобразной закономерностью постсоциалистического периода (табл. 1).

Таблица 1 **Социальные расходы в России и странах Восточной Европы**

Страна	1983 г.	1993 г.
Россия	12,7*	17,9**
Болгария	10,4	12,9
Венгрия	15,8	22,5
Польша	10,0	21,0
Словакия	13,2	17,0
Словения	25,9***	30,5
Чехия	13,2	14,6

*1992 г.
** 1994 г.
***1995 г.

Источник: Sachs J. Postcommunist Parties and the Politics of Entitlements // Transition. 1995. Vol. 6. № 3. Расчеты М. Дмитриева [*Дмитриев*, с. 52].

Согласно оценкам Международной организации труда, в России эффективность программ социальной помощи, рассчитанная

как удельный вес средств, поступающих семьям, живущим за чертой бедности, в суммарных социальных трансфертах составляла в 1995 г. всего 19%. В большинстве развитых стран и в некоторых странах Восточной Европы аналогичный показатель колебался в пределах 30—50%. Причем неэффективность расходования средств наблюдалась практически в каждой отрасли социальной сферы и находила отражение прежде всего в высоком удельном весе субсидий производителям (доля субсидий жилищно-коммунальному хозяйству и общественному транспорту в общих социальных выплатах составила порядка 25%) [*Дмитриев*].

Можно оценить социальную политику начального периода постсоветской России как комбинацию постепенно слабевшей демократической тенденции и нараставшей неолиберальной тенденции. Кстати говоря, это проявилось и в смене лиц, возглавлявших министерства и ведомства социального блока на протяжении первых послеавгустовских лет.

Ельцинизм и его социальная политика

После разгрома парламента (октябрь 1993 г.), выборов в Государственную Думу (декабрь 1993 г.) и принятия новой Конституции, предоставившей президенту едва ли не абсолютистскую власть, полный контроль над обществом и государством сосредоточился в руках Б.Н. Ельцина и его ближайшего окружения — Т. Дьяченко, В. Юмашева, Б. Березовского, В. Черномырдина, А. Чубайса и др. Влияние оппозиции на реальные акции в сфере внешней и внутренней политики было символическим и относительно легко погашалось за счет манипулирования парламентом и mass media. Поэтому именно к 1995—1996 гг. характер социальной политики устоялся и с того времени не менялся. Наше исследование 1995—1998 гг. смогло поэтому запечатлеть направленность, сущностные черты и результаты социальной политики ельцинизма.

Авторитарный режим Б. Ельцина строился на неустойчивом взаимодействии номенклатурно-чиновничьих и квазибуржуазных олигархических сил. Последние были убеждены в своем всевластии, о чем многократно высказывался Б.А. Березовский, присвоивший в те годы функции оракула олигархов. Подлинно же все-

властным оставался президент, под чьей защитой и паразитировали «приватизаторы» национальных ресурсов.

Ключевыми звеньями социальной политики этого времени были:

снятие контроля государства за сохранностью государственной собственности и концентрацией в руках коррумпированных чиновников и созданных самою властью крупнейших собственников государственных доходов от налогов, рентных платежей и особенно от приватизированной (точнее, раздаваемой «ближним») государственной собственности;

притворный характер самой приватизации (особенно на этапе залоговых аукционов);

снятие контроля за вывозом капитала;

снятие контроля за сверхэксплуатацией рабочей силы;

передача СМИ в руки созданных самою властью олигархов;

организация инструментов повседневной связи «власть—политикообразующий бизнес».

Результатом явилось расширение и укрепление бюрократического рынка — наследия последнего этапа существования советской системы [*Кордонский*]. На этом рынке и коррумпированные чиновники, и бизнес-элита извлекали частнособственническую прибыль из слабеющего государства. Другими словами, получил дальнейшее развитие механизм этакратической социально-экономической системы с нераздельностью отношений «власть — собственность» [*Шкаратан, Карачаровский; Нуреев*].

На этом фоне все с большей полнотой стала формулироваться и реализовываться неолиберальная социальная политика в той ее части, которая была адресована основной массе населения и выполняла функции социальной защиты слабых социальных групп.

По мнению правящих кругов, чья позиция отчетливо сформировалась к середине 1990-х гг., социальная политика в России должна была в полной мере учитывать экономические реалии страны (т.е., по-видимому, принимать во внимание незыблемость интересов политической и бизнес-элит).

Представители правительства выделяли приоритетные направления социальных реформ, при реализации которых необходимо:

заменить субсидии социальной направленности, адресованные производителям, адресными компенсационными выплатами нуждающимся семьям;

принять в области здравоохранения меры, направленные на усиление конкуренции медицинских учреждений в рамках систе-

мы обязательного медицинского страхования; то же — в сфере образования;

отказаться при проведении политики занятости от предоставления субсидий предприятиям на сохранение и создание рабочих мест, за исключением рабочих мест для инвалидов, бывших заключенных и других социально уязвимых категорий работников;

прекратить в сфере социального страхования субсидирование санаторно-курортных и иных мероприятий;

начать уже в ближайшие годы переход к накопительной пенсионной системе.

Налицо было явное и нескрываемое стремление федеральных властей ускорить осуществление либеральной модели социальной политики: максимально освободиться от обязанностей социального гаранта, минимизировать социальные выплаты, сделать их как можно более адресными. Кроме того, федеральное правительство во главе с В. Черномырдиным стремилось решить проблему социальной защиты при помощи создания системы частных социальных фондов, а также перекладывая заботу о социальной защите населения на регионы и индивидуальные возможности человека.

Совсем с иных позиций подходили к проблемам социальной политики оппоненты правящих кругов, представлявшие в интенции социал-демократическую оппозицию: «...забастовки. Голодовки и самоубийства, марши за зарплатой и пикеты, взрывы и выстрелы, катастрофы стали обыденным явлением.

Социально-экономический кризис сопровождался разложением общественной морали... Симптоматично, что из официальной публицистики исчезли такие понятия, как гуманизм, достоинство человека...»[*Биккенин*].

По мнению аналитиков, оппонирующих официальной пропаганде, ход и результаты социальной политики времен Ельцина могут быть оценены как неспособность власти выполнять свои функции, как невиданная по неприкрытости защита интересов правящих групп высшего чиновничества и олигархического капитала. В новой и новейшей истории, пожалуй, не было случая, чтобы в мирное время при отсутствии каких-либо крупных природных катаклизмов развитая индустриальная страна потерпела бы такой экономический урон и такой спад в уровне и качестве жизни основной массы населения. Становление обещанных развитой рыночной экономики и демократии совсем необязательно

должно было сопровождаться такими потрясениями, тем более что и провозглашенные цели не были достигнуты.

Принятый командой Ельцина курс внутренней политики означал подмену понятия «реформа» как условия успешного развития страны и роста благосостояния граждан простым переделом собственности при двукратном падении производства, нарастании нищеты и грандиозном вывозе капитала (вместо притока иностранных инвестиций).

Социальная политика ельцинизма означала игнорирование интересов социальных низов и в то же время отсутствие поддержки социальных групп протосреднего класса (профессионалов, с одной стороны, малого и среднего предпринимательства — с другой). Режим, оставшийся без массовой социальной поддержки, превратил власть в безопорную конструкцию, которая могла рухнуть от малейшего толчка. Осенний кризис 1998 г. продемонстрировал это с полной очевидностью.

Выборы в парламент (1999 г.) и президента, которым стал В.В. Путин (2000 г.), были не просто блестящим маневром государственников, спасшим страну от трудно предсказуемых коллизий, но и воссозданием социальной опоры под властной вертикалью. Этой опорой стали городские и сельские низы, увидевшие в Путине и его политике какую-то защиту интересов наиболее обездоленных групп населения России. Во многом это было возвращением к традиционному советскому опыту патерналистического взаимодействия носителя власти с беззащитными подданными. И эта политика, по крайней мере на первом этапе реализации, доказала свою жизнеспособность по сравнению с откровенно безразличной по отношению к народным массам циничной политикой Ельцина и его окружения.

Рынок труда — затянувшийся процесс формирования

На том, первом, этапе трансформационного процесса крайне болезненно проходили изменения в сфере занятости. Ценностно-нормативные стереотипы в сфере труда десятилетиями были ориентированы на стабильность, неизменность, гарантированность. Текучесть кадров и трудовая мобильность рассматривались как

негативные явления, нарушавшие стройный ход планового производства. Вся система моральных и материальных поощрений, а также распределения социальных благ в СССР традиционно была ориентирована на закрепление профессионального и квалификационного статусов работников в сфере производства, на их стабильность на рабочих местах, в профессиях, по месту жительства.

Следует принять во внимание, что в СССР воспроизводство рабочей силы было направлено на формирование индустриального типа работника и на индустриальную систему занятости; идеалами же этой системы являлись специализированный рабочий и стабильная рабочая сила. В системе квалификации акцент делался на производственный опыт и гораздо меньше — на интеллект и знания. Ныне доминантой общественного развития в мире является информационно-технологическая революция, и России необходимы новый тип воспроизводства человеческих ресурсов и новая система занятости, которые могли бы обеспечить сдвиг в уровне и качестве экономического роста.

Современный рынок рабочей силы добавляет свои требования к работнику. Речь идет не только о повышении квалификации и бóльшей ответственности, но прежде всего о возрастании потенциала мобильности, готовности адаптироваться к быстро меняющимся запросам работодателей к качеству человеческих ресурсов. Именно потенциал мобильности превращается в важнейшую предпосылку успеха на рынке труда. Поэтому населению России необходимы радикальные изменения в традиционном поведении и ценностных ориентациях (преодоление привычки к патернализму, уравнительным формам распределения, функциональной неграмотности, приобретение навыков жизни в условиях негарантированной занятости, готовность к смене форм активности, профессии, места жительства и т.д.).

В ходе исследования нам пришлось проверить две оппонирующие версии по этому поводу. Первая без серьезных доказательств утверждала, что россияне совершенно не могут приспособиться к рыночной ситуации, идет деквалификация рабочей силы, расхищается трудовой потенциал. Вторая версия, кстати говоря, также необоснованная, утверждала обратное, что в России наконец-то создалась развитая инфраструктура, в которую затребованы образованные люди, что инициативные и одаренные работники получили теперь возможности для самореализации, а доля «тонущих» не столь уж велика и постепенно уменьшается. Установление ис-

тины имело принципиальное значение для выбора управленческих стратегий по отношению к сфере занятости.

Совершенно очевидно, что формирование и развитие цивилизованного рынка труда требует адекватной политики в сфере занятости, но менее очевидно, что переход от квазирыночных трудовых отношений раннего постсоветского периода к реально рыночным связан с острейшей борьбой групп интересов по поводу типа складывающегося рынка труда, степени его конкурентности, меры зависимости от бюрократии.

Из наиболее значимых характеристик российского рынка труда, проявившихся уже к середине 1990-х гг., можно назвать следующие.

1. Изменения структуры занятости происходили стихийно, при отсутствии продуманной промышленной политики. Сформировавшаяся к тому времени структура занятости заложила долговременные основы для экономической системы, ориентированной на сырьевые отрасли, существенную долю посреднических услуг различного характера и мощный аппарат чиновников. Увеличение численности рабочей силы происходило в добывающих отраслях, в сфере обращения, особенно денежного, а также в органах государственной власти всех уровней. Эти процессы проходили на фоне систематического высвобождения работников из обрабатывающей промышленности, науки, проектно-конструкторских работ, образования, культуры.

2. Неформальная занятость стала основой активно развивавшейся и наиболее жизнеспособной на тот момент неформальной экономики. Сложилась ситуация, при которой рынок труда (при отсутствии должного интереса властей и идеологов реформ к политике занятости) обеспечивал и, как показало время, на длительный период воспроизводил социальную базу для неформальной экономики, которая, по различным оценкам, формировала от 20 до 35% ВВП. Это означало существенное сужение сферы государственного влияния и контроля над процессами, протекавшими в сфере занятости [*Экономические и социальные перемены*].

3. Безработица стала одной из основных причин бедности населения России. Она приобрела застойный характер, в некоторых регионах стала хронической. В отличие от западных стран, где группами риска являются прежде всего женщины, инвалиды, молодежь, в России безработица особенно затронула лиц с высшим

образованием, наиболее подготовленные и квалифицированные кадры. Ситуация на рынке труда создала в России обширный социальный слой «новых бедных», людей, которые хотят и могут работать, имеют высокий профессиональный и образовательный уровень, но либо практически не работают, либо получают нищенскую зарплату за свою работу.

Можно считать (и автор не одинок в своей оценке), что цивилизованный классический рынок труда в России не сформировался. К признакам неразвитости рынка труда можно отнести доминирование государства как работодателя, отсутствие профсоюзов — как стороны — на рынке труда, низкую производительность труда, низкую и негарантированную оплату труда, неоправданную дифференциацию в оплате труда вне связи с его количеством и качеством, скандально плохие санитарно-гигиенические условия труда, продолжающуюся выплату зарплаты не в денежной форме.

Федеральный и региональный уровни социальной политики

Благодаря существовавшей в те годы относительной самостоятельности региональных элит на местах проводилась социальная политика, существенно различная в разных регионах и строившаяся на принципах, не во всем совпадавших с программами федеральных властей. Помимо прочего это давало возможность проверить, эффективны или, напротив, неэффективны эти «маленькие разницы» в политике региональных элит [*Бородкин*, с. 67—116; *Дискин*, с. 3—40; *Дмитриев*, с. 49—61; *Смирнов* 1997, с. 41—66; *Социальная политика*; *Шохин*].

Модернизация российского общества, переход к рыночной экономике актуализировали и придали новый смысл проблемам социального развития и занятости в различных регионах Российской Федерации. В условиях углубляющегося неравенства между регионами обострилась проблема научного осмысления этих проблем, без которого невозможно выработать адекватную региональную социальную политику, в том числе и политику занятости.

Таким образом, мы имели возможность сопоставить социальную политику федеральных и региональных властей. Москва и Петербург представляют собой «продвинутые» центры по-разному проводившихся рыночных реформ с максимальной адаптацией населения к новой ситуации; Воронеж можно определить как центр заторможенного развития с консервативным руководством и населением. Руководство этих городов в 1990-е гг. продемонстрировало возможности проведения социальной политики, адекватной типу населения и выражавшей подход региональных элит к защите своих интересов и обеспечению социальной стабильности.

Литература

Биккенин Н. Открывая номер // Свободная мысль. 1997. № 12.

Бородкин Ф.М. Третий сектор в государстве благоденствия // Мир России. 1997. № 2.

Дискин И.Е. Россия перед выбором: ресурсы социального развития // Мир России. 1997. № 2.

Дмитриев М. Политика социальных расходов в современной России // Вопросы экономики. 1996. № 10.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1.

Китахара А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // Философские науки. 1996. № 1.

Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.

Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. М.: Дело, 1999.

Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1.

Материалы «круглого стола» «Экономика — язык — культура» // Общественные науки и современность. 2000. № 6; 2001. № 1—5.

Найшуль В.А. Проблема создания рынка в СССР // Постижение. М.: Прогресс, 1989.

Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш, 1989.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Сакаия Т. Что такое Япония? М.: Партнер Ко Лтд, 1992.

Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия: Пер. с англ. М.: Экономика, 1994.

Сакс Дж. Кому грозит коррумпированная Россия? // Московские новости. 1995. 24—31 декабря.

Смирнов С. Социальная политика России становится активной, лучше бы она этого не делала // Сегодня. 1996. 2 октября.

Смирнов С.Н. Демократия в России невозможна без социальной политики // Мир России. 1997. № 2.

Социальная политика в период перехода к рынку: проблемы и решения / Под ред. А. Ослунда, М. Дмитриева. М.: Московский центр Карнеги, 1996.

Фотина Т. Эффективная рыночная экономика не может не быть социально ориентированной // Человек и труд. 1997. № 11.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа Японии и России // СОЦИС. 1999. № 4.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. № 1.

Шмелев Н. Пять лет реформ — пять лет кризиса // Свободная мысль. 1996. № 7.

Шохин А.Н. Пенсионная система России: современное состояние, проблемы реформирования. М.: ГУ ВШЭ, 1997.

Экономическая политика Правительства России. Документы. Комментарий. М.: Республика, 1992.

Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.1996. № 2.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III: End of Millennium. Oxford, 1998.

Welfare States in Transition: National Adoptations in Global Economies /Ed. by G.L. Esping-Andersen: SAGE Publications, 1996.

Geoge V., Manning N. Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. L.: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1980.

Labour and Employment in the USSR / Ed. by D. Lane N.Y.: New York University Press,1986.

Shkaratan O. Human Resources, the Military-Industrial Complex and the Possibilities for Technological Innovations in Russia // International Journal of Technology Management. 1994. Vol. 79. № 3/4.

Standing G. Social Protection in Central and Eastern Europe: a Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets // Welfare States in Transition: National Adoptations in Global Economies / Ed. by G. Esping-Andersen L.: SAGE Publications, 1996.

Раздел I

Социальная политика: проблемная ситуация, концепция и методика изучения

Глава 1

Декларируемая и реальная социальная политика

Наше спасение — только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх.

А.И. Солженицын. Россия в обвале

Цели и сущность социальной политики

К концу XX в. сложился новый мир, ключевые особенности которого прекрасно описаны М. Кастельсом в его трехтомной монографии «The Information Age: Economy, Society and Culture». Заключая всю книгу, он пишет: «Новый мир обретает очертания в конце нашего тысячелетия. Он зародился где-то в конце 1960-х — середине 1970-х, в историческом совпадении трех независимых процессов: революции информационных технологий; кризиса как капитализма, так и этатизма с их последующей реструктуризацией; расцвета культурных социальных движений, таких, как либертарианизм, борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды. Взаимодействие между этими процессами и спровоцированные ими реакции создали новую доминирующую социальную структуру, сетевое общество; новую экономику, информациональную/глобальную; и новую культуру, культуру реальной виртуальности. Заложенная в этой экономике, этом общест-

ве и этой культуре логика также лежит в основе общественных деяний и социальных институтов взаимозависимого мира» [*Castells*, p. 336].

М. Кастельс (да и не только он) предполагает, что в эту новую жизнь, в этот новый мир не впишется население территорий, не представляющих ценности и интереса с точки зрения динамики глобального капитализма [*Castells*, p. 337]. Но есть ли шанс вписаться в него у России, у русских? По мнению того же автора, хотя новая Россия скорее всего будет оставлена за бортом Европейского союза из-за исторических страхов Запада, тем не менее, опираясь на свой человеческий потенциал, она возродит свое могущество как сильная нация, не желающая более терпеть унижения [*Castells*, p. 26—36, 356].

Общественный запрос на реализацию именно такой модели дальнейшего развития страны у россиян очень силен. Об этом свидетельствуют все опросы общественного мнения 1999 — 2002 гг., демонстрирующие стремление граждан страны к возрождению «великой России» и созданию в ней государства с социально ориентированной рыночной экономикой.

В контексте нашей темы попытаемся проанализировать влияние на развитие России проводимой правящими группами социальной политики. Если предположить, что социальная политика ориентирована на формирование информационного общества, то она с неизбежностью должна содействовать реализации следующих задач: быстрому росту человеческого потенциала как условию для полноценной, продуктивной жизни членов общества; формированию нового среднего класса как определяющей социальной силы общества и основного носителя человеческого потенциала нации; развитию гражданского общества и правового государства как непременного условия расширенного воспроизводства человеческого потенциала.

Официальные документы российской государственности (начиная с опубликованной еще в 1991 г. «Программы экономических реформ Правительства России», Конституции Российской Федерации, провозгласившей нашу страну «социальным государством», вплоть до «Плана действий Правительства Российской Федерации в области социальной политики и модернизации экономики на 2000—2001 годы» и более поздних законов, указов, программ) подтверждают, что стратегические цели декларируемой социальной политики обеспечивают реализацию перечис-

ленных выше задач. Но, как известно, исследователь вынужден проверять, сопоставлять декларации с реальными делами, памятуя при этом, что «дьявол кроется (чаще всего) в деталях».

В данном контексте ключевая проблема — состояние человеческого потенциала России, прежде всего состояние здоровья населения, уровень и качество его образования и профессиональной подготовки. Принятый ООН показатель ИЧР (индекс человеческого развития) интегрирует такие параметры, как долголетие, образованность и уровень жизни (ВВП на душу населения с поправкой на дифференциацию доходов). Очевидно, что по динамике ИЧР и следует оценивать качество социальной политики, поскольку он дает возможность сопоставить результаты и последствия воздействия этой политики с достижениями других обществ.

Еще десятилетие назад Россия входила по ИЧР в группу высокоразвитых стран, правда, находясь ближе к концу соответствующего списка. За годы реформ она из этого списка выбыла. За 1990—1995 гг. Россия сместилась с 52 на 72 место, «закрепившись» на нем вплоть до 2000 г. Самое при этом опасное — постепенная утрата групп населения — носителей инновационного потенциала [*Доклад*, 1995; 1999]. В эти же годы во всех развитых и большинстве развивающихся стран имеет место тенденция не только относительного, но и абсолютного роста социальных затрат. Так, в США расходы на развитие человеческих ресурсов выросли с 49,4% в 1990 г. до 62% в 2000 г. [*Свободная мысль*, с. 11; *Политическая система*, с. 197].

Какова же была та реальная социальная политика, которая внесла свой «вклад» в негативную динамику ИЧР?

Начнем с определения границ и содержания самого понятия «социальная политика». Ограниченный взгляд на социальную политику как систему мер помощи социально слабым группам сложился еще в Советском Союзе. Доминирует такой подход и в современной России. Однако не случайно, что еще в 1980-е гг. такое восприятие социальной политики вызвало справедливые возражения со стороны весьма компетентных авторов. С.С. Шаталин и его коллеги подчеркивали, что социальная политика охватывает весь комплекс потребностей и интересов человека. Ее объект — «...положение классов и социальных групп, наций и народностей, социально-классовые и национальные отношения, положение личности в обществе и ее связи с ним, все аспекты народного благосостояния, присущий обществу и составляющим его классам и социаль-

ным группам образ жизни» [*Микульский* и др., с. 7—8]. Продолжением такой линии в определении границ и структуры социальной политики явилась работа, выполненная Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством Н.М. Римашевской и И.Е. Дискина в 1996 г. «Россия: социальная доктрина переходного периода и концепция программы действий» (М.: ИСЭПН РАН, 1996). Но эти работы составляют приятное исключение на фоне доминирующих публикаций, сводящих социальную политику к социальной поддержке критических групп.

Со времен Древнего Египта и Вавилона не существовало государств, которые не проводили бы социальной политики. Важнейшие функции любого государства — сочетание распределения ресурсов в интересах господствующих групп при сохранении и воспроизводстве средних и низших слоев. Это предполагает определенную систему приоритетов в каждой конкретной социально-исторической ситуации. Вопрос во всех случаях состоит в том, какова система координат политики в конкретных обстоятельствах, в какой пропорции учтены интересы различных социальных групп. При этом приходится учитывать то обстоятельство, что реальная социальная политика в значительной своей части латентна.

Если социальная политика как практика концентрирует опыт человечества, накопленный за тысячелетия, то социальная политика как доктрина имеет весьма короткую историю и может быть оценена как область неустойчивого формирующегося знания. Подходы к социальной политике различны, и интерпретация их зависит от применяемой типологии. Возможно рассмотрение социальных политик по их дифференциации, с точки зрения защиты интересов тех или иных социальных групп (точнее, ранжирования этих интересов). Другая типология связана с различием политических позиций; здесь можно выделить консервативную, либеральную, социал-демократическую и др. позиции. Наконец, можно представить типологию, основанную на научно-теоретических направлениях (например, на различениях дискурсов справедливости) [*Welfare*; *Manning*, *Shaw*; *Social Policy*].

Социальная политика, на наш взгляд, неразрывно связана с самим типом социума, с его социокультурной системой и должна рассматриваться как одна из интегральных его характеристик, а не просто как комплекс мер социальной защиты слабых. Эта политика является своеобразным «фокусом», в котором сходятся и интересы нередко противоборствующих в состязании за огра-

ниченные ресурсы социальных групп, и существующие в обществе представления о справедливости, и общесоциетальные потребности, связанные с самосохранением общества и поддержанием его конкурентоспособности в мире глобальной экономики и складывания системы информационных обществ. Социальная политика в любом обществе — это деятельность по установлению и поддержанию неравного положения социальных групп. Качество социальной политики определяется достижением относительного баланса интересов групп, мерой согласия основных социальных сил с характером распределения ресурсов общества и, наконец, с возможностями реализации человеческого потенциала перспективными социальными сегментами общества, в том числе и лишь нарождающимися группами.

Успешная социальная политика — это политика, приносящая социальный и экономический эффекты. Под экономическим эффектом понимается в данном случае стимулирование продуктивного поведения значимых в экономике групп населения; под социальным — расширенное воспроизводство социального потенциала населения (наращивание человеческого и культурного капиталов) и гармонизация отношений между социальными группами.

Несложно заметить, что ход событий за последнее десятилетие в России (впрочем, не только в России) разительно отличается от происходящего в таких постсоциалистических странах, как Чехия, Венгрия, Польша, Эстония и т.д. Все попытки лиц, причастных к руководству реформами в России, объяснить эти различия обычно сводились к поиску виновных лиц, партий, обстоятельств. Доходило и до обвинений народа, который не дозрел до понимания благодетельности проводимых реформ. Однако почему же у нас — «не как в Эстонии»?

Тип постсоветского общества в России

В течение ряда лет я, как и большинство моих коллег — социологов и экономистов, рассматривал складывающуюся после падения советской системы экономику как капиталистическую, а общество — как либерально-демократическое. Лишь одиночки рассуждали и писали не о том, к дикому или к какому-то друго-

му капитализму ведет Россию судьба, а о том, что страна идет своим особым и совсем не буржуазным путем. Все эти обсуждения лишь начинаются, но понимание процессов, протекающих в современной России, возможно только при осмыслении ее специфической эволюции на протяжении XX века, да и исторических напластований прежних эпох. (Развернутое изложение взглядов автора на тип общества в Советском Союзе и современной России см.: [*Шкаратан*, 2000].)

В наших рассуждениях отправным моментом является оценка общественного устройства, сложившегося в СССР к началу 1930-х гг. и сохранявшегося до 1990-х гг., как этакратического (власть государства). Это была новая социально-экономическая и политическая система, не являвшаяся ни капиталистической, ни социалистической. Этакратизм — это самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития индустриального общества со своими собственными законами функционирования и развития. Этакратизм можно рассматривать и как самостоятельную социально-экономическую систему в цивилизационной дихотомии «Запад — Восток», и как одну из форм модернизации (индустриализации) стран неевропейского культурного ареала.

Общественное устройство современной России есть прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы, первооснову которой составляли отношения типа «власть — собственность», социальная дифференциация носила неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии. В отличие от большинства восточно-европейских стран в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики. Слитные отношения «власть — собственность» получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. В ходе реформ административно-командная номенклатура, обладавшая осознанными интересами и самоидентификацией, сохранила контрольные позиции во власти, закрепила в процессе приватизации за собой государственную собственность и трансформировалась в крупную квазибуржуазию. Были сорваны все попытки проведения неноменклатурной, не контролируемой политически властвующими группами приватизации. К выгоде политикообразующего бизнеса были законсервированы отношения неполной приватизации, непрозрачности собственности. Средний и малый бизнес был вытеснен на периферию экономики, где стагнировал на протяжении всех 1990-х гг.

Таким образом, в постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм, который приобрел форму государственно-монополистического корпоративистского квазикапитализма, а не демократического, социально ориентированного капитализма, как, скажем, в Чехии, Польше и Словении. В этой социально-экономической системе сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации. Подобным же образом продолжила себя советская социально-политическая система. Социальная политика постсоветской России может быть понята только в контексте специфики как истории, так и современного состояния всей системы общественных отношений.

По мнению многих аналитиков, на стыке 1980—1990-х гг. у России был некоторый шанс пойти буржуазно-демократическим путем с опорой на средние слои населения, особенно крупных городов. Однако правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше и Чехии — странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития. Как откровенно и точно высказался Б.Н. Ельцин: «В сентябре-октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции»[1].

Та экономика, то общество, та социальная политика, которые сложились у нас в стране, вызвали однозначную оценку среди ученых за рубежом. Конечно, не совпадают термины, суждения о частностях. Возьмем, к примеру, получившую обширные отклики на Западе книгу шведского ученого С. Хедлунда под весьма определенным названием «Русская "рыночная" экономика: скверный случай грабительского капитализма». Автор подчеркивает, что в ситуации, когда наступил коллапс советской системы, ельцинский режим занялся не созиданием, а разрушением и искоренением всех остатков прошлого. «В условиях разрушения государственности клептократы столь успешно разграбили остатки советской экономики, сосредоточили столь значительные богатства, что даже после коллапса августа 1998 г. они оставались победителями, правда, находящимися перед дилеммой оказаться заключенными» [*Hedlund*, p. 338].

По мнению профессора Кембриджского университета Д. Лэйна, в России 1990-х гг. проводилась неолиберальная политика

[1] Российская газета. 1992. 20 августа.

«в масштабе, беспрецедентном даже для англо-американского капитализма». Результат: «...можно определить Россию как "хаотическое" социальное образование... Его отличительными чертами являются неопределенность в отношении будущего, разобщенность элиты, отсутствие системы господствующего и промежуточного классов... Предприниматели, стремящиеся только к извлечению прибыли... Экономика в состоянии упадка, характеризующаяся инфляцией, безработицей и бедностью... стабильность системы ненадежна.

...Капитализм как экономическая система, которая систематическим образом поддерживает накопление капиталов, не был установлен... Сети личных связей, имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу, определяют результаты деятельности в большей степени, чем рыночная активность» [*Лэйн*, с. 15, 16].

К этому можно добавить суждение М. Кастельса, который оценил прошедшее российское десятилетие как «бесконечный переход от сюрреалистичного социализма к нереальному капитализму» [*Кастельс, Киселева*, 2000, с. 46; *Коэн*].

Все серьезные аналитики и исследователи отмечают в качестве главной черты сложившейся социально-экономической системы сращивание власти и собственности, а господствующими социальными группами считают государственную бюрократию в союзе с политикообразующим капиталом.

Социальная поляризация

Складывающееся (пожалуй, уже сложившееся) общество характеризуется невиданным для индустриальных стран разрывом между бедностью и богатством. М. Голдман, профессор Гарвардского университета, отметив, что сложившаяся в России «система вобрала в себя все худшее из капитализма и коммунизма», особое беспокойство высказал относительно «крайне неравномерного распределения доходов между богатыми "новыми русскими" и остальной частью населения»[2].

[2] Новая газета. 1998. 15–21 июня.

Резко усилилось имущественное расслоение населения, появились значительные слои так называемых новых бедных, в их составе немало лиц со средним и высшим образованием. Реальная среднемесячная заработная плата работника (в ценах 1991 г.) за период 1991—1998 гг. снизилась с 548 до 193 руб., т.е. почти в 3 раза. При этом отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму соответственно упало с 3,16 до 1,7, т.е. без малого в 2 раза. После финансового кризиса 1998 г. вновь снизилась заработная плата. По уровню реального потребления население дополнительно потеряло примерно треть[3]. В первом квартале 1999 г. реальная начисленная заработная плата упала до самого низкого уровня за 1990-е гг.: она составила около 50% уровня 1990 г. и оказалась на 30% ниже уровня 1997 г. [*Обзор*, 1999, с. 123]. В 2000 г. заработная плата выросла на 22,5% [*Экономический журнал*, с. 149] и достигла примерно двух третей жалкого уровня 1990 г., вызывавшего в свое время справедливое возмущение будущих реформаторов. Суммарный объем заработной платы составляет около 30% ВВП, тогда как в большинстве других стран он достигает 60% ВВП [*Львов, Овсиенко*, с. 111].

Американский экономист М. Гилман привел следующие данные по размеру средней заработной платы по России в долларах: июнь 1998 г. — 182 долл.; февраль 1999 г. — 53 долл.; апрель 2001 г. — примерно 100 долл. По его мнению, на практике некоторые российские экономисты, по-видимому, убеждены, что дальнейшее значительное повышение заработной платы в долларовом выражении подорвет конкурентоспособность России и поставит под угрозу перспективу экономического роста. Он при этом отмечает, что укрепление курса рубля на самом деле ведет к росту заработной платы в долларовом исчислении. Так, за первую половину 2001 г. именно укрепление курса рубля на 25% привело к росту заработной платы в долларовом отношении на 60%. Почтенный профессор удивляется, «почему россиян устраивает зарплата всего 100 долларов в месяц? Как могут образованные и культурные граждане России мириться со среднемесячной зарплатой, примерно равной зарплате в Южной Азии, Африке и беднейших областях Южной Америки?»[4].

---

[3] Известия. 2000. 22 мая.

[4] Там же. 2001. 9 июля.

Вице-спикер Государственной Думы Г. Боос, как бы продолжая рассуждения Гилмана, подчеркивает, что уровень заработной платы имеет не только социальную, но и экономическую составляющую. Рост заработной платы приводит к активизации спроса, включению в рыночные отношения большинства жителей страны, которые вынуждены в настоящее время жить в системе натуральных отношений. По его мнению, «задача должна быть поставлена перед правительством простая: довести минимальную зарплату в течение 3—4 лет до уровня не ниже 6—7 тысяч рублей. За 5 лет не ниже 10 тысяч рублей в сегодняшних ценах. Да, это серьезная задача, но в результате ее решения деньги пойдут на потребительский рынок». Это, в свою очередь, приведет к росту доходов населения[5]. Будучи опытным предпринимателем и администратором с большим опытом работы в правительстве Москвы, Г. Боос, конечно же, не склонен рисовать утопические проекты будущего, а предлагает не раз проверенный в мировой практике план выведения экономики из критического состояния.

Рассмотрим, на основе данных Госкомстата, динамику реального личного потребления товаров и услуг за 1994—2000 гг. Она отчетливо демонстрирует, что, несмотря на высокие показатели потребления «новых богатых», рост их численности и запросов, во второй половине 1990-х гг. в целом у населения страны качество потребительских расходов оставалось на крайне низком уровне. Если принять средний показатель 1995 г. равным 100, то в 1994 г. личное потребление составило 107, в 1996 г. — 99; в 1997 г. — 101; в 1998 г. — 95; в 1999 г. — 83; в 2000 г. — 91 [*Обзор*, 2001, с. 123, 124].

Основным показателем в этой связи является уровень реальных средних душевых доходов. К марту 1992 г. по отношению к декабрю 1991 г. они составили 28%. С февраля 1992 г. по ноябрь 1994 г. реальные душевые доходы выросли на 58% и достигли 44% к уровню декабря 1991 г. После колебаний в уровне доходов за экономически благополучные последующие три года к ноябрю 1997 г. этот показатель спустился еще ниже: уровень доходов упал по сравнению с ноябрем 1994 г. на 10,8% и составил всего лишь 40% от уровня 1991 г. В ноябре 1998 г. уровень реальных доходов составил 81,5% к ноябрю 1997 г., а в июле 1999 г. — 72,7% к предыдущему году. В 2000 г. доходы выросли на 9,1%, что не верну-

[5] Известия. 2001. 10 сентября.

ло их даже к уровню 1997 г. и не довело даже до половины доходов 1991 г. (47,8%) [*Обзор*, 2000; *Экономический журнал*, с. 149—151; *Суринов*; *Делягин*; *Кастельс*, *Киселева*, 2001]. Можно заметить, что рассматриваемая динамика доходов складывалась благоприятно для населения в период борьбы парламента с исполнительной властью (1992—1994 гг.) и приобрела иной характер после стабилизации авторитарного президентского режима.

Итог таков: даже согласно официальным данным, за чертой бедности (т.е. с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума) находились в 1992 г. — 49,7 млн. чел., т.е. 33,5% к общей численности россиян; в 1995 г. — 24,7%; в 1996 г. — 22,1%; в 1997 г. — 20,8%; в 1998 г. — 23,8%; в 1999 г. — 29,9%; в 2000 г. — 34,7%. По тем же официальным данным, наиболее крупную группу в составе бедных образуют работающие по найму (42%), затем идут неработающие пенсионеры (14%), временно не работающие (9%), предприниматели (8%) [*Социальное положение*, 1999, с. 22; *Социальное положение*, 2000, с. 23].

Степень сопоставимости и надежности представленных официальных данных весьма сомнительна. Согласно методике Госкомстата черта бедности устанавливается на основе величины прожиточного минимума, который измеряется на основе стоимости так называемой минимальной потребительской корзины. За исследуемый период (1991—2000 гг.) она менялась дважды: первый раз в ноябре 1992 г., когда ее стоимость была уменьшена в 2 раза по сравнению с жалкой корзиной советского периода; второй — в апреле 2000 г., когда в новом прожиточном минимуме увеличились расходы на непродовольственные товары и услуги. В результате величина прожиточного минимума по сравнению со стоимостью потребительской корзины 1992 г. возросла на 15—20% в ценах 2000 г. [*Овчарова*, *Попова*, с. 16—20]. Тем не менее и в этом исчислении величина официально установленного прожиточного минимума (1,6 долл. в день) явно занижена.

По мнению аналитиков Всемирного банка, «данные Госкомстата РФ о численности бедных вызывают определенные сомнения. Например, исходя из цифр Госкомстата, полученных на основе анализа бюджета домохозяйств за 1999 г., можно заключить, что 50,2% населения находилось за чертой бедности, в то время как средние показатели годового дохода, скорректированные с учетом сезонности, неполноты данных и т.д., за тот же самый год дают цифру 29,9%. Хотя Госкомстат считает более достоверным

второй показатель, разница представляется существенной» [*Россия после кризиса*, с. 87, 88].

В любом случае критерии Госкомстата характеризуют границу не бедности, а нищеты. Порог бедности, по методике Всемирного банка, для стран Восточной Европы и бывшего СССР — 4 долл. в день. Если принять этот международный критерий, за порогом бедности у нас находилось в 1999 г. 64% населения. К июлю 2001 г. доля людей за порогом бедности осталась примерно такой же. Минимальный потребительский бюджет, обеспечивающий более или менее нормальную жизнь, должен был составлять на то время 4 тыс. руб. в месяц, т.е. те самые 4 долл. в день. Между тем в первом квартале 2001 г. среднемесячный доход на душу населения в размере 3 тыс. руб. был у 10,3% россиян, а свыше 4 тыс. — у 11,8% [*Ржаницына*, с. 9].

Выше приведены данные по абсолютной бедности, определение которой основано на сопоставлении доходов, требуемых для удовлетворения некоторого набора минимальных потребностей человека, с доходами, которыми он обладает. Для современной России это означает неспособность семьи удовлетворить основные потребности в пище, одежде, жилище на текущие денежные доходы. Начиная с 70-х гг. XX в. исследователи все чаще переходят к оценке бедности на основе концепции относительной бедности. Это означает отнесение к бедным тех, чьи средства не позволяют вести образ жизни, принятый в данном обществе. При таком исчислении доля бедных в России 1990-х гг. существенно возрастает. Однако надежных данных по относительной бедности найти не удалось. Кроме того, получил развитие метод измерения бедности через относительные лишения. Попытка применить этот метод в условиях России была предпринята группой российских авторов под патронажем московского Центра Карнеги [*Бедность: взгляд ученых*; *Бедность: альтернативные подходы*]. Автор главы отдал предпочтение данным по абсолютной бедности, которые опираются на устойчивые и проверенные поколениями методы измерения.

Здесь мы не касаемся данных об изменениях в продолжительности жизни и состоянии здоровья, появлении неграмотных среди молодежи, явлениях массовой бездомности и детской беспризорности и безнадзорности.

Но главное — не цифры, а характер основной и весьма тревожной тенденции — привыкание значительной части наших со-

отечественников к бедности, включение их в культуру бедности. Все серьезные отечественные и зарубежные ученые подтверждают эту опасную тенденцию. Такого тренда не отмечено ни в нашей истории последних десятилетий, ни у наших западных соседей, избавляющихся весьма непросто от «коммунистического» прошлого. Чувство безнадежности, апатии, суженное воспроизводство потребностей — типичные качества социального «дна». Проблема не в ухудшении условий жизни. Такие спады в благосостоянии не раз имели место в истории и нашей страны, и других стран. И дело даже не в наличии социального «дна», а в его статистической представительности и влиянии на основные трудовые слои. Широко распространившиеся явления социальной эксклюзии оказывают крайне негативное воздействие на сплоченность общества и социальный порядок. Сама возможность развития общества с растущим слоем социально исключенных весьма сомнительна. Увеличивающаяся масса экономически неактивных людей, зависящих от социальной помощи, делает общество социально разобщенным.

Эти явления и процессы не являются следствием лишь низкого уровня развития экономики. В стране произошло огромное сжатие милитаристских расходов, затрат на поддержание «дружественных» режимов за рубежом, субвенций бывшим союзным республикам и т.д., т.е. большей части затрат прежних времен. Почему же столь жалкими выглядят затратные статьи федерального и региональных бюджетов на социальные цели, почему настолько упал уровень жизни большинства населения? Ведь Россия — страна с уникальным объемом природных ресурсов, включенных в экономическую жизнь.

Чрезвычайно важно учесть, что постсоветская элита не способна и не стремится представлять общенациональные интересы. Это связано, с одной стороны, с ее преемственностью по отношению к советской номенклатуре, а с другой — с отсутствием в стране в отличие, например, от Польши или Венгрии традиций массовой оппозиционной деятельности и формирования групп контрэлиты в обществе. Неразвитость гражданского общества и правовой защищенности граждан привела к тому, что российской элите пока не присущи гражданственность и государственное мышление, она способна решать лишь свои краткосрочные проблемы. Ее незаинтересованность в разрешении ситуации с трагическим обнищанием большинства сограждан объясняется син-

дромом быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении. Такой ценностный «набор» во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы осуществления социальной политики.

Неолиберальная идеология, «овладев массами» неособственников, иногда производит «продукты», цинизм которых просто убийственен. Вот восприятие правительственной программы реформ в социальной сфере уже во времена президентства В.В. Путина, ставшее публичным благодаря весьма влиятельной в деловых кругах газете «Коммерсантъ»: «Полный и окончательный демонтаж социального наследия... Среднее образование вслед за высшим станет платным. Конечно, не все. Полусреднее останется бесплатным. Неимущих, вместо больниц, будут класть в богадельни. Если там будут места. Злостных неплательщиков коммунальных услуг будут выселять. Правда, не в чистое поле, а в специальные гетто наподобие Южного Бронкса... В общем, с нового, 2002 года страна станет другой»[6].

В подтверждение можно напомнить, что ежегодно поступают в 1-й класс школ 2 млн. детей, а оканчивают 11-й класс менее миллиона. И это соотношение заранее планируется. Профессор Московского педагогического университета В.В. Гуревич имел все основания писать: «Сомневаюсь, что в мире есть другое государство, столь же беспощадное к своим детям... Нигде в мире молодежи просто неведом страх «не попасть» в вуз, как неведомо ей и господствующее у нас представление о неизбежности блата при приеме в вузы или в спецклассы школы. А если никто не может быть уверен, что непременно получит желаемое образование, то это просто значит, что ни одному человеку не гарантировано и само право на образование — ни на среднее, ни на высшее»[7].

Все это выдается за подлинно либеральную политику. Однако неолиберализм не имеет никакого отношения к либерализму классическому. Это было доказано Т. Негри еще в 1980-е гг. Либералы считают, что формально-юридически все люди равны и от рождения обладают определенными правами, что всем должны быть предоставлены равные стартовые условия, а дальше пусть реализуют свои возможности, соревнуются. И государство в это вмешиваться не должно. Неолибералы, напротив, уверены, что

[6] Коммерсантъ. 2001. 16 июля.
[7] Известия. 2002. 23 марта.

люди не равны (даже формально-юридически) и равенство возможностей для всех угрожает привилегированному меньшинству. Можно процитировать, например, высказывания видных неолибералов с сожалениями о всеобщности избирательного права в России, тогда как предпочтительней было бы цензовое, для вполне достаточных граждан. Мы, кстати говоря, далее посмотрим, насколько выражены и защищены интересы большинства этих «достаточных».

Обсуждая вопрос о бедствующей части населения, российские неолибералы, как правило, сворачивают обсуждение в плоскость вероятности сохранения стабильности общества. Другими словами, выясняется вопрос, не исчерпаны ли ресурсы народного терпения. Этот вопрос задается с начала реформ, и обычно власти получают от центров изучения общественного мнения ответ, что пока еще можно быть уверенным в стабильности и спокойствии. Вот один из примеров — статья в «Известиях»[1], увидевшая свет, когда наше исследование было уже завершено. Характерен заголовок: «Бедные, но спокойные. Рост цен не угрожает политической стабильности». В статье можно встретить такие пассажи: «Исследования ФОМ показали, что большая часть россиян приспособилась к ситуации, отказавшись от некоторых расходов или сведя их к минимуму». Такой критерий оценивания социальной составляющей государственной политики мне представляется глубоко ошибочным. Реформы обычно принимают за константу, не подлежащую пересмотру; население (что не равно обществу со сформированными дифференцированными интересами) рассматривают как объект (а не субъект) реформаторской деятельности.

В оценках своего благополучия (и семьи, и общества в целом) люди исходят из краткосрочной ретроспективы и перспективы. К примеру, вспомним героя Солженицина — Ивана Денисовича, который в условиях концлагеря, примеряясь к реальным обстоятельствам своего бытия, радовался лишнему куску хлеба. Это все «радости», которые обеспечивают стабилизацию на основе социальной эксклюзии от трети до половины населения. На таких принципах и критериях развитие страны невозможно. Апатия огромной части народа, деформация его сознания, превращение общества в послушную массу закрывают путь к инициативности основных социальных групп, к инновационной деятельности как

[1] Известия. 2002. 6 марта.

органической предпосылке становления информационной экономики, да, впрочем, и для эффективного функционирования существующих предприятий.

По мнению видного государственного деятеля Е. Строева, следует учесть мировой опыт, который показывает, что в периоды тяжелых депрессий рыночная экономика не в состоянии саморегулироваться. В этой связи необходимо помнить и о модели государственного регулирования экономики Ш. де Голля, успешном применении в США после Великой депрессии 1929—1933 гг. теории государственного регулирования Дж.К. Кейнса, современном опыте Китая. У нас же под лозунгом «невидимой руки рынка» была предпринята попытка реставрации первой стадии капитализма. (К тому же и она далеко не во всем удалась. Типы общества и экономики, реально сложившиеся на начало 2000-х гг., охарактеризованы несколькими страницами выше. — *О.Ш.*)

На данном этапе существования России только государство может обеспечить справедливое и общественно приемлемое распределение выгод от рыночной экономики. Как минимум, для этого нужны: реализация закона о прожиточном минимуме, устраняющего массовое обнищание населения; недопущение отставания повышения пенсий от темпов инфляции; увеличение государственных ассигнований на нужды образования, науки, здравоохранения, сферы общественных наук; государственное регулирование цен и качества медицинских услуг и лекарств.

Для финансирования этих программ Е. Строев предлагает вернуться к прогрессивному налогообложению доходов, ввести ощутимый налог на обладающую повышенной рыночной стоимостью недвижимость, находящуюся в личном владении. Он убедительно показывает, что задача увеличения в 1,5—2 раза доходных ресурсов финансовой системы государства при одновременном снижении налогового бремени для законопослушных товаропроизводителей вполне достижима. По оценкам исследователей, до 70% всего реального хозяйственного оборота никакими налогами не облагается. Кроме того, не упорядочены платежи за природные ресурсы, которые вполне могут увеличить долю поступлений в бюджет страны от хозяйственного использования недр. Эти меры рассматриваются Е. Строевым как условие уменьшения социальной дифференциации доходов и снижения социальной напряженности в обществе [*Строев*, с. 5—14]. Другие авторы, согласные с идеями перераспределения ресурсов общества не просто во имя аб-

страктных гуманистических ценностей, но исходя из соображений экономической целесообразности (Ю. Лужков, М. Делягин и др.), предлагают иную систему мер по резкому увеличению доходной части бюджета страны, но с той же целевой направленностью.

Социальная политика, предприниматели и средний класс

Одним из определяющих направлений социальной политики в стране, переходящей от этакратической к частнособственнической системе, является государственно регулируемое формирование класса собственников (предпринимателей). Именно они должны были бы стать каркасом эффективной постиндустриальной экономики. С начала реформ не было недостатка в клятвах и заверениях со стороны ельцинского руководства о всесторонней поддержке предпринимательства и предпринимателей как основы среднего класса и основной социальной базы демократического режима. Однако, как известно, дело не в заверениях, а в реальных акциях, зачастую, казалось бы, не очень-то и крупных.

«Если мы действительно сделали выбор в пользу рыночной экономики, то ответственность за собственные доходы несет в первую очередь сам человек»[9]. Это и есть путь формирования морали предпринимательства, морали среднего класса. А теперь приведем некоторые факты. По расчетам экономистов из МГУ, из-за потерь бизнеса от чиновничьих ловушек и преград чистые потери ВВП составляют 7,7 млрд. долл. в год. Сюда входят затраты на регистрацию предприятий (от 200 до нескольких тысяч долларов); лицензирование (применяемое в других странах лишь в виде исключения); согласование проектной документации (до 100 согласований) и т.д. Только на федеральном уровне существуют около 60 инспекционных служб, к этому следует добавить службы органов субъектов федерации и местного самоуправления. По данным «Круглого стола» бизнеса Москвы, чтобы начать малый бизнес в столице, нужно иметь 4 тыс. долл., из которых до полутора сразу уйдет на преодоление чиновничьих барьеров. Гигантская мас-

[9] Известия. 2001. 18 апреля.

са посреднических фирм и фирмочек, созданных чиновничеством для своего прокорма, грабит бизнес через принудительные экспертизы и другие навязываемые «услуги». Косвенные потери национальной экономики в связи с этим составляют 5—7% ВВП, прямые потери населения в расчете на семью достигают 550 руб. в месяц за счет добавок к ценам товаров [*Аузан, Крючкова*, с. 75, 77][10].

По даным ВНИИ МВД по Воронежской области, «рэкет государственных служащих увеличивает и без того высокий риск и материальные издержки, связанные с предпринимательской деятельностью. В результате до 40% малых предприятий в течение года прекращают свою деятельность и еще 20—25% вновь созданных не могут приступить к работе.

...По мнению 57% опрошенных предпринимателей, наиболее распространенной и опасной формой монополистической конкуренции является создание коррумпированными чиновниками собственных предприятий через подставных лиц»[11].

По данным опроса, проведенного мною с коллегами в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже среди кризисных групп населения, ни один из прорвавшихся в малый бизнес, т.е. принявших ответственность за себя и свою семью, не получил ни рубля кредитов от государственных органов, в том числе и от службы занятости.

В апреле 1997 г. впервые была предпринята серьезная попытка провести реформу жилищно-коммунального хозяйства страны (ЖКХ). В 2001 г. эта попытка возобновлена с гораздо большей энергией. Смысл — возложить все расходы по содержанию жилья на население. При этом были обещаны субсидии бедным. Проблема, правда, состоит в том, кого отнести к бедным. Проектируемые субсидии реально коснутся лишь нищей части населения, а не всех бедных. Что же касается не только умеренно бедных, но и относительно благополучных, то можно заранее предвидеть, что на все просьбы внести квартплату (с учетом удорожания не только жилья, но и электроэнергии, теплоснабжения и других услуг) с их стороны все чаще будет следовать ответ: «Нет денег». Итог может быть только один — превратятся в бомжей десятки миллионов россиян, тех самых, кто мог бы составить ядро и предпринимателей, и других слоев потенциального среднего класса.

---

[10] См. также: Известия. 2001. 20, 25 апреля; Новая газета. 2001. 9—11 апреля.

[11] Новая газета. 2001. 29—31 октября.

Между тем, по мнению видного представителя наших либералов Г. Томчина, более 40% собранных с населения денег не доходит до энергетиков. Бесхозяйственность, повальное воровство в системе ЖКХ приводят к массовой выкачке денег из населения органами ЖКХ, не несущими перед жильцами никакой ответственности. Трудно не согласиться с теми авторами, которые рассматривают намечающуюся реформу в ЖКХ как настоящий поход против среднего класса. Именно с этой группы населения собираются взять полную стоимость коммунальных услуг, но порядочная часть наших «средних» удерживается в этом положении, в частности, и благодаря низким ценам на муниципальные услуги, позволяющим им при относительно скромных доходах вести более или менее достойную жизнь[12].

Надо заметить, что напряженность в среде среднего класса заставила авторов новой экономической модели ЖКХ скорректировать свои планы. Правительство отказалось от форсированного перехода на 100%-ю оплату гражданами услуг ЖКХ, считая, что это станет возможным лишь через 10—15 лет. Деньгами из бюджета более не будут дотировать ДЭЗ и РЭУ, а передавать эти средства напрямую населению, зачисляя их на индивидуальные (персональные социальные) счета граждан. Люди получат возможность выбирать, кто их будет обслуживать. По расчетам мэра Москвы Ю. Лужкова, такая дебюрократизация сферы ЖКХ позволит сэкономить до 15—20% расходов[13].

В результате всех притеснений и бюрократических препон малое и среднее предпринимательство у нас пока заняло более или менее нормальную нишу только в торговле и производстве некоторых продовольственных товаров, а ведь мелкое и среднее предпринимательство составляет неотъемлемую часть здоровой экономики процветающего общества. В развитых рыночных экономиках мелкое и среднее производство обеспечивает 60—80% общей занятости, у нас в России — порядка 11%.

По данным Госкомстата, на декабрь 2001 г. численность работников в малом и среднем бизнесе составила 6 млн. человек, из них 86% заняты на постоянной основе, 9% — совместители, 5% работают по трудовым договорам. Отношение государства к малому предпринимательству видно из таких цифр: в 2001 г. на под-

[12] Известия. 2001. 20 марта.

[13] Там же. 26 июня.

держку малого бизнеса в федеральном бюджете было заложено 140 млн. руб., т.е. примерно 5 млн. долл. Однако и эту более чем скромную сумму в бюджете 2002 г. сократили до 20 млн. руб.[14] Во многом с таким отношением к малому бизнесу связано то обстоятельство, что в теневой экономике на начало 2002 г. трудилось 8,2 млн. человек, т.е. более 12% всех занятых. При этом для 6,5 млн. наших сограждан это был единственный вид занятости, а для остальных — источник дополнительного дохода. Таковы данные Госкомстата. Аналитики Всемирного банка считают, что в теневом секторе занято гораздо больше людей, и он составляет примерно 45% российской экономики. «Финансовые известия» опросили более 100 представителей теневого бизнеса. Главными причинами, мешающими им легализоваться, были названы неуверенность в стабильности налоговой политики государства (более 70%) и коррупция (около 100%)[15].

Изменения в политике наметились в 2002 г., когда по инициативе президента В.В. Путина были приняты решения, означающие «налоговую революцию» для малых предприятий. Предполагается втрое снизить налоговое бремя на малый бизнес в надежде, что выход из «тени» значительной части предпринимателей с лихвой компенсирует потери бюджета и решительно повысит активность деловых людей. Руководители предприятий получат возможность платить в бюджет либо 8% от выручки, либо 20% от чистого дохода[16]. Проблема в том, что чиновники на местах могут усилить коррупционное давление на бизнес.

Другим сегментом протосреднего класса являются профессионалы. Последствия политики по отношению к группам профессионалов общеизвестны: именно здесь мы понесли наибольшие потери, связанные с эмиграцией за границу компетентных специалистов в самом продуктивном возрасте. По этому поводу нет систематических данных. Однако известно, что за 1990—1999 гг. страну покинули 80% математиков и 50% физиков мирового уровня. Это около 8 тыс. человек, чей отъезд критически опасен для отечественной науки. Предположительно в США в настоящее время работают около миллиона профессионалов, покинувших Россию.

---

[14] Московский комсомолец. 2001. 24 декабря.

[15] Финансовые известия. 2002. 12 марта.

[16] Известия. 2002. 9, 10 апреля.

Автор присоединяется к точке зрения тех, кто рассматривает отъезд из страны специалистов в подобном масштабе как национальную катастрофу. Методика, принятая ООН, дает возможность измерить упущенную выгоду от эмиграции одного специалиста с высшим образованием, ученой степенью. Она оценивается в 300 тыс. долл. Очевидно, что потери страны измеряются десятками миллиардов долларов. Между тем технологии поддержки профессионалов для уменьшения их эмиграции и повышения доли в ВВП наукоемкой продукции успешно реализуются не только в странах с административными ограничениями на выезд, но и в таких небогатых демократических государствах, как Индия. Располагает такими возможностями и Россия. Проблема именно в проводимой политике. Характерно, что в благополучном 2000 г. затраты на науку составили лишь 2% в государственном бюджете и были в 30 раз меньше, чем в 1990 г. [*Вишневский, Зайончковская*, 1992а, с. 18; *Вишневский, Зайончковская*, 1992б, с. 13; *Долгих*, с. 11; *Павлоткин*; *Ахиезер*][17].

Сопоставление хода и результатов процессов формирования среднего класса, включая его предпринимательскую составляющую, в России и странах Центральной и Восточной Европы весьма красноречиво и явно не в пользу нашего отечественного опыта. В порядке гипотезы можно высказать предположение, что в течение первого постсоветского десятилетия социальная политика не способствовала созданию среднего класса в его предпринимательской части и не препятствовала деквалификации профессионалов — второй значимой составляющей этого класса.

Кроме того, по многим причинам трудно оценить динамику развития среднего класса. Отчасти это связано с наличием теневого компонента. К 2002 г., по данным Госкомстата, в «тени» трудились 8,2 млн. человек (более 12% всех занятых). Несмотря на то что в 2001 г. произошло резкое снижение налогов, российская армия «теневиков» ничуть не сократилась. Более всего в теневом секторе представлены торговля, общественное питание, сельское и лесное хозяйство. Для 6,5 млн. «теневиков» работа в неформальном секторе является единственной. Как мы уже отмечали, основными причинами, мешающими выйти на «свет», представители теневого бизнеса называют: неуверенность в стабильной налоговой политике государства и коррупцию, которая заставляет их выискивать

[17] См. также: Известия. 2001. 7 мая.

скрытые источники доходов. При этом все отмечают, что серьезных предпосылок для резкого снижения количества «теневиков» пока не наблюдается[18].

Определенную роль сыграло влияние современной социальной политики в странах Запада, доминирующая логика которой состоит в концентрации ресурсов на поддержке «исключенных из общества». Следствием является определенное ущемление интересов среднего класса, поскольку на смену социальным программам универсального характера приходят программы поддержки специфических групп. Эта линия и на Западе уже вызывает негативную реакцию значительных групп населения и представляющих их интересы политиков.

Обществу органически присуще противоречие интересов социальных групп. Слабые группы добиваются бюджетных трансфертов, рассматривая их получение как свое естественное социальное право. Основные продуктивные группы современной России, складывающиеся или уже сложившиеся как средний класс, добиваются реализации социальных программ универсального характера, которые гарантируют им социальные права на самосохранение и воспроизводство в статусе.

Для России особенно опасна концентрация приоритетов социальной политики на защите социальных прав лишь жертв социальной эксклюзии, поскольку это грозит разрушительными последствиями и без того еще неокрепшим средним слоям, результатом чего явится размывание базы последующего экономического и социального развития страны.

К этому следует добавить неотрефлексированность властями реальной социальной ситуации из-за отсутствия механизмов обратной связи. Это обусловлено тем, что в России и ныне, и на ближайшую перспективу невозможны широкие социальные движения, адекватно выражающие интересы массовых социальных групп. Поэтому особое значение приобретает аналитическая деятельность по выявлению реальных социальных проблем.

Россия постреформенная оказалась перед лицом чрезвычайно сложной проблемы. Защищать нужно и малоимущих, и в не меньшей степени тех, кто относится к средним слоям (профессионалов, предпринимателей и пр.). Эти средние слои ущемлены в своих социально-экономических правах. Не случайно, что их до-

[18] Финансовые известия. 2002. 12 марта.

ля и численность не соответствуют аналогичным показателям в развитых странах мира. Задачи социальной политики, притязающей быть подлинно национальной, — обеспечить полную и достойную реализацию основных социальных прав и возможностей средних слоев современной России и содействовать росту человеческого потенциала основных продуктивных слоев общества.

Итак, можно признать декларативными заявления идеологов постсоветского руководства, что главным направлением расходования властных и финансовых ресурсов должно было бы стать и стало содействие становлению и развитию среднего класса. Фактов, подтверждающих активность властей по этому направлению, нет. Не на эту цель тратились национальные ресурсы.

Реальные приоритеты социальной политики

Реальным приоритетом нового, постсоветского, режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграли: скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), «теневикам» и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа — ваучерный и залоговых аукционов. И если проведение первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992—1993 гг., то залоговые аукционы — это в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность. Сюда же следует отнести пирамиду ГКО «для своих» со 100%-й доходностью в год; характерно, что длительное время иностранцы не были допущены на этот рынок. Добавим также отсутствие контроля за вывозом капитала, передачу электронных и самых влиятельных печатных СМИ в руки придворных олигархов, и картина социальных приоритетов ельцинского правления становится до прозрачности очевидной. Предполагалось без всяких обоснований, что эти нувориши каким-то образом одномомент-

но превратятся в эффективных крупных собственников и образцовых менеджеров.

Только на первом этапе массовой приватизации под руководством А. Чубайса было продано 500 крупнейших предприятий стоимостью не менее 200 млрд. долл. за 7,2 млрд. долл. [*Полеванов*, с. 50]. И это было лишь начало. В ходе шести самых дорогих залоговых аукционов (1995—1997 гг.) «продажа акций нефтяных компаний... была чистым надувательством — их стоимость на рынке была в 18—26 раз выше уже через полтора года после аукционов». Так, рыночная стоимость «ЮКОСа» на 1 августа 1997 г. составила 6,2 млрд. долл., а проданы были пакеты акций, исходя из стоимости компании в 353 млн. долл., по «ЛУКОЙЛу» соответственно — 15,8 млрд. долл. и 700 млн. долл. П. Хлебников, журналист из «Форбса», приводит эти и тысячи других данных в своей книге «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России». Книга стала бестселлером 2000 г. в США и издана годом позже в России. Завершается раздел по аукционам выводом: «Залоговые аукционы были лишь очередным этапом в стратегии ельцинского режима — интересы страны были принесены в жертву интересам ближнего круга олигархов... Таким образом, олигархи и правительство Ельцина стали подельниками в грабеже» [*Хлебников*, с. 207—210]. Тот самый «Норильский никель», который был куплен компанией «Интеррос» за сумму, несколько меньшую 300 млн. долл., был застрахован в западных страховых компаниях на сумму 30 млрд. долл., т.е. в 100 раз бóльшую[19].

По новой Конституции парламент был лишен контрольных полномочий. В результате правящая бюрократия бесконтрольно распоряжалась не только государственной собственностью, но и расходованием западных кредитов и бюджетных средств. Ежегодный вывоз столь легко доставшихся средств за рубеж достиг 20 млрд. долл., в 2000 г. — 28 млрд. долл. Все большее сосредоточение власти и собственности в одних руках препятствует формированию цивилизованной рыночной экономики и ведет к коррупции, экономической стагнации и обнищанию населения.

Как писал литератор и член первого постсоветского Правительства России О. Попцов, «Чубайс не очень утруждал себя нравственными терзаниями, когда любой ценой выталкивал новое со-

[19] Новая газета. 2001. 29—31 октября.

словие на поверхность политической жизни и рассматривал его как свою главную общественную опору. Вспомним чековые фонды, финансовые пирамиды. Поэтому его не должны приводить в ярость слова Березовского: "Мы владеем половиной страны и намерены ею управлять"»[20]. И действительно, менее двух десятков крупнейших компаний и банков контролируют примерно 70% экономики России[21].

Профессор Гарвардского университета Дж. Сакс, человек, которого трудно обвинить в антилиберальных установках, писал, что в отличие от большинства стран Центральной и Восточной Европы Россия обладает огромными запасами природных ископаемых, «т.е. всего того, что ценится за границей и что одновременно легко украсть. В начале реформ природные ресурсы формально принадлежали государству, а значит, на деле — никому. Поэтому так называемая спонтанная приватизация позволила тем начальникам, которые были связаны с добычей полезных ископаемых, "наложить на них лапу". Теперь-то ясно, что эта сфера должна была оставаться в государственной собственности до тех пор, пока не удалось бы наладить честное, эффективное и контролируемое управление добывающими предприятиями». Далее он подчеркивает (словно представитель прокоммунистической оппозиции): «Самым крупным куском пирога была нефтяная и газовая промышленность, стоящая десятки миллиардов долларов. Основная часть тех баснословных доходов, которые СССР получал от продажи энергоносителей, сейчас попадает в карманы нескольких частных лиц. (Например, до настоящего времени никому неизвестно, кто же на самом деле владеет "Газпромом" — частично приватизированным промышленным гигантом, который стоит, возможно, более 100 млрд. долларов.) Дыры в бюджете, образовавшиеся после этой "кражи века", на протяжении нескольких лет раскручивали маховик инфляции, поддерживая ее на взрывоопасном уровне». Он же признал: «Мы поторопились приватизировать в России добывающую промышленность». Это стало почвой «для огромной коррупции, губящей реформы». Таким же образом Дж. Сакс рассматривал внешнюю торговлю как благоприятное поле для коррупции, сюда же он относил еще одно «поле» незакон-

[20] Московские новости. 1998. 2—8 февраля.
[21] Известия. 1998. 17 марта.

ного обогащения — дешевые кредиты Центрального банка частным банкам[22].

К концу первого постсоветского десятилетия на верху пирамиды богатства, по оценке журнала «Форбс», оказались 8 россиян, вошедших в список самых богатых персон планеты. Никто из них не прославился наподобие Генри Форда и Билла Гейтса созданием новых видов продукции или технологий. Их состояние — результат неоправданной приватизации ренты на природные ресурсы. Это: М. Ходорковский (нефтяная компания «ЮКОС»); глава «Интерроса» В. Потанин; генеральный директор «Сургутнефтегаза» В. Богданов; экс-председатель правления «Газпрома» Р. Вяхирев; владелец «Сибнефти» и губернатор Чукотки Р. Абрамович; глава нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» В. Аликперов; владелец «Альфа-групп» М. Фридман и, наконец, создатель «Газпрома» В. Черномырдин. Кстати, последний — единственный из бывших президентов и премьеров мира, попавший в список миллиардеров. Вопрос в том, когда смог В. Черномырдин так разбогатеть. Ведь только примерно год он не был государственным чиновником, а руководил акционированным им «Газпромом» (между 1990 и 1992 гг.) [*Надеин*]. Годом позже тот же журнал в своем всемирно признанном рейтинге богачей планеты среди россиян поставил на первое место М. Ходорковского, оценив его состояние в 3,7 млрд. долл.; далее следуют Р. Абрамович (3 млрд. долл.); М. Фридман (2,2 млрд. долл.); В. Потанин (1,8 млрд. долл.) и другие представители рентополучающей элиты[23].

Приведу высказывание одного из видных деятелей нашего бизнес-сообщества, президента крупной промышленной группы МАИР В. Макушина: «В России... олигархи назначались, а не становились олигархами благодаря цивилизованной конкурентной борьбе. Поэтому мы получили такой бизнес-класс, который не способен конкурировать с таким же бизнес-классом Европы или Америки. Он у нас по качеству гораздо хуже. Наш бизнес-класс сформирован во многом на разворовывании государственных средств, а не путем жесткой, но цивилизованной конкуренции»[24].

В 1995—2000 гг. коррупция превратилась в устойчивую систему отношений между чиновником и бизнесменом. Основная

[22] Московские новости. 1995. 24—31 декабря.
[23] Московский комсомолец. 2002. 20 февраля.
[24] Финансовые известия. 2002. 4 апреля.

особенность взаимодействий между предпринимателями и чиновниками в последний период заключалась в том, что теперь в отличие от нестабильной ситуации 1992—1994 гг. они приобретали долгосрочный характер. Сформировались специфические деловые отношения, уже не сводящиеся к простому обмену услугами между чиновником и бизнесменом. Скорее, они предусматривают взаимную стратегическую и тактическую поддержку в рамках длительного сотрудничества, при этом отдельный чиновник по отношению к соответствующему предпринимателю все более начинает выступать в роли партнера по бизнесу. Результатом такого симбиоза стала неэффективность национальной экономики на макроуровне, так как потери общества многократно превышают те выгоды, которые получают от поддержания деловых отношений конкретные фирмы и конкретные чиновники [*Радаев*].

Коррумпированность российских чиновников и криминализация экономики в целом существенно сказываются на распределении доходов в стране. В развитых капиталистических странах вся криминальная сфера дает не более 8—10% от валового продукта. В постсоветской России эта цифра, по данным МВД, достигала не менее 40%. А по отдельным экспертным оценкам, и того выше — около 50—60%[25]. По меткому замечанию М. Делягина, «...в ходе реформ был изобретен качественно новый вид коррупции. Когда нормально стоящий дом, пусть неказистый и неудобный, разрушают. Из обломков сооружают себе виллу, а жильцов дома бросают подыхать на улице, объясняя, что те сами виноваты, якобы они жили в доме, в котором жить нельзя»[26].

Именно коррупция в высших эшелонах власти позволяла ведущим финансово-промышленным группам годами не платить налоги и не выплачивать государству его долю прибыли на принадлежащие ему акции. Специально созданная в октябре 1996 г. во главе с тогдашним премьер-министром В. Черномырдиным Чрезвычайная комиссия по сбору налогов была крайне бережна по отношению к крупнейшим неплательщикам. Как установила Счетная палата, чистая прибыль РАО «Газпром» за 1996 г. составила 33,2 трлн. руб. (около 6,5 млрд. долл.). Государству как владельцу 40% акций полагалось получить 12 трлн., а оно получило только 20 млрд. руб. Общий ущерб от подобных действий прави-

[25] Известия. 1997. 13 мая.

[26] Московский комсомолец. 2002. 2 марта.

тельства составил за 1995—1997 гг. 65,8 трлн. руб.[27] Характерно, что небольшая российско-вьетнамская межгосударственная нефтяная компания давала ежегодно в конце 1990-х гг. в бюджет России 450 млн. долл., т.е. намного больше, чем такой гигант, как «ЛУКОЙЛ».

С 1996 г. ситуация мало изменилась. По-прежнему доля государства в получении природной ренты чрезмерно мала. В Норвегии, например, от цены нефти в 20 долларов 50% достается государству в виде ренты и менее 25% получает предприниматель в виде прибыли. Наше же государство собирает порядка 20% ренты. Все остальные деньги проходят мимо казны; а это примерно 40—50 млрд. долл. в год. По оценке экспертов, рентабельность российской нефтедобычи выше 40%. (Для сравнения: рентабельность машиностроения — 8%, пищевой промышленности — менее 7%.) Очевидно, что стихийного притока инвестиций в обрабатывающую отрасль трудно ожидать. Для серьезных инвестиций в эти отрасли необходимо сосредоточить в руках государства рентные платежи (имеется в виду потенциальная возможность собирать налоги за пользование недрами, на воспроизводство минерально-сырьевой базы и налог на дополнительный доход от добычи углеводорода). Подобные налоги применяются во многих странах, в частности в той же Норвегии, где при рентабельности нефтедобывающей компании свыше 15% ставка на дополнительный доход поднимается до 50%.

Анализ, проведенный экспертами, показывает, что доля рентных платежей в нашей экономике снижается. При этом есть компании, находящиеся в особо привилегированном положении, чья налоговая нагрузка по сравнению с другими намного ниже[28].

Подсчеты сотрудников ИНП РАН показали, что если в 1996 г. 85% населения с доходами ниже 400 тыс. руб. в месяц полностью выплачивали подоходный налог, то 15% населения с доходом более 3 млн. руб. на человека уплатили лишь десятую часть причитавшихся с них налогов (2,1% от совокупного дохода вместо положенных примерно 20%). В итоге казна не досчиталась в том же 1996 г. около 100 трлн. руб[29]. В 2000 г. помимо инвестирования доходов в свои производства корпорации добывающей промышленности положили на депозиты в западные банки 28 млрд. долл.

---

[27] Новая газета. 1998. 16—22 марта.

[28] Московский комсомолец. 2002. 20 февраля.

[29] Русский телеграф. 1997. 11 ноября.

Эти деньги не вкладываются в развитие перерабатывающей промышленности и создание рабочих мест квалифицированного труда[30].

Встречали упорное сопротивление со стороны олигархических групп и связанных с ними крупных чиновников предложения об инвентаризации федеральной собственности, об общественном контроле за доходами и расходами крупнейших монополий, о переносе акцента с налогообложения доходов на обложение имущества и рентных платежей за добываемое сырье.

Лишь в июле 2001 г. Государственная Дума приняла главу Налогового кодекса «О налоге на добычу полезных ископаемых». И дело не просто в росте государственных доходов от нефтедобычи. Речь идет о переходе к рентному принципу налогообложения. По данным Экспертного совета по налоговому законодательству при Бюджетном комитете Государственной Думы, при существующем уровне мировых цен от нефтяных компаний поступит дополнительно 3,5 млрд. долл. в год. Таким образом, появилась надежда, что в какой-то степени начинает реализовываться идея, защищавшаяся демократической партией «Яблоко», и выполняется обещание президента, изложенное в его послании Федеральному Собранию: усилить изъятие рентной составляющей в пользу государства[31].

Попытки более здравомыслящих представителей правящей элиты прекратить фаворитизм по отношению к крупнейшим топливно-энергетическим и финансовым монополиям, которые образовали ядро олигархического режима, склонного к трансформации в режим криминально-олигархический, успехом не увенчиваются. Речь идет не о переделе собственности, а о готовности олигархов поделиться своими доходами с национальным бюджетом и тем самым дать возможность государству попытаться расширить собственную социальную базу и облегчить положение значительных групп населения. Как напомнил Ю. Лужков, «давнее утверждение, что богатые люди должны брать на себя серьезные социальные функции — делиться своим богатством с беднейшей частью общества, принципиально никем не опровергнуто... практика перераспределения доходов — обязательное условие устойчивого развития общества...»[32]. Москве не впервые самостоятельно выби-

[30] Известия. 2001. 1 июня.
[31] Известия. 2001. 5, 6 июля.
[32] Московские новости. 1998. 15—22 марта.

рать правильный путь развития. Любители позавидовать ее богатству забывают, что оно порождено прежде всего мужеством, проявленным ее руководством в отстаивании национальных интересов в период грабительской приватизации. В то время, когда Россия была буквально разграблена приватизаторами под руководством и ныне негласно руководящих процессом реформ Чубайса и Гайдара, Лужков, как к нему ни относись, добился применения более разумной модели приватизации. В результате Москва получила от приватизации больше денег, чем вся остальная Россия, и руководство Москвы не разворовало эти деньги, как было принято в среде реформаторов, а направило их (хотя, конечно, не без эксцессов) на развитие города [*Делягин*][33].

Другой привилегированной группой общества, помимо олигархов, в период ельцинизма стало, точнее — сохранило и укрепило свои позиции, российское чиновничество — прямое продолжение советской номенклатуры. От представителей власти можно нередко услышать соображения о том, что ни численность чиновников, ни их блага не сказываются существенно на распределении ВВП, но отметим прежде всего, что даже если бы эти суждения были верны, то остается весьма значимой в российских условиях проблема социальной справедливости. Писатель-фронтовик В. Кардин, выражая доминирующее в обществе настроение, писал: «...нигде нет такого разрыва в материальном обеспечении ветеранов и государственных сановников.

Ну и пусть они получают, пусть даже увеличат нынешние зарплаты. Но пускай, как дурной сон, исчезнет система спецобслуживания высших эшелонов, и чиновник раскошелится на собственный автомобиль, на оплату бензина и шофера, пусть, наконец, кончится баснословная халява — спец. рейсы, спец. санатории и т.д.»[34].

Как известно, социальные привилегии — органичная часть этакратической системы — неизбежно входят в социальную политику этой системы. Сохранение и даже расширение оставшегося с советских времен внерыночного распределения значительной части ресурсов, контролируемых государством, в качестве благ и услуг правящему слою является доказательством не буржуазно-демократического, а постэтакратического характера социальной политики.

---

[33] Правда. 2001. 1 ноября.

[34] Новая газета. 2001. 1—14 марта.

Ограничусь некоторыми примерами. Пока идет длительная дискуссия о пенсионном обеспечении основной массы населения, без всякой огласки установлены пенсии чиновникам в размере 75% от их заработной платы, которые они могут в определенных случаях получать, не достигнув 60-летнего возраста. На обслуживание парка персональных автомашин государство затрачивает ежегодно 1,5 млрд. долл. В стране разъезжают 605 тыс. этих автомашин, регулярно обновляемых, что составляет дополнительную сумму крупных затрат. Для сопоставления: в США у правительства имеется всего 40 автомашин. Каждый депутат Государственной Думы обходится нации в 10 тыс. долл. в месяц. Можно предположить, что каждый из чиновников высокого ранга обходится намного дороже. Добавим к этому многократно приводившиеся в прессе сведения о бесплатно переданных высшим чиновникам в частную собственность квартирах, стоимость которых достигает 300—500 тыс. долл. Численность же чиновников в стране поражает — 1,34 млн. человек (без силовых ведомств)[35]. Такого не знала даже прославленная советская бюрократия.

Отсюда можно сделать вывод, что для нашего съежившегося ВВП и консолидированного бюджета суммарные издержки на чиновников, измеряемые несколькими миллиардами долларов в год, представляют неоправданную роскошь, непозволительную в условиях жесточайшей экономии на поддержке критических групп в нашем обществе, содержании фундаментальной науки и кредитовании малого бизнеса. Пожалуй, главное состоит в том, что в стране во имя интересов альянса олигархических групп и высшего чиновничества всего лишь за десятилетие сложилась присущая многим слаборазвитым странам с доминированием сырьевого сектора экономика престижного потребления, для которой характерны застойность и зависимое развитие.

Верхи и низы — странности взаимодействия

Кажущаяся неэффективность декларируемой социальной политики как политики помощи слабым скрывает ее успешно реализуемые, но не афишируемые цели и механизмы: социальная

[35] Известия. 2001. 1 июня.

стабильность на основе неявного консенсуса власти и населения, который строится на экономике выживания. Особенности существующей модели социальной политики «поддержания выживания» сводятся к практической бесплатности ряда базовых нужд населения, натурализации потребления и обмена товарами и услугами, возникновению у населения модели «коллективного выживания».

Что же может в наибольшей степени нарушить ту стабильность в обществе, которую хотела бы сохранить российская элита?

В советские времена номенклатура (= этакратия) проявляла трогательную заботу (хотя и на жалком уровне) о низших социальных группах, но не о средних слоях. Вспомним хотя бы динамику соотношения заработной платы рабочих и инженеров, не входивших в состав руководителей-хозяйственников: к 1970-м гг. рабочие зарабатывали больше инженеров, не говоря уже о врачах, учителях, работниках культуры. Способы пополнения элиты со времен Сталина, как и в большинстве других азиатских деспотий, строились на принципе «из грязи — в князи». Характерно социальное происхождение высшей номенклатуры даже в 1960—1980-е гг., т.е. в годы развития высоких технологий: большинство вышло из среды неквалифицированных рабочих и крестьянства (70,5%); 13,1% — из неквалифицированных служащих; 8,5% — из квалифицированных рабочих; около 8% — из интеллигенции. Как правило, это были выходцы из деревни. Социальная селекция была жестко антиинтеллигентской, социально родственными власти были маргинализированные группы населения. После августовских событий 1991 г. состав правящих групп (как стало модно выражаться, — элиты) на федеральном уровне на какое-то время существенно изменился в пользу выходцев из среды высокообразованных групп столичного населения, но эта тенденция с середины 1990-х гг. во многом сменилась на прежнюю, советскую.

Б.Н. Ельцин во многом нарушил традиционный союз с низшими социальными группами. Достаточно вспомнить нищенский уровень пенсий и бесконечные задержки с их выплатой, небрежение интересами рабочих, афиширование богатства и благополучия верхов. Надо заметить, что В.В. Путин немедленно начал демонстративное сближение со слабыми социальными группами, выказывая прямо-таки образцы по-советски отеческого попечения. Достаточно вспомнить систематические повышения размеров пенсий, опережающих или, по крайней мере, компенсирующих рост цен.

Но очевидно, что потенциальная угроза устойчивости режима исходит не от социально незащищенных слоев населения, а от более благополучных «срединных» групп, обладающих самоидентификацией и осознанностью интересов.

Сложившийся в 1990-е гг. неявный консенсус власти и низших слоев населения в реальности материализуется в весьма сложной и хитроумной модели выживания. На ней строят свою жизнь большинство жителей страны. Именно эта модель обеспечивает относительную социально-политическую стабильность в России, и поэтому власть склонна закрывать глаза на многие ее особенности, «не вписывающиеся» в либеральную модель социальной политики. Возможность выживания без денег обеспечивается бесплатными или предоставляемыми по символическим ценам услугами, позволяющими хотя бы на самом минимальном уровне поддерживать жизнеобеспечение населения; натурализацией потребления и обмена товарами и услугами на уровне самого населения, возникновением модели «коллективного выживания».

Таким образом, значительная часть населения в 1990-е гг. вступила на путь самопомощи и кооперации для выживания на уровне адаптации. Существующий в стране социальный порядок обеспечивает адаптацию, но распадаются, не воспроизводятся более высокие уровни организации социальной системы — постановка целей, социальная дифференциация и интеграция, поддержание культурного образца, создание коллективных (общенациональных) представлений, сохранение идентичности и т.д.

Заключение

В выступлениях, статьях и книгах ведущих российских либералов на протяжении всего постсоветского периода делался акцент на позитивных результатах «трудных рыночных реформ», содержались призывы продолжить преобразования в уже избранном направлении, доказывалось и доказывается, что только в этом случае «будущее у России есть». При этом несомненно, что провозглашаемые этими идеологами стратегические цели развития страны не могут не получить поддержки у всех демократических сил:

«добиться повышения уровня жизни населения до уровня среднеразвитых стран; сократить имущественную дифференциа-

цию в обществе; средний класс как опора социальной стабильности и демократии должен составлять бóльшую часть населения и получать бóльшую часть доходов...

сформировать гражданское общество, правовое государство, гарантирующее защиту основных прав и свобод человека» [*Ясин и др.*, с. 9].

Тем не менее анализ реальных действий и реально проводившейся политики демонстрирует, что наших отечественных либералов поразила слепота к социальной сфере, что, видимо, связано с известной односторонностью в подходе к ранее избранному курсу реформ. Общеизвестно, что в Китае, Индии и Вьетнаме в отличие от России кардинальные реформы идут при повышении жизненного уровня населения. Столь же общеизвестно, что успешное экономическое и социальное развитие Чили происходило *до и после* правления Пиночета, избираемого нередко в качестве модели для подражания в России. Как видим, есть о чем подумать здоровым силам нации при выборе пути развития нашей Родины, в частности, при определении ее социальной политики.

Успешная социальная политика — это политика, приносящая и экономический, и социальный эффекты. Под экономическим эффектом мы понимаем стимулирование продуктивного поведения значимых в экономике групп населения, под социальным — стимулирование расширенного воспроизведения человеческого и социального капиталов, инновационного потенциала населения и гармонизацию социальных отношений в обществе.

Важное условие реализации эффективной социальной политики — опора на коллективные представления о социетальных (национальных) и групповых интересах. Концептуальный отказ от учета общественных интересов, признание лишь индивидуальных интересов, трактуемых как стремление к получению максимальной выгоды, вели и ведут к деструкции общества, разрушению его общей ценностной ориентации (централизованной системы ценностей). Такая позиция определенной части отечественной элиты помимо всего прочего отбрасывает интеллектуальную составляющую российской социальной политики на полстолетия назад, когда ряд консервативных социологов и экономистов Запада объясняли бедность неудовлетворительными индивидуальными особенностями части населения. Такого рода концепции носят характер обвинения жертвы. Они обычно сопровождаются предложениями по свертыванию специальных социальных программ (например, помо-

щи семьям с детьми). Неправда ли, знакомые мотивы? Вот только — из другой исторической эпохи.

Все великие демократы спасали свои нации в критических ситуациях, сплачивая их объединительными идеями. Они содействовали формированию национальной системы ценностей. Достаточно назвать имена Рузвельта, де Голля, Черчилля. В сложившихся в стране условиях необходимо формирование идейных, политических и нравственных ценностей, призванных заполнить посткоммунистический и постимперский нравственный вакуум, снять у россиян комплекс оскорбленного национального достоинства[36]. Я согласен с А.И. Солженицыным: «Надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа». Социальная политика, опирающаяся на солидарность нации, на устойчивую общность интересов основных социальных сил, исходящая из традиционного для россиян понимания справедливости, может стать важным элементом строительства сильного национального социального государства.

Литература

Аргументы и факты (международное издание). 2001. № 33.

Аузан А., Крючкова П. Административные барьеры в экономике // Вопросы экономики. 2001. № 5.

Ахиезер А.С. Эмиграция как индикатор состояния российского общества // Мир России. 1999. № 4.

Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М.: Московский центр Карнеги, 1998.

Бедность: взгляд ученых на проблему. М.: ИСЭПН РАН, 1994 / (Демография и социология. Вып. 10).

[36] Позиция автора относительно функций и роли национальной идеи как центральной ценности-цели, о созидательной роли и консолидирующей силе конструктивного национализма, избегающего крайностей национал-шовинизма и национального эгоизма, была сформулирована много лет назад и публично оглашена [*Шкаратан*, 1995]

Вишневский А., Зайончковская Ж. Четвертый вал эмиграции // Московские новости. 1992(а). 9 февраля.

Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992(б). № 12.

Делягин М.Г. Программа выживания или стратегия развития? // Свободная мысль. 2000. № 10.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 1995. М.: Academia, 1995.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 1999. М.: Academia, 1999.

Долгих Е. Почему уезжают ученые // Московские новости. 1993. 4 апреля.

Кастельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. 2001. № 1.

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1.

Коэн Ст. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России: Пер. с англ. М.: АИРО-XX, 2001.

Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1.

Львов Д., Овсиенко Ю. Российская пенсионная реформа и пути ее реформирования // Вопросы экономики. 2000. № 8.

Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика. М.: Политиздат, 1987.

Надеин В. «Форбс»: русская скважина // Московские новости. 2001. 26 июня — 2 июля.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. М: Российско-европейский центр экономической политики, 1999.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. М.: Российско-европейский центр экономической политики, 2000. Вып. 4.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. М.: Российско-европейский центр экономической политики, 2001. Вып. 1.

Овчарова Л., Попова Д. Приоритеты политики содействия сокращению бедности в России. РЦЭР при Правительстве Российской Федерации: Российско-европейский центр экономической политики. 2001. Вып. 1.

Павлюткин В. «Мышеловка» для академиков // Мир за неделю. 1999. № 12.

Полеванов В.П. Технология великого обмана. М., 1995.

Политическая система США. Актуальные измерения. М., 2000.

Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

Ржаницына Л. Синдром козы // Московские новости. 2001. 17—23 июля.

Россия после кризиса 1998 г.: на пути к беспроигрышной стратегии роста и социальной защиты. Доклад Всемирного банка // Вопросы экономики. 2001. № 12.

Россия: социальная доктрина переходного периода и концепция программы действий. М.: ИСЭПН РАН, 1996.

Свободная мысль. 2001. № 1.

Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1999.

Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2000.

Строев Е. Экономические реформы в России: взгляд в будущее // Вопросы экономики. 2001. № 6.

Суринов А.Е. Основные параметры дифференциации населения России по доходам в 1997—1999 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2000. № 3.

Тарасов А.Н. Откровения бывшего интеллигента // Свободная мысль. 2002. № 2.

Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России: Пер. с англ. М.: Детектив-пресс, 2001.

Шкаратан О.И. Национальная идея и гражданское общество // Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт. Материалы международного симпозиума, 31 марта — 1 апреля 1995 г. М.: РНИСиНП, 1995.

Шкаратан О.И. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. № 2.

Ясин Е., Алексашенко С., Гавриленков Е., Дворкевич А. Реализация либеральной стратегии при существующих экономических ограничениях // Вопросы экономики. 2000. № 7.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Oxford: Blackwell Publishes, 1998. №1 III.

Hedlund S. Russia's «Market» Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism. L.: UCL Press, 1999.

Manning N. Shaw New Risks, New Welfare. Signposts for Social Policy. Oxford: Blackwell Publishers, 2000.

Manning N., Shkaratan O., Tikhonova N. Work and Welfare in the New Russia. Alderhot: Ashgate, 2000.

Social Policy / Ed. by J. Baldock, N. Manning, S. Miller, S.Vickerstaff. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies / Ed. by G. Esping-Andersen. L.: Sage Publications, 1996.

Глава 2

Социальная политика России в контексте зарубежных концепций и практики

Опыт десятилетия

Прошло десять лет с тех пор, как общества государственного социализма вступили в эру невиданных перемен. Надеждами людей были личная свобода, демократическое участие и бóльшее процветание. Некоторые из стран, вступивших на путь реформации, восстановили и фактически превысили свой экономический уровень десятилетней давности, в некоторых регулярно проходили выборы с участием стабильных политических партий, связанных с узнаваемыми социальными группами. Пять из этих стран решено принять в Европейский союз. Однако Россия не из их числа. Для России опыт последнего десятилетия был очень тяжелым.

После многих миллиардов долларов помощи, бесчисленного множества советников по экономическим и социальным вопросам, либерализации цен и приватизации бóльшей части промышленности и жилищного фонда, после но-

© Перевод. А.Н. Субочев, 2003

вой Конституции и нескольких военных авантюр 29 июля 1999 г. Программой развития ООН (ПРООН) было заявлено, что «гуманитарный кризис огромного масштаба возникает в бывшем Советском Союзе. Переходные годы стали буквально летальными для многих людей. Самый тяжелый удар пришелся на мужчин этого региона, жизнь которых стала более короткой и менее здоровой» [*UNDP*]. Этот кризис можно продемонстрировать с помощью любого набора социальных показателей. К примеру, уровень неравенства в России подскочил в 2 раза относительно дореформенного значения и стал самым высоким в регионе (коэффициент Джини — 0,5). Уровень рождаемости обрушился до низшего по региону значения. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин упала до 58 лет в основном среди людей среднего возраста. Данная величина фактически на десять лет меньше значения ожидаемой продолжительности жизни мужчин в Китае. Результатом растущего разрыва между ожидаемыми продолжительностями жизни мужчин и женщин по региону стали 9,7 млн. «отсутствующих мужчин», большинство из которых (5,9 млн.) приходятся на Россию. Бедность быстро выросла с 4 до 32% (если использовать критерий ООН 4 долл. в день). Теневая экономика составляет от четверти до трети ВНП, которые как потенциально налогооблагаемая деятельность потеряны, в результате чего государство хронически недофинансируется.

Для женщин жизненный опыт этого периода был противоречивым. Во многих отношениях они пострадали больше мужчин, несмотря на разницу в изменившейся ожидаемой продолжительности жизни. Другое подразделение ООН, ЮНИСЕФ, заявило в докладе, распространенном 22 сентября 1999 г., что «экономический, социальный и политический переход в регионе разрушил государственную монополию на равенство полов и оставил женщин незащищенными в широко открытой внешней среде, где условия для равенства совсем другие на пространстве, богатом возможностями, но и не свободном от рисков. Процесс перехода ударил по завоеваниям женщин в области занятости и социальной защиты — регресс, часто связанный с внезапным и значительным сокращением роли государства» [*Women in Transition*, p. 1]. Тем не менее женщины оказались также и ключевыми субъектами выживания домохозяйств, взвалив на себя помимо традиционного двойного бремени оплачиваемой и домашней работ третье бремя бартерных обменов и четвертое бремя гражданской деятельности.

В явном несоответствии с картиной трагедии и героизма, большей частью не записанной, была череда советов и указаний, которые давали международные агентства и советники из мозговых трестов. В лучшем случае — великодушные, но в худшем — продажные [*Wedell*], они были элегантно разоблачены Г. Стендингом как «бормотание эвфемизмов» [*Standing*]. Он рассматривает множество излюбленных приемов, появившихся для того, чтобы замаскировать жизненный опыт простых людей в России: шоковая терапия, большой взрыв, либерализация, стабилизация, упорядочение, уход государства, приватизация, реструктуризация, жесткие бюджеты, вытеснение, административный отпуск, задолженность по зарплате, неэластичность, активная политика на рынке труда, эффекты мертвого груза, эффекты замещения. Все это, полагает он, отвлекает внимание от того факта, что разорваны связи между экономикой и обществом и что этот масштабный эксперимент стал «великим преобразованием» в том смысле, в котором К. Полани описывал более раннее преобразование западных обществ после 1930-х гг. Экономика нуждается в восстановлении связи с обществом через бóльшую деятельность государства, но на новый манер. «Великой иронией 1990-х гг., — указывает он, — вполне может оказаться то, что с коллапсом государственного социализма стали спешно вводить социальную политику, основанную на капитализме всеобщего благосостояния, именно тогда, когда последний утрачивал свои возможности и легитимность» [*Standing*, p. 2].

События последних лет в России представляют собой «чистый эксперимент», невольно проведенный над десятками миллионов россиян. Всего менее десяти лет назад в России была совершенно другая социальная структура, в которой место каждого, как и во всех стабильных социальных структурах, определялось социальными, а не психологическими факторами (такими, как место работы, социальное происхождение и статус работы родителей, успехи в учебе). Следует ожидать, что в будущие 10—15 лет в России снова будет относительно стабильная социальная структура, в которой как статус, так и экономическая позиция индивида будут зависеть в первую очередь от социальных факторов. К примеру, они могут зависеть от образовательного и профессионального статуса, который связан помимо прочего с имущественным статусом родителей. Уже идет отчетливый процесс: люди, получающие различные типы высшего образования, получают качественно различные рабочие

места, и при этом все больше элитных вузов, несмотря на свой псевдобесплатный статус, становятся закрытыми для членов неэлитных сегментов общества.

Однако в новых российских условиях те социальные слои, за которыми очень хорошо присматривали при старом режиме (и которые не обладали «культурой бедности»), обнаружили, что находятся в положении пауперов. Более того, эти слои огромны, они насчитывают миллионы людей. Большая их часть работала в военно-промышленном комплексе (включая миллионы людей только в научно-исследовательских институтах), где работники, в большинстве случаев получающие только 100 долл. в месяц, в настоящий момент продолжают долгосрочные голодовки для того, чтобы получить свою зарплату лишь за предыдущий год. Еще есть миллионы работников государственных административных органов, которые в новых условиях являются лишними. Также существуют многочисленные категории работников, получающих финансирование из бюджета (такие, как преподаватели институтов повышения квалификации), которые ранее принадлежали к элите общества, а сейчас еле сводят концы с концами, влача жалкое существование, особенно в провинции.

В то же самое время возникли новые большие социальные группы, включающие в себя миллионы людей, чье положение как с точки зрения статуса, так и собственности позволяет приписать их к новому среднему или даже высшему классу. Это предприниматели, квалифицированные менеджеры и высокооплачиваемые служащие банков, финансовых и кредитных институтов, страховых компаний, консалтинговых, аудиторских и маркетинговых компаний и т. д. Эти социальные слои появились буквально «ниоткуда», так как в обществе прошлого не было ничего похожего на них. Их члены рекрутировались из разного рода исследовательских институтов и конструкторских бюро и даже частично из рабочего класса (мелкие и некоторые средние бизнесмены).

Эта резкая ломка социальной структуры привела к кризису социальной идентичности, отмеченному целым рядом исследований, включая исследования, проводившиеся Т. Заславской [*Заславская*, 1995; *Заславская*, 1999], О. Шкаратаном [*Shkaratan, Fontanel*; *Шкаратан, Тихонова*], Н. Тихоновой [*Tikhonova*; *Тихонова*] и другими [*Гудков* 1999; *Денисовский* и др.; *Докторов*]. Этот кризис, безусловно, связан с вопросом о том, насколько сильно действия индивидов детерминируемы конкретными социальными нормами и ролями. Большинство западных исследователей

основывают свои идеи на собственном жизненном опыте, и их отправной точкой невольно становится представление о существовании определенных слоев, характеризующихся помимо прочего особыми стандартами жизни и моделями поведения. Отождествление себя с этими слоями (социальная идентичность) также предрасполагает человека к определенным поведенческим реакциям, вплоть до покупательских предпочтений. Если поддерживать эти стандарты невозможно, то человек совершит переход в другой слой, попадая в некоторых случаях в категорию бедных.

Для населения России, за исключением элитных групп, сама посылка о существовании подобных страт неочевидна. Явления прошлого, такие, как массовая миграция из деревни в город или из Европейской России в Сибирь и на Север, огромная вертикальная мобильность и ситуация, когда менее чем за три поколения возникла группа людей с высшим образованием, — все это, наложившись одно на другое, создало огромную нестабильность в социальной структуре, результатом которой оказалась спорность самого существования подобных слоев. Для простых россиян в советский период социальная однородность во многих отношениях была реальностью.

Сейчас, несмотря на то что совершенно новая социальная структура заменила старую и произошло качественное изменение рынка товаров с сопутствующим изменением стандартов потребления и потенциала потребления, нет и не может быть никаких фиксированных представлений о том, какой тип потребления или поведения является нормальным для «тех, кто вас окружает». Во-первых, потому что больше не существует подобной четко очерченной группы людей; во-вторых, потому что появились качественно новые товары или потенциальные способы решения чьих-либо проблем. Таким образом, в настоящее время для значительной части населения России механизмы определения поведения через идентификацию с группой большей частью неприменимы.

Контекст политики

В России до 1989 г. в число признанных слабых мест социальной политики входили недофинансирование некоторых услуг (например, здравоохранение), сверхсубсидирование других (жи-

лье), а также бюрократическое подавление стимулов деятельности. В центре политики в области занятости было право на труд. Первейшей заботой вслед за реформой/революцией 1989—1991 гг. стало установление политического плюрализма и проведение экономической реформы. Вопросов социальной политики (особенно касающихся государственной благотворительности) среди приоритетных тем не было. Однако сейчас признают, что возникающий капитализм нужно исправлять подходящей социальной политикой в интересах ущемленных и политической стабильности.

Первый шаг включал меры, соответствующие переходному периоду: выплату пособий по безработице и компенсацию роста цен. Большинство предприятий сейчас приватизированы, однако ожидаемый рост безработицы остался умеренным. Многие ожидали, что рыночные ограничения приведут к увеличению числа банкротств предприятий и уровня безработицы. Отсюда растущий интерес к разнообразию мер социальной политики, обычно используемых в капиталистических демократиях. Две ключевые темы появились в восточноевропейской литературе: как правительства могут обеспечить принятие обществом принципа социальной политики, соответствующего рыночному неравенству, и пределы, до которых граждане могут сами активно справляться с нестабильностью и новыми проблемами.

Безусловно, существует долгая и богатая западная традиция дебатов по социальной политике, стимулируемая специфичной проблемой безработицы, особенно в моменты ее резкого роста (в 1930-х, в ранних 1980-х и в 1990-х гг.). Эта работа формировала основу для сопоставлений опыта безработицы [*Hill*; *Sinfield*; *Allen*; *Gallie et al.*], ее причин и вариантов политики, которым следовали, чтобы справиться с ней [*Therborn*]. Другая литература фокусируется на проблеме бедности, которая для нынешней российской ситуации является центральной.

При очевидном недостатке стабильности в России литературой, которая, возможно, в большей степени относится к делу, стал анализ реакций на политический и экономический кризисы Запада, на кризис государства всеобщего благосостояния в 1970-е гг. Сегодня утверждается, что существуют сходящиеся верхний и нижний пределы государственного социального вмешательства с точки зрения экономической цены и политической легитимации. Это утверждение — важнейший элемент споров о вероятных последствиях для «социальной Европы» распространения членства в Европейском союзе на пять восточноевропейских государств.

Анализируя социальную политику, целесообразно акцентировать внимание на следующих вопросах.

Почему возникли новые направления политики? Какова роль исторических и культурных факторов или транснациональных агентств? Произошло ли это из-за того, что появились новые политические акторы (классы, церковь, партии, движения и т.д.), или это результат экономического и бюджетного кризисов? Если верно последнее, то существует ли целостная стратегия социальной политики, или есть только влияние других направлений политики, например, политики свободного рынка труда или учета «полных затрат»?

Каковы цели этих направлений? Рассматриваются ли они как всего лишь технические, или подразумевают изменение господствующих отношений между гражданами и государством, или между государством и рынком, или изменение в неравенстве групп, таких, как классы/полы/национальности? Как эти цели соотносятся западными идеологиями социального обеспечения? Что служит новым базисом для легитимной социальной справедливости?

Насколько широка поддержка этих целей? До какой степени они должны или могут быть изменены, чтобы приобрести общественную легитимность? Какие стратегии выбирает общественность для того, чтобы поддерживать/сопротивляться этим направлениям политики? Каково отношение главных институциональных политических акторов к ним, имеют ли они (акторы) возможность отвечать, выдвигая альтернативы? Существует ли ощутимый предел изменения политики с точки зрения цены или политической легитимности?

Насколько успешно осуществляются эти направления политики? Каковы результаты конфликта целей? Какие административные ресурсы доступны для эффективного действия политики? Нацелены ли новые пособия на конкретные нужды? Принимают ли их получатели и неполучатели? Кто остается в проигрыше/выигрыше в переходный период?

Рынки труда и государства всеобщего благосостояния

В России с начала 1990-х гг. рынок труда, система производственных отношений и система социальной политики функционируют в значительно изменившейся среде. Эти сферы влияют

друг на друга множеством способов не только в России, но во всех индустриальных обществах, и взаимосвязь между возникающей социальной политикой и изменяющимися условиями в сфере занятости значительна. Социальная политика, рынки труда и производственные отношения тесно связаны друг с другом. На эмпирическом уровне рынки труда зависят от определенной социальной политики, а проведение социальной политики становится возможным благодаря определенным аспектам рынка труда. К примеру, в ЕС эта связь была выявлена через отождествление социальной политики с политикой в сфере занятости. На концептуальном уровне новые типологии европейских государств всеобщего благосостояния, созданные при изучении положения рабочих-мужчин, обладают огромным сходством с типологиями европейских производственных отношений, даже несмотря на то, что эти две области являются весьма отличными друг от друга направлениями академических исследований.

Эти системы «встречаются» друг с другом на различных уровнях: на уровне центрального и местных правительств, в деятельности профсоюзов, в управлении предприятиями. В индустриальных обществах существует тесная взаимосвязь между социальной политикой, рынком труда и системой производственных отношений. Определяющие события процесса инноваций в сфере социального обеспечения в XX в., такие, как New Deal в 1930-х гг. в США, британское государство всеобщего благосостояния 1940-х гг., а также более близкие нам по времени обновления этих систем в ходе клинтоновских реформ 1996 г. и пакет социальных законопроектов британской лейбористской партии в 1997 г., шли рука об руку с предположениями относительно рынка труда и производственных отношений.

Наиболее явным это было в американском случае, когда в 1935 г. одновременно были приняты Закон Вагнера (Wagner Act) и Акт о социальной защите. Закон Вагнера был попыткой регулировать производственные отношения посредством предоставления бóльших прав профсоюзам и наложения обязательств на нанимателей. Это, как надеялись, стабилизировало бы экономику и, следовательно, обеспечило средства для финансирования пенсий и пособий по безработице, а также уменьшило бы потребность в пособиях по бедности.

Десять лет спустя, когда основывалось британское государство всеобщего благосостояния, Доклад Бевериджа (Beveridge) так-

же ясно показал, что принятая схема зависела от ключевого предположения: полная занятость обеспечит выплату фондами пенсий и минимизирует расходы на пособия по безработице и по бедности.

Однако полная занятость на Западе оказалась недостижимой. В течение последних двадцати лет безработица была чумой для европейских правительств: во-первых, она увеличивала стоимость социального обеспечения, во-вторых, она порождала политическую нестабильность, а также множество связанных между собой социальных проблем и проблем здравоохранения. Перед правительствами Восточной Европы сейчас стоят те же проблемы. Социальная политика в решающей степени связана с функционированием рынка труда. Работа не только обеспечивает средства существования, удовлетворяя потребность в доходе (во времена Бевериджа на уровне «семейной зарплаты»), но и вообще она полезна для психологического и физического здоровья.

В целом работа стала необходимым пропуском к другим благам: либо через предоставление права на социальные пособия (типичный случай — пенсии и пособия по безработице), либо через связанное с работой обеспечение благами, такими, как субсидируемое жилье и здравоохранение. И в США, и в России такое «социальное обеспечение через рабочее место» (occupational welfare) было весьма масштабным. В США основной объем медицинского страхования реализуется через схемы работодателей, что стало бы фактически универсальной схемой после реформ здравоохранения Клинтона, предложенных, но отвергнутых в 1994 г. Кроме того, относительно щедрые пенсии в США финансируются через налог на фонд оплаты труда и распределяются в зависимости от доходов в прошлом.

В России широкомасштабное обеспечение социальными благами через предприятие является общепризнанным [*Shomina*]: здравоохранение, жилье, еда, праздники, образование (включая детские сады), право на пенсию предоставлялись и частично до сих пор предоставляются через предприятие. Эта неденежная, «социальная» зарплата составляет значительную часть операционных издержек предприятия и является ключевым элементом стимулирования труда и поведения на рынке рабочей силы в России. Она, вероятно, составляла 25% от средней зарплаты в промышленности в 1980-е гг., однако ее доля возросла примерно до 50% в 1990-е гг. отчасти из-за относительного падения денежной

зарплаты [*Gerchikov*, p. 151]. Похоже, что в настоящее время такое обеспечение медленно сокращается.

Предоставление социальных благ предприятием можно понимать как издержки заработной платы, возникающие из-за конкурентной борьбы между работодателями за ограниченные трудовые ресурсы (что, безусловно, было характерной чертой российского рынка труда в течение бóльшей части XX в.). Вместе с тем на уровне национального хозяйства эти блага могут быть поняты как важная часть инвестиций в человеческий капитал. Социальная политика помогает обеспечивать как ежедневное воспроизводство рабочей силы посредством внутреннего обслуживания физических и психологических потребностей, так и долгосрочное производство здоровой и грамотной рабочей силы. Социальное обеспечение через рабочее место и более общее социальное обеспечение, таким образом, имеют более широкие последствия, чем конкурентная борьба за ограниченные трудовые ресурсы: у работодателей есть также и коллективная заинтересованность в усилиях социальной политики, направленных на поддержку рабочей силы, от которой они зависят.

Эта взаимозависимость особенно ярко проявляется в том, насколько близко по отношению к вопросам занятости определяется социальная политика в ЕС. Право свободного движения рабочей силы в ЕС и другие права, связанные с занятостью, такие, как равенство возможностей, относительно высокие уровни расходов на образование и на инициативы в сфере занятости, а также относительно низкие уровни расходов на медицину, жилье или социальную защиту, высвечивают тесную взаимосвязь социальных проблем и проблем занятости. Ее символом стала замена в окончательном тексте проекта Социального протокола 1989 г. термина «граждане» термином «работники».

Эти многочисленные точки соприкосновения между социальной политикой и рынком труда легче осознать во время экономических изменений. Ключевые моменты раннего этапа процесса инноваций в сфере социального обеспечения в США и в Великобритании в 1930—1940-е гг. были непосредственно связаны с изменениями в экономической политике и практике, в России мы можем видеть похожий процесс. Ключевые изменения социальной политики здесь произошли во время ранней индустриализации в первой половине 1930-х гг. и индустриального созревания второй половины 1950-х гг. В конце XX в. все три государства пережива-

ют новый виток экономических перемен, и во всех трех имеют место связанные с ними нововведения в социальной политике. В российском случае эти перемены были, безусловно, грандиозными, и изменения социальной политики, следовавшие за ними, имели тот же масштаб.

В дополнение к эмпирическим связям между этими двумя областями мы можем отметить еще одну, последнюю связь. Это параллельное развитие теории в двух несвязанных академических дискурсах, а именно: в сравнительной социальной политике и сравнительных производственных отношениях. Эти дискурсы не являются традициями, между которыми существовало какое-либо существенное взаимодействие, что делает теоретические параллели еще более впечатляющими. В общем и целом мы обнаружили, что в 1990-е гг. оба направления выработали набор типологий для понимания сравнительных изменений в социальной политике и политике в сфере занятости в различных странах. В этих типологиях была сделана попытка определить идеально-типические черты групп стран, в которых в развитии социальной политики и политики в сфере занятости обнаруживалось наличие внутренней логики: «американский» тип, «скандинавский» тип и т.д. Ссылки на эти типы стали значимой особенностью международных рекомендаций, предоставлявшихся России, к примеру, Всемирным банком, и внутренних дебатов в России о перспективах новой политики. И большая часть этих рекомендаций интегрирует аспекты как социальной политики, так и политики в сфере занятости.

В настоящее время социальная политика в индустриальных обществах обычно рассматривается как включенная в полную, внутренне последовательную национальную систему государства всеобщего благосостояния. Важно попытаться определить, что это такое, чтобы полностью оценить динамику политики в любой частной сфере, ее пределы и результаты. Страны различаются конкретной моделью государства всеобщего благосостояния. Хотя первые типологии социальной политики были предложены в 1970-х гг., их теоретическая детализация и эмпирическая демонстрация были подняты на новый уровень в области сравнительной политики Г. Эспинг-Андерсеном [*Esping-Andersen*]. В своей весьма влиятельной книге он изложил три типа, или, как он назвал их, «режима капитализма всеобщего благосостояния». Они возникли в результате рассмотрения только положения рабочих-мужчин и, хотя подвергались основательной критике за игнори-

рование гендерных проблем, доминировали в дискуссиях по социальной политике в 1990-е гг. Его утверждение состояло в том, что в различных странах социальная политика строилась вокруг определенных внутренне связанных вещей, так что у различных типов социальной политики были общими определенные последовательные предположения и результаты, с точки зрения, к примеру, природы государственного вмешательства, стратификации социальных групп и, что наиболее важно, пределов, до которых рынки заменялись бюрократическим распределением в процессе «растоваривания» (de-commodification).

Эспинг-Андерсен предположил существование таких трех типов: неолиберального (американского), социал-демократического (скандинавского) и корпоративистского (франко-германского). Неолиберальный тип характеризуется относительно низким (и падающим) уровнем растоваривания, относительно высоким уровнем расслоения, с точки зрения неравенства доходов, и государственным вмешательством, для которого более типично регулирование рынка, нежели предоставление или финансирование социального обеспечения. Социал-демократический тип, напротив, характеризует высокий уровень растоваривания, низкий уровень расслоения и прямое государственное обеспечение или финансирование, а также регулирование. Корпоративистский тип характеризуется соединением этих черт: огромное расслоение по доходам и социальному статусу вкупе со значительным растовариванием, которое происходит через жесткое регулирование бесприбыльных производителей, а не через прямое государственное обеспечение.

Хотя Эспинг-Андерсен не включает допереходные общества советской эпохи в свою типологию, нетрудно включить их как особый тип: растоваривание через субсидирование цен (особенно на еду и жилье) было масштабным, государственное регулирование — широко распространенным, а расслоение — ограниченным. Кроме того, господствующая роль социального обеспечения через предприятия установила между рынками труда, производственными отношениями и социальной политикой особенно тесную взаимосвязь. Этот тип качественно отличался от модели социал-демократического режима и мог бы быть описан как государственно-социалистический. Как мы увидим дальше, эти взаимосвязи не растворились в новом мире частной российской промышленности.

Связь между производственными отношениями и «режимом» социальной политики в этом сравнительном анализе становится

яснее, если мы обратимся к традиционной дискуссии о происхождении государств всеобщего благосостояния и объяснениям их более-менее благополучного развития. Отсюда основной вывод — расширение государства всеобщего благосостояния в значительной степени обусловлено экономическим ростом и политическими последствиями развития профсоюзов. Говоря кратко, «режимы» всеобщего благосостояния можно группировать не только по их следствиям (растовариванию и т.п.), но также по причинам их возникновения в различных экономических и политических обстоятельствах.

Удивительно похожая типология возникла в последние годы в литературе по сравнительным производственным отношениям. В этой области не было столь же влиятельной публикации, как книга Эспинг-Андерсена, однако определенный консенсус появился. В отличие от литературы по сравнительной социальной политике модели производственных отношений используют менее точно квантифицированные переменные, такие, как сила государственного вмешательства, гибкость регулирования, конституционные основы производственных отношений и масштаб консультаций в системе. Типология (практически полностью идентичная типологии Эспинг-Андерсена) предложена, например, Дж. Дью [*Due et al.*]. Утверждается, что существуют три европейских типа производственных отношений: романо-германский (например, во Франции), англо-ирландский (например, в Великобритании) и северная система (например, в Дании).

Как правило, эти модели фокусируют внимание на силе и/или гибкости трех сторон, вовлеченных в регулирование производственных отношений: государства, работодателей и профсоюзов. К примеру, А. Фернер и Р. Хайман [*Ferner, Hyman*] также разрабатывают тройную классификацию, в которой британское государство характеризуется как сильное и негибкое, французское — как относительно слабое, а Германия — как сильное, но также и гибкое. Для большей полноты Дж. Бальони и К. Кроуч [*Baglioni, Crouch*] рассматривают две другие ключевые стороны — менеджмент и профсоюзы — и выступают соответственно с двумя следующими типологиями. В первой из них практика коллективного торга ранжируется по пятибалльной шкале: от сильной до слабой, со Швецией наверху, Великобританией в середине и Францией около самого низа. Обратившись в заключение к управленческим «стилям в производственных отношениях», они

обосновывают тройную типологию, включающую систему законодательно закрепленных обязательств коллективного торга (Германия и Швеция), систему добровольных консультаций (многие европейские страны) и систему laissez-faire, типичную для США, а теперь и для Великобритании.

Нам следует добавить советскую модель к европейским типологиям. В старой советской системе производственных отношений централизованный контроль партийно-государственного аппарата над работодателями и над профсоюзами может быть охарактеризован как сильное вмешательство государства, ограниченная гибкость и малость объема консультаций. Однако в 1990-е гг. эти отношения изменились повсюду в Центральной и Восточной Европе, включая Россию [*Thirkell et al.*].

Насколько полезны могут быть эти модели сравнительной социальной политики и сравнительных производственных отношений для анализа современных изменений в России? Легко увидеть точки соприкосновения этих типологий, разработанных применительно к производственным отношениям и социальной политике. Они подразумевают, что весьма вероятно наличие резонансов между производственными отношениями и политикой на рынке труда, с одной стороны, и социальной политикой — с другой. Поэтому мы можем рассчитывать на определенное соответствие между этими сферами в постпереходной России. Кроме того, мы можем рассчитывать на обнаружение этих резонансов как на уровне домохозяйств, так и во взаимодействии местной политики в сферах занятости и социальной защиты.

Насколько сильно изменился рынок труда в России — вопрос спорный. В литературе есть три различающихся взгляда на эту ситуацию. Первая точка зрения сводится к тому, что массового выброса рабочей силы не будет, так как рынок успешно приспосабливается к гибкой реструктуризации: оборот рабочей силы высок, а заработная плата быстро изменилась. Сторонники второй точки зрения указывают на неоднородность рынка труда, включающего большой стабильный сегмент и меньший сегмент, вращающийся на рынке с бешеной скоростью. Бóльшая часть рабочей силы, таким образом, может «запасаться» подконтрольными рабочим управляющими, которые в конечном итоге будут вынуждены привести все в соответствие, так как неэффективные фирмы вытесняются из бизнеса. Третья точка зрения состоит в том, что избыточная занятость существует вследствие извращен-

ной налоговой мотивации или же из-за своей относительно низкой цены.

Подобно тому, что рынок труда (по крайней мере для части рабочей силы) не изменился, российские производственные отношения также изменились меньше, чем в других восточноевропейских обществах. Крупномасштабное развитие независимых профсоюзов в горнодобывающей промышленности, где забастовки становятся заголовками газет, совершенно нетипично для России. Независимые профсоюзы сошли со сцены, традиционные профсоюзы продолжают удерживать господство и в целом сохранять свою массовость [*Gerchikov*].

Основная причина этого — сохраняющаяся и даже развивающаяся роль старых профсоюзов как поставщиков социальных товаров и услуг, получаемых через предприятие. «Социальное обеспечение через рабочее место» изменилось значительно меньше, чем государственная социальная политика [*Ashwin*]. Это было основным фактором нежелания российских рабочих порвать с тем, что у них есть рабочее место, но нет ни работы, ни зарплаты, ибо, как отмечалось выше, значительная часть их дохода попрежнему предоставлялась в форме неденежных товаров и услуг. Тем не менее рынок труда изменился, а с ним, в принципе, — и система социального обеспечения. Ключевыми изменениями являются появление безработицы, давление на финансируемые из бюджета службы и резкий рост регионального неравенства.

Индивидуальное действие и социальная теория

Структуралистский подход, созданный в рамках веберианской/неовеберианской традиции, содержит набор положений, обладающих принципиальной важностью при анализе социальных изменений в условиях трансформирующегося переходного общества.

1. Традиция делает упор на системы социального действия, и, следовательно, внимание фокусируется на типологических характеристиках индивидуального действия.

2. При поиске экономических причин, лежащих в основе социальной мобильности и расслоения, упор делается не на обладание собственностью, а на рыночные позиции группы. Показы-

вается, что жизненные возможности на потребительском рынке и рынке труда стратифицируют рынки, влияя тем самым на экономическую стратификацию.

3. Жизненные шансы и перспективы социальной мобильности рассматриваются как подчиненные не только объективным экономическим характеристикам группы, но и усилиям самих индивидов и их специфическим карьерным возможностям.

4. Анализ статусных позиций, определяемых через престиж образования и профессии, образ жизни, социокультурные установки и поведенческие нормы, связывается с рыночными позициями.

Однако обычный набор стратифицирующих характеристик (дифференцирующие факторы социальной мобильности, использующиеся в рамках веберианского подхода), по-видимому, является неадекватным и недостаточно надежным в условиях переходного общества, где идут интенсивные процессы реструктуризации, влияющие на все социальные структуры. Альтернативный, функционалистский подход Т. Парсонса [*Parsons*], К. Дэвиса и У. Мура [*Davis, Moore*] не подходит из-за своей неспособности эффективно объяснять процессы социальной мобильности. В то же время весь спектр других идей Парсонса (о статусе как вознаграждении не только за деятельность, но также за желательные качества индивида; о том, что достиженческие ценности оптимальным образом обеспечивают потенциал для приспособления к динамической социальной системе; о символической природе потребления для обозначения места индивида в системе статусов и в других системах) кажется нам потенциально полезным для анализа процессов трансформации социальной структуры России [*Parsons*].

Многие исследователи анализировали проблемы социальной мобильности и стратификации, рассматривая личность как актора, а не как элемент (или винтик) социальной системы. Необязательно соглашаться с А. Туреном в том, что основным направлением развития социологии является переход от социальных систем к актору [*Турен*]. Однако мы уверены, что этот подход является многообещающим применительно к трансформирующемуся обществу.

В раннем взгляде на проблему, принадлежащем В. Уорнеру, подчеркивалась роль характеристик, связанных с субъективным значением, в определении социального статуса [*Warner et al.* p. 21]. Уорнер придает огромное значение социокультурным аспектам поведения, включая модели потребления и использования досуга, а также образовательные устремления, которые очень тесно связаны с психологической мотивацией индивида.

Другим исследователем, оказавшим большое влияние на формирование данного подхода, был П. Таунсенд, изучивший, в какой степени люди из низших слоев обладают потенциалом «играть роли, участвовать в отношениях и следовать покупательскому поведению», каковые считаются приемлемыми в обществах, к которым они принадлежат [*Townsend*, 1993]. В западноевропейской литературе велись оживленные дебаты по проблеме «культуры бедности» или «культуры зависимости», включающей элементы фатализма и пассивного смирения. Водоразделом между учеными, работающими над этой проблемой, служит вопрос о том, является ли эта культура причиной или же следствием бедности. Однако во множестве исследований, проведенных в 1970—1990-е гг., этой точке зрения был брошен вызов. Стало ясно, что, хотя разные страты на самом деле демонстрируют некоторые различия в отношении культуры, эти различия не являются особо значительными. Кроме того, трудно определить причинную связь между ними и социальным статусом индивида: можно зафиксировать ее присутствие, но не показать первичность одного или другого.

Второе направление анализа, критически относящееся к понятию «культуры зависимости» и психологической каузальности социального статуса индивида, имеет дело с проблемой самоидентификации. Мы имеем в виду исследования, которые показали, что, несмотря на наличие у людей сильной потребности истолковывать себя не просто в терминах конкретного, изолированного, индивидуального действия, а в качестве членов социальной группы, эта принадлежность к определенной группе не является психологической чертой, присущей индивидам как фиксированная часть их самоидентификации. Сама ситуация определяет поведение людей при том или другом наборе обстоятельств. Исследователи утверждают, что индивидуальное действие есть в первую очередь результат «социальных», а не «личностных» переменных.

Два альтернативных подхода существуют в современной социологии. Один рассматривает отдельных индивидов либо как элементы социальной системы (структуры), чьи действия детерминированы их местом в системе социоэкономических отношений, либо как элементы культурной системы, в рамках которой они действуют под влиянием норм и правил, сложившихся в данной культуре (например, в «культуре бедности» или в «культуре зависимости»). Другой подход видит их активными социальными субъектами, «рациональными акторами», каковые вводят в игру

все свои многочисленные ресурсы, преследуя свои цели, однако принимают во внимание правила, определенные границами конкретной ситуации, в рамках которых они должны действовать [*Giddens*, 1984].

Чем является ситуация для русских: случаем структуры или действия? И до какой степени предметом исследования должны быть культурный процесс, формирующий поведение, ситуационные ограничения и возможности, доступные индивиду для использования, или же особый вид характеристик личности, способных приводить к определенным моделям индивидуального действия?

Еще два автора также повлияли на анализ данной проблемы — П. Бурдье и М. Кон. Для анализа проблем стратификации наиболее значительными аспектами научной мысли П. Бурдье являются его концепция типов ресурсов (различные виды «капитала»), определяющих место в социальной системе, и роль «хабитуса» в стратификационном процессе, который весьма близок, на наш взгляд, концепции ментальности, как она понимается в российской социологической традиции [*Бурдье*]. Различение «экономического капитала в его разных формах, культурного капитала и символического «капитала, при том, что все легитимно признаваемые типы капитала способны играть роль последнего» [*Бурдье,* с. 141], от которого Бурдье иногда отличает собственно социальный капитал, позволило ему исследовать положение субъекта в социальном пространстве как производную этих форм капитала. Более того, как подчеркивал Бурдье, «субъекты распределяются в социальном пространстве, во-первых, в соответствии со своим полным капиталом и, во-вторых, конформно его структуре, т.е. соотношению между различными видами капитала... в его полном объеме» [*Бурдье*, с. 141].

М. Кон проанализировал ценностные системы различных классов и распределение индивидуалистических/конформистских ориентаций среди членов различных социальных групп с разными статусными позициями [*Kohn, Schooler et al.*]. Кон и его коллеги продемонстрировали прямую взаимосвязь между стратификационной позицией и ценностями. «Достиженческие ориентации являются основной ценностью людей с высоким социальным статусом, каковые ощущают себя компетентными членами общества, которое благоприятно к ним расположено... С другой стороны, конформизм типичен для низких позиций социальной стратифи-

кации, на которых люди рассматривают себя как менее компетентных членов общества, которое безразлично или даже враждебно к ним» [*Kohn et al.*]. В связи с вопросами социальной мобильности Кон подчеркивал, что люди с позитивным отношением к жизни, нонконформисты по своим убеждениям, имеют больше шансов занять более высокую социальную позицию. Не утверждая, что направление социальной мобильности определяется психологическими характеристиками личности, он установил, что здесь есть корреляция. Профессиональный статус связан с ценностями и установками, и, более того, эта связь имеет взаимный характер. Стратификационная позиция, подчеркивает М. Кон, влияет на профессиональные достижения и зависит от ориентации на них. Эта самая ориентация и формирует психологические характеристики, и сама формируется ими. Кроме того, как отметил М. Кон, это «относится не только к ценностям, но также к таким понятиям, как активная и целеустремленная жизненная позиция, фрустрация (неудача), отчуждение и способность схватывать и формировать идеи» [*Kohn*].

Наконец, при интерпретации действий актора важна теория рационального выбора Коулмена (Coleman), которая после него совершенствовалась рядом европейских авторов, включая А. Гидденса [*Giddens*, 1973; 1984; *Social Class*]. Эта теория подчеркивает значимость индивидуальных стратегий решения проблем и выяснения того, насколько они эффективны. На основе концепции правил и ресурсов очевидны специфические черты России, где осуществление выбора, как правило, совершенно рационального, может заметно отличаться от европейского или американского опыта.

Бедность

Обнищание России в 1990-е гг. все больше и больше становилось ключевым средоточием исследования. Бедность, ее природа и причины находились в центре внимания социальной науки на протяжении почти двух столетий. Бóльшую часть этого времени в центре обсуждений были споры об абсолютных и относительных определениях бедности и способах измерения. А. Смит в книге «Исследования о причинах богатства народов» в связи с бедностью заметил: «Под предметами первой необходимости я понимаю не

только товары, которые совершенно необходимы для поддержания жизни, но все, без чего обычай страны считает недостойным обходиться приличному человеку даже самого низкого ранга». Тем не менее современная традиция исследований бедности, начатых В. Раунтри [*Rowntree*] в Нью-Йорке в 1898 г., на практике тяготела к абсолютному подходу к бедности, пытаясь вычислить прожиточный минимум, необходимый семьям для приобретения определенных экспертами предметов первой необходимости. И правительства на практике применяют этот подход при установлении прожиточных минимумов.

Однако в XX в. чаша весов постепенно склонялась к относительному определению бедности. Сейчас мы все — релятивисты. К этому пришли из-за невозможности извлечь смысл бедности или конкретных ее проявлений вне социального контекста, в котором она существует: «То, что бедность в экономически развитых странах должна определяться относительно стандартов рассматриваемого общества, по-видимому, является общепринятым фактом» [*Callan et al.*].

Что означает быть нуждающимся? Для В. Раунтри в 1936 г. ответом стало добавление к средствам, обеспечивающим поддержку просто физического здоровья, средств на газеты, марки, письменную бумагу, радио, праздники, пиво, табак и подарки. А позже для П. Таунсенда (этот отрывок стал известной цитатой) люди были бедны тогда, «когда им не хватает ресурсов, чтобы получить тот тип питания, заниматься такими вещами, иметь такие жизненные условия и удобства, каковые являются общепринятыми, или, по крайней мере, широко поощряются или одобряются в обществах, к которым они принадлежат» [*Townsend*, 1979, p. 31].

Однако новая проблема вышла на первый план в дискуссиях о бедности, соперничая со старыми спорами о релятивизме: чем является бедность — вопросом нужды или дохода? С ростом наемного труда в XIX в. и упадком домашнего и общинного производств почти все нужды и желания индивидов и домохозяйств удовлетворяются через рынок, или предполагается, что это так.

По понятным причинам бедность связали с доходом, предполагая, что, обладая доходом, меньшим определенной величины, индивиды и домохозяйства будут лишены товаров и услуг, кото-

рые нужно иметь гражданам. Однако это соединение трижды проблематично. И определение дохода, и определение нужды спорны, а отношение между ними не является прямым.

Доход, или ресурсы, для покупки товаров и услуг, казалось бы, легко определить. Но возможны значительные флуктуации дохода в краткосрочном периоде. За какое время нужно измерять реальный доход? Вторая проблема состоит в том, что деньги и другие ресурсы часто текут в домохозяйство, а не прямо к индивидам (например, выплата пособий на детей). Аналогично заработная плата мужчин может не найти свой путь в домашнее хозяйство в полном объеме.

Частичный выход из этих затруднений — спросить население о необходимом минимальном доходе в предположении, что ему известно, что требуется для «таких же, как и они сами», людей. Этот так называемый консенсусный подход к определению дохода сейчас предлагается [*Townsend et al.*,1998] в новом международном исследовании бедности, опирающемся на материалы Всемирного саммита по социальному развитию ООН.

Нужда, или нехватка товаров и услуг, считающихся обычными, поощряемыми или одобряемыми, как было отмечено выше, обладает культурной окраской. В высокосовременных обществах, характеризующихся культурными различиями и многообразием, может быть трудным узнать, что означает «обычный». В очередной раз текущим решением проблемы стал консенсусный подход, принятый Дж. Маком и С. Лэнсли, при котором население спрашивают о том, какие товары и услуги считаются необходимыми, а мерой нужды становится «вынужденная нехватка того, что общество воспринимает как необходимость» [*Mack, Lansley*, p. 39].

Кроме того, взаимосвязь между доходом и нуждой не столь тесна, как это можно было бы ожидать на первый взгляд. Важным вопросом является цена товаров и услуг, которая изменяется не только от региона к региону, но и в «микроэкономике» даже маленьких городов, где покупка небольших количеств может значительно увеличить стоимость единицы товара. Это может включать электроэнергию, пищу, транспорт и одежду. Кроме того, состав набора купленных товаров может не быть наиболее эффективным, например, с точки зрения диеты. То, что является обычным, безусловно, является целью энергичных рекламщиков, которые располагают всеми средствами побуждения для того,

чтобы убедить более бедных людей, как и всех вообще, желать вещи, в которых они, возможно, на самом деле не нуждаются.

И последнее утверждение, сделанное С. Рингеном в 1988 г., состоит в том, что нуждающиеся могут не испытывать недостатка в доходе. Они могут либо выбрать отказ от потребления, либо быть ограниченными другими факторами помимо недостатка денег (к примеру, невозможностью иметь доступ к деньгам благодаря детям и женам), либо иметь высокие фиксированные издержки, такие, как обязательства по выплате долгов. Аналогично те, кому не хватает дохода, могут не испытывать нужды, например, когда доход временно низок, но есть доступ к другим видам ресурсов. Оба этих фактора обычны для сельских и фермерских сообществ и, как мы увидим ниже, весьма характерны для России.

Б. Галлерод [*Hallerod*] изучил этот вопрос с помощью шведских данных. Также была произведена систематическая попытка рассмотреть его Т. Калланом [*Callan et al.*] для Ирландии. Данная работа весьма полезна, когда мы размышляем о России, так как во всех трех странах индустриализация произошла поздно, в основном в XX в., и, следовательно, сельское/фермерское сообщество значительно и культурно, и экономически.

В исследовании Т. Каллана индексы нужды выводились с помощью вопросов респондентам о том, что они считают существенным. 24 предмета были подвергнуты факторному анализу. Были выведены три типа индикаторов: то, что необходимо для ежедневного выживания (еда и тепло); то, что относится к вещам долгосрочного пользования и жилью (холодильник и ванна); смешанная остаточная категория предметов, которые могли быть в большей степени зависимы от культуры (подарки или хобби). Оказалось, что только 16% населения имели низкий доход и испытывали нужду, а фермеры были особенно примечательны тем, что составляли четверть бедных по доходу, но только чуть более 10% бедных, испытывавших нужду.

В шведских исследованиях также сопоставлялись бедность по доходу (определенная с помощью метода «сведения концов с концами» Лейдена (Leyden)) и предметы нужды, полученные на основании модифицированного подхода Мака и Лэнсли. В результате этого обзора обнаружилось, что, как и в Ирландии, доли бедности по доходу (21%) и нуждающихся (21%) были одинаковыми и, как и в Ирландии, лишь значительно мéньшая доля (9%) имела низкие доходы и испытывала нужду.

Российские исследования бедности

В российской ситуации это несоответствие по многим причинам может быть еще резче. В условиях гиперинфляции 1990-х гг., широко распространенных задержек зарплат и пенсий, вынужденных отпусков большинство домохозяйств используют неденежные стратегии выживания.

Т. Пиирайнен [*Piirainen*] в подробном качественном исследовании семей Санкт-Петербурга определил три альтернативные стратегии. Те, кому удалось организовать новые предприятия или получить на них работу, были способны продуцировать образ жизни, характеризовавшийся относительным изобилием. Помимо прочего, этот стиль соответствовал весьма традиционному западному стандарту человека, способного содержать дома не получающего зарплату партнера. Другие выживали с помощью работы по найму, но их уровень жизни понижался, если в домохозяйстве не было, по крайней мере, второго источника дохода в виде заработной платы или пенсии члена семьи. Третьей стратегией был уход с рынка труда и возвращение к доиндустриальной сельскохозяйственной модели существования, что осуществлялось либо в самой деревне, либо через возвращение в деревню, часто посредством родственников, все еще живших там.

Большой объем взаимной поддержки через семью и сети знакомств был выявлен в ряде обследований и детально — в качественном исследовании М. Лонкилы [*Lonkila*]. Вторя картине позднесоветской жизни, нарисованной В. Шляпентохом [*Shlapentokh*], Лонкила ярко продемонстрировал, что «сила слабых связей» [*Granovetter*] заключена в том, что они соединяют людей с более широкой сетью обмена, поддержки и обязательств вне рынка. Эта сеть в СССР была заметно более широкой, чем в Финляндии, и являлась ключевым механизмом выживания социалистической эпохи. Этот механизм стал функциональным также и в новой, постсоветской, ситуации.

Ежегодные обследования Р. Роуза определили, что ключевым неденежным механизмом, о котором сообщали сами домохозяйства, было выращивание продуктов питания. В списке ключевых способов получения ресурсов для домохозяйства он стоит первым, и его ранг несколько выше, чем у самой зарплаты [*Rose*, p. 24]. Р. Роуз и И. Макаллистер сделали вывод, что «деньги не являются мерой благосостояния в России» [*Rose, McAllister*].

Там, где денежный доход доступен, его нужно измерять в течение более длительного периода, чем тот, что обычно используется в обследованиях бедности, и соотносить с ресурсами другого рода. Это было показано Л. Овчаровой [*Ovcharova*]. Во-первых, данные обследований Госкомстата показывают, что доходы около 35% домохозяйств оказываются ниже прожиточного минимума, когда они измеряются в течение одного месяца, но эта доля падает до 20%, когда они измеряются в течение трех. Во-вторых, она, как и Р. Роуз, показывает, что от 40 до 50% пищевых продуктов в России производится вне рынка. Даже 50% москвичей имеют огороды [*Rose, Tikhomirov*]. Эта добавка к денежному доходу по важности расценивается домохозяйствами как равная деньгам. Принимая это во внимание, Л. Овчарова обнаруживает, что уровень бедности, измеряемой по месячному доходу, падает с 35 до 27%, а очевидно высокий уровень бедности сельских домохозяйств с 60% падает до городского и общего значения в 27%.

Картина здесь повторяет ситуацию в Ирландии. Фермеры в Ирландии были группой, в наибольшей степени подходящей для демонстрации разрыва между денежной бедностью и отсутствием нужды.

И последняя причина, по которой мы могли бы ожидать, что это несоответствие для России будет более значительным, состоит в том, что при таком быстром изменении статуса домохозяйств и продолжении предоставления предприятием широкой поддержки в форме нерыночных товаров и услуг многие домохозяйства будут обладать товарами и услугами на более высоком уровне, чем это позволяли бы им их доходы.

В 1987 г. Уолкер (Walker) предположил, что споры, бушевавшие вокруг измерения бедности, могли бы быть разрешены посредством ряда качественных исследований с меньшими выборками для прояснения того, что на самом деле бедность значит для домохозяйств различных типов и какие стратегии данные домохозяйства используют для борьбы. Однако он признает, что это, по-видимому, будет дорого из-за размера выборки. Часть данной работы была проделана в Великобритании, но большое обследование до сих пор предпочтительнее, возможно, из-за того, что для собранных данных оно относительно дешево.

Российские исследования по проблеме бедности также проводятся весьма широко. ВЦИОМ ведет сейчас такую работу на базе мониторингов, изучая разницу потребительского поведения

семей при различных уровнях доходов и сравнивая стратегии улучшения своего материального положения, которые доступны различным категориям семей, а также исследуя влияние бедности на социальное участие. Исследование взаимосвязей проблемы бедности и проблемы безработицы было проведено учеными из Новосибирска под руководством Н. Черниной.

Однако главная ловушка для российских исследователей, рассматривающих проблему бедности, содержится в том факте, что никто не может дать определенный ответ на вопрос о том, что значит «бедность» или «бедный». Оценки числа бедных варьируются от 20—25 до 80—85% всего населения страны. В российской литературе признается, что бедность можно понимать как определенный уровень дохода (не только низкий денежный доход, но также отсутствие других экономических ресурсов) и невозможность поддерживать стандарты образа жизни (включая формы социального участия), воспринимаемые как «нормальные». Применение каждого из этих подходов дает более-менее разную картину бедности. Кроме того, в каждом из этих подходов бедность можно характеризовать ее абсолютной величиной — числом людей, имеющих доход ниже некоторого фиксированного минимума и/или обладающих собственностью или возможностями социального участия, меньшими определенного стандарта. Но в то же время встает вопрос: если в соответствии с этими стандартами большинство населения бедно, то возможно ли рассматривать данный стандарт как стандарт бедности, или это просто аналитики пытаются применять слишком высокий стандарт к бедной стране? Бедность может еще рассматриваться и в относительных категориях. В этом случае бедными считают тех, кто имеет уровень благосостояния примерно вдвое меньше среднего, тогда как преуспевающими являются те, кто имеет примерно вдвое больший среднего уровень благосостояния [*Хахулина, Тучек*, 1995, с. 168].

Но даже использование, казалось бы, единственного критерия, «прожиточного минимума», может дать более-менее разные результаты в зависимости от того, что под этим понимается. Таким образом, при проведении исследования ВЦИОМ в марте 1996 г. использовались несколько критериев для определения прожиточного минимума. Первым критерием был уровень текущего ежедневного дохода, соответствующий официальному значению прожиточного минимума Государственного комитета по статистике Министерства труда Российской Федерации. Вторым

критерием была субъективная оценка прожиточного минимума населением — 580 тыс. руб. в месяц на одного члена семьи, в то время как третьим был порог, ниже которого, согласно общественному мнению, человек может рассматриваться как «бедный» (300 тыс. руб., т.е. примерно около половины «нормального» прожиточного минимума, как он оценивался населением). Данные этого исследования показывают, как возникает почти четырехкратная разница в оценках бедности в России. Как отмечает Л. Зубова, делая выводы из данных трехлетнего мониторинга, какой бы критерий бедности ни применялся, внутри общества в течение последних лет с достаточным постоянством определяются группы бедных семей, и их шансы выйти из бедности практически равны нулю, т.е. сформировалась перманентная бедность [*Зубова*, 1996].

Другие российские исследователи также указывали на феномен перманентной бедности. Н. Римашевская различает две формы бедности: «фиксированную» и «плавающую». Первая связана с тем фактом, что бедность, как правило, рождает бедность. Мы можем добавить, что она есть в точности тот вид бедности, о чьих отношениях с «культурой зависимости» идут споры в других странах. Вторая, «плавающая», форма связана с возможностью «выпрыгнуть» из состояния бедности, пройти через нее как временный период жизни. Эта форма приобретает особое значение в связи с возникновением (рядом с традиционно бедными, которые существовали в СССР: матерями-одиночками и многодетными семьями, инвалидами, пожилыми одинокими людьми) многих миллионов «новых бедных». Некоторые из них остаются в категории бедных, тогда как другие могут выйти из данного состояния [*Римашевская*, с. 59, 60].

В связи с этим нам следует заметить, что бедные в России состоят из двух совершенно разных групп: «старые» бедные, т.е. те, кто жил ниже уровня бедности также и до реформ (примерно 11—12% населения было в этой группе) [*Можина*], и «новые бедные» (которые составляют от трети до четырех пятых населения в зависимости от критерия бедности, использованного для измерения). Значительная доля последних попадает не в социально слабые, а в социально сильные сегменты населения.

Н. Римашевская подчеркивает роль адаптации к условиям рынка (с помощью переоценки ценностей и правил взаимодействия, активного входа в рыночные структуры) как наиболее важного условия для выхода из круга бедности. По ее оценке, примерно

25% населения не способны к адаптации. Различный потенциал адаптации привел к формированию «двух Россий», разделяющихся на социальные ветви, растущие в разные стороны. Они резко отличаются поведением, предпочтениями и ценностными ориентациями. Возникли даже два потребительских рынка, существенно различающихся не только ценами, но также спектром имеющихся потребительских товаров [*Римашевская*].

Исследование, направленное на понимание бедности как относительной категории, представляет менее драматичную картину. Данные, полученные в международном проекте «Социальная стратификации в странах Восточной Европы после 1989 г.», показывают, что понятая таким образом бедность примерно одинаково распространена в Болгарии, России, Словакии и Чехии (8—10%). Хахулина и Тучек (Чехия) подчеркивали, что реальная бедность есть «комбинация низких доходов и отсутствия в семье любого вида собственности, которая могла бы служить для семьи гарантированным резервом» [*Хахулина, Тучек*, 1996, с. 21]. У таких семей вообще нет никакой собственности или сбережений, и они не имеют каких-либо современных вещей долгосрочного пользования.

В результате применения этого сводного критерия доля бедных в Болгарии, Венгрии и России оказалась в 2—2,5 раза меньше доли тех, кто имеет самые низкие доходы. Анализ Л. Хахулиной и М. Тучека также показал, что во всех этих странах статус занятости семьи (число работающих и срок их службы) определяет уровень ее благосостояния. В России до 40% семей, где кто-либо потерял работу (и до 25% в других странах, рассматривавшихся в исследовании), попадают в категорию бедных, тогда как в среднем к этой группе принадлежат не более 10%. Однако эта категоризация была оправдана только там, где уровень других сводных компонентов материального благосостояния, например, жилищных условий и наличия собственности, был ниже среднего. Дополнительные поступления не сглаживали, но усиливали различие в благосостоянии. Более того, результаты практически всех исследований в России по данной теме подтверждают это.

Выравнивание благосостояния населения России при введении критерия собственности связано не только с тем, что люди, которые раньше были вполне преуспевающими и имели определенные накопления собственности, в настоящее время попали в группу бедных, но также со специфической природой способа распределения в СССР многих товаров долгосрочного пользова-

ния и жилья (через предприятия, среди нуждающихся местными властями). Итог таков, что в России сегодня, как показало специальное исследование О. Бессоновой и С. Крапчан, уровни обеспеченности собственностью, жильем, уровень материальной защищенности находятся в значительном несоответствии. Они различают девять типов домохозяйств, из которых лишь два (на самом верху и в самом низу) демонстрируют заметную связь типа собственности, жилья и доходов. Число семей «высокого уровня» относительно невелико (менее 15%). Семьи «низкого уровня» (15%) имеют низкий уровень материальной защищенности и плохое жилье. Эта группа объединяет семьи с множеством детей, с недееспособным членом семьи, с одним родителем и семьи с некоторыми неработающими членами [*Бессонова, Крапчан*].

Именно это общее отсутствие какой-либо значимой связи между жильем и, до определенной степени, имущественным положением и доходом подводит россиян к соединению бедности только с уровнем дохода. По мнению 70% россиян, плохие жилищные условия или плохое медицинское обеспечение не свидетельствуют о бедности, если доход семьи достаточен. Таким образом, восприятие бедности россиянами качественно отлично от того, как ее воспринимают в странах Западной Европы [*Зубова, Хахулина*]. В России стандартный набор имущественных маркеров обеспеченной (но не состоятельной) жизни следующий: дача, машина, квартира.

В некоторых других исследованиях, проводившихся в России, граница бедности была установлена в соответствии с расходованием определенной доли дохода на еду. Среди этих проектов было проведенное М. Можиной лонгитюдное исследование семей в четырех российских городах разного размера (Петербурге, Астрахани, Петрозаводске и Вязниках Владимирской обл.). В данном исследовании люди считались бедными, если они тратили более 80% своего дохода на еду. Такое значение выбрали из-за того, что если бы использовалась доля в 68%, рекомендованная Министерством труда Российской Федерации, то большая часть населения оказалась бы определена как «бедные», и отличить от них действительно бедных было бы невозможно. Отталкиваясь от этой концепции бедности, исследование показало, что граница бедности, рассчитанная в ценах, существовавших в каждом из городов, соответствовала половине среднего дохода, т.е. и обычно используемый метод, и метод «доли дохода на еду» давали одинаковую картину [*Можина*, с. 173].

Сюжеты бедности

Выживание. В ходе нашего исследования были получены интересные результаты о связи стратегий выживания и уровня материального благосостояния. Было показано, что позитивный подход людей к поддержанию своих материальных условий демонстрировали прежде всех и больше всех семьи, обеспечивающие себя с помощью работы на своих огородах или дачных участках или с помощью более активной работы дома (сдельной работы, шитья, ремонта и т.п.). Второй наиболее значительный способ адаптации к экономической ситуации — дополнительная, нерегистрируемая работа, тогда как третьим стал поиск новой работы (табл. 2.1).

Таблица 2.1 **Действия, предпринятые для улучшения материального положения, % от общего числа респондентов**

Варианты ответов	Доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, %			
	Все респонденты	Респонденты с плохим материальным положением	Респонденты со средним материальным положением	Респонденты с хорошим материальным положением
Больше делаем для себя	46	41	50	39
Взяли дополнительную работу	27	25	29	22
Ищем новое рабочее место	10	14	9	7
Не видим необходимости делать что-либо	7	1	8	33
Ничего не можем сделать	26	38	20	3

Два обстоятельства видны из этой таблицы: высокий уровень активности большинства тех, кто оценивает свое материальное положение как плохое или очень плохое, и существование среди них внушительной (больше трети) группы, состоящей из людей, занимающих пассивную или фаталистическую позицию. Вдобавок к этому люди с хорошим материальным положением называли усталость и нехватку свободного времени среди факторов, больше всего осложнявших их семейную жизнь, тогда как ответы всех остальных фокусировались на низких доходах и плохом здоровье. Эти наблюдения важны в контексте споров о «культуре зависимости».

В том же исследовании был получен другой значительный результат. Был установлен регулярный порядок приоритетности для статей, на которых люди экономили, и этот порядок оказался связанным с уровнем материального благосостояния семьи. Было установлено, что вне зависимости от уровня благосостояния все в первую очередь экономили на одежде и обуви (здесь некоторые респонденты, очевидно, подразумевали экономию в смысле покупки более дешевых товаров, тогда как другие имели в виду то, что вообще ничего невозможно купить). Другие статьи, на которых люди сберегали свои деньги, резко различались. Во вторую очередь бедные экономили на еде, тогда как остальные сокращали расходы на досуг и развлечения. Разницу между состоятельными и среднеобеспеченными демонстрировала третья позиция. Для среднеобеспеченных это была еда, а для состоятельных — повседневные расходы домохозяйства. В целом исследование показало, что там, где у семьи есть ресурсы, стараются экономить на еде в последнюю очередь, после всех других значительных статей расходов семейного бюджета [*Зубова, Митяева*, с. 25].

Данные М. Красильниковой тоже свидетельствуют об этом. В десятом дециле только 1% респондентов ответил «никогда» на вопрос о том, как часто они экономили на продуктах, тогда как в первом таких было 24%. Те из этого дециля, кто экономил, экономили на вещах, совершенно отличных от тех, на которых экономили бедные, что справедливо и в отношении среднеобеспеченных. Так, 14% респондентов из низшего дециля никогда не экономили на мясных продуктах, в первом дециле таких было 41%, вместе с тем экономия для одних здесь связана с различными мясными продуктами, а для других — с мясными деликатесами [*Красильникова*, с. 35, 36].

Идентичность. Далее, описывая исследования бедности в России, мы не можем не привлечь внимание к работе ученых, изучавших вопрос самоидентификации респондента в соответствии с его уровнем материального благосостояния. Как показали В. Рукавишников, Л. Гудков и многие другие, общепринятые критерии дифференциации по имущественному положению до сих пор не вошли в общественное сознание. Следовательно, ответы на вопросы о «границах между богатством и бедностью», подобно ответам на вопросы об уровнях материального благосостояния респондентов, связаны с их реальным материальным положением, их представлениями об уровне дохода, который бы позволил полностью удовлетворять все их семейные нужды при текущих ценах, и с их представлениями о богатстве вообще. Люди, обладающие одинаковым уровнем дохода, часто помещали себя в разные категории. Эта самооценка зависела от места проживания (большой город, город малого размера, деревня) и от возраста (чем моложе были респонденты, тем выше доход они требовали для того, чтобы иметь возможность поместить себя в конкретную группу) [*Рукавишников*].

По мнению Л. Гудкова, большинство людей дают низкую оценку своему материальному положению из-за резкого изменения уровня ожиданий и референтной системы. Это связано с тем фактом, что закрытое в прошлом общество обнаружило себя стоящим перед новыми стандартами жизни, новыми моделями социальных достижений и, соответственно, новыми критериями самооценки, критериями, которым только малая часть общества может соответствовать. Взгляды на то, что есть «нормальная» жизнь, — суть концентрированное выражение этого. Только 3% респондентов утверждали, что они живут нормально, а 28% респондентов имели нормальную жизнь десять лет назад. Однако 22% респондентов думали, что «жить нормально» означает жить так, как это делает состоятельный слой за границей, тогда как другие 37% полагали, что это означает жить так, как это делает состоятельный слой в России. Такой высокий уровень требований обусловливает состояние фрустрации в обществе.

Л. Гудков также отметил связь между взглядами на то, сколько денег необходимо человеку, чтобы жить «нормально», его представлениями о прожиточном минимуме и пассивной трудовой мотивацией с предпочтением низкой, но гарантированной заработной платы, контрастировавшей с активной трудовой достиженческой мотивацией (если ты работаешь много, то и получишь много) [*Гудков*, 1996, с. 319—327].

В российском обществе установки, отдающие предпочтение «гарантированному, стабильному, хотя и невысокому доходу», до сих пор являются доминирующими (более половины обследованных). По данным Л. Зубовой, 20—25% населения выражают предпочтение высоким доходам, хотя и без гарантий будущего. Равно любопытны ее наблюдения относительно сравнительной значимости для россиян вторичных доходов (табл. 2.2) [*Зубова*, 1993, с. 28, 29].

Таблица 2.2 **Вторичные доходы**

Источники вторичных доходов	Доля респондентов, имеющих данный тип дохода, %	Ранг
Доход от ЛПХ	33	1
Дополнительная, нерегистрируемая работа	23	2
Довольствие (для детей и т.п.)	13	3
Пенсии	12	4
Помощь родственников	10	5
Доход от собственности и акций	7	6
Зарплата по основному месту работы*	7	6
Государственные пособия	6	7
Предпринимательский доход	5	8
Гранты	5	8
Личные сбережения	4	9
Другое	2	10
Благотворительная помощь	1	11
Не знаю	22	—

* Доля людей, для которых зарплата по основному месту работы не является основным источником, а дополнительный доход чаще всего связан с собственным бизнесом.

Качественные оценки того, что есть «нормальный» доход, достаточно быстро меняются во мнении населения. Так, в марте-апреле 1996 г. «хорошим» считался доход в 3 млн. неденоминированных руб. на семью из трех человек, т.е. душевой доход в 1 млн. неденоминированных руб. «Нормальный» доход составлял не менее 1,6 млн. руб., или 530 тыс. руб. на душу (т.е. примерно уровень официального прожиточного минимума того времени, обеспечивавшего удовлетворение базовых потребностей человека, включая не только психологические, но также основные социальные и рекреационные). «Удовлетворительный» составлял не меньше 1,2 млн. руб. (425 тыс. руб. на человека); «плохой» — не меньше 850 тыс. руб., т.е. около 300 тыс. руб. на человека, что соответствует данным, полученным Зубовой.

Таким образом, российские граждане рассматривают прожиточный минимум как уровень дохода, каковой должен обеспечивать общественно приемлемый стандарт жизни [*Экономические перемены*]. Большинство россиян считают, что бедность — это «недостаток средств для того, чтобы жить, как большинство других людей», и только около одной пятой респондентов воспринимают бедность как «недостаток средств на самые необходимые вещи» [*Зубова, Хахулина*]. Другими словами, в России практически нет никакой разницы между стандартами потребления, которых будут стремиться достичь группы с различным уровнем дохода. Даже респонденты из беднейших семей не отличаются умеренными стремлениями. Как правильно отметила Чернина, россияне обладают интуитивным определением бедности, очень близким концепции Таунсенда [*Чернина*, 1994].

Занятость. Отдельно следует упомянуть о некоторых исследованиях бедности и занятости. Исследования, проведенные Н. Черниной, Г. Осадчей, Х. Поповым и др. свидетельствуют, что стандарт жизни резко падает в семьях безработных, а в семьях, где есть маленькие дети, это падение, как правило, отбрасывает их за черту бедности. Исследование Г. Осадчей свидетельствует о резком ухудшении социального благополучия безработных, о растущем чувстве тревоги и об уменьшении терпимости и удовлетворенности жизнью в этих семьях. Согласно ее данным, после потери работы у большинства семей возникают проблемы, связанные с семейными отношениями и воспитанием детей [*Осадчая*].

Х. Попов, В. Сазонов и О. Резникова получили интересные данные о желании безработных вернуться обратно на работу.

Только 7% респондентов-безработных заявили, что их устраивает получать пособие по безработице так долго, как это возможно, тогда как огромное большинство (80%) хотели вернуться на работу настолько быстро, насколько это возможно. Однако будет справедливым сказать, что реальное поведение безработных, зафиксированное в данном исследовании, опровергает то, что они говорят о попытках получить работу. 36% респондентов, принимавших участие в обследовании, сообщили, что они ни довольны, ни огорчены изменением своего обычного образа жизни, а 15% сказали, что они довольны тем, что у них есть больше свободного времени. Только 28% (45% мужчин и 22% женщин) отмечали, что они тратят бóльшую часть своего времени на поиск работы. Для сравнения — 53% были заняты дома (64% женщин и 23% мужчин). Другими словами, хотя значительный сегмент безработных, в принципе, хотел бы работать и даже ощущает себя до некоторой степени угнетенным своей ситуацией (табл. 2.3), этот сегмент не делает активных попыток найти работу и в целом принял новый образ жизни.

Таблица 2.3 **Распределение ответов на вопрос: «Что, по вашему мнению, является самым неприятным в том, чтобы быть безработным?» в возрастных группах респондентов, %**

Варианты ответов	18—30 лет	31—50 лет	51—60 лет	Все
Ухудшение материальных условий	63	68	71	66
Резкое изменение обычного образа жизни	19	29	29	26
Потеря чувства собственного достоинства	15	27	26	23
Угроза деквалификации	21	13	7	16
Потеря уважения других	26	38	20	3

Более трети безработных думают, что другие люди чаще всего относятся к ним с симпатией и жалостью; другая треть полагают, что работающие люди не испытывают к ним никаких чувств, плохих или хороших, и только 10% думают, что люди глядят на них с осуждением или презрением. Более того, нашлись те, кто думал, что работающие люди завидуют им [*Попов и др.*, с. 33].

Исследователи также зафиксировали, как безработные стремились выделить позитивные стороны своего положения: только 47% безработных думали, что в безработице нет ничего хорошего, тогда как 52% находили у нее различные положительные стороны — большое количество свободного времени (23% видели в этом что-то хорошее), пособие по безработице (7%), возможность уделять больше внимания семье и детям (13% женщин и 3% мужчин). Другими значительными плюсами безработицы были возможность посмотреть на себя по-другому, чувство свободы и новых возможностей, шанс отдохнуть (последнее более типично для женщин). Как было показано в других исследованиях, общество воспринимает безработицу не как понижение социального статуса, но скорее как незаслуженное временное неудобство, и выражает симпатию пострадавшему. Поэтому неудивительно, что большинство самих безработных также воспринимают свой статус довольно спокойно. После потери работы 15% мужчин и 23% женщин демонстрировали низкую самооценку, несмотря на то что, отвечая на прямой вопрос о социальном статусе, 38% мужчин и 47% женщин сказали, что их социальный статус упал. Единственная значимая корреляция была обнаружена между чувством потери социального статуса и возрастом.

Огромное внимание уделяли психологической типологии изучавшихся безработных. Было обнаружено, что среди наиболее важных ценностей доминирующими были те, что относились к индивидуальной безопасности (жизнь, здоровье и т.д.) и социальным связям (любовь, семья, социальное окружение). Среди маргиналов доминировали ценности материального процветания. Ценности самоутверждения были одними из самых важных, встречавшихся у маргиналов. Фактически они стояли в начале списка. В процесс интервьюирования были вовлечены профессиональные психологи, что позволило зафиксировать определенные психологические черты респондентов. В частности, большая их часть имела жесткую психику, что, естественно, затрудняло для них приспособление к новым ситуациям, делало более вероятным их

«падение» в группу безработных и затрудняло выход из этого состояния. Вдобавок респонденты давали адекватные оценки своего собственного психологического состояния (обычно только 15% переоценивали его уровень), но неадекватные, когда речь шла об их качествах как работников (переоценка своего уровня компетенции) [*Гордиенко и др.*].

Обсуждая вопросы бедности и безработицы, мы хотели бы более детально поговорить об исследовательских проектах Н. Черниной (Новосибирск), пытавшейся ответить на вопрос, начинают ли бедные выделяться из общей массы в социальный слой с особыми поведенческими и культурными чертами. Она установила, что определенные черты поведения отличают бедных от остального населения, но эти черты имеют скорее количественную, нежели качественную природу (58% бедных экономили на еде, тогда как только 32% семей со средним достатком и лишь 5% преуспевающих делали это). В то же время не получено достаточно данных для подтверждения того, что среди бедных формируется качественно отличный стандарт жизни или, тем более, особая культура. При анализе стратегий, распределенных среди различных категорий семей в соответствии с улучшением их материального положения, обнаружено, что доминирующая роль деятельности в экономике домохозяйства есть общая черта поведения во всех категориях (открытие, которое согласуется с вышеупомянутыми данными других исследователей, работавших с общенациональными выборками): в среднем 46% респондентов отмечали ее первостепенную важность, хотя в преуспевающих семьях цифра была только 39%. Кроме того, выявлен рост уровня деятельности в домашней экономике за последние годы. Также отмечено, что основной способ справиться с кризисной ситуацией был ориентирован на мобилизацию личных ресурсов. Стратегии, по природе «защитные» (например, продажа имущества), фигурировали только в 9,7% ответов, а доля пассивного поведения (например, принятие внешней помощи) была крайне мала (1,8%), хотя количество респондентов, заявлявших, что они не смогли бы справиться со своими проблемами сами, было почти в десять раз выше.

Анализируя взаимозависимость бедности и безработицы, Н. Чернина зафиксировала, что бедные безработные испытывали многообразные лишения и психологический стресс и что «интересная работа» и «стабильные жизненные условия» для них были по сравнению с другими безработными очень значимыми ценностями.

Некоторые данные Н. Черниной позволили предположить, что бедность, ставшая результатом потери работы, внесла свой вклад в болезненные изменения круга социальных связей человека. При условии, что мы говорим не обо всех безработных, а только о тех, кто вследствие потери работы вступил в ряды бедных, эти результаты не противоречат данным других исследований, которые показывают, что большинство безработных сохраняют один и тот же круг социальных связей.

Н. Чернина делает вывод, что культура бедности, возможно, начинает формироваться, явно проявляя себя через, «во-первых, тенденцию бедных ограничивать потребление спектром товаров, продуктов и услуг низкого качества, во-вторых, их экономию на всех расходах, начиная с еды, в-третьих, через то, что они отказывают себе в определенных типах потребительского поведения (поддержании здоровья, повышении образования, туризме и т.д.), в-четвертых, ...их маргинализацию через одиночество или потерю индивидуальных социальных связей» [*Чернина*, 1994, с. 60; 1996].

Таковы наиболее значимые результаты исследований бедности в западной и российской научной литературе.

Литература

Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

Бессонова О.Е., Крапчан С.Г. Участие населения в приватизации жилья // Социологические исследования. 1994. № 8, 9.

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.

Гордиенко А.А., Пшевнев Г.С., Плюсин Ю.М. Структура поведения безработного // Социологические исследования. 1996. № 11.

Гудков Л.Д. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1.

Гудков Л.Д. Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Денисовский Г.М., Малкина А.М., Назимова А.Е. Посттоталитарное общество на переломе веков: динамика социальной структуры и ценностных ориентаций. М., 1992.

Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3.

Заславская Т.И. Социально-экономическая структура российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6.

Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск: Наука, 1999.

Зубова Л.Г. Личные доходы: ориентации и оценки // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 5.

Зубова Л.Г. Представления о бедности и богатстве: критерии и масштабы бедности // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 4.

Зубова Л.Г., Митяева Л.И. Материальное положение семей: оценки, проблемы, поведение // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 4.

Зубова Л.Г., Хахулина Л.А. Бедность в СССР: общественное мнение // Вопросы экономики. № 6. 1991.

Красильникова М.Д. Кто на чем экономит? // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 4.

Можина М.А. Уровень жизни: дифференциация и бедность // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995.

Осадчая Г.И. Семьи безработных и социальная политика // Социологические исследования. 1997. № 1.

Попов Х.П., Сазонов В.В., Резникова О.В. Российские безработные о себе и своих проблемах // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 4.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. 1997. № 6.

Рукавишников В.О. Социология переходного периода // Социологические исследования. 1994. № 9.

Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4.

Турен А. Беседа Андрея Здравомыслова с Аленом Туреном (Париж, 25 ноября 1996 г.) // Вестник профессиональной социологической ассоциации. 1997. № 1, 7.

Хахулина Л., Тучек М. Имущественное расслоение в переходный период // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 3.

Хахулина Л., Тучек М. Распределение дохода: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995.

Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3.

Чернина Н.В. Социальные проблемы безработных (Новосибирская область) // Социологические исследования. 1996. № 11.

Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России. 1996. № 1.

Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 1.

Allen S. The Experience of Unemployment. Basingstoke: MacMillan, 1986.

Ashwin S. Shop Floor Trade Unionism in Russia // Work, Employment and Society. 1997. Vol. 11. № 1.

Baglioni G., Crouch C. European Industrial Relations: the Challenge of Flexibility. L.: Sage, 1991.

Callan T., Nolan B., Whelan C.T. Resources, Deprivation the Measurement of Poverty // Journal of Social Policy. 1993. Vol. 22. № 2.

Davis K., Moore W.E. Some Principles of Stratifications // American Sociological Review. 1945. Vol. 10.

Due J., Madsen J., Stroby-Jensen C. The Social Dimension: Convergence or Diversification of IR in the Single European Market // Industrial Relation Journal. 1991. Vol. 22. № 2.

Espring-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

Ferner A., Hyman R. Industrial Relations in the New Europe. Oxford: Blackwell, 1992.

Gallie D., Marsh C., Vogler C. Social Change and the Experience of Unemployment. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Gendering Welfare States / Ed. by D. Sainsbury. L.: Sage, 1994.

Gerchikov V. Russia // Labour Relation and Political Change in Eastern Europe / Ed. by J. Thirkell, R. Scase, S.L. Vickerman. L.: University College London Press, 1995.

Giddens A. The Class Structure of the Advanced Societies. L.: Hutchinson, 1973.

Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6.

Hallerod B. The Truly Poor: Direct and Indirect Consesual Measurement of Poverty in Sweden // Journal of European Social Policy. 1995. Vol. 5. № 2.

Hill M.J., Harrison R.M., Sargeant A.V., Talbot V. Men Out of Work; a Study of unemployment in Three English Towns. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

Human Development Report. 1999. Russian Federation / United Nations Development Program. N.Y.: UNDP, 1999.

Kohn M., Schooler C. et al. Work and Personality: An Inquiry into the Impact of Social Stratification. Norwood, 1983.

Kohn M.L. Social Structure and Self-identification. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

Labour Relation and Political Change in Eastern Europe. / Ed. by J. Thirkell, R. Scase, S.L.Vickerman. L.: University College London Press, 1995.

Lonkila M. Informal Exchange relations in Post-Soviet Russia: A Comparative Perspective // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. № 2 (http://socresonline.org.uk/socresonline/2/2/9.html).

Mack J., Lansley S. Poor Britain. L.: George Allen & Unwin, 1985.

Ovcharova L. The Difinition and Measurement of Poverty in Russia // http://www.csv.warwick.ac.uk/fac/soc/complabstuds/russia/russint.htm.

Pascall J., Manning N. Prospects and Problems for Social Policy // EU Expansion to the East. Basingstoke: MacMillan, 2000.

Parsons T. A Revised Analytical Approach to the Theory of Social Stratification // Class, Status and Power: a Reader in Social Stratification / Ed. by R. Bendix, S.M. Lipset. N.Y.: The Free Press, 1953.

Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia. Aldershot: Dartmouth, 1997.

Rose R. Evaluating Workplace Benefits: The Views of Russian Employees. Strathclyde: University of Strathclyde, 1996.

Rose R., McAllister I. Is Money the Measure of Welfare in Russia // The Review of Income and Wealth. 1996. Vol. 42. № 1.

Rose R., Tikhomirov Y. Who Grows Food in Russia and Eastern Europe // Post-Soviet Geography. 1993. Vol. 34. № 2.

Rowntree B.S. Poverty: A Study of Town Life. L.: MacMillan, 1901.

Shkaratan O.I., Fontanel J. Conversion and Personnel in the Russian Military-Industrial Complex // Defence and Peace Economics. 1998. Vol. 9. № 4.

Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Shomina E.S. Enterprises and the Urban Environment in the USSR // International Journal of Urban and Regional Research. 1993. Vol. 16. № 2.

Sinfield A. What Unemployment Means. Oxford: Martin Robertson, 1981.

Social Class and the Division of Labour / Ed. by A. Giddens, McKenzie. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Standing G. The Babble of Euphemisms. University of Nottingham, 1999.

Therborn G. Why Some Peoples are More Unemployed than Others. L.: Verso, 1986.

Tikhonova N.E. Russlands Sozialstruktur nach acht Jahren Reformen // Bericht des Bundesinstituts fur ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1999. № 31.

Townsend P. International Analysis of Poverty. L.: Harvester Wheatsheaf, 1993.

Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979.

Townsend P., Gordon D., Bradshaw J., Gosschalk B. Absolute and Overall Poverty in Britain in 1997. Bristol: Bristol Statistical Monitoring Unit, 1998.

Warner W., Heker M., Cells K. Social Class in America: A Manual of Procedure for Measurements of Social Status. Chicago, 1949.

Weber M. Status Groups and Classes // Weber M. Economy and society. Vol. 2. Berkeley, California, 1978.

Wedell J. Collision and Collusion: the Strange Case of Western Aid to Eastern Europe 1989—1998. Basingstoke: MacMillan, 1999.

Women in Transition / UNICEF (United Nations Children's Fund). Florence: International Child Development Centre, 1999.

Глава 3

Социальная защита населения в ельцинской России

(*взгляд извне*)

При Б. Ельцине ситуация, в которой проводилась социальная политика, радикально изменилась: Советский Союз распался, была принята новая Конституция, прошли президентские, федеральные и местные выборы, общественные административные структуры и принципы формирования бюджета подверглись изменениям, произошел существенный спад промышленного производства, цены и заработная плата стали свободными, бóльшая часть частной собственности и собственности предприятий была приватизирована. Уровень пенсий и других социальных выплат отставал от темпов инфляции, налицо были существенные различия в организации здравоохранения и образования в разных регионах, крупные предприятия продолжали работать за счет субсидий. Уровень безработицы оставался относительно низким, все больше проявлялось неравенство в уровне жизни.

Негативное отношение к старой системе привело к следующей реакции: по-

© Перевод. А.Н. Субочев, 2003

ощрялись развитие рынка при сокращении планового контроля и децентрализованное демократическое управление при уменьшении контроля центра. Теоретически это должно было скорректировать основной недостаток старой системы, заключавшийся в ее перегруженности информацией, что, по существу, вело к потере информации в результате централизованного принятия решений. Существовала надежда, что это оживит деморализованное и пассивное население.

Рыночные и демократические завоевания получали весьма неравномерное развитие или не развивались вообще. За общественные и политические изменения пришлось дорого заплатить в социальной сфере. Разрыв в доходах привел к тому, что многие женщины, дети и старики оказались за чертой бедности, а также к тому, что была подорвана социальная защищенность работников общественного сектора, таких, как учителя и врачи. Классические социальные проблемы, например, инфекционные заболевания, алкоголизм, проституция, преступность усугубились, а вследствие этого упал уровень рождаемости и вырос уровень смертности. Социальные службы испытывали все бóльшие сложности, поскольку инфляция, уход от налогов, коррупция вели к сокращению имевшихся в их распоряжении средств, а их административные и юридические возможности сократились.

Возможные варианты социальной политики были очевидны [*Gotting*, p. 8—12]. Полное отсутствие социальной поддержки могло способствовать быстрейшей реструктуризации экономики, но это было возможно либо путем использования драконовских методов подавления социального недовольства (что едва ли было допустимо в новой России), либо лишь там, где экономика была «готова к старту». Альтернатива состояла в постепенных экономических изменениях с немедленным предоставлением целевой социальной поддержки по мере необходимости, с ориентацией на западную модель, в которой сочетались социальное страхование и частное обеспечение [*Labour Marhets,* 1994, p. 26, 27]. Россия выбрала второй путь, хотя социальные выплаты все еще были тесно связаны с работой на предприятиях, и их целевое предназначение оставалось неясным. Однако часто повторявшиеся декларации о реформах в области социальной политики (например, в 1993 г. — перед принятием новой Конституции; в 1997 г. — после президентской кампании 1996 г. («Программа социальных реформ на 1996—2000 гг.»), а также в 1998 г. — «12 основных задач в облас-

ти социальной и экономической политики») не получили эффективной реализации, особенно на региональном уровне.

В юридическом и административном плане наиболее значительным событием была новая Конституция, вынесенная на рассмотрение и принятая в конце 1993 г. В ней были широко представлены проблемы социальной политики, однако существовали определенные упущения. Конституция должна была быть принята на фоне более детальных предложений по социальной политике, сделанных Ельциным в ноябре 1993 г. перед декабрьским референдумом. Как отмечали многие наблюдатели, Конституция значительно усиливала полномочия президента. На министров возлагалась ответственность за реализацию программы внутренней политики, в то время как президент своими указами брал на себя политическую инициативу.

Спустя месяц после октябрьского путча, 3 ноября 1993 г., Ельцин опубликовал свою политическую программу. Поскольку этот документ можно было расценивать как предвыборный манифест, программа должна была бы послужить базой для планирования социальной политики: «В настоящее время мы работаем вместе над подготовкой пакета социальных указов, касающихся системы минимальных социальных гарантий; предоставления пособий недостаточно обеспеченным людям; мер по обеспечению адресности социальной защиты населения; минимальной заработной платы; минимальной пенсии; благотворительности и других мер» [*Current Digest,* 1993, p. 4]

Затем, в 1994 г., Совет Министров Российской Федерации подготовил ряд мер по пересмотру различных социальных пособий, включая пособия семьям, а также поступления в Пенсионный фонд, Фонд социального страхования и Фонд занятости. Кроме того, впервые детально прорабатывался вопрос об организации системы обязательного медицинского страхования. Эти предложения послужили объектом острых споров между Государственной Думой и президентом, особенно летом 1994 г., когда Дума внесла предложение о 50%-м увеличении средней пенсии. Однако, опасаясь возможного влияния на бюджет, президент принял указ об увеличении пенсий лишь на 15%. Результатом этого стали отставка министра по социальной защите, а также тот факт, что часть пенсий увеличилась на 15%, а часть — на 50%.

Такая административная ошибка — неизбежное следствие нестабильности административной системы, так как, во-первых,

многие компетентные работники ушли с государственной службы, либо были «вытолкнуты» из нее за связь со старым режимом, либо перешли на более выгодные рабочие места в частном секторе [*Lesage*, p. 121—133]; во-вторых, лихорадочное политическое реформирование приводило к постоянным изменениям административной структуры. Отчасти это было неизбежным следствием политической борьбы в России, начавшейся в 1991 г., а также результатом огромного влияния Ельцина на государственные дела и стремления административно оформить его часто менявшуюся политическую программу.

Ни одну из заявленных социальных целей нельзя было реализовать без вложения денежных средств. Первые шаги заключались в том, чтобы печатать деньги и предоставить значительный кредит центральным и местным правительствам и предприятиям. Это привело к быстрой и жесткой реструктуризации доходов за счет инфляции. Пенсионеры и работники государственного сектора, например, были не в состоянии сохранить свои доходы, в то время как некоторым удалось резко увеличить их. Таким образом, в этот период времени пострадали и те, кто получал социальные услуги, и те, кто предоставлял их. Позднее инфляция значительно снизилась: в 1994—1996 гг., по официальным данным, ежемесячная инфляция составляла 4—5%, в то время как в 1993 г. — 25%, а в начале 1992 г. — 40% [*Russian Economic Trends*, p. 4]; в январе 1996 г. ежемесячная инфляция была самой низкой с 1990 г. — 4,1% [*Current Digest*, 1997, p. 10] и, несмотря на финансовый кризис в конце 1998 г., она оставалась на уровне примерно в 4% вплоть до 1999 г. [*Human Development Report for Central and Eastern Europe*, p. 151].

Затраты на социальные нужды в бюджете росли. М. Эллман и Р. Лэйард [*Ellman, Layard*, p. 58] имели все основания утверждать, что в начале 1992 г. наблюдалось недофинансирование социальной сферы. Например, лишь 3% ВНП тратилось на образование и 2% на здравоохранение, тогда как, по данным OECD [*Labor Restructuring*], эти цифры были вдвое выше. К середине 1994 г., когда 24 июня Думой был принят бюджет, эти цифры достигли 4,5 и 2,8% соответственно [*Russian Economic Trends*, p. 12], а к 1998 г. они составляли 3,6 и 3,8% [*Human Development Report*, 1999]. Согласно данным показателям, выделенные бюджетные средства на самом деле расходовались на социальные нужды. В реальности ситуация была иная. В частности, вплоть до 1996 г. бóльшая часть задолженно-

сти по бюджету была именно в социальном секторе [*Россия-1997*, с. 9], что отражалось в задолженности по зарплате бюджетникам, в дефиците лекарств, книг и т.д. Институт экономики переходного периода придерживался той точки зрения, что характерной особенностью социального сектора в 1996 г. было существенное снижение финансирования из федерального бюджета. В 1996 г. затраты государственного бюджета на здравоохранение, образование и другие социальные услуги составляли 65% от аналогичных выплат в 1991 г. [*Российская экономика в 1996 году*, с. 116—119].

Данная ситуация несколько смягчалась благодаря выплатам из четырех внебюджетных фондов: занятости, социального, пенсионного и медицинского страхования. Эти фонды были созданы в 1991 г. за счет 39%-го налога на фонд заработной платы, в 1994 г. они составляли 17% ВВП. Программа социальной реформы 1996—2000 гг. довольно реалистично указывала на то, что в среднесрочной перспективе не следовало ожидать существенного роста доли социальных затрат в ВВП [*Российская экономика в 1996 году*, с. 122]. Как и во многих западных странах, эта сфера является самой затратной, она особенно чувствительна к двум факторам: уровню безработицы и размеру пенсии. Оба этих показателя были предметом некоторых дискуссий.

Официальный уровень безработицы, оцененный количеством зарегистрированных в Федеральной службе занятости безработных, составлял примерно 3% [*Статистический бюллетень*, с. 7]. Однако, как показывали опросы, в 1997 г. безработица на самом деле составляла 9%. 6% находились в вынужденном отпуске, а 5% имели сокращенный рабочий день [*Четвернина*, с. 227—229; *In Search*, p. 35—50]. К 1999 г. безработица выросла до 14% [*Human Development Report for Central and Eastern Europe*, p. 95]. Хотя эти показатели гораздо выше, чем официальные цифры, уровень безработицы был еще достаточно низок, учитывая сокращение ВВП на 50% в течение этого периода. Поскольку пособие по безработице составляло лишь 10% от средней заработной платы, львиная доля расходов приходилась на пенсии. Минимальная пенсия оценивалась в размере 20% средней заработной платы, тогда как средняя пенсия составляла почти треть средней зарплаты. Таким образом, размер пенсии управлял социальным бюджетом.

Изменения, которые произошли в российском правительстве после президентских выборов 1996 г., повлекли за собой новый поворот в российской политике. Правительство приостановило дей-

ствие законов, на реализацию которых не хватало бюджетных средств. Это в основном касалось социальной сферы. В области социальных выплат Дума решительно установила «золотое правило»: «Законы должны быть подкреплены деньгами» — как для внебюджетных фондов, так и для местных бюджетов. На федеральном уровне было провозглашено, что следует положить конец политике пустых обещаний путем введения моратория на принятие новых законодательных актов, устанавливающих социальные льготы. Новое направление политики российского правительства заключалось в отмене существовавшей системы предоставления социальных выплат и пособий и постепенной замене их ограниченными адресными выплатами; такой подход признавался приоритетным. Кроме того, ответственность за выполнение некоторых функций социальной политики (социальная помощь, образование и здравоохранение) была передана на местный уровень. Правительство теперь утверждало, что наиболее важным шагом, который надо сделать, является упорядочение системы социальных пособий и решение вопроса о том, кто должен получать социальную помощь. Принцип, по которому действовала традиционная российская система социальных выплат, был основан скорее на демографических особенностях, чем на реальном уровне материальной защищенности. Эксперты Всемирного банка указывали на неэффективность системы социальной защиты. Причина пересмотра концепции заключалась в том, что в России существовало более 150 видов выплат и пособий, которые выдавались более чем 100 миллионам россиян. Группы с наибольшими доходами (верхние децили, 8—10) получали 42% социальных выплат, тогда как группы с самыми низкими доходами (децили 1—3) получали всего лишь 27%. Беднейшим людям, которые на самом деле нуждались в социальной помощи, не предоставлялись некоторые виды государственной социальной поддержки.

Необходимо было сделать сложный выбор: либо никому не платить достаточно, поскольку на всех не хватало денег, либо резко уменьшить количество реципиентов. Российские политики и некоторые высшие чиновники на федеральном уровне подчеркивали, что государство должно поддерживать только беднейших людей. Согласно точке зрения одного высокопоставленного чиновника из Министерства труда и социального развития Российской Федерации, который был проинтервьюирован в рамках данного проекта, в России не существует социальной политики; то,

что есть в России, является попыткой защитить все слои населения без необходимых финансовых и законодательных предпосылок.

В начале 1998 г. Б. Ельцин в своем Ежегодном послании Совету Федерации отметил, что Россия нуждается в новой «стратегии быстрого роста», которая предполагает устойчивый экономический рост и экономическую свободу, подкрепленные целенаправленной государственной политикой, а в условиях дефицита бюджетных средств единственный способ изменить социальную ситуацию к лучшему заключается в целевой социальной помощи. В 1993 г. Б. Ельцин отмечал, что настало время принять окончательное решение по поводу пакета социальных законов. Однако в 1998 г. его комментарий указывает на то, что основные цели политики теперь другие: «Если не хватает средств на реализацию конкретного закона, депутаты должны быть честны с людьми и изменить этот закон» [*Current Digest*, 1998].

В январе 1998 г. российское правительство опубликовало «12 основных задач в области социальной и экономической политики». Президент лично назначил высоких чиновников, ответственных за каждый раздел предложенной программы. Среди основных социальных целей были следующие:

гарантированная и своевременная выплата пенсий и заработной платы;

принятие пакета законопроектов о целевой социальной поддержке беднейших слоев населения;

сокращение количества неплатежей, связанных с двумя факторами: нереалистичным бюджетом и действиями естественных монополий; для решения данной проблемы планировалось провести инвентаризацию бюджетных организаций (в первую очередь в области государственной медицины и образования);

приведение законодательных норм, регулирующих трудовые отношения, в соответствие с реалиями рыночной экономики;

строительство жилья для военнослужащих и их семей (деньги должны поступать напрямую из Министерства финансов на личные счета получателей) [*Current Digest*, 1998].

Однако валютный кризис августа 1998 г. подорвал хрупкую экономическую стабильность, установившуюся в 1997 г., и осложнил реализацию новой социальной политики. Россия столкнулась с непростой задачей нахождения разумного компромисса между требованиями экономического роста и социальной защиты. Некоторые социальные потребности нельзя было игнорировать, иначе

под угрозой оказалась бы социальная стабильность. В принципе, реформа социальной сферы была довольно четко сформулирована, однако это еще не означало реальных социальных реформ, их реализация в целом зависела от политической воли и эффективного сотрудничества между различными ветвями власти. Российские президентские выборы 2000 г. и расширение законодательных полномочий федеральной власти автоматически сдвинули решение многих социальных проблем в XXI в.

Несомненно, обычные граждане проявляли большой интерес к этим изменениям. Какова была их реакция? Представляется, что при общем одобрении новой системы демократической власти общество проявляло меньше энтузиазма по поводу реальной деятельности правительства с 1991 г. Р. Роуз [*Rose*, 1993(a), p. 42] отмечал, что большинство населения одобрительно относилось к расширению гражданских свобод, однако в меньшей степени одобрялась собственно политика правительства. Начиная с 1992 г. 32% вообще не одобряли ее и еще 45% частично одобряли [*Rose*, 1993(a), p. 37]. Это растущее негативное отношение по большей части было связано с социальными выплатами, предоставлявшимися правительством.

Рассматривая адаптацию к новым реалиям последних пяти лет рыночных реформ, Г. Бовт выделял четыре России: Москву, индустриальные города, провинциальные города и сельскую местность. Общественное мнение в регионах было весьма неоднородным в связи с тем, что в их развитии наблюдались все бóльшие различия, при этом Москва имела значительные преимущества по сравнению с остальными регионами[1]. Комплексные опросы 1996 г. показали, что лишь 33% граждан чувствовали, что они приспособились к новой жизни, количество таких людей в Москве составляло 54%, а 64% россиян предпочитали политику «сильной руки» и государственной социальной поддержки, как это было в советские времена [*Current Digest*, 1997, p. 4]. Российский независимый институт социальных и национальных проблем в своем отчете показал, что подавляющее большинство россиян (74%) оценивали 1996 г. как трудный, плохой и даже суровый год для себя и своих семей. Основная неудовлетворенность была вызвана задержками в выплате заработной платы, пенсий и социальных пособий. К числу

[1] См.: Коммерсант-daily. 1996. 20 декабря. С. 3.

самых острых проблем респонденты относили безработицу и бедность [*Current Digest*, 1997, № 3].

В России в 1990-е гг. население активно выступало за необходимость социальной защиты, особенно в отношении бедных семей, при этом высказывались сомнения по поводу эффективности действий правительства в этой области. Исследования, проведенные ВЦИОМ в 1991 и 1993 гг., показали, что доля респондентов, считавших, что социальные права частично или полностью соблюдались в России, снизилась с 35 до 26%. При этом возросли ряды сторонников бесплатного образования (с 41 до 58%), бесплатного здравоохранения (с 22 до 46%) и бесплатного жилья (с 24 до 32%). 90% респондентов высказывались за сохранение права на труд и обеспечение прожиточного минимума [*Экономические и социальные перемены*, 1994, с. 24—26].

В 1997 г. мониторинг ВЦИОМ показал дальнейший рост доли населения (85—90%), считавшего, что «власти и различные общественные организации, занимающиеся социальной поддержкой», либо не делают ничего, либо делают «явно недостаточно» [*Экономические и социальные перемены*, 1998, с. 19]. Исходя из этих данных, Институт экономики переходного периода сделал вывод о том, что сокращение масштаба бесплатных и субсидированных услуг и пересмотр количества их получателей является радикальной и чрезвычайно непопулярной мерой в России [*Российская экономика в 1996 году*, с. 148, 149]. Опыт реформ в передовых рыночных экономиках показал, что рыночные реформы в социальной сфере могут успешно проводиться только в том случае, когда соответствующие правительственные органы работают целесообразно и эффективно, — что едва ли возможно в современной России с ее неэффективным контролем над целевыми бюджетными средствами.

Некоторые аспекты регионального неравенства

Мы уже подчеркивали тот факт, что региональная политика, обеспечение регионов, региональное неравенство были чрезвычайно важны для понимания российской социальной политики. Бывший Советский Союз был союзным государством, в которое входили 15 советских социалистических республик. Хотя фор-

мально республики считались независимыми, по сути, каждая из них представляла собой неотъемлемую часть «семьи народов» — огромной тоталитарной империи, простиравшейся на тысячи километров с севера на юг и с востока на запад. Даже после краха тоталитарного режима и распада советской империи в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Россия остается самым большим европейским государством, занимающим обширную территорию и отличающимся значительным этническим, культурным и социальным многообразием. В период трансформации бывшие советские республики приобрели реальную независимость и получили статус суверенных государств. В результате российское население сократилось, хотя согласно данным Государственного комитета по статистике на 1 января 1998 г. оно составляло без малого 150 млн., точнее 148 704 тыс. человек. В настоящее время в Российскую Федерацию входят 89 субъектов, объединенных в 11 крупных территориально-экономических образований; Москва, Петербург и Калининградский анклав имеют особый статус.

Поставленная Ельциным задача — дать «толчок» развитию России — была напрямую связана с развитием местного самоуправления и могла осуществиться лишь в том случае, если местные власти были готовы проводить реформы на региональном уровне. Согласно Конституции политика в области здравоохранения, образования и социального обеспечения оставалась в компетенции федеральных властей (ст. 39, 41, 43), лишь жилищная политика была в ведении республик, краев, областей и федеральных городов (ст. 130, 132). Однако в рамках последующих правительственных инициатив предлагалось, чтобы местные власти решали не только жилищные, но и другие социальные вопросы. Поскольку бюджетное обеспечение этих социальных сфер перестало поступать с федерального уровня, все более важную роль стали играть средства, привлеченные на местном уровне (налоги, сборы, страхование, залоги, пожертвования и т.д.), вследствие чего возрастало неравенство между регионами.

Различные регионы России двигались к рыночной экономике с разной скоростью, их экономические ресурсы были неравноценны, а политические предпочтения их местных элит могли быть диаметрально противоположны, поэтому намерение федерального правительства перенести ответственность на местный уровень повлекло за собой увеличение неравенства между регионами. В отличие от образования и здравоохранения, для которых

расходы из местных бюджетов были относительно защищены, финансирование социальной помощи (пособия семьям и бедным) особенно пострадало, так как оно стало полностью зависеть от финансовой ситуации в местном бюджете. Дальнейшая децентрализация социальной политики потребует создания реальных эффективных механизмов для федерального перераспределения доходов от более успешных регионов к относительно бедным. В 1990-е гг. это не являлось основной заботой правительства, а федеральные механизмы поддержки региональных социальных программ оставались весьма неопределенными.

Различные модели социальных и экономических реформ формировались в российских регионах по мере их приспособления к новым условиям. Отход от строго централизованной советской системы «уравниловки» не только породил значительную регионализацию экономики, но также интенсифицировал региональное неравенство, выраженное через увеличивающееся расхождение в доходах, расходах, зарплатах и других индикаторах социально-экономического положения людей в различных регионах. Рыночные отношения повлияли на многие стороны повседневной жизни: безработица (массовая безработица в некоторых регионах), жесткая конкуренция (переходящая в криминальные действия), рост собственности и дифференциация по доходам. Для целого ряда регионов (Кузбасс, Приморский край, Республика Коми, Чечня) социальные последствия российских реформ оказались особенно тяжелыми. Реформы значительно повлияли на материальное благосостояние людей, их уровень жизни и жизненные возможности.

Дифференциация рынков труда на местном уровне росла, и это неизбежно вело к увеличению региональных различий по уровню безработицы и степени напряженности на этих рынках. В конце 1997 г. наивысший уровень безработицы был зафиксирован в северо-кавказских республиках, находившихся в зоне чеченского конфликта: так, в Ингушетии безработица составила 50%. В некоторых депрессивных республиках (Калмыкия, Бурятия, Тыва) и в районах проживания этнических меньшинств на Севере (национальные округа), т.е. на 20% всей территории Российской Федерации, уровень безработицы в 1997 г. вдвое превышал средние показатели. В то же время в трети российских регионов безработица была ниже среднего уровня: в Москве, Санкт-Петербурге, гигантах экспортной торговли в Западной Сибири и некоторых промыш-

ленных регионах в центральной части европейской России. Быстрый рост реальной безработицы прослеживался в Восточной Сибири, на российском Дальнем Востоке и на Севере, в регионах угольной промышленности (Кузбасс), а также в старых промышленных городах Центральной и Южной России, испытывавших ощутимый экономический спад (например, город Иваново с его доминирующей текстильной промышленностью или регионы с высокой долей военного сектора в структуре местной экономики) (табл. 3.1).

Таблица 3.1 **Официальная безработица в экономических регионах (декабрь 1997 г.)**

Регион	Безработица, %	Регион	Безработица, %
Москва (особый статус)	3,7	Северный Кавказ (10 регионов)	20,4
Санкт-Петербург (особый статус)	9,0	Урал (8 регионов)	10,7
Север (6 регионов)	13,9	Западная Сибирь (9 регионов)	12,7
Северо-Запад (3 региона)	12,5	Восточная Сибирь (10 регионов)	16,2
Центральная Россия (12 регионов)	11,0	Дальний Восток (10 регионов)	14,5
Волго-Вятский район (5 регионов)	12,3	Калининградская область (особый статус)	11,5
Черноземье (5 регионов)	9,4	Российская Федерация	11,2
Поволжье (8 регионов)	12,8		

Источник: [*Регионы России*].

Что касается доходов и бедности, то отдельные регионы находились в очень сложном положении. Это касалось в первую очередь Северного Кавказа и соседних с ним русских регионов

юга России. Промышленный спад и уменьшение доходов произошли внезапно. Однако сырьевые и экспортно ориентированные регионы, а также две столицы находились в более благоприятной ситуации. В результате рыночной трансформации столица России оказалась в особом положении. В Москве промышленный спад происходил параллельно с ростом индустрии услуг и феноменальным ростом среднего душевого дохода. Номинальные денежные доходы москвичей в 3,5 раза превышали средние доходы по России (табл. 3.2).

Таблица 3.2 **Месячный доход на душу населения (декабрь 1997 г.)**

Регион	Тыс. руб.	% к региональному прожиточному минимуму
Москва	3576	662
Санкт-Петербург	1019	219
Север	1029	191
Северо-Запад	631	180
Центральная Россия	622	189
Волго-Вятский район	539	153
Черноземье	611	204
Поволжье	614	184
Северный Кавказ	498	153
Урал	676	190
Западная Сибирь	1478	263
Восточная Сибирь	711	140
Дальний Восток	1270	156
Калининградская область	596	176
Российская Федерация	1002	224

Источник: [*Регионы России*].

Даже с учетом того факта, что доходы приводятся в соответствие с официальным прожиточным минимумом и местными ценами, Москва находится впереди гигантов экспортной торговли Западной Сибири, не говоря уже об остальных регионах. Поскольку официальный прожиточный минимум составлял в 1997 г. 400 тыс. руб., маловероятно, что существовали процветающие группы населения на большой территории Российской Федерации. В катастрофическом положении оказались 10 депрессивных регионов (в основном края и республики, на которых проживали этнические меньшинства), в них средние душевые доходы были ниже местного прожиточного уровня.

Однако бедность в регионах была связана с региональными ценами, избытком или дефицитом товаров и попытками, предпринимавшимися некоторыми местными властями, субсидировать товары первой необходимости. Доход как критерий региональной дифференциации должен изучаться в свете стоимости жизни, структуры ежедневных потребностей, стандартов потребления и образа жизни, унаследованного от прошлого [*Давыдова*, с. 36—48]. Имея в виду эти аспекты, можно проводить дифференциацию между «дорогими» и «дешевыми» регионами. В этом случае «дешевый» аграрный Черноземный край имел бесспорные преимущества, например, перед Дальним Востоком, где стоимость стандартной потребительской корзины превышала в 4—5 раз эту же стоимость в «дешевых» регионах. Кроме того, в европейской части России продукты питания, выращиваемые на личных земельных участках, являлись важной частью совокупного дохода, что часто игнорировала статистика.

Политическая реакция

Каждый российский регион старался как можно быстрее выбраться из кризиса. Четкая оценка социальной и политической ситуации на местах является важной предпосылкой для разработки эффективной социальной политики. По мере усиления различий между регионами в период реформирования социальные проблемы усугублялись под влиянием растущей дифференциации в их социальной политике. На самом деле стабильность России зависела от возможностей регионов решить болезненные экономические и социальные проблемы. Это, однако, не исключало необходимо-

сти проведения скоординированной и эффективной централизованной региональной политики.

Российский Север, Дальний Восток и Сибирь не могли выжить без государственной поддержки. Однако недовольство региональной ситуацией успешно использовалось местными властями, чтобы скрыть свою приверженность узким местническим интересам, борьбу за ресурсы и эксплуатацию своих экономических проблем. Они стремились получить больше средств из федерального бюджета и при этом переложить ответственность на центр.

В некоторых регионах местные власти, не относившиеся к реформаторскому крылу, состоявшие по большей части из старой номенклатуры, прибегали к регулированию цен для компенсации низких доходов населения. Ульяновская модель консервативной социальной поддержки с начала реформ основывалась на преднамеренном искусственном регулировании цен, сохраняя советскую модель социальной помощи и препятствуя курсу рыночной приватизации путем строгого административного контроля над развитием мелкого и среднего предпринимательства. На ранней стадии реформ населению была выгодна такая политика, однако она не могла продолжаться бесконечно в новых экономических условиях. Цены непрерывно росли, в то время как уровень жизни зависел в большой степени от других факторов: местной экономики, ее структуры и разнообразия, доступности источников дохода и т.д. В результате население так называемого красного пояса (управлявшегося в основном бывшей коммунистической элитой — очень хорошо организованной группой в некоторых регионах начиная с 1970-х гг.) оценивало увеличение темпа роста цен в 1995—1996 гг. как одну из основных проблем государственной важности. Эта проблема редко поднималась в регионах, руководимых реформаторами, особенно москвичами [*Переходный период в России*].

Изменения на региональном и местном уровне становились все более и более важными для политической и социальной практики Российской Федерации. Начиная с 1995 г. на федеральном уровне подчеркивалось, что региональные социальные программы должны основываться на принципе координации государственных, региональных и местных интересов, поскольку стало очевидно, что интересы регионов, и особенно региональных элит, уже нельзя было игнорировать [*Дахин*, с. 148—153]. «Программа государственного стимулирования экономической актив-

ности и развития (1995—1998)», принятая в 1995 г., учитывала демографическую ситуацию в различных российских регионах, структуру местных экономик и долю оборонной отрасли (ВПК) в местном производстве, прогнозирование занятости/безработицы, некоторую климатическую специфику и т.д. Программа отдавала приоритет поддержке депрессивных регионов, районов военных конфликтов и особенно территорий Севера и Дальнего Востока. Таким образом, первоначальный процесс дезинтеграции медленно перешел в своеобразный процесс новой реинтеграции.

Работа и социальное обеспечение на предприятии

Обращаясь к отдельным областям социальной политики, мы начнем с наиболее значительной — занятости. В советское время работа была не просто источником дохода для большинства домохозяйств, как во всех индустриальных обществах, но также крупнейшим источником социальных услуг, особенно в сфере жилья, которые в других странах обычно обеспечиваются государством или рынками. Многие продолжали получать существенные льготы на предприятиях и одобряли такое положение дел; но процесс российской приватизации не включал адекватного планирования реорганизации социального обеспечения, которое всегда было невыгодным. Бóльшая часть российских предприятий уже технически находилась в частных руках. Предприятиям предлагалось передать их жилищный фонд под муниципальный контроль и продать в частную собственность их социальные учреждения, особенно спортивные и культурные центры и детские сады. Однако в таком случае работники предприятий потеряли бы возможность ими пользоваться, поскольку новые владельцы обычно стремились превратить их в дорогие частные учреждения. Основным последствием такого процесса было сокращение социальной поддержки работников, постепенное изменение системы социальной защиты, неспособность местных властей в силу скудности бюджета взять на себя дополнительную заботу о социальных службах предприятий.

В такой изменчивой ситуации предприятие выступало как мультипликатор преимуществ; благополучные предприятия пре-

доставляли бóльшую социальную помощь и льготы, чем другие. Р. Роуз [*Rose*, 1992(b), p. 10] установил, что в 1992 г. более 50% городского населения получило помощь в виде предоставления медицинских услуг, мест в детских и рекреационных учреждениях, а треть населения получала помощь в виде предоставления жилья, продовольствия и других товаров. Опрос, проведенный ВЦИОМ в 1993 г., показал, что для 20% работников типичными были ожидания, что в будущем они в случае необходимости могут рассчитывать на помощь с жильем, медицинским обслуживанием, продовольствием, переподготовкой и досугом. Количество тех, кто реально получил такую помощь в обеспечении медицинским обслуживанием и продовольствием, варьировалось в 1993 г. от 19—20% на более богатых предприятиях до 8—9% на более бедных предприятиях. Что касается товаров, продававшихся со скидкой, то, например, согласно исследованию В. Гимпельсона [*Gimpelson*, p. 65] на АЗЛК (крупном производителе автомобилей в Москве), общая их стоимость превышала годовой фонд заработной платы. При этом явное предпочтение отдавалось высокооплачиваемым работникам предприятия. ВЦИОМ установил, что из числа высокооплачиваемых работников получали продовольствие или другие товары по льготным ценам 75%, тогда как среди низкооплачиваемых работников их количество составляло 40%; это же касается предоставления медицинских услуг и жилья с разницей в 35%.

Правда, многократные опросы ВЦИОМ, проведенные на протяжении 1993 г., показали небольшой, но постоянный спад в поддержке, предоставлявшейся предприятием работникам всех категорий по широкому кругу товаров и услуг [*Экономические и социальные перемены*, 1994, с. 46]. Опрос, проведенный Министерством труда и социального развития Российской Федерации в 1997 г., продемонстрировал, что 70% предприятий все еще предоставляли бесплатное медицинское обслуживание, 48% работников получали такую помощь в течение последних трех лет; соответствующие показатели по «материальной помощи» составляли 55 и 33%; по детским и рекреационным учреждениям — 33 и 10%; по транспорту и продовольствию — 50 и 25% [*Ковалева*, с. 26—32].

Работа, таким образом, представляла собой нечто большее, чем денежные доходы, и вследствие этого изменения на рынке труда в значительной степени влияли на благосостояние населения. Реакция российского рынка труда на трансформационный

шок во многом отличалась от реакции в других странах Центральной и Восточной Европы. Несмотря на огромный спад производства, уровень открытой безработицы был относительно низким и к шестому году рыночных реформ еще не достиг 10%. Безработица, по-видимому, смягчалась за счет гибкости российского рынка труда, отражавшейся в высоких показателях движения рабочей силы. В 1995 г. Госкомстат и Российский экономический барометр сообщали, что количество нанимавшихся на работу составляло 19—21% от средней годовой численности занятых [*Капелюшников*, 1997].

Исследование, проведенное В. Гимпельсоном и В. Магуном [*Gimpelson*; *Magun*, p. 57—75], показало, что в 1992 г. 50% уволенных работников нашли новую работу в течение 3 месяцев, причем около четверти из них — в негосударственном секторе. Данный процесс ускорился в 1993 г. в связи с тем, что около трети промышленных предприятий среднего размера увеличили количество принимаемых на работу [*Russian Economic Trends*, p. 90]. В ряде регионов, особенно в Москве, это привело к дефициту рабочей силы в некоторых секторах, особенно это касалось квалифицированных работников [*Соловьев*, с. 167]. В 1996 г. численность безработных увеличивалась более медленными темпами, чем в предшествующие 3 года [*Российская экономика в 1996 году*, с. 62]. Наши собственные исследования, данные которых представлены в главе 9, подтверждают существование этой модели. В целом ее можно рассматривать как благоприятную для экономических изменений (представляется, что в ней проявляется гибкость рынка труда при относительно невысоком уровне безработицы).

Однако смысл этой модели получает различные толкования, кроме того, она весьма вариативно проявляется в разных регионах. В специальной литературе существуют три альтернативные точки зрения по поводу данной ситуации. Первая группа авторов считает, что резких изменений не предвидится, поскольку рынок труда уже успешно приспосабливается к гибкой реструктуризации. Это подтверждается двумя факторами [*Labour Restructuring in Russian Enterprises*; *Layard*, *Richter*]: во-первых, уровень текучести рабочей силы оценивается в 20%, что должно свидетельствовать о быстрой адаптации работников к меняющейся ситуации на рынке труда; во-вторых, наблюдается быстрая адаптация уровня заработной платы к рыночным условиям.

Другие авторы отрицают важность этих показателей. Уровень текучести рабочей силы всегда был высок в России. Уровень в 20% не особенно отличается от дорыночного. Кроме того, эта цифра не отражает ситуации в большом сегменте рынка труда, который характеризуется стабильностью, в то время как лишь небольшому сегменту присуща быстрая смена рабочих мест. Таким образом, основная часть рабочей силы может быть весьма стабильной [*Commander*]. Подобная ситуация, по мнению многих исследователей, не могла не измениться, поскольку неэффективные фирмы вытесняются из бизнеса.

Представители еще одного подхода также поддерживают идею о негибкости рынка труда, однако выдвигают иные объяснения существования избытка рабочих мест. По их мнению, безработица скрывается по целому ряду различных административных причин и в скором времени станет массовой. И. Роксборо и Дж. Шапиро [*Roxborough, Shapiro*], например, рассматривают влияние налога на заработную плату как фактор, заставляющий администрацию удерживать работников на низкой зарплате или вообще без зарплаты (в вынужденном отпуске) для того, чтобы снизить средний уровень зарплаты, с которого высчитывается налог. Одним из вариантов представленного выше подхода является объяснение удерживания рабочей силы с точки зрения рациональности: слишком много усилий и времени потребовалось бы для изменения системы работы предприятия (включая предоставление социальных услуг), «предприятия удерживают работников, потому что они нуждаются в них и потому что их содержание дешево стоит» [*Clarke*, p. 52]. С этой точки зрения предприятиям нет смысла увольнять работников при отсутствии финансирования, необходимого для создания альтернативных условий.

Основная причина сохранения и развития данной ситуации связана с ролью старых профсоюзов как поставщиков социального обеспечения, которая не только не ослабла, но даже и усилилась. «Профсоюзное социальное обеспечение» изменилось в гораздо меньшей степени, чем государственная социальная политика [*Ashwin*]. Именно благодаря этому фактору российские рабочие охотно мирились с «неоплаченным отпуском», т.е. ситуацией, при которой они сохраняли свои рабочие места, но не имели ни работы, ни зарплаты, поскольку, как мы уже отмечали, бóльшую часть их дохода составляли не деньги, а товары и услуги.

Выживание домохозяйств: доход, социальные привилегии и бедность

В индустриальных обществах люди обычно получают средства, необходимые для ежедневного потребления, через оплату труда, от семьи и друзей или за счет государственной помощи. После 1991 г. в России сохранились все эти механизмы, однако приобрели особую важность и другие, например, урожай садовых участков, дополнительная занятость и т.д. Во многом это было обусловлено резким увеличением неравенства доходов населения.

Кроме основной занятости на рынке труда, у многих людей существовали также другие источники дохода — вторая работа, друзья, семья. В. Шляпентох [*Shlapentokh*] и М. Лонкила [*Lonkila*] показали важность этих связей при старом режиме. С 1991 г. они стали еще более важными, по крайней мере в период регулирования рынка труда и потребительских цен. Р. Роуз [*Rose*, 1993(b), p. 25] выделил три типа экономической активности: официальную (занятость или пенсии); нецивилизованную (дополнительная оплачиваемая работа или использование связей); социальную (неоплачиваемая работа или обмен). По его мнению, люди, полагающиеся лишь на первый тип, являются уязвимыми, на первый и второй типы — предприимчивыми, на первый и третий — занимающими оборонительные позиции; остальные же являются маргиналами.

В исследовании 1992 г. Р. Роуз обнаружил отличительную черту России по сравнению со странами Восточной Европы, заключающуюся в большей доли уязвимых людей (треть) и в меньшей доли маргиналов (10%) [*Rose*, 1992(a), p. 21]. Однако больше четверти россиян трудоспособного возраста высказывались о том, что их основная работа не определяет их уровень жизни. Примерно такая же доля людей отмечала, что садовые участки и подсобные хозяйства являются вторым основным источником доходов; действительно, в целом более половины опрошенных выращивали продукты питания, а более трети респондентов отмечали, что они вырастили бóльшую или некоторую часть потребленных ими продуктов питания в предыдущем году. Среди других важных видов деятельности называли оказание помощи в ремонте жилья, а также использование связей для получения базовых услуг, особенно медицинских (более половины выборки). Данные наших собственных опросов, проведенных в 1996 и 1997 гг., подтверждают эти тенденции.

Третьим основным источником дохода являлось, конечно же, государство. Наиболее важная деятельность здесь была связана с предоставлением пенсий, пособий семьям, пособий по безработице, а также с отслеживанием уровня жизни беднейших групп населения. Пенсионная реформа была проведена в 1991 г. [*Barr*, 1992, ch. 2], когда был создан Пенсионный фонд, финансируемый с налога на фонд заработной платы в размере 28% для работодателей и 1% для работников. Фонд находился под контролем Министерства социальной защиты, которое координировало его политику и определяло величину пособий. Гарантированный минимальный размер пенсии определялся стажем работы и размером зарплаты. В принципе, размер пособий должен был рассчитываться автоматически, однако быстрые темпы инфляции резко обострили ситуацию в социальной сфере.

Министерство труда и социального развития предложило взять за основу западную систему пенсионного финансирования (например, профессиональные пенсии), базирующуюся на настоящих страховых принципах с четкой зависимостью между взносами и пенсией. Однако этого нелегко было достичь. Например, британская и американская правительственные схемы до сих пор работают по принципу «payasyougo», при котором каждое поколение облагается налогом для выплат предыдущему поколению. Использование данной схемы в России предполагало бы привлечение огромных ресурсов в пенсионные фонды, которые должны были бы формироваться в течение многих лет, при этом необходимо было бы платить пенсии и действующим пенсионерам.

Пособия семьям стали важным элементом федеральной политики в отношении беднейших слоев населения, поскольку дети стали часто попадать в группу бедных. С января 1994 г. была введена новая система [*Russian Economic Trends*, p. 48]. На всех детей до 18 месяцев начали выплачивать пособия размером в 150% (ранее — 60%) минимальной заработной платы; это пособие на младенцев стало составлять примерно 15% средней заработной платы. На детей до 6 лет выплачивалось пособие размером в 105% (а не 45% как раньше), а старше 6 лет — 90% минимальной зарплаты. Это были довольно высокие показатели по международным стандартам. Для семей Севера эти выплаты были увеличены. Пенсионный фонд выплачивал деньги, однако финансирование поступало из государственного бюджета. Несомненно, эти выпла-

ты зависели от политических факторов, влиявших на уровень минимальной заработной платы: с мая 1992 по май 1993 г. эти пособия в реальном выражении снизились до уровня трети от их предыдущего значения, однако реформа 1994 г. восстановила их размеры. С уменьшением темпов инфляции эти резкие перепады прекратились.

Краеугольным камнем системы социальной защиты в условиях старого режима было право на труд, оно лежало в основании других аспектов социальной политики по поддержанию доходов. Таким образом, основной проблемой, видневшейся на горизонте, была угроза массовой безработицы. Опасения по поводу этой проблемы стимулировали разработку осенью 1990 г. и принятие 15 января 1991 г. Закона «О занятости». По этому закону был введен 1%-ный налог с фонда заработной платы с целью создания фондов для финансирования пособий по безработице, переподготовки, общественных работ и профессиональной ориентации. Это официально свидетельствовало об окончании периода, при котором основополагающими принципами были право на труд и обязанность трудиться [*In Search of Flexibility*].

Однако пособие по безработице не было столь затратным для правительства, как это ожидалось сразу после 1991 г. Это было отчасти связано с тем, что немногие реально претендовали на это пособие, большинство добровольно перемещались с одной работы на другую; кроме того, это было, возможно, следствием небольшого размера самого пособия. В первые три месяца оно составляло 100% заработной платы, в следующие три месяца 75%, затем в течение еще трех месяцев — 60%, а в следующие — 45%. Минимальный размер пособия равнялся минимальной заработной плате (т.е. 10% от средней зарплаты). Поскольку размер пособия рассчитывался на базе заработных плат в предыдущем году и не был проиндексирован, в то время как уровни инфляции в 1992 и 1993 гг. были высокими, большинство безработных получали в действительности жалкое пособие. Однако с 1995 г., когда инфляция стала относительно контролируемой, а безработица устойчиво, если не быстро, росла, затраты на выплату пособий начали увеличиваться. Условия их получения предполагали, что заявитель должен был искать работу и согласиться, по крайней мере, на второе подходящее предложение о работе. Пособия выплачивались из Фонда занятости. Мы не будем здесь останавливаться на продол-

жительных дискуссиях по поводу единого размера пособия (для упрощения распределения) и средств для поддержки тех безработных, которым пособия уже не выплачиваются.

За дискуссиями о доходах стоял вопрос о бедности. В июне 1994 г. в «Russian Economic Trends» был опубликован расчет, в котором за основу были взяты данные Министерства труда о продовольственной корзине людей, живущих за чертой бедности; по этому расчету 14% населения было признано бедными (это такая же доля бедных, как и в середине 1980-х гг.). Однако за полтора года до того, в начале 1993 г. такой же расчет обнаружил 36% бедных. Ситуация несколько улучшилась в 1994 г. в связи с увеличением средних доходов и замедлением темпов инфляции (которая существенно влияет на уровень редко индексируемых пособий). Возможно, этому способствовало и увеличение в 1994 г. уровней семейных пособий. Поскольку в 1996—1997 гг. (т.е. когда проходили наши опросы критических групп) минимальная пенсия составляла примерно 20% от средней заработной платы или половину от вычисленного Министерством труда прожиточного минимума, а средняя пенсия составляла около 31% от средней зарплаты или 80% от прожиточного минимума, можно было бы ожидать, что размер пенсий будет определять уровень бедности. Однако с середины 1980-х гг. средние пенсии близко соответствовали средней заработной плате, это давало основание предположить, что на смену образу обнищавших российских пенсионеров приходит образ обнищавших детей, особенно в связи с тем что многие пенсионеры имели оплачиваемую работу.

Согласно официальным данным Госкомстата за 1996 г. средний месячный доход на душу населения у 22,6% домохозяйств был ниже прожиточного минимума, рассчитанного Министерством труда. В 1997 г. этот показатель снизился до 20,9% [*Социально-экономическое положение России*, с. 69]. Центр комплексных социальных исследований выделил три уровня абсолютной бедности: крайняя нищета, нищета и нужда. В 1995 г. около 12% населения России находилось в крайней нищете (доходы были ниже стоимости потребительской корзины), около 20% жило в нищете, а еще 30% нуждалось. По нашим данным, полученным с помощью многомерного методологического подхода, основанного на модели бедности Таунсенда, 8% наших респондентов из «критических групп» рынка труда находились в 1997 г. в нищете или крайней

нищете, 15% страдали от острой бедности, а 24% нуждались (см. об этом главу 8).

Данные, приведенные в отчетах 1992 и 1993 гг. RLMS и Госкомстата соответственно [*Russian Economic Trends*, p. 47], показали, что дети составляли значительную часть бедных, в 1992—1993 гг. доля детей, живших в бедности (около 40%), вдвое превышала долю пожилых мужчин в возрасте от 60 лет, оказавшихся в таком же положении. В нашем исследовании установлено, что в 1997 г. основной причиной бедности, и особенно крайней бедности, являлись семейные обстоятельства респондентов. Не случайно, что среди бедных преобладали семьи с одним кормильцем и ребенком до 18 лет; многодетные семьи; семьи с инвалидами. Среди многодетных семей и семей с одним кормильцем количество людей, оценивавших свое материальное состояние как очень плохое, втрое превышало средний показатель. Поскольку участились случаи беременности молодых незамужних женщин (тогда как общий уровень рождаемости значительно снизился в 1990-е гг.), ситуация с семейной и детской бедностью, вероятно, будет и дальше усугубляться [*Women in Transition*]. Результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в 1997 г., демонстрируют, что это не было связано с отсутствием общественного беспокойства по этому поводу. Россияне считали, что социальная поддержка в первую очередь должна предоставляться матерям-одиночкам и одиноким пожилым людям (35%), семьям с детьми (32%), инвалидам, бедным (29%) и пенсионерам (24%). По мнению россиян, мигранты, беженцы, безработные и ветераны гораздо меньше нуждались в социальной поддержке государства (7—14%) [*Хахулина*, с. 39—45].

Здоровье, болезни и здравоохранение

Основной проблемой в данной области является недофинансирование здравоохранения, которое находилось на сравнительно низком уровне на протяжении многих лет. В 1986 г. было гарантировано значительное повышение заработной платы медицинским работникам с тем, чтобы привести ее в соответствие со средним уровнем заработной платы; план на 12-ю пятилетку содержал

обещания увеличить финансирование новых технологий, выпуск лекарств и т.д. Большая часть этих обещаний не была выполнена. В июне 1994 г. средняя заработная плата в сфере здравоохранения составляла 75% от средней заработной платы в промышленности [*Current Diges*, 1994, p. 22]. В бюджете на 1994 г. отчисления в эту сферу действительно были увеличены до 2,8% от ВНП (по сравнению с 2% в 1992 г.), а к 1998 г. эта цифра увеличилась до 3,8% [*Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS*, p. 151]. Однако основным источником дополнительного финансирования являлся Фонд медицинского страхования РФ, основанный в 1993 г., при этом сам фонд был образован за счет налога на фонд заработной платы (3,6%) и лишь три четверти его средств были направлены в здравоохранение в 1993 г., а остальное составляло резервный капитал [*Current Digest*, 1994, № 33].

Интересно, что 3,2 из 3,6% направлялись на региональный уровень, именно на этом уровне контролировалась бóльшая часть бюджетных средств на социальные нужды. Здесь наблюдалась явная неопределенность относительно того, кто на самом деле контролирует эти огромные денежные суммы, поскольку они не были четко разграничены и не были ограждены от прямого вмешательства со стороны государства. В 1995 г. была предпринята попытка пересмотреть действующую модель обязательного медицинского страхования. Законопроект отражал интересы руководителей системы здравоохранения, рыночное регулирование предлагалось заменить государственным регулированием, а территориальные фонды отдавались в подчинение органам местной исполнительной власти. Негосударственные страховые компании должны были быть исключены из системы медицинского страхования. С другой стороны, по мнению ученых из Института экономики переходного периода, такой закон подорвал бы стимулы к поддержанию и улучшению качества медицинских услуг. Они утверждали, что проблема должна решаться путем отказа от принципов государственного медицинского страхования в условиях рыночной экономики [*Российская экономика в 1996 году*, с. 119].

Частное финансирование должно стать новым источником средств. Частные средства всегда поступали в медицину в виде подарков и взяток врачам, а в последние годы дефицит лекарств породил торговлю из-под полы. Недостаточное финансирование больниц и резкое увеличение цен на медикаменты (многие из которых импортировались из Европы) вынуждали медицинских ра-

ботников взимать плату за услуги. По данным опроса, проведенного Р. Роузом в 1992—1993 гг., половине населения приходилось пользоваться своими связями, чтобы приобрести товары и услуги, к числу которых в первую очередь относились лекарства и врачи [*Rose*, 1992(b), p. 16]. По оценкам социологов, 10—15% населения получали медицинское обслуживание по месту работу [*Preker, Feachem*, p. 309], но, как отмечалось выше, объем таких услуг постепенно уменьшался. В случае развития этой тенденции на здравоохранение, и без того перегруженное, могло лечь дополнительное бремя.

1996 г. ознаменовался дискуссиями о будущем медицинского обслуживания и целым рядом изменений в сфере здравоохранения: слияние Министерства здравоохранения и Министерства медицинской промышленности в единое министерство, дебаты в Государственной Думе по проектам поправок к Закону «О медицинском страховании», призванных отразить интересы трех групп: руководства системой здравоохранения, медицинских фондов и медицинских страховых компаний, включая частный сектор [*Российская экономика в 1996 году*, с. 120—123]. Однако до настоящего времени российское правительство и Министерство здравоохранения все еще не пришли к согласию по поводу единой модели медицинского обслуживания. Не решены по сей день и основные проблемы реформы здравоохранения: разумное использование финансовых средств, неадекватная координация различных финансовых органов, работающих в сфере здравоохранения, и отсутствие эффективных механизмов общественного контроля над фондами медицинского страхования на различных уровнях.

Здоровье нации продолжало ухудшаться, несмотря на антиалкогольную кампанию 1980-х гг. Например, к 1992 г. среднее потребление алкоголя достигло того же уровня, на котором оно было в 1984 г. до начала кампании. В то же время продолжительность жизни мужчин, увеличившаяся в результате кампании с 62 до 65 лет, вновь упала до 62 лет. К 1994 г. этот показатель снизился до 59 лет, а к 1997 г. — до 58, что, по мнению некоторых демографов, явилось прямым результатом потребления алкоголя [*Current Digest*, 1994, № 29]. Либерализация цен привела к сравнительному снижению цен на водку по сравнению, например, с ценами на продукты питания. Кроме того, появились новые источники ухудшения здоровья нации. Дифтерия, холера, корь и желудочно-кишечные

инфекции все больше распространялись в России. Например, случаи заболевания дифтерией вдвое увеличились с 1990 г.; в 1990 г. от дифтерии умерли 30 человек, в то время как лишь за январь 1994 г. умерли 50 человек из-за того, что меньше 50% населения были привиты [*Current Digest*, 1994, № 15].

Загрязнение питьевой воды считалось одной из главных причин этих заболеваний. Согласно официальному докладу Министерства защиты окружающей среды Российской Федерации в августе 1994 г. почти половина населения пила воду, качество которой было ниже официальных стандартов [*Current Digest*, 1994, № 31]. В 1993 г. 2992 человека умерли от плохого качества питьевой воды, еще больше людей заболели от этого. При отсутствии средств на финансирование очистки воды населению приходилось кипятить питьевую воду [*Current Digest*, 1994, № 17]. В ходе опроса в рамках проекта по охране окружающей среды было установлено, что 80% москвичей кипятили питьевую воду, по сравнению с 50% в Эстонии и 3% в Венгрии [*Manning*]. Второй причиной заболеваний было загрязнение атмосферы. В докладе главного санитарного врача Москвы в 1993 г. отмечалось, что респираторные заболевания являлись наиболее распространенными как среди взрослых, так и среди детей и что случаи заболевания детей увеличились на 20% в 1992—1993 гг. [*Current Digest*, 1994, p. 20].

Педиатры отмечают общий спад физического и умственного состояния детей. Значительно ухудшились индикаторы их физического здоровья. Результатом школьной реформы стала дальнейшая стратификация, и многие дети не получали не только школьного образования, но и школьных обедов и медицинского обслуживания. По утверждению главы Российского союза педиатров Баранова, лишь около половины молодого поколения россиян соответствовало стандартам умственного развития. В целом современного подростка по физическому развитию можно сравнить с молодым человеком этой же возрастной группы в 1950-е гг. [*Current Digest*, 1998, № 12].

Общий рост числа заболеваний и продолжающееся недофинансирование сферы здравоохранения наряду с нарушением жизни людей, вызванным экономическими и политическими изменениями, произошедшими с 1991 г., оказывали неизбежное влияние на уровни рождаемости и смертности. Уровень рождаемости в Москве уменьшился вдвое: с 12 на 1 тыс. человек в 1989 г. до 7 на 1 тыс. человек в 1993 г. Уровень смертности увеличился в этот период с

12 до 17 на 1 тыс. человек. Кроме того, каждый год в России делаются 3 млн. абортов. Два из трех случаев беременности заканчиваются абортом; по их количеству Россия занимала второе место в Европе (после Румынии). Большинство семей имели лишь одного ребенка. Все эти проблемы в совокупности привели к сокращению населения. В 1993 г. в 49 регионах, исключая Москву (примерно две трети всей страны), наблюдалось такое сокращение населения, которое в 1992 г. произошло в 41 регионе, а в 1991 г. — в 33 регионах [*Социально-экономическое положение России*, с. 10]. Хотя, по мнению демографов, сокращение населения прекратилось в 1995 г., статистика остается тревожной. В 1991—1995 гг. общая рождаемость снизилась на 23,2%, а общая смертность увеличилась на 31,6% [*Current Digest*, 1998, № 2]. К 2015 г. ожидается общее сокращение населения со 149 млн. человек в 1992 г. до 140 млн.; а к 1997 г. население уже сократилось до 147,5 млн. человек [*Социально-экономическое положение России*, с. 3]. По оценкам Т. Заславской [*Заславская*, с. 171], общая сумма социальных и демографических издержек реформирования составила 650 млн. лет человеческой жизни. Даже при том, что пик демографического кризиса (который пришелся на 1992—1994 гг.) уже прошел, Россия не оправится от него еще в течение нескольких десятилетий.

Жилье

В СССР практически бесплатное жилье служило традиционным источником недовольства, связанного с длинными очередями, маленькими квартирами и вечной надеждой на увеличение темпов строительства. В последние годы, когда жилье стало важным сегментом приватизации, появились новые проблемы, в том числе бездомность и попрошайничество. Сначала темпы приватизации были медленными. Поскольку не многие были заинтересованы в приобретении жилья по высоким ценам с последующей перспективой оплачивать дорогие коммунальные услуги, квартиросъемщики не стремились стать владельцами своего жилья, если им не нужно было по каким-либо причинам менять место жительства. В 1992 и 1993 гг. в результате государственного стимулирования и установления сроков завершения приватизации активность

возросла. Однако так как этих конечных сроков не придерживались на практике, процесс, бодро начавшийся в 1992—1993 гг., приостановился в 1994 г. Тем не менее к 1997 г. половина всех квартир находилась в частной собственности [*Russian Economic Trends*, p. 84].

В январе 1994 г. была введена новая система оплаты коммунальных услуг. Начиная с 1993 г. эксплуатационные расходы в среднем бюджете домохозяйств удвоились: с 10% в 1993 г. до 20% в 1997 г. [*Российская экономика в первой половине 1997 года*, с. 86]. Однако данные исследования ВЦИОМ показывают, что 50% россиян считали эксплуатационные расходы слишком тяжелым бременем для их домохозяйств. Лишь треть респондентов с уверенностью отмечали в 1997 г., что коммунальные платежи никогда не представляли серьезной сложности для их семейного бюджета [*Экономические и социальные перемены*, 1997, № 6, с. 44]. Многие наблюдатели полагали, что время для радикальной жилищной реформы еще не наступило. Например, в 1997 г. вице-премьер российского правительства Б. Немцов многократно декларировал в качестве безотлагательной меры изменение существовавшей системы оплаты жилищных эксплуатационных затрат, которые, по прогнозам, должны были вскоре на 100% оплачиваться населением. Контраргумент состоял в том, что государству необходимо принять во внимание финансовую ситуацию в домохозяйствах, задержки заработной платы. Проведение такой жилищной реформы требует постепенного развития с соответствующей социальной корректировкой, в противном случае ее достижение возможно лишь силовыми методами, что приведет к тому, что социальные издержки превысят полезный экономический эффект [*Хахулина*].

В любом обществе высокая стоимость нового строительства и существующей собственности придает проблеме финансирования жилищного сектора первостепенную важность. В России эта проблема решается достаточно непродуманно. Первоначально свободная приватизация в пользу реальных квартиросъемщиков весьма незначительно изменила финансовые потоки, а квартплата, плата за энергоресурсы и коммунальные услуги оставалась чисто символической. Реформирование системы коммунальных платежей предполагало повышение прибыли, которая могла бы реинвестироваться в улучшение жилья, хотя в реальности она могла пойти на сокращение расходов из других статей федерального бюджета. Два президентских указа (в декабре 1993 г. и в июне 1994 г.) так-

же были нацелены на решение вопроса о финансировании жилья путем введения ипотечного кредитования, жилищных сберегательных счетов, а также создания местных фондов строительства муниципального жилья, однако механизмы реализации этих указов отсутствовали. Опубликованные ВЦИОМ данные демонстрируют тот факт, что примерно 20% предприятий продолжали обеспечивать своих работников бесплатным жильем, однако лишь 5% респондентов впервые получили такую форму социальной помощи в последние два года [*Экономические и социальные перемены*, 1997, № 5, с. 30, 31].

В строительной сфере произошел крах государственного строительства и небольшой рост индивидуального жилищного строительства. Данные по Санкт-Петербургу демонстрируют 90%-е снижение государственного жилищного строительства в период с 1989 по 1993 г., однако в стадии строительства находились 10 тыс. частных домов [*Баранов*, с. 159]. Несомненно, как государственному, так и частному строительству предстоит еще долгий путь развития [*Current Digest*, 1997, p. 10].

Следует отметить еще два важных последствия текущего состояния российского жилищного сектора. Первым является вечная сложность в приведении в соответствие гибкости рынка труда и гибкости рынка жилья. В нашем исследовании мы нашли подтверждение растущей гибкости рынка труда, выраженное в том, что 20% работников поменяли работу за последний год. Несомненно, бóльшая часть этих работников могут найти новую работу в том же городе, так как при дешевом и эффективном общественном транспорте им не потребуется переезжать в другой город. Однако любая попытка перемещения работников по стране в связи с изменением производственных нужд сильно ограничивается из-за отсутствия нормального рынка жилья [*Layard, Richter*, p. 88].

Вторым последствием является рост числа бездомных. В России, как и в Западной Европе, весьма сложно оценить масштаб этой проблемы. Отчасти это связано со скрытым характером данной проблемы, а отчасти — с противоречивостью ее определений. В 1994 г. количество бездомных в Санкт-Петербурге оценивалось в 30—50 тыс. В Москве, по оценкам Г. Андруша [*Andrusz*, p. 15], было примерно 30—100 тыс. бездомных, 10% которых оценивались им как жертвы преступлений при продаже жилья [*Layard, Richter*, p. 22].

В целом проблема жилья является весьма важной как в политическом смысле (поскольку это постоянный источник социального недовольства), так и в экономическом (поскольку привлекает крупные финансовые потоки). Как и в случае с государственными промышленными предприятиями, приватизация в этой области зачастую имела место только на бумаге. И все-таки она происходит, возникает новый рынок, который, без сомнения, в будущем расширится и будет приобретать все бóльшее влияние.

Литература

Баранов А. Жилищная ситуация в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург в начале 90-х: сумасшедший, холодный и жестокий. СПб.: Благотворительная организация «Ночлежка», 1994.

Бессонова О.Е., Крапчан С.Г. Участие населения в приватизации жилья // Социологические исследования. 1994. № 8, 9.

Гордиенко А.А., Пшевнев Г.С., Плюсин Ю.М. Структура поведения безработного // Социологические исследования. 1996. № 11.

Гудков Л.Д. Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Интерцентр, 1996.

Давыдова Н. Региональная специфика сознания россиян // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 12—24.

Дахин В. К дискуссии о становлении региональных элит // Куда идет Россия?.. М.: Интерцентр, 1997.

Заславская Т.И. Социальная структура России // Куда идет Россия?.. М.: Интерцентр, 1997.

Зубова Л.Г., Хахулина Л.А. Бедность в СССР: общественное мнение // Вопросы экономики. 1991. № 6.

Капелюшников Р. Движение рабочей силы и рабочих мест в российской промышленности // Российский экономический барометр. 1997. Вып. 6. № 1.

Ковалева Н. Конфликты, профсоюзы, социальная поддержка: мнение работодателей и работников // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 5.

Красильникова М.Д. Кто на чем экономит? // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 4.

Можина М.А., Попов Р.И. Динамика доходов российского населения в 1992—1993 гг. // Бедность: мнения экспертов по проблеме. М., 1994.

Осадчая Г.И. Семьи безработных и социальная политика // Социологические исследования. 1997. № 1.

Переходный период в России: сложный поиск решения. Результаты мониторинга 1992—1997. М.: РИИСИНП, 1997.

Попов Х.П., Сазонов В.В., Резникова О.В. Российские безработные о себе и своих проблемах // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 4.

Регионы России // Статистический сборник. Вып. 2. М.: Госкомстат России, 1998.

Российская экономика в первой половине 1997 года // Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1997.

Российская экономика в 1996 году: тенденции и перспективы. М.: ИЭППП, 1997.

Россия-1997: экономическая ситуация // Статистический сборник Правительственного центра России. М., 1997.

Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 1997.

Рукавишников В.О. Социология переходного периода // Социологические исследования. 1994. № 9.

Соловьев А. Ситуация на рынке труда Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург в начале 90-х: сумасшедший, холодный и жестокий. СПб.: Благотворительная организация «Ночлежка», 1994.

Социально-экономическое положение России // Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1997.

Статистический бюллетень Федеральной службы занятости. М.: Федеральная служба занятости, 1997.

Хахулина Л. Общественное мнение о льготах, пенсиях и привилегиях // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 6.

Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3.

Чернина Н.В. Социальные проблемы безработных (Новосибирская область) // Социологические исследования. 1996. № 11.

Четвернина Т. Формы и основные признаки скрытой безработицы в России // Куда идет Россия?.. М.: Интерцентр, 1997.

Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 1; 1997. № 5; 1997. № 6; 1998. № 1.

Andrusz G. The Causes and Consequences of Homelessness in Moscow and Sofia: Paper for the ESRC East-West Workshop on the Social Consequences of Marketisation. London, 9—10 December 1994. L., 1994.

Ashwin S. Shop Floor Trade Unionism in Russia // Work, Employment and Society. 1997. Vol. 11. № 1.

Barr N. Income Transfers and the Social Safety Net in Russia. Washington: World Bank, 1992.

Clarke S. Structural Adjustment Without Mass Unemployment? Lessons from Russia // The Restructuring of Employment and the Formation of a Labour Market in Russia. Warwick: Centre for Comparative Labour Studies: University of Warwick, 1996.

Commander S. Russia // Unemployment, Restructuring, and the Labour Market in Eastern Europe and Russia / Ed. by S. Commander, F. Coricelli. Washington: World Bank, 1995.

Current Digest of the Post-Soviet Press. 1993. Vol. 45. № 44; 1994. Vol. 46. №15, 17, 29, 31, 33, 38; 1997. Vol. 49. № 1, 3; 1998, Vol. 50. № 2, 4, 7, 12.

Ellman M. A Note on the Distribution of Income in the USSR under Gorbachev // Soviet Studies. 1990. Vol. XLII. № 1.

Ellman M. Socialist Planning. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Ellman M., Layard R. Prices, Incomes and Hardship // Changing the Economic System in Russia / Ed. by A. Aslund, R. Layard. L.: Pinter Publishers, 1993.

Gimpelson V.E. Labour Market and Employment in Russia: Beginning of Changes // Economic Developments in Cooperation Partner Countries from a Sectoral Perspective / Ed. by R. Weichhardt. Brussels: NATO, 1993.

Gimpelson V.E., Magun V. Nouvel Emploi et Mobilite Sociale des Travailleurs Licencies // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1994. Vol. XCVI.

Gotting U. Destruction, Adjustment and Innovation: Social Policy Transformation in East Central Europe. Bremen: Centre for Social Policy Research, University of Bremen, 1994.

Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS / United Nations Development Programme. N.Y.: UNDP, 1999.

Human Development Report. 1999. Russian Federation / United Nations Development Programme. N.Y.: UNDP, 1999.

In Search of Flexibility: the New Soviet Labour Market / Ed. by G. Standing. Geneva: International Labour Organization, 1991.

Labor Markets and Social Policy in Central and Eastern Europe, the Transition and Beyond / Ed. by N. Barr. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Labour Restructuring in Russian Enterprises: a Case Study. Paris: OECD, 1996.

Layard R., Richter A. Labour Market Adjustment in Russia // Russian Economic Trends. 1994. Vol. 3. № 2.

Lesage M. The Crisis of Public Administration in Russia // Public Administration. 1993. Vol. 71. № 1/2.

Lonkila M. Informal Exchange Relations in Post-Soviet Russia: A Comparative Perspective // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. № 2. (http://www. socresonline.org.uk/socresonline/2/2/9.html)

Manning N. Patterns of Environmental Movements in Eastern Europe // Environmental Politics. 1998. Vol. 7. № 2.

Preker A.S., Feachem R.G.A. Health and Health Care // Labor Markets and Social Policy in Central and Eastern Europe, The Transition and Beyond / Ed. by N. Barr Oxford: Oxford University Press, 1994.

Rose R. Divisions and Contradictions in Economies in Transition. Strathclyde: Centre for the Study of Public Policy: University of Strathclyde, 1992(a) (Studies in Public Policy, № 206).

Rose R. How Russians are Coping with Transition. Strathclyde: Centre for the Study of Public Policy: University of Strathclyde, 1993(b) (Studies in Public Policy, № 216).

Rose R. Is Money the Measure of Welfare in Russia? Strathclyde: Centre for the Study of Public Policy: University of Strathclyde, 1993(a) (Studies in Public Policy, № 215).

Rose R. Russians Between State and Market. Strathclyde: Centre for the Study of Public Policy: University of Strathclyde, 1992(b) (Studies in Public Policy, № 205).

Roxborough I., Shapiro J. Russian Unemployment and the Excess Wages Tax // Communist Economies and Economic Transformation. 1994. Vol. 8. № 1.

Russian Economic Trends. Russia-European Centre for Economic Policy, 1994.

Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Women in Transition / UNICEF (United Nations Children's Fund). Florence: International Child Development Centre, 1999.

Глава 4

Методика исследования социальной политики в регионах

О выборе методов сбора и анализа информации

Сама тема исследования предполагает применение широкой гаммы методов и изучение разнообразных источников информации. Спорность и недостаточность данных государственной статистики и официальных документальных источников стимулировали авторов исследования к поиску надежных и адекватных «полю социальной политики» методов сбора информации. Таковыми явились панельные полуформализованные интервью с представителями кризисных групп на рынке труда, проводившиеся в домохозяйствах, а также панельные фокусированные интервью с акторами социальной политики. Результаты этих опросов принесли немало неожиданностей исследователям.

Как и в советское время, официальные источники, включая государственную статистику, крайне ограниченно представляют данные о социальной действительности. В них можно найти сведения о численности безработных, об

уровне жизни, доле населения, находящегося за чертой бедности, и т.д. Конечно, и эти данные вызывают справедливые нарекания специалистов: они дискутабельны, часто плохо согласуются с принятыми в мировой статистике показателями. Основной же недостаток — по ним нельзя реконструировать реальные обстоятельства жизни основных слоев населения, особенно критических групп, ускользающих из поля зрения статистического учета, социологических служб и центров изучения общественного мнения при проведении представительных опросов.

Можно бесконечно приводить примеры неадекватного и ограниченного представления социальной действительности в только что названных материалах. Так, например, «Обзор экономической политики» Российско-европейского центра экономической политики за 1997 г. приводит следующее сопоставление данных об уровне бедности в России: «Согласно официальным данным в первом квартале 1997 г. за чертой бедности находился 21% населения. Это свидетельствует о сохранении действующей уже продолжительное время тенденции к снижению уровня бедности, поскольку данный показатель ниже соответствующего показателя за первый квартал 1996 г. и почти равен среднему за 1996 г.

Однако данные, полученные из других источников, представляют ситуацию в ином свете. По данным обследования «Russia Longitudinal Monitoring Survey», сфера бедности расширяется. Если ориентироваться на проведенное авторами обследование бедности, то окажется, что доля семей, находящихся за чертой бедности, постепенно растет: с 13% в ноябре 1993 г. до 29% в октябре 1995 г. и 36% в октябре 1996 г.» [*Обзор*, с. 89].

Спорность данных официальной статистики можно обнаружить и из такого примера, вполне характеризующего подходы к определению социальных показателей бедности. С конца 1996 г. Госкомстат рассчитывает стоимость расширенной потребительской корзины, которая включает 25 товаров первой необходимости. При этом новая потребительская корзина (как отмечает тот же «Обзор экономики России») в отличие от прежней имеет официальный статус, поскольку она в соответствии с законом определяет уровень прожиточного минимума. Состав корзины основан на Методических рекомендациях по расчету прожиточного минимума в регионах Российской Федерации, утвержденных Министерством труда и социальной политики 10 ноября 1992 г. По оценкам специалистов, «новая потребительская корзина пре-

дусматривает такой уровень потребления входящих в нее товаров, который оказывается ниже пайковых рационов времен Второй мировой войны (особенно впечатляет норма потребления мяса и мясопродуктов — 8,4 кг). Тем не менее стоимость этой корзины определяет прожиточный минимум, или уровень бедности, в регионах и служит для расчета суммы финансовых трансфертов из федерального бюджета [*Обзор*, с. 243, 244].

Очевидно, какую цену наши современники платят за такие «научно обоснованные» расчеты и предпринимаемые на их основании действия. И. Бирман отмечает, что для характеристики социальной дифференциации в России широко используют известный коэффициент Джини. Но как можно доверять соответствующим расчетам, когда «в так называемых бюджетах домашних хозяйств нет данных о доходах-расходах очень богатых и очень бедных, никак не лучше и сравнивать данные по тому же коэффициенту за 1989 г. по разным странам — в них принципиально разная структура доходов» [*Бирман*, 1997, с. 87].

Мы попытались в какой-то мере преодолеть объективно заданные трудности, была принята во внимание специфичность «поля» исследования — поля социальной политики, опрокинутой на плоскость жизнедеятельности социально слабых групп, нуждающихся в социальной поддержке и защите. Были выбраны (по предложению профессора Н. Меннинга) два метода сбора информации — интервью как с акторами социальной политики, так и с представителями кризисных групп на рынке труда (находящимися в вынужденных неоплачиваемых отпусках или на сокращенном рабочем дне или неделе по инициативе администрации; предупрежденными об увольнении; официальными безработными и трудоустроившимися после периода официальной безработицы).

Принятый нами способ выявления этих групп — анализ сегментов рынка труда, на котором они отчетливо обнаруживают себя. Это, конечно, не единственно возможный путь, но чрезвычайно важный в стране, долгие десятилетия не знавшей безработицы и таких ее побочных явлений, как, например, вынужденные отпуска без оплаты.

Начнем с характеристики интервью с представителями кризисных групп (интервью проводили в домохозяйствах). Мы стремились разобраться в социальной ситуации, где проблемы макро- и мезоуровня (структурная перестройка промышленности, кризис ряда отраслей, разные темпы и методы проведения реформ в различ-

ных регионах и т.д.) накладывались на проблемы микроуровня (структура домохозяйств безработных, их состояние здоровья и т.п.). Применение краткого вопросника и представительного опроса представлялось неадекватным замыслу исследования. В этом нас убедил вторичный анализ нашего же опроса по проблемам занятости (1994 г.) [*Шкаратан, Тихонова*, 1996, с. 94—153]. Поэтому предпочтение было отдано методу полуформализованного интервью, что позволило раскрыть наличие тех или иных проблем и связей, но не дало возможности достоверно оценить масштаб и распространенность зафиксированных позиций. Тем не менее в нашем случае, где важно было понять сущность тех или иных явлений и их причинную обусловленность, а не меру распространенности, этими недостатками можно было пренебречь.

Специфика использования полуформализованных интервью в нашем случае заключалась в следующем. Обычно такие интервью проводятся на малых выборках и с применением открытых вопросов. Задачи же исследования предполагали не только сопоставление и анализ взаимодействия факторов макро- и микроуровня, но и сравнение ситуации в различных регионах, с одной стороны, и в группах респондентов с различным статусом занятости — с другой. Это привело к увеличению числа вопросов и расширению круга респондентов. Учтем, что исследование охватывало три региона, в каждом из них четыре кризисные группы, т.е. 12 относительно самостоятельных объектов, выборка по каждому из которых, даже при использовании углубленных интервью, все же не могла быть меньше чем 15—20 человек.

Таким образом, общее число опрашиваемых должно было быть более 200 человек. Добавим, что в составе групп могли оказаться (и оказались) люди, испытывающие наибольшую социально-экономическую депривацию. А как показал опыт других социологических исследований, такой контингент очень часто затрудняется сформулировать свою позицию, особенно по открытым вопросам.

Поэтому при разработке вопросника была максимально учтена специфика объектов исследования, и основная часть вопросов носила закрытый и полузакрытый характер. В последних респонденты получали возможность добавить свои мнения, не учтенные при разработке вариантов ответа на такие вопросы. Мы приняли во внимание то обстоятельство, что респонденты обычно стараются уложиться в предложенный им перечень ответов и редко пользуются возможностью высказать суждение за пределами сфор-

мулированных вариантов (это подтвердил и наш опрос). Поэтому во всех случаях и на первом, и на втором этапах нами использованы открытые вопросы, когда необходимо было понять и исследовать структурированность представлений опрашиваемых, их собственные мнения, способные реализоваться вербально. Впоследствии большинство из них было закодировано.

Разумеется, использование большого числа закрытых вопросов в интервью предполагало высокое качество самих вопросов, поэтому почти все закрытые вопросы были взяты из вопросников интервью, хорошо себя зарекомендовавших в других исследованиях как в плане охвата всех возможных позиций респондентов, так и с точки зрения важности получаемых результатов. В их числе были вопросы из инструментариев исследований как западных (М. Кон, Р. Роуз, П. Таузенд и др.), так и российских (О. Шкаратан, Н. Чернина, Н. Лапин, В. Магун, Н. Тихонова) социологов, а также из мониторинговых опросов РНИСиНП и ВЦИОМ. Помимо качества самих используемых закрытых вопросов такой подход к разработке инструментария обеспечивал сопоставимость полученных результатов опроса российских безработных с данными углубленных интервью с безработными в Европе, с одной стороны, и с представительной совокупностью всех россиян — с другой.

В итоге на достаточно большом массиве данных (480 интервью у 274 человек с учетом замен и двух этапов исследования) нам удалось уловить некоторые явления и тенденции, которые невозможно было зафиксировать ни статистическими методами, ни методами количественных репрезентативных исследований, ни методом классических интервью на действительно малых выборках.

Значительную роль в исследовании играло проведение опроса акторов социальной политики. Естественно, что эти люди (сведения об их составе приведены ниже) по критерию информированности вполне могли быть признаны в качестве экспертов по интересовавшим нас проблемам. Тем более что они, как и представители кризисных групп, опрашивались дважды: весной 1996 и 1997 г. Методика экспертного опроса предполагает не только отбор экспертов по признакам их формального профессионального статуса (это правило было нами соблюдено), но и использование результатов их тестирования и аттестации со стороны коллег, что мы не имели возможности сделать в силу высокого ранга значительной части респондентов и специфики личностных связей в номенклатурно-чиновничьей среде. Однако поскольку предста-

вительность группы экспертов принято оценивать не столько статистически, сколько их качественными показателями, а также характером и аргументированностью свободно высказанных мнений, то можно, видимо, при всех оговорках признать, что наши респонденты (акторы социальной политики) являются экспертами.

К сожалению, примененный метод получения информации далеко не во всем обеспечил нам надежные результаты, поскольку точность полученных данных ограничена рамками личного практического опыта респондентов, их профессиональными и особенно личностно-корпоративными интересами. Кроме того, почти невозможно избежать описанных в литературе «ловушек» при проведении подобного интервьюирования. Во-первых, отбор акторов по формальному признаку (профессиональный статус) сузил нам круг компетентных информаторов; во-вторых, этот же принцип ввел в круг опрашиваемых некомпетентных людей; в-третьих, зачастую задававшиеся вопросы находились в зоне интересов исследователей, но не входили в зону компетенции респондентов.

Эти общеизвестные дефекты опроса акторов-экспертов подтвердились в нашем случае с особой силой. Ведь все русские чиновники, бизнесмены, менеджеры и профсоюзные боссы были и остаются неофитами в рыночной среде, неофитами в новых институциональных структурах, возникших 6—7 лет назад. Для повышения надежности результатов мы увеличили, против традиционного объема, число опрошенных, с интервалом в год провели повторные собеседования с ними, учли при повторном опросе (1997 г.) результаты интервью с «подопечными» наших респондентов, представителями критических групп.

При формулировке вопросов интервью мы постарались по возможности более полно учесть задачи исследования, подчеркивая в вопросах важность именно персонального мнения специалистов. Проведение опроса в два этапа помогло выявить существо позиций респондентов, а затем оценить уровень согласованности мнений по наиболее важным пунктам. Во втором опросе часть вопросов задавались впервые, а большинство вопросов были повторены. Включение новых вопросов во второй опрос позволило обнаружить не только перемены в тех процессах, которые были отрефлексированы нами и акторами социальной политики в 1996 г., но и процессы и явления, которые тогда либо не были учтены, либо еще отсутствовали. Кроме того, представляли интерес перемены в отношении акторов к происходящим событиям, в их оцен-

ках, информированности, заинтересованности и вовлеченности в решение социальных проблем.

При проведении интервью мы использовали традиционную методику развертывания экспертного опроса:

указание существа изучаемой проблемы и мотивов обращения к данному лицу в качестве специалиста;

сведения, убеждающие в компетентности актора: область занятий, стаж в этой области, квалификация;

информация о порядке (содержании) предлагаемых вопросов в полном объеме;

формулировка каждого проблемного вопроса, предлагающая либо свободные высказывания и комментарии с просьбой указать упущения, слабые места и сомнительные пункты в аргументации, либо обоснование постановки иной проблемы;

дополнительные замечания, комментарии, предложения [*Гордон, Чертихина,* 1983; *Шереги*, 1996, с. 63–67].

Пожалуй, проведенный нами опрос акторов социальной политики при всех его только что упомянутых особенностях наиболее близок по своему характеру к фокусированным (направленным) интервью.

Подводя предварительный итог, можно отметить, что собранные интервью позволили достаточно критически отнестись к официальным документам и получить более откровенную оценку ситуации в социальной сфере, отражающую позиции реальных и потенциальных субъектов социальной политики в России. В качестве респондентов (акторов социальной политики и политики занятости) были выбраны представители тех социальных групп российской элиты и чиновничества среднего звена, род деятельности которых наиболее близок к пониманию этих существенно важных проблем.

Методика обследования домохозяйств (общая характеристика выборки)

В исследовании ситуации с домохозяйствами использовались комбинацию методов, где количественные данные служили своеобразным каркасом углубленного качественного изучения отдельных явлений или процессов (вопросник подготовлен Н.Е. Тихоновой,

О.И. Шкаратаном (Россия) и Н. Меннингом (Великобритания). В социологии такой методический прием получил название «принцип триангуляции». Основываясь на этом принципе, социолог имеет возможность уточнять, дополнять и развивать выводы, получаемые при применении каждого из методов в отдельности, а сам по себе принцип помогает усилить преимущества и уменьшить недостатки как качественных, так и количественных исследовательских методик. Разумеется, в сопоставлении количественных и качественных данных всегда будет присутствовать некий элемент субъективности, поэтому применение этого подхода ни в коей мере не предполагало распространения результатов углубленного.

В то же время такая методика позволяла эффективнее решать задачи данного исследования, основная цель которого предполагала достижение понимания сущности изучаемых феноменов, а не их точное измерение. Качественные методы, в соответствии с определением Э. Гидденса, «приближали нас к пониманию, почему события происходят именно так, как происходят, а не просто... так, как они выглядят» [*Гидденс*], а количественные при этом скорее выполняли контролирующую функцию. В результате использовавшийся подход позволил не только получить представление о сущности того или иного явления (скажем, способа поведения конкретного домохозяйства в ситуации проблем с занятостью), но и увидеть приблизительную распространенность этих явлений. Вопреки существованию в научном сообществе определенной традиции противопоставления методологий разного типа мы старались идти в русле пока менее популярной традиции и использовать количественные и качественные подходы в их взаимодополнении как две стороны единого целого. [*Батыгин*; *Девятко*; *Козлова*; *Смирнова*; *Ядов*].

В целом основной тактикой исследования было стремление не к выявлению или верификации каких бы то ни было жестких универсальных закономерностей, а к рассмотрению всего многообразия возможных вариантов поведения акторов в контексте специфической жизненной ситуации. Лонгитюдный характер исследования позволил проследить последовательность событий, увидеть ситуацию в динамике, отделить случайное от повторяющегося, относительно устойчивого.

Представленный в данном издании анализ влияния кризиса занятости на благосостояние российских домохозяйств в крупных городах не ограничивается материалами исследования 1996—1997 гг.

Мы обратились также к результатам двух самостоятельных, но методологически связанных между собой исследований, проводившихся с 1995 по 2000 г. Начатое в 1995 г. (опросы 1996 и 1997 гг.) исследование было продолжено в 2000 г. как часть мониторинга положения и общественного сознания населения России, осуществляемого Российским независимым институтом социальных и национальных проблем на базе общероссийской репрезентативной выборки[1].

Общероссийский репрезентативный опрос был проведен в октябре 2000 г. с использованием инструментария, предложенного руководителями и участниками специализированных углубленных проектов по исследованию безработицы и бедности. Одной из целей его проведения было уточнение и дополнение представления о тенденциях социально-экономического положения и адаптации населения, которые выявились в ходе лонгитюдных качественных исследований. В общероссийском исследовании участвовал 1751 респондент в возрасте от 18 лет из 11 социально-профессиональных групп: 1) рабочие предприятий, шахт и строек; 2) инженерно-техническая интеллигенция; 3) работники торговли, бытовых услуг, транспорта и связи; 4) гуманитарная и творческая интеллигенция; 5) служащие государственных и частных учреждений, предприятий; 6) военнослужащие и сотрудники МВД; 7) предприниматели малого и среднего бизнеса; 8) пенсионеры городов; 9) студенты вузов; 10) жители села; 11) безработные. Наряду с социально-профессиональным составом в общероссийском опросе в октябре 2000 г. учитывались возрастные, территориально-поселенческие, этнические пропорции генеральной совокупности в соответствии с данными Госкомстата России, что обеспечивало необходимую репрезентативность. Погрешность результатов опроса составила, по оценке Ф. Шереги, ± 3—4%.

Общероссийский опрос проводили в 12 территориально-экономических районах (согласно районированию Госкомстата России) и Москве. В ходе него были собраны подробные сведения о составе, размерах, социальной и демографической структуре семей респондентов. Это позволило добиться большей сопоставимости дан-

[1] Мониторинг РНИСиНП (руководитель М.К. Горшков) проводится ежеквартально начиная с 1992 г. Организацию полевых работ осуществляет Центр социального прогнозирования и маркетинга (руководитель Ф.Э. Шереги).

ных общероссийского опроса с результатами лонгитюдных специализированных обследований домохозяйств.

Как уже было отмечено, исследованию 2000 г. предшествовали опросы 1996—1997 гг. Это исследование носило преимущественно качественный, углубленный характер и было специально направлено на изучение особенностей безработицы в России. Это было лонгитюдное изыскание (респонденты интервьюировались дважды с интервалом 12—13 месяцев), что позволило уточнить ряд вопросов, возникших в ходе первого этапа, а также проследить эффективность и причины выбора различных стратегий выживания семей (домохозяйств) и поведения респондентов на рынке труда. Первый опрос проходил в марте — апреле 1996 г. Методом формализованного интервью были опрошены 240 человек: 100 в Москве, 80 в Санкт-Петербурге, 60 в Воронеже.

Респонденты подразделялись на четыре группы: безработные, официально зарегистрированные в службе занятости; работники с нестабильной занятостью (находившиеся в вынужденных неоплачиваемых или частично оплачиваемых отпусках, работавшие неполный рабочий день и неполную рабочую неделю); официально предупрежденные об увольнении; трудоустроившиеся после периода официально зарегистрированной безработицы. Численно на первом этапе исследования эти группы распределялись следующим образом: 70, 58, 57 и 55 человек.

Анализ итогов первого этапа опроса (1996 г.) показал необходимость применения более дробной классификации респондентов, поэтому к четырем группам респондентов на втором этапе исследования были добавлены еще три: не состоявшие на учете в службе занятости (часть из них сняты с учета в связи с длительным сроком безработицы), но являвшиеся безработными («фактические» безработные); нормально работавшие и не имевшие в прошлом опыта безработицы (в эту группу попали те, кто был предупрежден об увольнении во время первого этапа исследования и сумел найти работу сразу же без периода безработицы); группа самозанятых.

Численно на втором этапе исследования респонденты распределились по группам следующим образом: «официальные» безработные — 47 человек, нестабильно занятые — 26, предупрежденные об увольнении — 3, трудоустроившиеся после периода официальной безработицы — 104, «фактические» безработные — 30, нормально работающие без опыта официальной безработицы — 25, самозанятые — 4 человека.

На первом этапе для поиска респондентов — «официальных» безработных применяли метод случайной выборки по учетным материалам служб занятости с контролем за соответствием социально-демографических характеристик опрашиваемых статистическим данным о составе безработных. Каждому респонденту объясняли смысл предпринятого исследования, его обязательную двухэтапность независимо от того, будет ли человек состоять через год на учете в службе занятости. Интервьюирование начиналось после получения согласия респондента на длительное сотрудничество.

Адреса предупрежденных о сокращении работников, а также вернувшихся к работе после безработицы были предоставлены работниками служб занятости. Из предложенного полного списка составлялась выборочная совокупность. Затем интервьюеры связывались с респондентами по телефону или посещали квартиры и после получения согласия на сотрудничество интервьюировали респондентов у них дома. В редких случаях (в частности, в Воронеже) интервью брали на предприятиях, проводивших массовое сокращение сотрудников, но доля этих респондентов в числе группы предупрежденных об увольнении в Воронеже не превышала трети опрошенных.

Второй опрос был проведен в апреле-мае 1997 г. По различным причинам в ходе второго этапа было заменено в общей сложности 37 человек, т.е. 15,4% по массиву в целом. Замены по Москве составили 17%, по Санкт-Петербургу — 15% и по Воронежу — 13%. По группам опрашивавшихся во время первого этапа исследования замены распределились следующим образом: «официальные» безработные — 11 человек, предупрежденные об увольнении — 5, нестабильно занятые — 13, трудоустроившиеся после периода официальной безработицы — 8.

При заменах учитывали пол, возраст и положение опрашиваемого на рынке труда в момент первого этапа опроса, что позволило минимизировать сдвиги в выборке по этим параметрам. Среди респондентов было 99 мужчин (41%) и 141 женщина (59%). Такое распределение по полу учитывало особенности гендерного состава критических групп на рынке труда обследованных городов; среди безработных особенно высокий процент женщин (от двух третей до трех четвертей всех «официальных» безработных в обследованных городах).

Российская безработица имеет ряд специфических черт по отношению, например, к безработице в европейских странах.

Среди респондентов две трети — это специалисты со средним специальным и высшим образованием, причем почти половина всех опрошенных — специалисты с высшим образованием. Около 70% всех опрошенных и на первом, и на втором этапах опроса — люди в самом эффективном с точки зрения качества рабочей силы возрасте — от 25 до 50 лет, причем каждый третий — в возрасте от 25 до 40 лет. По профессиональному статусу почти половина из них занимали ранее или продолжали занимать в период первого опроса должности работников квалифицированного умственного труда или руководителей. Таким образом, по своим формальным профессиональным характеристикам эти люди относились к лучшей части трудоспособного населения России.

Учитывая стоявшие перед нами в ходе исследования проблемы бедности и выбора стратегий выживания, большое внимание мы уделили также составу домохозяйств респондентов. Различия в численности домохозяйств по городам были весьма заметны. Так, в Москве среди безработных половина (14 человек) были одиночками или имели домохозяйства из двух человек, а в Воронеже таких было только 4. Зато большие (5 и более членов) домохозяйства были распространены в основном среди безработных Воронежа — 8 при 5 в Москве. В Петербурге соответствующие показатели составляли 9 и 8 человек. В целом же в Москве и Петербурге доминировали домохозяйства из двух-трех человек, а в Воронеже — из четырех.

Самым большим был в Воронеже и процент семей, имевших иждивенцев. Если в Петербурге семьи без иждивенцев составляли 74 из 80, а в Москве — 46 из 100, то в Воронеже иждивенцев не имели только треть опрошенных. В то же время с учетом числа работающих коэффициент семейной нагрузки в Воронеже мало отличался от Москвы и Петербурга.

Социальный портрет опрошенных москвичей

Опрошенные на первом этапе безработные — москвичи были немолоды: две трети из них были старше 40 лет, причем каждый пятый — старше 50 лет; 53% респондентов — с высшим образованием (среди них преобладали женщины — две трети опрошен-

ных); мала доля рабочих (17%) и велика — руководителей (23%), причем в большинстве — это руководители довольно высокого уровня, не ниже чем начальники отделов или цехов (17%). Эти особенности характерны и для московских безработных в целом, что позволяет рассматривать массив опрошенных как достаточно репрезентативный для московских условий.

Необходимо также отметить, что по сравнению с другими москвичами безработные более маргинализированы. Среди них было довольно много мигрантов первого поколения: 27% опрошенных начинали свою трудовую деятельность не в Москве; высшее образование большинство из них получили уже в процессе работы (при 53% имевших его на момент опроса только 17% начали трудовую деятельность, имея его). Словом, это были люди, которые «сделали себя сами» и наверняка были горды этим, поэтому они особенно болезненно переживали изменившуюся ситуацию.

Особенностями московских безработных были также гораздо больший процент одиноких людей, чем в среднем по репрезентативному опросу москвичей (47% против 31%), и значительная доля людей, никогда не состоявших в браке (30%). Семьи большинства опрошенных были очень малочисленны — два-три человека (соответственно 37 и 30%), и только 17% имели двух и более детей, причем, как правило, уже взрослых. Таким образом, опрошенные в 1996 г. безработные — это в основном немолодые женщины с маргинальным статусом, сделавшие в дореформенное время собственными усилиями неплохую карьеру, которые в большинстве были либо одиночками, либо членами домохозяйств из двух взрослых.

Опрошенные достаточно равномерно распределялись по отраслям с небольшим преобладанием в оборонной промышленности, причем увольнение их в основном происходило с крупных государственных или приватизировавшихся предприятий (67% опрошенных были уволены с предприятий с численностью работающих свыше 200 человек).

С точки зрения профессиональной самоидентификации две трети безработных отождествляли себя с работниками умственного труда. При этом к числу работников высококвалифицированного умственного труда себя отнес только один человек, а весьма многочисленные в этой группе руководители в плане профессиональной самоидентификации в большинстве своем не отождествляли себя с работниками управления. Двое в качестве своей основной

профессии назвали ведение домашнего хозяйства, что позволяет предположить утрату частью безработных ориентации на производственную деятельность.

В целом период безработицы у основной массы опрошенных составлял от 3 до 9 месяцев, т.е. приходился на период, когда безработные получают 50—75% от оклада по последнему месту работы, 7 человек имели стаж безработицы до 3 месяцев, а остальные — от 9 месяцев до 2 лет.

Предупрежденные об увольнении москвичи на первом этапе опроса довольно сильно отличались от безработных по многим параметрам. Прежде всего они были значительно моложе (32% из них были моложе тридцати лет и только 41% — старше 40). В их среде было еще более заметно доминирование женщин (73%). Также высок процент одиноких (41%) и никогда не состоявших в браке. Средний размер семьи у остальных предупрежденных был заметно больше, чем у безработных (40% имели семьи из 4 и более человек, и только 18% семей — менее 3 человек); 64% имели детей, причем 23% — 2 и более. Мигрантов первого поколения среди них было заметно меньше — 13%. Большинство предупрежденных об увольнении имели то образование, с которым они начали свою трудовую биографию. Лица с высшим образованием составляли среди них около трети. Основная же их масса имела среднее и среднее специальное образование (соответственно 23 и 32%).

Таким образом, эта группа была менее маргинализирована, чем первая, но зато менее образована и с большей семейной нагрузкой. В профессиональном отношении она также была довольно своеобразна. Предупрежденные об увольнении оказались гораздо более неравномерно распределены по отраслям, чем безработные. Наиболее заметная их часть (23%) работали в торговле и общественном питании, еще 9% — в жилищно-коммунальном хозяйстве. Таким образом, в переживающей расцвет сфере обслуживания были заняты 32% респондентов этой группы. И это при том, что на находящиеся в кризисе промышленные отрасли вместе взятые приходилось лишь 27% респондентов этой группы.

Среди предупрежденных об увольнении заметно меньше работавших на государственных и акционерных предприятиях и больше — на частных и совместных. Соответственно меньше был и процент уволенных с крупных предприятий, зато больше — с предприятий численностью до 50 человек. По предупрежденным об увольнении нет специальной городской статистики, однако по

некоторым косвенным данным такая отраслевая структура сейчас достаточно характерна для увольнений и связана с перестройкой городского хозяйства.

Представители группы нестабильно занятых имели заметно отличавшийся от других групп поло-возрастной состав и семейное положение. В основном это были мужчины (68%) в возрасте от 30 до 40 лет. 28% опрошенных в этой группе были моложе 30 лет, а остальные — старше 40. Как и предупрежденные об увольнении, почти все они оказались коренными москвичами. Практически все опрошенные жили в составе семьи, причем 32% — в семьях, насчитывавших 4 и более человек; в 36% семей опрошенных были иждивенцы, в том числе маленькие дети.

Образовательный уровень этой группы оказался самым высоким из всех четырех, которые были обследованы: работники с высшим образованием — 56%, только 16% не имели специального образования. Работниками физического труда были 40% нестабильно занятых, при этом 32% работали по специальностям, относящимся к высококвалифицированному физическому труду; 48% работали по специальностям квалифицированного и высококвалифицированного умственного труда. Профессиональная самоидентификация группы по этим параметрам была совершенно адекватной. Единственным исключением являлась самоидентификация с должностями руководителей. Эти позиции занимали, судя по ответам, 12% опрошенных. Но при кодировании профессий мы не нашли ни одного опрошенного, которого можно было бы отнести к руководителям.

Достаточно своеобразна была и отраслевая принадлежность респондентов из этой группы: это в основном оказались работники тяжелой (48%) и оборонной (8%) промышленности; кроме того, шире, чем в других группах, здесь были представлены работники образования и науки (16%). При таком отраслевом составе неудивительно, что 64% респондентов работали на предприятиях численностью свыше 200 человек, причем 36% — численностью свыше тысячи человек, и только 8% — на предприятиях с численностью работающих менее 50 человек. В основной своей массе это были государственные или акционерные (приватизированные) предприятия. Как видим, представители этой группы респондентов — в основном достаточно молодые мужчины, занятые квалифицированным физическим и умственным трудом в промышленности и науке, с высоким социальным статусом по до-

реформенной шкале престижа. В силу значимости для них (по различным причинам) их работы они оставались на предприятии, несмотря на сложное финансовое положение, в котором оно находилось.

Трудоустроившиеся после периода официальной безработицы, как и группа безработных, были относительно немолоды — 62% старше 40 лет. Однако в отличие от безработных группа трудоустроившихся в большей своей части была представлена мужчинами. Здесь оказался самый высокий процент женатых и замужних (62%), а также тех, кто не имеет других работающих членов семьи (52,2%) (у безработных — 36,7%).

Это достаточно образованная группа (43,6% с высшим образованием), хотя образование они, как и безработные, получили в основном уже после начала работы. В отраслевом разрезе представители этой группы после трудоустройства были заняты в первую очередь на государственных и акционерных предприятиях в сферах торговли, общественного питания и жилищно-коммунального хозяйства относительно небольшой численности. Треть работали на предприятиях численностью до 50 человек и ровно столько же — на предприятиях с численностью свыше 200 человек, что меньше, чем в любой другой группе. Таким образом, после периода безработицы в Москве люди трудоустраивались в основном в те отрасли, откуда шел и наибольший поток сокращаемых.

Социальный портрет опрошенных петербуржцев*

Среди официально зарегистрированных безработных в Петербурге во время опроса в 1996 г. было 32% руководителей и специалистов с высшим или средним специальным образованием, 24% служащих из числа технического и обслуживающего персонала, 24% квалифицированных рабочих. По последнему месту работы респонденты этой группы равномерно распределились по широкому кругу отраслей народного хозяйства.

---

* Авторы благодарны за сотрудничество и помощь в работе Н. Суриновой (Санкт-Петербург), осуществившей интервьюирование и подготовившей данный подраздел.

Специфика петербургской группы нестабильно занятых была обусловлена самым значительным по сравнению с другими группами опрошенных представительством (73%) высокообразованных людей — технической и гуманитарной интеллигенции, занятой преимущественно в оборонной промышленности и науке. В этой группе руководители и специалисты, имевшие высшее и среднее специальное образование, составляли 55%, служащих из числа технического и обслуживающего персонала насчитывалось 18%, квалифицированных рабочих — 23%. Такой состав объяснялся тем, что, несмотря на то, что наибольший удельный вес нестабильно занятых отмечается в промышленности, основная доля находящихся в вынужденных отпусках приходится на инженерно-технический персонал предприятий и на научных работников отраслевых институтов, входящих в структуру научно-производственных объединений.

Основу группы предупрежденных об увольнении составляли квалифицированные рабочие (47%), занятые на крупных предприятиях государственной и акционерной форм собственности в тяжелой промышленности гражданского назначения.

Образовательный профиль трудоустроившихся после периода безработицы определялся, как и в случае с находившимися в вынужденных отпусках, большим удельным весом лиц, имевших высшее образование (56%). Однако в отличие от них должностной статус вернувшихся к работе в среднем был заметно ниже. Здесь фиксировалась относительно меньшая доля лиц, занимавших в момент опроса должности, требующие высшего или среднего специального образования, в то же время отмечался явный рост числа занятых в сфере обслуживания.

Более половины из общего числа опрошенных безработных (58%) были уволены с государственных предприятий. Примерно одна четвертая часть респондентов отметили, что последним их местом работы было акционерное общество, а у одной шестой — частная фирма. Среди находившихся в вынужденных отпусках отмечалась значительно бóльшая доля тех, кто был занят на предприятиях акционерной формы собственности (45%); еще выше был удельный вес занятых в акционерных обществах в группе предупрежденных об увольнении (60%).

Большинство зарегистрированных безработных увольнялись со средних предприятий, 36% — с крупных, 12% — с мелких предприятий с численностью работающих менее 50 человек. Находив-

шиеся в вынужденных отпусках в основном были заняты на крупных предприятиях и в организациях (64%); средние предприятия представляли 32% респондентов этой группы, мелкие — 4%. По численности работников на их предприятиях примерно так же распределялись и предупрежденные об увольнении.

Среди зарегистрированных безработных удельный вес тех, кто работал ранее на предприятиях с численностью менее 200 человек, почти втрое превышал соответствующий показатель по группе предупрежденных об увольнении и в 10 раз — находившихся в вынужденных отпусках. В то же время по сравнению с зарегистрированными безработными значительно бóльшая часть скрытых безработных были заняты на крупных предприятиях (свыше тысячи человек).

Из числа зарегистрированных безработных 36% утратили свое рабочее место в связи с сокращением штатов или закрытием предприятия, еще для 48% респондентов официальной причиной увольнения послужило собственное желание. Около трети до увольнения бывали в неоплачиваемых отпусках. Более 85% респондентов этой группы отмечали, что и раньше они были вынуждены уходить в неоплачиваемые или частично оплачиваемые отпуска в связи с отсутствием работы на их предприятии (организации).

Социальный портрет опрошенных воронежцев*

Из 15 официально зарегистрированных безработных воронежцев треть составляли мужчины, а две трети — женщины. 7 респондентов были в возрасте 30—40 лет, пятеро — 40—50 лет, а трое — моложе 30 лет. Образовательный уровень безработных был достаточно высок. На момент опроса 27% респондентов имели полное среднее образование, 20% — среднее специальное, более половины опрошенных (53%) оказались специалистами с высшим или неоконченным высшим образованием.

* Авторы благодарны за сотрудничество и помощь в работе Н. Давыдовой, осуществившей интервьюирование в Воронеже и подготовившей данный подраздел.

40% безработных (и это специфично именно для этой группы) являлись бывшими работниками оборонной промышленности; 13% опрошенных последним местом работы назвали предприятия либо тяжелой промышленности, либо других промышленных отраслей (под которыми большинство подразумевали ВПК). В непроизводственной сфере 13% респондентов были работниками образования и науки, по 7% — работники транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и других отраслей.

Особенностью официальной безработицы в Воронеже стало то, что одним из основных источников высвобождения рабочей силы являлись промышленные гиганты оборонного и слабо конкурентного гражданского назначения, которые в условиях перехода к рыночной экономике пострадали в наибольшей степени. 73% безработных трудились раньше на предприятиях, где было занято свыше 200 работников, в том числе 53% — на предприятиях численностью свыше тысячи человек. Подавляющее большинство (73%) проработали на старом месте свыше 7 лет, из них 20% — свыше 15 лет.

Треть опрошенных по последнему месту работы были заняты на рабочих специальностях; остальные были служащие-неспециалисты или специалисты со средним специальным и высшим образованием. В плане профессиональной самоидентификации 13% опрошенных считали основной для себя руководящую работу (реально работали — 20%), 13% назвали в качестве основной профессию квалифицированного рабочего (20% работали по этой специальности), наконец, 27% считали себя служащими-специалистами, в то время как реально занятых на должностях, требующих среднего специального образования, было всего 7%. Ни один респондент не назвал в качестве своей основной профессии неквалифицированный физический труд.

Добавим, что безработица охватывала работников, имевших большой трудовой стаж и опыт работы именно по той специальности, которую они считали основной для себя, что не способствовало их легкой адаптации к резко изменившемуся статусу. У 73% «официальных» безработных общий трудовой стаж составлял 15—20 лет. Многим из них в процессе трудовой карьеры удалось повысить свой образовательный уровень. Если 60%, начиная постоянно работать, имели полное среднее образование, то на момент опроса уже 73% являлись специалистами со средним специальным и высшим образованием, а людей, имевших образование ниже среднего, не осталось вовсе. Срок безработицы большинства респондентов

оказался достаточно большим. Только треть были безработными менее полугода, еще 40% — менее года, и четверть опрошенных были без работы свыше года. Среди предупрежденных об увольнении было заметно больше женщин и молодежи, чем в других группах. Доля респондентов в возрасте до 30 лет составляла 36% (нестабильно занятые — 6%; безработные — 20%). Только пятая часть опрошенных попадали в возрастную категорию 40—50-летних, и ни один респондент не был старше этого возраста.

Подавляющее большинство опрошенных (85,7%) были специалистами с высшим (50%) или средним специальным образованием (35,7%), но заняты они в основном были как служащие-неспециалисты на должностях, не требующих высокого уровня квалификации. Особенности профессионально-отраслевой структуры увольняемых указывали на то, что, во-первых, рынок труда Воронежа освобождался от малоквалифицированной рабочей силы, задействованной в перспективно развивающихся отраслях непроизводственной сферы, а во-вторых, продолжался объективный отток достаточно квалифицированных специалистов из отраслей ВПК. Показательно было то, что пятая часть увольняемых и года не проработали на предыдущем рабочем месте, а еще 21% не смогли назвать свою основную профессию, поскольку в процессе трудовой карьеры им приходилось часто менять род занятий. Бросалось в глаза отличие отраслевой принадлежности представителей этой группы от группы официальных безработных, где две трети опрошенных — бывшие работники промышленности. 64,3% опрошенных, предупрежденных об увольнении, были заняты в частном секторе экономики (по воронежскому массиву в целом в нем работало всего 27%), откуда в 1996 г. начался заметный отток кадров в ряды «официальных» безработных.

Свыше половины предупрежденных об увольнении являлись сотрудниками средних и малых предприятий, где количество занятых не превышало 200 человек. Пятая часть из них работали в мелких фирмах численностью менее 50 человек. В этом заключалось еще одно отличие увольняемых от остальных воронежцев, подавляющее большинство которых трудились на крупных предприятиях гражданского и оборонного назначения.

Предупрежденные об увольнении в отличие от «официальных» безработных имели большой опыт трудовой мобильности, причем у них в последние годы достаточно часто понижался социальный и квалификационный статус на новом рабочем месте.

Кроме того, 14% из них заявили о том, что у них и раньше случались перерывы в трудовой деятельности (среди всех воронежцев таких было 5%), а еще 14% имели в прошлом опыт официальной безработицы (5% по массиву).

Существенной особенностью группы нестабильно занятых оказалось преобладание мужчин, что выделяло ее на фоне остальных групп респондентов. Возможно, именно поэтому в данной группе максимальное по общему массиву опрошенных количество респондентов (18%) открыто заявили, что помимо основной они уже имеют другую оплачиваемую работу. По возрасту группа нестабильно занятых оказалась самой «пожилой»: более половины перешли 40-летний рубеж (среди остальных опрошенных таких была только треть), кроме того, только в этой группе оказались 2 респондента предпенсионного возраста. Возрастная структура нестабильно занятых частично помогает найти ответ на вопрос, почему люди держатся за старое рабочее место, оказавшись по сути в ситуации скрытой безработицы: представители старших возрастов на современном рынке труда не имеют достаточно шансов на получение новой «успешной» работы.

Характерный для воронежцев высокий образовательный уровень присущ и респондентам группы нестабильно занятых: 59% из них имели высшее или неоконченное высшее образование. Причем, начав работать, чуть более половины респондентов имели дипломы высших и средних специальных учебных заведений, а на момент опроса их доля в группе составляла уже 82%. Сравнительно высок и квалификационный уровень группы: здесь представлены рабочие квалифицированного и высококвалифицированного труда, доминируют же специалисты (77%); в то же время крайне мала была доля служащих-неспециалистов. Видимо, в ситуации нестабильной занятости их увольняют в первую очередь, а высокий квалификационный потенциал «узких» специалистов умственного и физического труда пытаются сохранять на предприятии в надежде на то, что их способности в будущем еще могут быть востребованы. Не случайно количество респондентов, свыше 10 лет проработавших по своей основной профессии, здесь очень велико — 69%. Среди «официальных» безработных таких было 27%, среди трудоустроившихся — 29%, среди предупрежденных об увольнении — 36%.

Еще одна особенность этой группы — практически все заняты на промышленных предприятиях-гигантах, насчитывающих

свыше тысячи человек (77% при 47% в среднем по массиву). При этом 65% из них являлись работниками оборонного сектора экономики, а также практически потерпевшей крах в условиях рынка радиоэлектронной и находящейся в затяжном кризисе машиностроительной промышленности.

Итак, в лице нестабильно занятых воронежцев мы встретили достаточно квалифицированную, образованную, опытную часть работников, превосходившую все остальные группы безработных и по непрерывности трудовой деятельности на одном рабочем месте, и по длительности общего трудового стажа, и по адекватности профессиональной самоидентификации. Трудоустроившиеся после периода безработицы на две трети состояли из женщин. Вернувшиеся к трудовой деятельности респонденты были несколько моложе «официальных» безработных. Респонденты этой группы уступали остальным безработным в уровне образованности. Высшее образование имели только треть опрошенных. Среди трудоустроившихся преобладали специалисты со среднетехническим образованием (43%). Воронежцы, успешно преодолевшие период безработицы, имели меньший опыт работы по профессии, которую они считали основной для себя, чем остальные опрошенные. Пятая часть группы еще до потери предыдущей работы была занята не по специальности, поэтому нынешние расхождения реальной занятости трудоустроившихся с их представлениями о своей основной профессии воспринимались респондентами спокойно.

Возобновляя прерванную трудовую деятельность, многие опрошенные согласились работать на должностях, понижающих их социальный статус и не соответствующих их квалификационному и образовательному уровню. Воронежский рынок труда смог задействовать их в основном как служащих-неспециалистов, а также широко предоставил рабочие вакансии, не требующие высокой квалификации.

На новом месте работы квалификационный потенциал респондентов использовался неполностью, однако половина из них трудоустроились по специальности (из них 29% опрошенных работали по основной профессии и 21% выполняли знакомый им вид работы, который находился в рамках их представлений об основной профессии, но не требовали всей полноты их знаний и квалификации). Еще пятая часть респондентов, хотя и вынуждены были сменить специальность, с новой работой справлялись и были ею вполне довольны. И только 29% представителей группы

были категорически не удовлетворены полученным рабочим местом, поскольку сложная материальная ситуация в домохозяйстве и отсутствие других кормильцев вынудили их заняться неквалифицированным физическим трудом или выполнять непривычный для них вид работы. Именно они указали, что на момент опроса не оставляли активных попыток найти приемлемую работу. В целом, однако, свыше 70% опрошенных из этой группы успешно преодолели период безработицы, и при всех минусах полученная работа их устраивала.

Трудоустройство шло в отдельные отрасли промышленности и в устойчиво растущую сферу услуг. Респонденты в основном трудоустраивались на малые предприятия.

Сравнительный анализ состава респондентов в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже (1996—1997 гг.)

Как видим, в 1996 г. в группе «официальных» безработных во всех трех городах доминировали женщины, образовательный уровень их был выше, чем в среднем по массиву. Везде опрошенные достаточно равномерно распределялись по отраслям с некоторым превалированием отраслей ВПК, тяжелой промышленности и машиностроения, причем предприятия, с которых они были уволены, относились в первую очередь к разряду крупных и отчасти средних (более 200 работающих). В то же время если в Москве процент рабочих в этой группе был очень мал (17%), то в Петербурге удельный вес квалифицированных рабочих был равен 40%. Различались также возрастные и некоторые другие характеристики этой группы по городам, в частности, процент одиночек и коэффициент семейной нагрузки на работающих.

В группе предупрежденных об увольнении во всех городах большинство составляли женщины, возрастной состав был несколько моложе среднего по массиву, а уровень квалификации — ниже среднего. В то же время если в Москве и Петербурге уровень образования в этой группе был ниже, чем в других, то в Воронеже он оказался высоким, хотя занимаемые должности не требовали

особой квалификации. Кроме того, в Москве и Воронеже увольнялись прежде всего из сферы обслуживания, а в Петербурге среди предупрежденных об увольнении было много квалифицированных промышленных рабочих. Домохозяйства в этой группе были в среднем больше, чем у безработных.

Группа нестабильно занятых имела больше всего общих черт во всех городах, демонстрируя достаточно отчетливый социальный типаж. Это были люди среднего и старшего возраста, в основном семейные, но с уже взрослыми детьми, с высоким уровнем образования и с профессиональным статусом работников высококвалифицированного и квалифицированного труда, с относительно высоким удельным весом квалифицированных рабочих, с большим стажем работы на своих предприятиях. Трудились они преимущественно в тяжелой и оборонной промышленности, а также в сферах образования и науки на крупных предприятиях. Таким образом, это были квалифицированные специалисты с высоким социальным статусом по дореформенной шкале престижа. В силу возраста и значимости для них их работы они продолжали свое пребывание на предприятии или в учреждении, несмотря на его сложное финансовое положение.

Наконец, трудоустроившиеся после периода официальной безработицы во всех городах шли на новое место работы зачастую с потерей социального статуса и либо со сменой специальности, либо на менее квалифицированную работу. Во всех городах они трудоустраивались в первую очередь в непроизводственную сферу — торговлю, общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство. В то же время если в Москве и Петербурге это были представители тех же возрастных групп, что и безработные, то в Воронеже это были относительно молодые люди. Различался по городам состав трудоустроившихся также по полу, по составу домохозяйств, по образованию. Это заставляло особенно внимательно подойти на втором этапе исследования к вопросу о мотивах и причинах того, что одни люди трудоустраивались, а другие оставались хронически безработными.

Как изменились основные характеристики обследовавшихся групп за год? Почти никак, лишь еще ярче стали некоторые особенности, проявившиеся еще на первом этапе исследования. Как и в 1996 г., среди «официальных» безработных большинство составляли женщины, только их удельный вес стал еще больше — не три пятых, а две трети состава группы. Зато среди «фактиче-

ских» безработных число мужчин и женщин было практически равно, так что в целом картина соответствовала прошлогодней. По возрасту на обоих этапах три четверти группы было сконцентрировано в диапазоне 40—60 лет, причем даже пропорции распределения по возрастам внутри этой группы остались теми же. Здесь оказались в заметно большей степени, чем в среднем по массиву, сконцентрированы руководители (чья численность в 1996—1997 гг. осталась неизменной при сокращении самой группы в полтора раза) и разнорабочие (число которых сократилось с 4 до 3 человек). Еще отчетливее стала тенденция попадания в группу безработных, особенно хронических, респондентов не столько с крупных промышленных государственных предприятий, сколько с малых предприятий торговли и общепита.

В группе с нестабильной занятостью заметно вырос удельный вес мужчин, причем произошло некоторое смещение в сторону старших возрастов. Почти неизменным осталось число тех, кому за 50, зато более чем вдвое сократилось число нестабильно занятых в других возрастных группах. Уменьшилось число рабочих, образовательный уровень резко возрос. Сократилась доля работающих в промышленности, и соответственно вырос удельный вес работников образования и науки.

По-прежнему среди трудоустроившихся пол и возраст не играли особой роли, причем доля трудоустроившихся женщин в 1997 г. в общем составе группы оказалась даже выше, чем в 1996 г. Пропорции распределения по возрастам в этой группе в целом сохранились, и основная масса оказалась сконцентрирована в группе 40—50 лет, что обусловливалось соответствующим возрастным составом безработных. Мы уже говорили о том, что при трудоустройстве нашим респондентам зачастую приходилось идти на работу, которая не соответствовала их уровню квалификации. В результате несколько сократилось количество служащих и выросло количество квалифицированных и неквалифицированных рабочих. В наибольшей степени эти процессы были характерны для Воронежа с его узким рынком труда. Однако если рассмотреть сдвиги в профессиональном статусе четырех изучавшихся в ходе всего исследования групп в течение года, то мы увидим, что основная масса респондентов при трудоустройстве оставалась все-таки в рамках своей профессионально-должностной группы, хотя, может быть, и теряя в статусе внутри самой этой группы. Впрочем, применительно к сегодняшней ситуации в России, когда си-

стема профессиональных статусов еще не устоялась, говорить о такой потере весьма сложно.

Легче было трудоустроиться после предупреждения об увольнении специалистам и квалифицированным рабочим, они составляли относительно большую часть группы нормально работавших без периода безработицы. Несколько хуже обстояли дела у служащих и неквалифицированных рабочих, чей удельный вес был выше в группе трудоустроившихся после безработицы. Однако в целом структура занятости работавших была достаточно близка профессиональной структуре массива по самоидентификации респондентов, за исключением Воронежа. До периода безработицы наиболее активно шло трудоустройство в оборонную промышленность, учреждения образования и строительство, а после периода безработицы — в торговлю, образование и жилищно-коммунальное хозяйство.

В 1997 г. основная часть нашедших работу трудились на акционерных предприятиях (58 человек из 129, т.е. почти втрое больше по удельному весу в составе группы, чем в 1996 г.), следом шли работники государственных предприятий (39 человек, т.е. меньше трети этой группы, хотя в 1996 г. на них работали половина трудоустроившихся) и почти столько же работали на частных предприятиях (37 человек, т.е. каждый третий, в 1996 г. — примерно каждый пятый).

Таковы основные характеристики совокупности опрошенных в динамике за время исследования.

Вопросник и его обработка

Исследование строилось на методах полуформализованного интервью продолжительностью от 1,5 до 3 часов и носило лонгитюдный характер. На обоих этапах опрашивались одни и те же люди. Между первым и вторым этапами проекта вопросник интервью несколько видоизменился. На первом этапе он состоял из 247 вопросов, а на втором — из 215. В их числе 125 вопросов были взяты из варианта 1996 г. для уточнения сдвигов, происшедших с респондентами за год, а 90 вопросов были новыми, введенными для уточнения дополнительно вставших в ходе исследования за-

дач (взаимосвязь бедности и безработицы, проблема ресурсов и их роли в определении стратегий выживания и занятости, депривация и формы социального участия).

Подготовка результатов интервью к обработке состояла в кодировании открытых вопросов после их содержательного анализа и выработки шкал. Среди открытых вопросов особое внимание при обработке результатов уделялось тем, которые представляли собой характеристики трудового пути и жизни респондента: о его профессии и о его семье. При составлении шкал, связанных с размерами доходов в каждом из городов, учитывался размер прожиточного минимума по официальным данным в каждом городе в момент опроса. Вопросы о желаемой профессии, имевшихся предметах культурно-бытового обихода, причинах отказа в выплате пособия, причинах отказа от рабочих мест, предложенных службой занятости, и некоторые другие обрабатывались только содержательно. Нецелесообразность шкалирования в данном случае заключалась в несводимости к единому знаменателю.

Ответы на вопросы, связанные с социально-профессиональным статусом респондентов, обрабатывались на основе методики, разработанной О. Шкаратаном. В этой методике для классификации профессий могут применяться три шкалы, одна из которых — шкала постоянных социальных групп (ПСГ-14) — и была использована при измерении социально-профессионального статуса опрашиваемых [*Шкаратан*, *Тихонова*, с. 149—153].

Обработка результатов исследования проводилась в SPSS с выделением подмассивов по каждому городу в отдельности, а внутри городов — с выделением подмассивов по каждой из 4 групп на первом этапе и 8 групп, выделяемых по различным основаниям (7 — по статусу занятости на момент опроса и еще одна, выделившаяся в процессе обработки массива, — по наличию в ближайшем окружении более трех безработных) — на втором этапе. Для установления степени связи переменных и их соподчиненности на втором этапе исследования была использована также программа CHAID (взята из SPSS CHAID. Release 6.0. Jay Magidson SPSS Inc. 1993).

С помощью программы CHAID и последующей проверкой в программе SPSS был проведен анализ причинных связей между имевшимися у респондентов ресурсами, с одной стороны, и динамикой материального положения и статуса незанятости/занятости, а также стратегиями выживания и оптимизации своей занятости — с другой.

При анализе сравнительной значимости ресурсов для выбора респондентами тех или иных стратегий поведения, а также изменений в обеспечении различными видами ресурсов респондентов из разных групп и городов авторы опирались на классификации ресурсов, предложенные П. Бурдье и О. Шкаратаном. В соответствии с ними в анкете были выделены вопросы, позволявшие операционализировать понятие ресурсов. В числе ресурсов, по П. Бурдье, были представлены:

социальный (круг постоянного общения; посещение клубов, религиозных общин и т.п.; возможность принимать гостей и ходить в гости, проводить свободное время вне дома; возможность обратиться к окружающим к случае ухудшения своего положения, поддержка, в том числе финансовая, с их стороны в момент опроса; ссылки на отсутствие необходимых связей для трудоустройства и т.п.);

экономический (наличие в собственности респондентов жилья, дачи, земельного участка, гаража, предметов домашнего обихода, предприятий или их акций и других ценных бумаг; получение респондентами различных видов социальной помощи или услуг со стороны предприятия, государственных и муниципальных структур, общественных и благотворительных организаций, знакомых и родственников; приобретение респондентами за прошедший год различных видов имущества; источники доходов в домохозяйстве респондента, доходы каждого из членов домохозяйства и среднедушевые доходах в нем и другие вопросы, характеризующие имущественное положение респондента);

культурный (образовательный уровень; обучение на курсах переподготовки в период критической занятости/незанятости; чтение газет и журналов; посещение театров, концертов и кино и т.п.);

символический (стаж работы на предприятии, который имел важнейшее значение в стратификационной системе дореформенной России; ограничение возможностей трудоустройства из-за статуса безработного или внешнего вида; готовность к понижению своего социального статуса; наличие возможностей поддерживать определенный образ жизни и социальные контакты и т.п.).

Дополнительно к этим видам ресурсов был рассмотрен такой вид ресурсов, как «личностный», который по своей сути очень близок к тому, что П. Бурдье называл «габитусом» (особенности мышления, ценностные ориентации, социальное самочувствие и т.п.). Этот ресурс операционализировался с помощью вопросов о

ценностных ориентациях респондента, его конформизме/нонконформизме, о его ощущении возможности/невозможности влиять на происходящее, в том числе происходящее в его жизни, о распространенности установок зависимости/патернализма в решении его собственных проблем и проблем других малоимущих, безработных, инвалидов и других социально уязвимых групп, о готовности респондента к различным активным действиям, включая акции политического протеста, в защиту собственных интересов, о возможных реакциях респондентов на известие о получении большого наследства или полной потере всех источников дохода, о чувствах, которые он испытывает, когда приходится просить кого-то о помощи, о трудовых мотивациях и ценностях, об активных/пассивных формах поиска работы, о том, что для респондента самое неприятное в состоянии безработицы и других [*Бурдье*, с. 53—87].

Кроме того, как самостоятельные виды ресурсов в ходе разработки вопросов анкеты рассматривались психофизиологические ресурсы — пол, возраст, работоспособность и здоровье. При этом для выяснения состояния здоровья респондента были использованы методика, применявшаяся в ходе исследования безработных в Великобритании во второй половине 1980-х гг. и представлявшая собой сокращенную версию General Health Questionnaere (GHQ), а также ряд дополнительных вопросов о здоровье, связанных с самооценкой его респондентом [*Burchell*, p. 188—212].

Такая операционализация имевшихся у респондентов ресурсов позволяла сопоставить в ходе исследования концепцию ресурсов П. Бурдье и концепцию ресурсно-потенциального подхода, предложенную О. Шкаратаном для анализа поведения отдельных индивидов. Эта концепция предполагает, что среди ресурсов индивидов есть ресурсы, непосредственно связанные с личностью респондента, ресурсы, связанные с окружением и прежним жизненным опытом (связи), и ресурсы, связанные с составом и положением домохозяйств. Под ресурсами, связанными с личностью, подразумевались следующие характеристики:

психофизиологический потенциал — пол, возраст, здоровье и работоспособность;

квалификационный потенциал — образовательный уровень; должность и социальный статус по основному (последнему) месту работы; общий трудовой стаж, стаж на последнем месте работы, стаж на последней должности; профессия; отрасль; тип предприятия (государственное, муниципальное, акционированное, частное

и т.п.) по последнему месту работы; размер предприятия по последнему месту работы; наличие опыта руководящей работы; наличие предпринимательского опыта;

личностный потенциал — особенности мотивации в сфере труда;

потенции к деятельному освоению и увеличению собственных ресурсов — уровень притязаний респондентов; готовность к изменению собственной деятельности; готовность идти на реальные жертвы, сопряженные с разного рода социально-экономической активностью; профессиональная мобильность и готовность к ней; наличие вторичной занятости (ее характер, соответствие основной специальности респондента и роль в формировании дохода).

Эти идеи первоначально были развиты в исследованиях по эффективности труда персонала промышленных предприятий, проведенных под руководством О.И. Шкаратана [*Рабочий и инженер*, 1985, с. 11—27]. В ходе работы над проектом ресурсно-потенциальный подход получил определенное развитие.

Под ресурсами, связанными с прошлым окружением, предполагалось наличие у респондентов родственных, дружеских и профессиональных связей, которые могли бы помочь ему в решении его сегодняшних проблем. Под ресурсами, связанными с домохозяйством, подразумевались: наличие различных видов доходов и их уровень в домохозяйстве респондентов; душевой доход; обеспеченность жильем и иной недвижимостью; обеспеченность предметами длительного пользования; возможность выбора различных стратегий выживания домохозяйств, не связанных напрямую с увеличением денежных доходов; возможность использования различных форм социальной инфраструктуры (жилье, образование, медицинское страхование, санатории и дома отдыха и т.п.); использование различных мер социальной поддержки, в том числе пособия по безработице, и их роль в жизни семьи.

Как видим, при операционализации различных видов ресурсов требовались пересекающиеся массивы вопросов. Исключение составляли психофизиологический потенциал (пол, возраст, работоспособность и здоровье), потенции к деятельному освоению собственных ресурсов и трудовые мотивации как элемент личностного потенциала, которые присутствовали у Шкаратана, но отсутствовали у Бурдье.

Следующей проблемой, которую нам пришлось решать, была проблема операционализации понятия «бедность». И это в услови-

ях страны, которая с трудом признала наличие самой проблемы и до сих пор в своих официальных статистических отчетах весьма далека от общепринятых подходов к фиксации порога бедности. Поэтому с учетом сохраняющейся пока неопределенности понятия «бедность» первоначально была предпринята попытка операционализировать возможные трактовки бедности и посмотреть, какая из них окажется наиболее «работающей» в реальных жизненных ситуациях респондентов.

Для этого были выделены 27 вопросов, позволявших отследить проявления бедности в различных ее интерпретациях: определенный уровень дохода (душевой доход и доля доходов, используемая на питание); низкие денежные доходы и отсутствие других экономических ресурсов, включая различные виды помощи, движимое и недвижимое имущество и т.д.; доступность принятых форм социального участия (блок вопросов, связанных с определенным образом жизни, включая вопросы о доступности и качестве питания, о возможности приобретения предметов домашнего обихода, покупки газет, журналов, билетов в театр, о возможности поддерживать желаемые социальные контакты, об изменении отношения со стороны окружающих после попадания в кризисные группы и т.п.).

Кроме того, учитывая происходящую в России ломку самоидентификации и отсутствие в общественном сознании четких представлений о том, что такое бедность, в анализ был включен также блок вопросов по самооценке респондентами своего уровня благосостояния (материальное положение вообще, по отношению к другим, по отношению к имевшемуся год назад и по ожиданиям на год вперед, а также самооценка жизни в целом).

Выделенный блок вопросов, характеризующий все возможные трактовки «бедности», был вначале проанализирован на наличие корреляционных связей с вопросами всего полученного в результате опроса массива данных до исчерпания всех статистически значимых связей. При этом оказалось, что некоторые вопросы из выделенного блока находятся между собой в тесной связи, в то время как другие носят случайный характер. В результате были выделены 11 вопросов, которые чаще других упоминались среди полученных картин корреляций и образовывали своеобразное «ядро», дифференцировавшее всех респондентов по уровню благосостояния. В их числе оказались, в частности, вопросы, позволившие на основе факторного анализа выделить своеобразные «пороги», раз-

деляющие нищету, бедность, малообеспеченность, среднеобеспеченность и относительное благополучие. Эти имущественные статусы нашли соответствующее отражение в индексах.

На этом этапе анализа как самостоятельный объект изучения была также выделена группа, члены которой имели среди ближайшего окружения более 3 безработных. Именно эта позиция вопроса о наличии и числе безработных в ближайшем окружении неожиданно продемонстрировала статистически значимые связи с рядом вопросов по блоку материального благосостояния.

Выделенное наиболее активно «работавшее» «ядро» вопросов об уровне благосостояния было проанализировано на наличие корреляционных связей со всеми вопросами массива, характеризующими различные виды ресурсов как возможные факторы ситуации, в которой оказались респонденты, с одной стороны, и со всеми вопросами об используемых ими стратегиях выживания — с другой. При этом уже установленные связи первого уровня значимости (по CHAID) последовательно исключались одна за другой из обработки. Анализ велся до уровня наличия любых статистически значимых связей и включал в себя по разным вопросам от 8 до 37 уровней связей. В результате были выделены 38 вопросов, которые повторялись в полученных 11 «деревьях зависимости» не менее 2 раз, в том числе 10 вопросов, которые повторялись 6—8 раз и позволяли проследить причинные связи между образом жизни, уровнем благосостояния и используемыми стратегиями выживания. Это составляло с учетом подпунктов ряда вопросов, которые необходимо было анализировать как самостоятельные вопросы, менее 20% от всех вопросов анкеты 1997 г. и менее 10% от анкеты 1996 г. Вопросы были проанализированы применительно к 8 изучавшимся группам 1997 г. и четырем группам 1996 г. дополнительно методом парных корреляций для более глубокого изучения характера взаимоотношений между ними. Для лучшего понимания ситуации этот же метод был использован с некоторыми вопросами, отсутствовавшими в списке статистически значимых. Общий объем рассмотренных парных корреляций составил при этом около тысячи таблиц.

Сходная многоступенчатая методика с выделением «ядра» значимых показателей и последующим его анализом для выявления причинных связей была использована и при изучении ситуации с занятостью респондентов. Кроме того, при рассмотрении отдельных вопросов блока по благосостоянию и блока по занято-

сти также широко использовались возможности программ CHAID и SPSS.

В результате такой многоступенчатой методики обработки данных для установления причинных связей между изучавшимися переменными удалось получить достаточно надежные подтверждения того, что в плане ресурсов является определяющим при попадании людей в разряд бедных или безработных, кого считают бедными россияне и кто является таковым на самом деле, что заставляет их чувствовать себя бедными, каковы различия в этих вопросах между изучавшимися группами и городами и т.п.

Характеризуя методики, разработанные или использованные в ходе исследования, нужно также отметить предложенный Н. Тихоновой индекс, названный потенциалом реальной адаптации (ПРА). Он конструировался на основе ответов на ряд вопросов, связанных с реальной ситуацией на рынке труда и теми альтернативами, которые эта ситуация предлагает лицам, входящим в кризисные группы. Среди этих вопросов: ориентация на равенство возможностей или равенство доходов, отражающая готовность к принятию социального неравенства, без которой проблематична работа в негосударственном секторе экономики; согласие с тезисом, что руководителям нужно подчиняться; состояние здоровья; важность для получения работы готовности трудиться и дисциплинированности, с одной стороны, и наличия связей и знакомств — с другой; готовность работать на месте с неудобным графиком работы; готовность к удаленности работы от дома; готовность работать в условиях плохих взаимоотношений в коллективе или с начальством; согласие на плохие условия труда, неинтересную работу, понижение социального статуса при трудоустройстве.

При расчете индекса ПРА ответы на каждый вопрос группировались по двоичной системе, где один ответ считался свидетельствующим о наличии потенциала адаптации и засчитывался как «да», а другой (показатель неадаптированности) засчитывался как «нет». Сумма положительных ответов давала в итоге индекс ПРА, который соответственно мог колебаться в интервале 0—12. Для удобства пользования эта градация была укрупнена, причем первоначально предполагалось разбить полученные ответы по трем уровням в пропорции: до «да» включительно — низкий уровень адаптивности, 4—8 «да» — средний уровень адаптивности и от 8 до 12 «да» — высокий уровень адаптивности. Однако показатели первого этапа ис-

следования были настолько низкими, что пришлось ввести иную шкалу. Оказалось, что в некоторых группах (среди безработных Воронежа) нет ни одного, у кого индекс ПРА превышал бы 5 баллов. В подавляющем большинстве групп показатель в 6—7 баллов являлся очень хорошим и достаточно редким. Показатель в 9 баллов из 12 возможных был характерен буквально для считанных единиц из всего массива и являлся самым высоким из полученных.

В свете этого за «высокий» уровень ПРА был принят показатель в 6 и более баллов. При определении границ «среднего» уровня предполагалось, что в его рамках (в соответствии с его «усредненностью») должно находиться большее число людей по массиву в целом, чем в каждой из двух крайних групп, поэтому его рамки были заданы в масштабе 3—5 баллов. Что же касается «низкого» ПРА, то он соответствовал числу баллов от 0 (а таких по массиву в целом оказалось 10 человек, в том числе 1 — в Москве, 3 — в Петербурге, 6 — в Воронеже) до 2. Возможно, если бы в качестве фонового использовали репрезентативный массив опроса населения по этим городам в целом, разбивка по уровням была бы иной, но такой массив отсутствовал, и пришлось ориентироваться только на полученные данные. Таким образом, итоговая градация по этому индексу составила высокий ПРА (6—12 положительных ответов), средний ПРА (3—5 положительных ответов) и низкий ПРА (0—2 положительных ответа).

Характеризуя использованные методики, нельзя не отметить также, что при выяснении системы ценностей респондентов за основу брались формулировки парных ценностей, предложенные и примененные Н. Лапиным во всероссийском исследовании ценностных ориентаций россиян в 1990 г. В то же время его методика была несколько видоизменена. В ходе предыдущих исследований нами было обнаружено, что из предложенных Лапиным 44 ценностных суждений многие никак не влияют на реальное поведение и оценки респондентов по другим вопросам, а следовательно, являются ценностями, во многом декларативными, не интериоризированными [*Тихонова*, 1995, с. 96—119; *Тихонова*, 1996, с. 45—61].

Это позволило выделить 16 базовых ценностей, которые являлись своеобразным каркасом ценностных систем респондентов в целом и оказывали реальное влияние на их жизненное поведение. Из этих 16 ключевых ценностей 10 были включены в текст

формализованного интервью на первом этапе исследования и 6 — на втором.

Кроме того, именно в вопросах, связанных с социально-психологическим состоянием респондентов, использовались отдельные элементы методик зарубежных и отечественных авторов (в частности, М. Кона, Р. Смита, Н. Черниной и других, упомянутых выше).

Приводимые для сравнения данные репрезентативных общероссийских исследований позаимствованы из мониторингов, проводившихся Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП, Москва) в 1992—1997 гг. Исследование на всех этапах охватывало население 12 основных типов российских регионов и Москву. Выборка в каждом случае составляла свыше тысячи человек и достаточно полно отражала все социальные группы населения крупных городов и жителей сел. Отбор респондентов осуществлялся методом квотной выборки, где главными критериями были репрезентативность социально-демографического состава и равноправное представительство всех типов регионов России.

Методика опроса акторов социальной политики (инструментарий опроса)

Вопросник для фокусированного интервью был составлен в расчете на применение в беседе с представителем любой группы акторов социальной политики. Данная методика была выбрана как наиболее соответствующая поставленным целям для получения информации о субъективном восприятии респондентами поставленных проблем, их склонностях, мотивах деятельности, мнениях. Согласно программе исследования опрос прошел в два этапа: весной — летом 1996 и 1997 гг. Вопросник интервью был проверен на пилотной стадии исследования в Москве и Санкт-Петербурге в феврале 1996 г.

Разработанный под задачи настоящего исследования опросный лист 1996 г. включал 48 открытых вопросов. При этом был использован метод концептуальной компоновки вопросов, предполагающий постепенное вхождение респондента в содержание темы исследования и относительно равномерное распределение

вопросов по различным блокам. Этих блоков в опросном листе, примененном в 1996 г., было четыре.

1. Блок «Безработица в нашем городе» был направлен на оценку безработицы в городах опроса, ее причин и перспектив развития, выявление объектов безработицы и решение проблем трудоустройства. Мы сочли правомерным начать интервью непосредственно с проблем безработицы в городе, предполагая, что это даст общий срез, характеризующий положение на региональном рынке труда и в социальной сфере в целом.

2. Блок «Политика в сфере занятости» должен был помочь выявить группы субъектов социальной политики, раскрыть их вовлеченность в проблему трудоустройства, возможности влияния акторов политики занятости, степень реальности этого влияния, распределение сфер компетентности и ответственности по проведению политики занятости между федеральными и региональными властями, а также предполагал выяснение состояния федерального и регионального законодательства по проблемам рынка труда и финансирования политики занятости, ее адресной направленности, характера и эффективности деятельности частных и государственных служб трудоустройства, механизмов регуляции занятости в условиях рынка труда.

3. Блок «Занятость на фоне социальной политики» в основном был посвящен стратегическим проблемам социальной политики в целом на федеральном и региональном уровнях. В частности, здесь идет речь о соотношении роли регионов и федеральных органов власти в реализации социальной политики, проблемах законодательства, перспективах социального партнерства, возможности использования зарубежного опыта, финансовых механизмах социальной политики.

4. Блок «Сведения об экспертах» позволил определить их нынешний социальный статус, образовательный уровень, политические пристрастия, проследить этапы карьеры и на этой основе сделать предположения о возможности и характере адаптации к новым социально-экономическим условиям.

Если раскрыть содержание этих блоков, то получается, что опросный лист охватывал следующий круг общественно значимых вопросов:

причины безработицы (возможность массовой безработицы);

потери кадрового потенциала (причины, возможность сохранения);

скрытая безработица (опасность структурной безработицы);

слабые и незащищенные группы (возможность поддержки);

пути и перспективы профессионального переобучения групп населения;

взаимосвязь социальной политики и политики занятости;

скоординированность федеральной социальной политики и социальной политики на местах;

взаимосвязь социальной политики в целом и политики занятости на местах (мэрии городов, директорат, служба занятости, профсоюзы);

качество социального законодательства и направления его необходимой доработки;

институт социального партнерства: оценка его действенности и перспектив;

характер деятельности респондентов в сфере социальной политики и по регулированию занятости;

департаменты труда и занятости городов и их территориальные службы занятости: программы, эффективность; взаимодействие с директорско-предпринимательским корпусом;

взаимная оценка деятельности субъектов социальной политики;

субъекты социальной политики;

программы социальной политики политических партий и движений и их оценка респондентами;

оценка акторами социальной политики возможности использования западных моделей социальной политики в российских условиях;

положение с ресурсным обеспечением служб занятости.

Опросник составляли таким образом, чтобы сопоставление полученных в результате опроса оценок по различным тематическим блокам сделало возможным выявление скрытых значений. Так, анализ совмещенных данных по первому и второму блокам позволил определить качественную динамику развития безработицы и характер протекания этого процесса, задачи, стоящие перед потенциальными акторами социальной политики и политики занятости, их информированность и возможность выработки необходимых механизмов решения социальных проблем. Сопоставление ответов по 1, 2, 3 блокам дало возможность уточнить влияние экономических и социальных реформ на решение проблем социальной политики и занятости, определить перспективы развития социальной политики, заинтересованность региональной

элиты в решении этих проблем и принципиальную их решаемость на данном этапе.

Все это в целом позволило получить дополнительный информационный массив по исследуемой тематике, вскрыть те особенности ситуации с занятостью, которые не выявляются при помощи формальных статистических процедур, понять такие серьезные проблемы воспроизводства человеческого потенциала России, как перспектива массовой структурной безработицы, потеря кадрового потенциала страны, необходимость усиления и укрепления специальных институтов занятости и перестройки социальной политики в целом и т.д.

В январе — марте 1997 г. в опросный лист были внесены изменения с учетом итогов первого этапа исследования. Был усилен акцент на социальной политике в целом, в то время как в 1996 г. больше внимания уделялось проблемам занятости; были добавлены вопросы по макроэкономическим проблемам, оказывающим влияние на социальную политику: соотношение государства и рынка, финансирование социальной сферы и т.д.; особого внимания (и соответственно введения новых вопросов) потребовала проблема «горизонтальных» и «вертикальных» связей и их воздействия на поведение акторов социальной политики в стране, регионе, городе; были включены вопросы, направленные на прояснение проблем бедности в стране, городе, осведомленности экспертов о социальных программах в этой сфере; была учтена целесообразность замены ряда теоретических вопросов «картинками из реальной жизни», примерами из области реальной социальной политики, обсуждение которых позволило бы «разговорить» респондента и получить более определенную информацию (первый этап исследования показал, что далеко не все респонденты достаточно осведомлены и свободно разбираются в социальной проблематике).

Вопросник экспертного интервью 1997 г. включал 48 открытых вопросов (29 вопросов остались без изменения). Новый вариант вопросника состоял из 3 блоков.

1. Блок «Безработица в нашем городе. Политика в сфере занятости». Как и в 1996 г., вопросы этого блока были направлены на оценку безработицы, ее причин и перспектив развития, выявление субъектов безработицы и решение проблем трудоустройства. Вопросы, направленные на выяснение вовлеченности представителей различных групп акторов-экспертов в проблемы трудоуст-

ройства, возможности и степени их реального влияния, выявление сфер компетентности и ответственности по проведению политики занятости между федеральными и региональными властями, а также возможностей финансирования этой деятельности были перенесены во второй блок («Политика в социальной сфере»), тем самым приобретая более широкое звучание.

Большинство вопросов обращают внимание респондента на изменения, произошедшие в сфере занятости за время между опросами; был введен вопрос о ключевых проблемах в сфере занятости в настоящее время; добавлены вопросы, связанные с ментальностью и национальными особенностями безработных в России и т.д. Отдельно были выделены два вопроса для выяснения позиций работодателей, а также три вопроса относительно промышленной политики федерального и региональных правительств, опосредованно влияющих на решение проблем занятости и трудоустройства.

2. Блок «Политика в социальной сфере» также включал новые вопросы, связанные прежде всего с оценкой эффективности социальной политики, ее изменений, становления «социального государства» в России, а также по проблемам бедности, обнищания населения, социальной защиты обездоленных. Ряд вопросов был направлен на выяснение отношения опрошенных к перераспределению сфер влияния федеральных и региональных властей в социальной политике. Мы также хотели узнать, как респонденты участвуют в решении и обсуждении социальных вопросов, об их конкретных действиях в социальной сфере, возможностях и перспективах социального партнерства и т.д.

3. Блок «Сведения об экспертах» практически остался в прежнем виде, представляя собой традиционную «паспортичку». Дополнительно были введены вопросы, касающиеся политической ориентации респондента, его политических пристрастий, принадлежности к той или иной политической партии или движению.

Таким образом, опросный лист на втором этапе исследования включал более широкий спектр вопросов (при сокращении части прежних вопросов):

изменения в социальной политике и в политике занятости на федеральном и региональном уровнях;

оценка опрошенными правительственных программ в социальной сфере;

оценка опрошенным деятельности субъектов социальной политики — местных властей, директората, профсоюзов, службы занятости и т.д. в период исследования;

оценка влияния особенностей российского менталитета в ситуации роста уровня безработицы;

изменения в подходах к решению социальных вопросов различными политическими партиями и движениями;

выявление и оценка роли социальных и экономических связей при решении социальных проблем.

Подбор респондентов. Анализ проведения интервью

При подборе акторов социальной политики для участия в исследовании мы исходили из того, что респонденты должны:

обладать высокой квалификацией, жизненным и трудовым опытом, располагать необходимой информацией о процессах, происходящих в социальной сфере и на рынке труда;

иметь прямой выход на трудовые ресурсы России, быть активно задействованными в процессах регулирования занятости населения;

иметь непосредственное отношение к высоким государственным, партийным, идеологическим, законодательным структурам, способным оказывать влияние на формирование социальной политики.

Были выделены 5 групп респондентов:

министры и чиновники высшего эшелона власти (министры, заместители министров, руководители комитетов и департаментов федерального и регионального уровней, руководители ассоциаций промышленников и пр.);

чиновники среднего эшелона власти (местные чиновники, имеющие дело с политикой занятости: работники префектур административных округов, руководители городских, районных служб занятости и др.);

политические деятели;

профсоюзные деятели;

работодатели (директора промышленных предприятий, заместители директоров по работе с персоналом, главы фирм).

Основные социально-демографические характеристики опрошенных обобщены в табл. 4.1 и 4.2.

Таблица 4.1 **Уровень образования экспертов**

Уровень образования	Количество экспертов							
	Москва		Санкт-Петербург		Воронеж		Всего	
	1996 г.	1997 г.	1996 г.	1997 г.	1996 г.	1997 г.	1996 г.	1997 г.
Среднее	0	1	0	0	0	0	0	1
Среднее специальное	2	1	0	0	0	0	2	1
Высшее	24	23	21	21	11	10	56	54
Ученая степень	9	10	4	4	4	5	17	19

Таблица 4.2 **Возраст экспертов**

Возраст	Количество экспертов							
	Москва		Санкт-Петербург		Воронеж		Всего	
	1996 г.	1997 г.	1996 г.	1997 г.	1996 г.	1997 г.	1996 г.	1997 г.
До 30 лет	2	2	0	1	0	0	2	3
30—40 лет	5	8	1	1	1	2	7	11
40—50 лет	12	14	10	12	7	6	29	32
50—60 лет	12	9	14	10	6	6	32	25
Старше 60 лет	4	2	0	1	1	1	5	4

В 1997 г. в состав опрошенных были внесены некоторые изменения. В частности, в Москве сократилось число респондентов — чиновников службы занятости, по всем городам опроса понизил-

ся средний возраст респондентов (табл. 4.2). Остальные демографические параметры опрашиваемых существенно не изменились. Состав опрошенных претерпел небольшие изменения также и по ряду не зависящих от исследователей причин: в основном это перемена места работы или длительная командировка того или иного респондента. В результате в Москве на втором этапе исследования состав опрошенных обновился на 34%, в Санкт-Петербурге — на 15%, в Воронеже — на 26%.

Методика предполагала свободную неформализованную беседу интервьюера с респондентом, заранее информированным о теме встречи.

Интервьюеры, соблюдая обязательность обсуждения с респондентами опорных вопросов, не следовали строго сценарию, что придало беседам характер доверительного обсуждения. Однако в некоторых случаях подлинной откровенности в беседах достичь не удалось, в большей мере это проявилось в вопросах о социальных контактах респондентов. Отвечая на эти вопросы, респонденты проявляли чрезмерную осторожность. Если угодно, этот факт свидетельствует о специфичности социокультурной среды, которая сформировалась в элитных группах нашего общества еще в советское время и будет, видимо, преодолена не скоро.

Мы обратили внимание на то, что в случаях, когда устанавливался хороший эмоциональный контакт с собеседником, в интервью фиксировалась качественно новая информация. В этом смысле положительную роль сыграло и то, что в большинстве случаев дважды опрашивались одни и те же респонденты — при повторной встрече они были более откровенны.

Проведение интервью в свободной форме дало возможность интервьюируемым высказываться по важнейшим для них проблемам, а не только и не столько по тем вопросам, которые представлялись априори важными исследователям, помогая ослабить так называемый эффект интервьюера, его влияние на содержательную сторону получаемой информации.

Одним из результатов проведения интервью в свободной форме явилось получение эмоционально окрашенной информации, наиболее актуализированной в сознании респондента. Однако применение свободной формы проведения интервью приводит к накоплению избыточной и противоречивой информации, что сильно затрудняет анализ. Поэтому в ходе интервью приходилось не только получать сведения об интересующем явлении, но и отча-

сти оценивать их достоверность, предполагая, в какую сторону искажена информация, выяснять, почему респондент дает именно эту информацию, касается ли она его лично и т.д. Информация, полученная в результате фокусированного интервью, позволила выделить среди респондентов определенные типажи, являющиеся носителями неких социокультурных признаков, лучше понять ключевые фигуры, выявить специфику восприятия у той или иной группы респондентов. В большинстве случаев респонденты охотно принимали предложенный стиль беседы: для многих — это возможность быть услышанными, поделиться насущными, наболевшими проблемами, получив заинтересованного и понимающего слушателя. Средняя продолжительность интервью составила 1,5 часа при записи на диктофон. Тексты интервью после расшифровки записей и формализации были подвергнуты компьютерной обработке. Подробнее о характере проведения «доверительного интервью» см. [*Предприятие и рынок*]. Следует отметить, что подбор респондентов и характер проведения интервью в городах исследования отличался рядом особенностей.

Особенности подбора респондентов и проведения интервью в городах исследования

Москва

При отборе респондентов в Москве было учтено и соблюдалось представительство возможных типов субъектов социальной политики. В Москве были достаточно широкие возможности для формирования групп опрошенных, поскольку именно здесь размещаются министерства и ведомства федерального уровня, такие политические органы, как Государственная Дума, Московская дума, здесь расположено московское (региональное) правительство, обладающее достаточной силой в решении локальных вопросов, касающихся проблем города; в Москве сконцентрированы ведущие профсоюзные силы — ФНПР (Федерация независимых профсоюзов России), Московская федерация профсоюзов, руководство Соцпрофа). При подборе акторов социальной политики из числа руководителей предприятий мы ориентировались на директоров,

активно занимающихся проблемами управления производством. Это существенно повлияло на содержание и характер интервью.

В Москве были опрошены 35 акторов (5 групп) по вопросам социальной политики и политики занятости:

чиновники высшего эшелона: заместители министров России, руководители департаментов федеральных и московских министерств, руководители комитетов труда и занятости, социальной защиты и т.д;

чиновники среднего эшелона, непосредственно связанные с проблемой занятости, т.е. сотрудники Комитета труда и занятости правительства Москвы: начальники различных управлений комитета (создания и сохранения рабочих мест; статистико-аналитического и социального партнерства; правовых и законодательных вопросов; формирования Фонда занятости), руководители местных служб занятости (начальники управлений и отделений административных округов (префектур) г. Москвы) и т.д. Поскольку вопросы интервью требовали достаточно высокого уровня информированности о состоянии социальной защиты и занятости в исследуемых регионах, мы ограничили число представителей местных служб занятости (на первом этапе исследования — 5 человек, на втором — 2). Их суждения были отражением позиции представителей Комитета труда и занятости правительства Москвы, поэтому мы объединили их в единую экспертную группу;

политики — представители оппозиционных партий (любезно предоставившие нам программные документы): депутаты Московской думы, руководители Московского отделения движения «Демократический выбор России», руководители Московского отделения движения «Яблоко», представители Московского отделения ЛДПР, а также КПРФ;

профсоюзные деятели — руководители традиционных («старых») профсоюзов — ФНПР (Федеральной и Московской организаций), а также ряда «новых» профсоюзов, в частности Соцпроф.

директора и предприниматели — руководители фирм различных отраслей промышленности. Предприятия отличались как по специализации, так и по форме собственности: государственные, акционерные, частные; особый акцент был сделан на предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК), где проблемы с занятостью в настоящее время стоят наиболее остро.

В 1997 г. удалось повторить беседы с наиболее значимыми по статусу и информированности респондентами. О некоторых изменениях в их составе сказано выше.

Первый этап опроса совпал по времени с кампанией по выборам Президента России и мэра Москвы, что негативно сказалось на нашей работе, поскольку респонденты, представлявшие политическую и административную элиту России, активно участвовали в предвыборных мероприятиях и были труднодоступны для встреч. Определенные сложности, с которыми мы столкнулись при проведении интервью во время первого этапа исследования, мы связываем с недостаточной осведомленностью респондентов в области социальной политики.

Однако второй этап опроса продемонстрировал позитивные изменения в информированности опрошенных. Полагаем, что это — следствие прошедших в России в 1996 г. трех выборных кампаний: Президента России, Государственной Думы и мэра Москвы. Отметим также, что в 1997 г. респонденты охотнее соглашались на проведение интервью и были более откровенны в изложении своей позиции.

Можно отметить, что в целом большинство московских экспертов довольно охотно участвовали в интервью. На первом этапе исследования наиболее полными (исчерпывающими) с точки зрения содержавшейся в них информации были беседы с руководителями управлений и отделений занятости округов Москвы. Встречи с ними обычно проходили в теплой и дружеской атмосфере и продолжались 2—3 часа. Это объясняется прежде всего тем, что эксперты этой группы обладали «горячей» информацией и, как никто другой, считали себя сведущими в данной проблеме. Ответы на вопросы порой перерастали в настоящие дискуссии, затрагивая помимо основных и смежные с темой проблемы. Был проявлен подлинный интерес к проблематике настоящего исследования и высказано желание ознакомиться с итоговыми материалами, которые, по мнению респондентов, несомненно, будут очень полезны в их работе.

Однако при обработке материалов интервью мы обратили внимание на то, что в целом беседы с чиновниками службы занятости «вращались» вокруг сферы трудоустройства, проблем безработицы, переобучения, выплаты пособий и т.п., поэтому на втором этапе в список респондентов были внесены определенные коррективы: расширены группы чиновников высшего эшелона, политиков, лидеров профсоюзов — экспертов, которые уже самой профессиональной деятельностью связаны с решением или обсуждением проблем социальной политики в целом. На втором

этапе исследования интервью именно этих респондентов оказались наиболее содержательными.

Серьезный интерес к проводимому исследованию на обоих его этапах проявляли чиновники — руководители, начальники управлений и отделов Комитетов труда и занятости и социальной защиты правительства Москвы.

Наименее информативными были беседы с работниками префектур, которые крайне тяжело шли на разговор. Интервью не позволяли получить четкой информации о роли и месте этих государственных учреждений в решении проблем социальной защиты и занятости критических групп, что, безусловно, свидетельствовало о малой заинтересованности, если не сказать безразличии, этих чиновников к социальным проблемам. Сами чиновники мотивировали нежелание говорить об этих проблемах, оценивая их как не самые острые и болезненные. Наши попытки продвинуться за границы функций службы занятости, обсудить экономические и политические причины социальной ситуации в России не находили отклика со стороны руководителей префектур. Все это позволяет считать чиновников местных органов власти скорее акторами социальной политики de jure, хотя сфера их профессиональной деятельности предполагает весьма широкий спектр возможностей и большие полномочия, вплоть до предоставления площадей предприятиям малого бизнеса, открытия новых рабочих мест, организации общественных работ и др.

Большой интерес во время опроса вызвала позиция представителей директорского корпуса относительно политики в сфере занятости. Ведь именно эта категория респондентов способна оказывать и оказывает на практике воздействие на состояние дел в сфере найма и увольнения кадров. Между тем часть московских респондентов — представителей группы «работодателей» явно тяготились взятым на себя обязательством беседовать о социальных вопросах. Это произвело негативное впечатление, заставившее предположить недостаточную еще вовлеченность представителей директората ряда московских предприятий в осуществление преобразований в социальной сфере и даже непосредственно в сфере трудоустройства, что, казалось бы, должно волновать именно директоров предприятий, постоянно сталкивающихся с кадровыми проблемами.

Прежде всего такую ситуацию мы связываем с тем, что среди московских представителей этой группы (особенно на первом этапе опроса) — генеральные директора крупных московских

предприятий (авиационная корпорация «Як», швейное объединение «Космос», механический завод им. Калинина и др.). Это предприятия, нашедшие свой путь в процессе становления российской рыночной экономики. Здесь нет проблемы текучести кадров, зарплата выплачивается своевременно, ее размер соответствует достаточно высокому уровню прожиточного минимума в Москве. Директора, принимавшие участие в интервьюировании, прежде всего стремились обсудить перспективы развития производства, поскольку именно с этим они связывали решение проблем занятости и социального благополучия работников своего предприятия.

На наш взгляд, трудности (содержательного характера), возникшие в беседах с московскими директорами на первом этапе исследования, связаны еще и с тем, что большинство из них — это так называемые красные директора, прошедшие школу патерналистского руководства предприятием. Часть из них сумели перестроиться, сориентироваться в нынешней непростой экономической ситуации, однако так и не превратились из «отцов предприятия» в директоров-менеджеров. Даже на успешно работающих предприятиях все еще не созданы современные службы персонала, нет программы сохранения квалификационного ядра предприятия, формирования инновационного потенциала. Социальные проблемы решаются, но далеко не целенаправленно, а опосредованно, как следствие решения экономических проблем. Этим, видимо, во многом определялись характер и содержание бесед, проведенных с представителями московского директората.

Опрошенные нами политики сознательно были выбраны из представителей оппозиционных партий. Принимая такое решение, мы опирались на следующую логическую цепочку. Опрашивать представителей проправительственной партии «Наш дом — Россия» казалось нецелесообразным в связи с тем, что позиция безусловной поддержки деятельности федерального правительства в социальной сфере не представлялась нам интересной априори. Позиция блока «Яблоко» после ознакомления с достаточно широко опубликованной программой его деятельности показалась нам мало отличающейся от реализуемой сегодня властными структурами. Что же касается ЛДПР и КПРФ, то мнение этих партий связано с тем, что Россия должна оставаться сверхдержавой, и нельзя допускать развала военно-промышленного комплекса. Предлагаемые этими партиями меры идут в русле этой позиции. Мы считаем, что мнение этих партий также должно быть услышано и учтено как вариант альтернативной политики.

Проведенный опрос выявил достаточно любопытную картину представлений, бытующих сегодня среди профессионалов по проблемам занятости и социальной политики в Москве. Сложившееся настроение респондентов можно было бы охарактеризовать даже не как безразличие к происходящим процессам, а скорее как общее ощущение безопасности, отдаленной значимости, неактуальности этих процессов, которые сами по себе где-то происходят, задевают какой-то пласт населения, но болезнь эта протекает в столь неявной, неопасной форме, что тревожиться по поводу перспектив, право же, не стоит.

Естественно, окружные отделения и управления служб занятости, работающие в прямом контакте с критическими группами горожан, более обеспокоены ситуацией в Москве, однако их озабоченность скорее напоминает старательность «сердобольной тетушки»: вот есть несчастные (безработные) люди, им нужно помочь, дать пособие, найти работу, переучить, может быть, добиться ссуды для открытия небольшого частного предприятия, чтобы трудоустроить 5—7 страдающих. Да, очереди в московские бюро по трудоустройству вытягиваются с утра, да, руководство службы занятости обеспокоено ростом очередей, но все это — в рамках сценария, описанного выше.

Что же касается представителей других групп акторов социальной политики, то многие из них выказывали более чем безразличное отношение. Особенно это относится к представителям местной администрации, большей части предпринимателей и директоров ВПК, а также к руководителям политических партий. «Красные директора» из ВПК вообще считают проблему занятости и социальной незащищенности надуманной, они готовы принять на работы кого угодно, но в состоянии платить при этом смехотворную символическую заработную плату от 40 до 100 долл. в месяц.

Санкт-Петербург*

Интервью взяли у 25 респондентов. Формирование выборки носило трехступенчатый характер. Главным критерием формирования группы политиков была принадлежность к депутатскому корпусу Законодательного собрания города. Группа директоров

* Авторы благодарны за сотрудничество и помощь в работе Л. Пановой (Санкт-Петербург), осуществившей интервьюирование и подготовившей данный подраздел.

включала руководителей крупных предприятий и (преимущественно) заместителей директоров по управлению персоналом, группа профсоюзных деятелей — председателей отраслевых профессиональных союзов. В опросе также участвовали чиновники, подготавливающие и принимающие решения на уровне города и субгородских административных единиц. Большинство из отобранных экспертов — достаточно известные во властных структурах люди.

Поиск респондентов оказался довольно сложной процедурой в силу ряда обстоятельств. Именно в апреле-мае 1996 г. значительная часть экспертов, особенно по группам политиков и чиновников верхнего эшелона, включились в предвыборную борьбу по избранию губернатора города. Именно по этой причине (недостаток времени и занятость в предвыборной кампании) отказались дать интервью председатель Комитета занятости населения правительства Санкт-Петербурга, председатель экономической и финансовой комиссии правительства города и главы двух районных администраций. Недоступными оказались и представители Комитета по социальным вопросам при правительстве Санкт-Петербурга. Отказ мотивировался необходимостью санкции председателя комитета, связаться с которым не представилось возможным сначала из-за предвыборной кампании, затем из-за формирования нового правительства города и передачи полномочий. В 1997 г. в составе экспертов произошли некоторые изменения.

Среди опрошенных труднее всего шли на контакт директора крупных промышленных предприятий, что, по мнению наших петербургских коллег, объясняется постоянным и очень плотным графиком их работы. Тем не менее это наиболее многочисленная группа экспертов, в большинстве случаев проявлявших активную заинтересованность в обсуждении проблем занятости и социальной защищенности в городе.

Среди представителей директорского корпуса — в основном заместители директоров по работе с персоналом. Их ответы в большей мере связаны с проблемами найма и увольнения, сокращения численности работников, сохранения квалификационного потенциала. Вместе с тем в отличие от московских респондентов у них нет видения общего решения проблем, но больше информации о конкретных методах политики занятости. В этом смысле ответы москвичей шире: они размышляют, как изменить систему в целом, как спасти производство, как адаптироваться к рынку — что в конечном итоге взаимосвязано с решением проблем занятости.

В большинстве случаев рассуждения интервьюируемых Санкт-Петербурга имели довольно яркую эмоциональную окраску. Необходимость происходящих перемен не ставилась под сомнение, при этом почти всегда серьезной критике подвергались методы осуществления социальной, экономической политики, политики занятости.

Практически все опрошенные открыто излагали свои взгляды. В случае недостаточного владения какой-либо проблемой или нежелания говорить на эту тему (например, о политических пристрастиях) неловкости не возникало, так как в самом начале работы, в предварительной беседе обсуждалась возможность такой ситуации. Следует отметить довольно часто встречавшуюся ситуацию, когда, кратко ответив на поставленный вопрос, респондент более подробно рассуждал о проблемах, непосредственно связанных с его профессиональной деятельностью. Судя по литературным источникам, это довольно типичная картина.

Наши собственные представления о репутации того или иного эксперта проверялись в беседах с предыдущими интервьюируемыми. Однако просьбы помочь «выйти» на следующего эксперта часто оказывались безрезультатными.

При анализе текстов интервью обнаруживается некоторая противоречивость суждений. Довольно часто встречается негативная оценка проводимой социальной политики. Крайним выражением этого взгляда является высказывание: социальной политики у нас просто нет. Однако ответы на более конкретные вопросы проясняют, что это скорее эмоциональная реакция недовольства на разрозненность мер социальной поддержки, невнятность концептуального подхода в ее формировании.

Продолжительность интервью составила от получаса до полутора часов. Столь большая разница в длительности бесед объясняется двумя обстоятельствами: занятостью респондентов непосредственными служебными обязанностями; в более редких случаях — слабой осведомленностью в некоторых вопросах (например, о социальном партнерстве, отдельных сторонах деятельности службы занятости).

Воронеж*

В 1996 г. были опрошены 15 респондентов. В 1997 г. 11 из них проинтервьюированы повторно, заменены 4 (26%), являв-

* Авторы благодарны за сотрудничество и помощь в работе Л. Пановой (Санкт-Петербург), осуществившей интервьюирование и подготовившей данный подраздел.

шихся представителями местной власти и утративших свои позиции в связи с прошедшими в регионе (в 1997 г.) выборами нового губернатора и областной думы второго созыва.

Ввиду отсутствия в Воронеже такой группы акторов социальной политики, как «чиновники высшего звена», в ходе интервьюирования исходя из целей исследования была выделена группа «научная элита». В эту группу вошли два эксперта, обладавших высоким уровнем информированности и компетентности по исследуемой проблематике, а также имевших определенный вес в принятии решений на местном уровне. В ходе проведения интервью и последующего его анализа личная позиция и принадлежность к «партии власти» заместителя главы администрации по социальным вопросам позволили отнести его в группу «политических лидеров».

С первых же интервью мы обратили внимание, что характер бесед в Воронеже во многом определялся спецификой этого региона: рыночные процессы идут медленно, многие респонденты имеют просоветскую ориентацию — глядят скорее в прошлое, чем в будущее.

Выборы губернатора Воронежской области в 1997 г. усилили прокоммунистические настроения среди местной политической и экономической элиты. Нынешний губернатор — бывший секретарь областного комитета коммунистической партии. Возникло противостояние областной и городской властей. Борьба за сферы влияния, за электорат сегодня расставляет акценты в решении социальных вопросов. Прежде всего решаются вопросы пенсионного обеспечения (большинство активного электората — пенсионеры). Проблемы трудоустройства и занятости практически не решаются. Официальный уровень безработицы в городе за год почти не вырос, но это не отражает реальной ситуации. Большинство промышленных предприятий не работают, рабочие в долгосрочных неоплачиваемых отпусках. Те же, кто продолжают работать, месяцами не получают зарплату. И в этой ситуации в Воронеже все еще нет специальных программ по решению проблем занятости, нет регионального законодательства по занятости населения и т.д. Эти и другие факторы определили характер интервью с представителями властных структур.

Директора Воронежа и на первом, и на втором этапах исследования охотно шли на контакт, однако определялось это скорее не заинтересованностью в решении социальных проблем и соб-

ственно проблем занятости, а желанием выступить перед широкой аудиторией, быть услышанными, заявить о насущных проблемах предприятия, прежде всего по поводу задолженности в Фонд занятости. Многие директора промышленных предприятий (даже те из них, кому удалось сохранить производство) не хотели отчислять деньги в Фонд занятости, считая, что тем самым поощряли бы содержание иждивенцев. Директора не ощущали себя акторами политики социальной защиты и политики занятости, считая последнюю компенсационной.

Содержательный анализ интервью показал, что позиции респондентов в отношении социально-экономических приоритетов значимых различий не имели, определенные расхождения в ответах были связаны прежде всего с особенностями профессионального и социального статуса экспертов. Средняя продолжительность интервью в Воронеже составляла 1,5 часа.

Обработка первичных данных

После первичного анализа текстов интервью (пилотная стадия) мы убедились в том, что действительно прослеживаются определенные зависимости ответов респондентов от группы, к которой эти респонденты были отнесены в начале исследования: выявились однородность и сходство позиций респондентов одной группы по отношению к центральным темам исследования. Даже в первом приближении фактическое распределение ответов совпадало с номинальным распределением респондентов.

Получив первые результаты обработки текстов интервью, мы обнаружили, что ответы респондентов на открытые вопросы, с одной стороны, отклоняются от тематики опроса, а с другой — могут многое прояснить, раскрыв с неожиданной для нас стороны насущные проблемы респондента, его реальные интересы в сфере социальной политики. В результате проведения интервью мы получили значительный массив информации по интересующим нас вопросам. Однако требовались специальная обработка материалов интервью, привлечение различных социологических методик для выявления акцентов в ответах на вопросы, заинтере-

сованности респондентов в решении той или иной проблемы как в сфере занятости, так и в социальной политике в целом.

Подготовительная работа на первом этапе исследования (1996 г.) заключалась в поиске и фиксации содержательных блоков в тексте интервью с опорой на ключевые вопросы, отражающие специфику ситуации в области социальной политики с последующей группировкой содержательных блоков, их анализом и сопоставлением. Использовали также следующую методическую процедуру. Несколько вопросов дискуссионного характера были построены в форме, вполне допускавшей возможность кодировки по определенным алгоритмам (например, с использованием пакета SPSS).

Так, с помощью пакета SPSS были рассчитаны двухмерные частотные таблицы (двухмерное частотное распределение). В качестве одного из признаков выступали вопросы интервью, характеризовавшие вовлеченность опрошенных в политику занятости.

Основанием отбора ключевых вопросов для компьютерной обработки стали такие факторы, как осведомленность и заинтересованность в формировании рынка труда России, участие в решении проблем занятости, понимание ключевых проблем социально-экономической ситуации в стране и т.д.

Всего были отобраны 12 вопросов.

Можно сказать, что обработка носила вторичный характер, так как вопросы, отобранные по нашему принципу, пришлось сделать закрытыми, предложив типичные варианты ответов, основываясь на материалах проведенных интервью. В качестве второго признака распределения рассматривались характеристики самих респондентов. Это соответствовало задачам исследования — определить активность акторов социальной политики и получить дополнительную информацию об их вовлеченности в решение острых социальных проблем.

Был также использован пакет статистической обработки эмпирического материала «Астра» («Автоматизированное рабочее место социолога»), разработанный в Томском институте автоматических систем управления и радиоэлектроники[2]. Возможности этого пакета были реализованы в двух направлениях.

---

[2] Пакет «Астра» разработан Томским институтом автоматических систем управления и радиоэлектроники в 1987 г. для целевой и комплексной программы «Общественное мнение».

1. После первичной обработки текстов интервью ответ на каждый вопрос формулировали в сжатой форме, иначе говоря, выделяли сущность ответа и записывали четкую формулировку. Такая процедура была выполнена по всем вопросам опросного листа. Следующий этап работы заключался в сопоставлении ответов респондентов, причем суждение каждого очередного опрошенного сопоставляли с ответом предыдущего и последующего респондентов. В результате были получены варианты ответов по каждому из вопросов интервью и подсчитано их распределение в процентах к общему числу ответов, что также позволило провести дополнительный анализ данных.

2. В опросный лист также входили вопросы, содержавшие так называемые подсказки интервьюера. Эти вопросы можно рассматривать в качестве «закрытых», что позволило, используя возможности пакета «Астра», представить альтернативные подходы экспертов в формализованном и упорядоченном виде. Эта работа была выполнена при содействии сотрудников Института проблем народонаселения РАН.

На втором этапе исследования (1997 г.) была проведена обработка всего массива интервью (первого и второго этапов исследования) с помощью пакета SPSS. Для этого в соответствии с тематикой опросного листа были составлены кодировочные листы (два кодировочных листа для 1996 и 1997 гг.); каждый кодировочный лист включал порядка 40—45 вопросов, что позволило после проведения интервью во всех городах исследования формализовать материалы опроса. Для унификации процесса обработки каждый вопрос кодировочного листа предполагал пять вариантов ответов, кодировочный лист включал также социально-демографическую информацию о респонденте.

По каждому интервью была составлена кодировочная таблица, всего 150 таблиц по результатам двух этапов исследования. Однако расхождения в составе вопросов между первым (1996 г.) и вторым (1997 г.) вопросниками потребовали от нас создать дополнительный, третий кодировочный лист, отразивший содержание интегрального производного опросного листа. Это позволило провести непосредственное полное сопоставление и сравнение ответов на двух этапах опроса. Тем самым была решена задача обеспечения преемственности в анализе ответов на основной массив вопросов (25 вопросов, общих для 1996 и 1997 гг.); была составлена матрица ответов экспертов в сравнении по годам исследования.

После обработки формализованных ответов при помощи пакета SPSS мы получили широкий массив информации о позиции экспертов по интересовавшим нас вопросам. Все вместе это составило порядка 500 таблиц с распределением по группам экспертов и по городам опроса (сводные и дифференцированные таблицы). По основным вопросам интервью были составлены гистограммы, иллюстрировавшие полученные результаты и позволившие наглядно представить распределение ответов по городам и группам респондентов, а также динамику представлений интервьюируемых. Полученные данные помогли нам выявить изменения, проследить тенденции, расставить акценты.

Наше исследование показало, что привлеченные к участию в фокусированных интервью респонденты (представители директората промышленных предприятий, чиновники министерств, политики, профсоюзные лидеры и т.д.) — предполагаемые акторы новой социальной политики в России в действительности являются лишь формальными (номинальными) субъектами этой политики. Безусловно, представители выбранных нами профессиональных групп и по своему социальному статусу, и по должностному рангу, и по профессиональной принадлежности вполне вписываются в концепцию многосубъектной социальной политики. Однако сегодня это все еще потенциальные субъекты. Большинство респондентов достаточно информированы в области конкретных (затрагивающих их профессиональные интересы) проблем, при этом часто весьма неопределенно представляют себе существо социальной ситуации в обществе, задачи и цели проводимой социальной политики, ее связь с экономической политикой и т.д.

В России практически не работает институт социального партнерства, деятельность профсоюзов неэффективна, социальные программы ведущих политических партий и движений не известны не только населению, но и самим предполагаемым акторам социальной политики. Можно отметить, что социальная проблематика в целом не представляет для них какого-либо серьезного интереса; на первом плане необходимость решения экономических проблем, конкретных профессиональных, политических, производственных задач. У них отсутствует внутренняя заинтересованность в осуществлении, создании эффективной социальной политики, в эффективном решении социальных вопросов. В ходе опроса сложилось стойкое впечатление, что о большинстве вопросов современной

социальной жизни респонденты практически не задумывались, особенно в качестве потенциальных исполнителей необходимых решений.

Литература

Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о качественной социологии // Социологический журнал. 1994. № 2.

Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993.

Бирман И. Аномальное полузнайство // Свободная мысль. 1997. № 9.

Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдитфиал УРСС, 1999.

Гордон Л.А., Чертихина Э.С. Экспертная оценка гипотез при изучении перспектив развития образа жизни // Социологические исследования. 1983. № 2.

Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. 1997// Российско-европейский центр экономической политики. М., 1997.

Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период / Под ред. В.И. Кабалиной. М.: РОССПЭН, 1997.

Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: Мысль, 1985.

Тихонова Н.Е. Трансформационные процессы в сознании россиян: аксиологический аспект // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. М.: РОССПЭН, 1996.

Тихонова Н.Е. Ценности россиян и перспективы политического процесса в России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 3. М.: РНИСиНП, 1995.

Шереги Ф.Э. Метод экспертной оценки // Основы прикладной социологии / Под ред. Ф.Э. Шереги и М.К. Горшкова. М.: ИНТЕРПРАКС, 1996.

Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Занятость в России: расслоение на рынке труда // Мир России. 1996. № 1.

Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень. 1996. № 1(21).

Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели. 1991. № 1.

Burchell B. The Effects of Labour Market Position, Job Insecurity, and Unemploiment on Psychological Health // Social Change and the Experiense of Unemploiment / Ed. by D. Gallae, C. Marsh, C. Vogler. Oxford, 1995.

SPSS for Windows. CHAID. Release 6.0. Jay Magidson / SPSS Inc. 1993.

Глава 5

Региональные особенности Москвы, Петербурга и Воронежа*

Региональные особенности порождены различными факторами. Одни из них являются неизбежным результатом действия факторов экономики, в том числе свободного рынка и свободной конкуренции, другие связаны с комплексом культурных и этнических проблем. Здесь, пожалуй, особенно значимо, что Россия — это страна «пограничной» цивилизации, находящаяся между европейской и азиатской цивилизациями, имеющая вместе с тем и свою аутентичность. В связи с этим существует и неодинаковая степень приверженности традиционной экстенсивной модели развития экономики и культуры. Поэтому одни регионы России в большей степени тяготеют к европейской культуре и способны воспринять новую систему ценностей, которую несет им модернизация страны; другие, сохраняющие ориентацию на традиционную экстенсивную культуру, отрицают модернизацию (или по

* Приведенные в главе данные, не сопровожденные ссылками на источники, почерпнуты из материалов Комитетов труда и занятости Москвы, Санкт-Петербурга и Воронежской области.

крайней мере напряженно воспринимают ее) и связанную с ней необходимость овладения новыми технологиями жизнедеятельности. В итоге одни регионы «вписываются» в рынок легче, чем другие; в 1990-е гг. дистанция между ними интенсивно возрастала, шел процесс расслоения российских регионов на качественно различные типы. Отсюда очевидны и необходимость, и возможность проведения специфической социальной политики, что было немыслимым при советской власти и весьма непросто сегодня в условиях усиления авторитарных тенденций со второй половины 1990-х гг. Тем не менее в этом видится одно из решающих отличий унифицированной советской и в определенной степени дифференцированной постсоветской социальной политики.

Выбор объектов исследования во многом означает и выбор угла зрения на положение отдельных социальных групп и характер проводимой социальной политики. Известно, что в чисто количественном отношении в России доминируют депрессивные регионы, где и население, и местные власти оказались неподготовленными к жизнедеятельности в условиях рыночного хозяйствования. Но очевидно, что необходим и анализ ситуации в регионах опережающего развития, которые можно было бы рассматривать как модель возможного будущего для всей (или почти всей) страны.

Брать для этого небольшие или среднего размера города (наподобие того, как это сделали в 1960-е гг. Д. Голдторп, Д. Локвуд с коллегами, выбрав в качестве объекта город Лутон (The Affluent Worker) нам представилось неразумным. Ведь замысел исследования предполагал и анализ всего разнообразия критических групп в регионах, и наличие «ансамбля» акторов социальной политики, могущих выступить в качестве экспертов. Все это как бы задало наш выбор: две российские столицы — Москва и Петербург. Для сопоставления был выбран город из числа типичных депрессивных — Воронеж, сходный по структуре экономики и занятости с обеими столицами.

Рассмотрим отдельные черты и характеристики городов, избранных нами для изучения. О пропасти, а не просто о различиях между ними говорят данные о налоговых поступлениях в консолидированный бюджет, приходившихся на душу населения в 1996 г. Так, на одну «московскую» душу пришлось 10,8 млн. руб., на одного петербуржца — 3,5 млн. руб., на одного воронежца — 1,6 млн. руб. Надо заметить, что Воронеж, представляющий в нашем исследовании менее благополучные регионы, не принадлежит

к наиболее кризисным. По тому же показателю налоговых поступлений на душу населения есть регионы и заметно беднее (например, Тамбовская область — 1,3 млн. руб., Ивановская — 1,2 млн. руб.) [*Обзор экономики России*, с. 250, 251]. Эта ситуация не была краткосрочной. Данные за первое полугодие 2001 г. такие же: на одного москвича пришлось 27 143,6 руб. налоговых поступлений, на одного петербуржца — 6 739,7 руб. [*Регионы России*, с. 168, 263], а на одного жителя Тамбовской и Ивановской областей соответственно 1 629,8 и 1 530,4 руб.

Москва была и остается столицей огромной евразийской страны, отражающей все своеобразие этого региона мира, его тяготение к Европе, ее культуре и духу жизни, и отталкивание от нее, стремление во что бы то ни стало сберечь свою особистость. Петербург был и остается единственным в России крупным городом с доминированием европейских характеристик образа жизни. Отсюда длящееся столетиями сопоставление и в научных работах, и в художественной литературе двух столиц: Москвы и Петербурга, двух типов горожан — москвичей и петербуржцев, двух стилей жизни: московского и петербургского.

Для начала чисто феноменологическое наблюдение: и сами горожане, и водители транспорта, когда объявляют остановки, в Москве обязательно скажут: «Магазин такой-то», «Рынок такой-то», тогда как в Петербурге — «Завод такой-то», «Музей такой-то». Москва была и осталась, а в настоящее время это закрепляется в экономической жизни столицы, гигантским центром торгового и финансового капитала, Петербург же был и остается центром промышленного капитала, пожалуй, единственным городом в России, где ясно и определенно доминировали европейские черты стиля жизни. Общими же чертами двух городов являются высочайший для России уровень развития сферы науки и образования и большой удельный вес занятых в этой сфере жителей.

Исторически существенно различны источники формирования населения двух столиц. Москва, бесспорно, втягивала в себя мигрантов из всех районов страны, но доминировал приток из регионов южнее Москвы. В Петербург же в основном мигрировали выходцы из северных областей России. Разница же в том, что северные области практически не знали крепостного права, были традиционно ремесленно-промысловыми, тогда как Москва наполнялась вчерашними пахарями, детьми и внуками крепостных.

Москва и Петербург представляют специальный интерес для проведения сравнительных исследований регионального развития, реализации альтернативных концепций социальной политики. В начале 1990-х гг. наблюдалось постепенное разделение политики в Петербурге и Москве, выраженное наиболее явно в реформах, проводившихся правительствами двух столичных городов, и связанное с этим некоторое противостояние городских властей друг другу и федеральному центру.

Ситуация в Москве

Москва является одним из самых многоплановых по видам занятости регионов страны; негосударственная, «альтернативная» экономика развивалась в Москве быстрее, чем в подавляющем большинстве других регионов. В столице, с одной стороны, сосредоточен большой процент самых богатых людей страны и работников, занятых на высокооплачиваемых рабочих местах, а с другой — исключительно высок процент пенсионеров, живущих на нищенские пенсии, и других категорий нетрудоспособных горожан.

Как и во всей России, в Москве произошел резкий спад промышленного производства. При этом в целом по стране сокращение производства в 1995 г. по отношению к 1990 г. составило 50%, в 1999 г. после определенных колебаний — те же 50%. В Москве же после обвала начала 1990-х гг. сокращение производства было еще большим — 59%, но к 1999 г. уменьшилось до 40%, что демонстрировало иную динамику, чем в целом по России [*Социально-экономическое положение России*, с. 10]. Доля столицы в общенациональном объеме промышленного производства составляла в 1995 г. 5,7%, в 2000 г. — 7%. Финансовое положение московских предприятий заметно лучше, чем в других регионах: доля убыточных предприятий в их общем количестве составляла в целом по России 32,4%, а по Москве — 29% [*Регионы России*, с. 38]. В промышленности города, сохранившей свой многоотраслевой характер, резко сократилась доля машиностроения и легкой промышленности, усилились позиции энергетики, пищевой промышленности и производства стройматериалов.

В Москве за 1992—2000 гг. произошла серьезная структурная перестройка экономики. Столичное положение города обуслови-

ло очень высокий процент занятых в непроизводственной сфере, особенно в той ее части, которая связана с непосредственным обслуживанием столичных функций. Промышленность утратила свое прежнее значение в экономике Москвы. Статус столицы обусловил концентрацию в Москве финансово-кредитного капитала с соответствующим ростом числа занятых в сфере финансовой деятельности (увеличение численности более чем втрое к 1996 г.). Вторичным следствием концентрации капиталов стали строительный бум (с соответствующим ростом занятости в самом строительстве и производстве строительных материалов) и рост торговых операций, вызвавший быстрое увеличение числа занятых в этой сфере. Наконец, возникли и интенсивно развивались сеть компаний, составляющих рыночную инфраструктуру (биржи, страховые, маркетинговые, консалтинговые, аудиторские, юридические и т.п. фирмы), и фирмы, работающие непосредственно на удовлетворение новых потребностей населения (туристические, обучающие, рекреационные, медицинские и т.п.). Другими словами, произошло сжатие вторичной сферы экономики (обрабатывающей промышленности), возрастание третичной сферы (услуги); из-за сжатия науки и научного обслуживания, а также проектно-конструкторских организаций сократилась четвертичная сфера — единственный гарант перехода страны к постиндустриальной, информационной экономике.

Если в целом по России особенности рынка труда все еще определяются развитием промышленного производства, то уникальность рынка труда Москвы — быстро растущая доля непроизводственной сферы, строительного капитала, сферы финансовых институтов, банков. В этих отраслях наблюдается постоянный рост занятости и потребности в работниках. В 1995 г. в непроизводственной сфере было занято 38% от общей численности занятых против 27% в среднем по России; в 2000 г. — уже 44,2%. Особую роль играет в столице малый бизнес, в который в 1997 г. было вовлечено более 1 млн. человек, а в 2000 г. — уже 1,6 млн. человек [*Регионы России*, с. 165; *Город*, с. 133, 134].

В Москве самый низкий в стране уровень зарегистрированной безработицы — 0,8% на протяжении 1996—2000 гг., тогда как в целом по России на конец 1996 г. — 9,4%; а в 2000 г. — 1,4% (по данным обследований, проведенных по методике МОТ) [*Регионы России*, с. 165]. Безработица в Москве в изучаемый период носила структурный характер при высоком спросе на рабочую

силу для предприятий и организаций, предлагающих заработную плату ниже прожиточного минимума либо неквалифицированный труд при вредных и тяжелых условиях труда. Соотношение заявленных вакансий для рабочих и служащих составляло примерно 3:1, в то время как среди безработных по их социальному составу картина была обратной. Доля безработных с высшим образованием более чем вдвое превышала среднероссийский максимум.

Как и в советские времена, внешние зоны московской городской агломерации выступают как спальные пригородные районы столицы. Город традиционно сосредотачивает рабочие места для всей агломерации. Ежедневно ездят на работу в столицу около трех миллионов жителей Подмосковья.

Кроме того, в Москве трудятся много иностранных рабочих, соглашающихся на оплату и условия труда, не приемлемые для ищущих работу москвичей. Число иностранных граждан, приглашенных в Москву различными фирмами, уже в первом полугодии 1996 г. составило 56,6 тыс. человек. Наибольшее число иностранцев работали (по официальной статистике) в таких отраслях, как строительство (более 34 тыс. чел.), транспорт и связь (10,5 тыс. человек). Среди них наиболее многочисленны выходцы с Украины. На самом деле число иностранных рабочих, особенно сезонников-строителей и ремонтников, было в несколько раз больше [*Обзор экономики России 1997*, с. 236, 242, 247, 248].

В Москве размещаются 70% финансовых активов страны, производятся большинство финансовых сделок, что требует формирования соответствующего сегмента рынка труда. Здесь действуют 757 кредитных организаций и их филиалов, более тысячи страховых компаний, множество аудиторских и юридических фирм, расположены штаб-квартиры крупнейших финансово-промышленных групп, прежде всего нефтяных и газовых монополий, таких, как «ЛУКОЙЛ», «ЮКОС», «Газпром» и другие. Кроме того, Москва сумела стать привлекательной для зарубежных инвесторов. В октябре 1997 г. в городе функционировали 85 тыс. иностранных фирм, было размещено большое число внешних операторов, стремительно развивался иностранный туризм; на Москву приходилось более 57% накопленного иностранного капитала, пришедшего в Россию[1].

[1] См.: Финансовые известия. 1997. 13 ноября; Известия. 1997. 24 октября.

И по мнению общественности, и по оценкам специалистов, Москва в наибольшей степени выиграла от происходящих экономических изменений. По показателю ВВП на душу населения в 1999 г. положение в столице в 2,7 раза лучше, чем по России в целом [*Регионы России*, с. 164].

В Москве высокая доля доходов приходится на доходы от предпринимательской деятельности, особенно от мелкооптовых внешнеторговых операций. Москвичи — это всего лишь 5,9% населения страны. Но их доля в совокупных личных доходах составляет более 20% (правда, следует принять во внимание, что методика подсчета личных доходов, применяемая Госкомстатом, по мнению аналитиков, несовершенна). Жители столицы в 1995 г. получили несколько меньше 10% общей суммы заработной платы по стране и около 7% совокупной суммы пенсий. Однако на них пришлось около 30% всех иных доходов, т.е. от предпринимательской деятельности, собственности, от операций в теневой экономике. Что касается зарегистрированной средней заработной платы, то она в сентябре 1997 г. выглядела так: в топливной промышленности — 3,5 млн. руб. (при стоимости на тот момент $1 примерно 6 тыс. рублей); в электроэнергетике — 2,3 млн. руб.; в пищевой промышленности — 1,7 млн. руб.; в оборонной промышленности — 0,69 млн. руб; в учреждениях связи — 0,56 млн. руб.; столь же нищенское существование с заработком ниже 1 млн. руб. влачили работники образования и науки, здравоохранения, культуры [*Обзор*, с. 238, 239][2].

Москву можно рассматривать как успешно действующую российскую модель «муниципального капитализма». Участие мэрии в уставных капиталах акционерных обществ, созданных на базе городского имущества, еще в 1995 г. оценивалось примерно в 14%. Представители московского правительства входят в советы директоров всех акционерных обществ, где город обладает пакетом акций[3].

В то же время аналитики отмечают и далеко не во всем благоприятные последствия муниципализации экономики столицы. Преобладающая часть недвижимости находится под контролем городской администрации. Это позволяет, завышая ставки арендной платы и сокращая продолжительность договоров аренды,

[2] См. также: Московский комсомолец. 1997. 18 ноября.

[3] Капитал. 1995. 9 ноября.

концентрировать средства от капитализации недвижимости и земельных участков в руках администрации города и финансировать ее амбициозные строительные и другие проекты. Но стратегически такая политика ущербна, так как препятствует формированию конкурентного рынка недвижимости. Идет и процесс муниципализации крупных предприятий с навязыванием их продукции потребителям, зависимым в чем-либо от городских властей. Муниципализация собственности способствовала экстремально высокому уровню задолженности большинства крупных предприятий. В итоге мэрия получила возможность забирать пакеты акций таких предприятий в местный бюджет [*Улюкаев*].

Тем не менее Москва стала единственным городом России с интенсивно растущей экономикой, невиданными прежде масштабами строительства жилья и офисов, модернизацией городской инфраструктуры. Ее место в экономике страны на протяжении всех 1990-х гг. оставалось весьма значительным. Доля столицы в общенациональном ВВП в 1995 г. достигла 13,1%, к 2000 г. снизилась до 10,8%. В 2000 г. Москва внесла 9,9% средств в консолидированный бюджет России [*Регионы России*, с. 168; *Обзор*, с. 236, 242, 247, 248].

Трудно оценить, каков вклад в это столичное благополучие объективных факторов, а в какой мере это результат вышеназванной муниципализации с сопутствующей ей, во многом отличной от федерального центра, экономической и социальной политикой. Вне зависимости от того, сознавал ли это мэр Москвы Ю. Лужков или нет, но проводимая им и его правительством в 1990-е гг. политика носила отчетливо выраженный кейнсианский характер, тогда как федеральное правительство (при некоторых колебаниях) с осени 1991 г. вело неолиберальный монетаристский курс, не имевший сколько-нибудь ощутимой поддержки населения страны. Мэр же Москвы опирался на единодушную, прямо-таки в стиле советских времен, поддержку горожан. В журнале деловых людей «Деньги» была опубликована статья автора комментариев к книге Д. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Он пишет о том, что Ю. Лужков «чуть не буквально следует рекомендациям Кейнса». Московский мэр вслед за Кейнсом исходит из того, что выйти из кризиса можно лишь обеспечив полную занятость ресурсов за счет увеличения совокупного спроса на них.

В условиях саморегулирующейся экономики выйти из кризиса, обеспечить полную занятость невозможно. Следовательно, по Кейнсу, государству необходимо активно вмешиваться в эконо-

мику. Государство должно повышать привлекательность прямых капиталовложений по сравнению с другими направлениями использования денежных средств, финансировать из государственного бюджета всевозможные инвестиционные проекты, проводить прямые государственные закупки товаров и услуг, организовывать общественные работы и т.д. Именно так действовало московское правительство, активно стимулируя занятость москвичей, реализуя новые крупные инвестиционные проекты [*Калашнов*, с. 24].

Проводимая московским правительством политика предполагает решительный отказ от развития и организации экономики на основе чисто рыночной саморегуляции («невидимая рука рынка»). Наиболее эффективным вариантом признается регулируемый рынок, действующий под контролем административно-бюрократического режима. Основной лозунг, популистски выражающий «сверхзадачу» команды Ю. Лужкова: «Эффективная экономика плюс всеобщее благоденствие»[4].

Характер развития столицы во многом предопределен самобытностью ментальности населения Москвы. Жители города на протяжении всех лет так называемой перестройки и последующих лет демонстрировали максимальное принятие демократических идеалов. Здесь широко распространены ориентация на собственные силы и инициативный тип мышления. Для москвичей характерно неприятие тоталитарной модели власти, велика значимость ценности свободы. Особенно активно москвичи отстаивают свободу средств массовой информации. Типичны стремление к равенству возможностей, малая распространенность конформизма и патерналистских настроений. В результате целого ряда исторических обстоятельств в Москве сконцентрировались люди социально активные, ориентированные на содержательную сторону жизни и возможность реализации своей индивидуальности.

Ситуация в Санкт-Петербурге

Иная ситуация сложилась в Санкт-Петербурге. Большую часть переходного времени после августа 1991 г. им руководили активнейшие сторонники федерального курса на создание само-

[4] Эксперт. 1997. № 48. С. 5.

организуемой рыночной экономики во главе с мэром города, известным демократическим деятелем России профессором А. Собчаком. Как же выглядело развитие второго крупнейшего города страны в итоге реализации политики, во многом противоположной московской?

Среди крупнейших городов бывшего СССР Петербург был единственным, утратившим при советской власти многие предпосылки развития и функции, определявшие его судьбу и место в жизни России до 1917 г. Город перестал быть не только официальной столицей страны, но и ее «окном в Европу». Непомерно росла промышленность, создавшая сверхнагрузки на легко ранимую северную природу (60 градусов северной широты). По доле населения, занятого в промышленности, Петербург занимал второе место в России (после Нижнего Новгорода). Он был не просто ведущим промышленным центром России с высокой долей высокотехнологичного производства, это была фактическая столица военно-промышленного комплекса. В городе были крупные научно-производственные объединения военно-промышленного профиля, в каждом из которых были заняты десятки тысяч людей.

Автор этих строк и его коллеги не раз пытались в 1970—1980-е гг. предложить перераспределение градообразующих функций в сторону таких отраслей, как наука и искусство, международный туризм, с целью постепенного превращения Петербурга из супериндустриального в постиндустриальный центр с «продвинутой» сферой услуг и отраслями информационной деятельности. Однако встречало эти предложения партийное руководство города враждебно. Как объяснял тогдашний первый секретарь Ленинградского комитета КПСС, член Политбюро ЦК КПСС Г. Романов, «звезды нам вешают на грудь за успехи оборонных заводов, а не за открытие театров».

Казалось бы, Петербург встретил переход к рыночной экономике и частному предпринимательству предельно неподготовленным. Поэтому когда в конце 1980-х гг. начал решаться вопрос о конверсии, многие эксперты предполагали, что Петербург в ближайшие годы ждет трагическая судьба города сплошной безработицы и крупномасштабной эмиграции. Но несмотря на все трудности перехода к новой экономической и политической системе, город не просто выжил, а все успешней завоевывает серьезные позиции на российском и мировом рынках. Здесь, по-видимому, решающим фактором является мощный культурный капитал, на-

копленный Петербургом. Неизмеримо большей, чем в других городах, оказалась готовность населения к профессиональной и социальной мобильности, к современным технологиям менеджмента.

К числу системных ограничений в экономическом развитии следует отнести:

частично устаревшую структуру экономики, ориентированную на судостроение, выпуск военной техники, энергомашиностроение и т.п.;

низкий удельный вес экономически активного населения и соответственно высокую долю пенсионеров;

огромный исторический центр, мало приспособленный для проживания горожан, но нуждающийся в постоянных инвестициях для реконструкции и реставрации;

тяжелую экологическую обстановку и т.д.

Время еще раз на примере промышленного гиганта Санкт-Петербурга продемонстрировало историческую неизбежность победы постиндустриальной экономики. Впервые за последние десятилетия промышленность утрачивает лидерство (31,5% занятых в 1991 г., 21,7% — в 2000 г.) [*Регионы России*, с. 260]. Если принять объем промышленного производства в 1991 г. за 100%, то в 1996 г. он составил 39,5%. Устойчивый спад наблюдался в 1990-е гг. в металлургии, машиностроении, легкой, химической отраслях. Действующая петербургская администрация была вынуждена признать, что значительная часть промышленности «не воспринимается рынком, не приносит доход».

Островками благополучия можно было считать электроэнергетику и пищевую промышленность. Однако такова картина, если оценивать ситуацию в отраслевом разрезе, но в сложное переходное время такой подход совершенно недостаточен, ведь слишком многое зависит от людей, особенно от менеджеров.

Одна из лучших в России консалтинговых фирм по управлению «Альт» в 1996 г. провела опрос специалистов брокерских компаний, банков, федеральных и муниципальных чиновников, журналистов. И выяснила, что Санкт-Петербург на тот момент концентрировал наибольшее число (89) успешных промышленных предприятий. Среди них оказались заводы по производству атомных судов и судовых дизелей, турбинных лопаток и женской одежды, пива и хлеба. Во всех этих предприятиях рос объем продаж, как правило, не задерживалась выплата заработной платы, менеджеры могли быстро переналадить производство на выпуск

нового и нужного товара, умело управляли финансами фирмы, отчетливо видели перспективу развития производства. Государство в отличие от традиционной советской ментальности воспринималось как заказчик, а не как поводырь[5].

Потенциал промышленности города со всеми оговорками о моральной устарелости ее структуры, об экологических перегрузках, создаваемых северной природе гигантскими предприятиями, сохраняет свое значение и перспективность по многим направлениям. Промышленность Петербурга представлена в основном высокотехнологическими и наукоемкими видами производства, в значительной мере ориентированными на ВПК. Последние предопределяют, с одной стороны, серьезные трудности в реструктуризации экономики города и, следовательно, в быстром расширении емкости рынка труда, но с другой — задают уверенность в будущем по мере адаптации к «правилам игры» в рыночной среде.

Как и в Москве, в северной столице быстро растет малый бизнес. К 1997 г. в нем были заняты около 600 тыс. петербуржцев — почти в 2 раза больше, чем в крупном промышленном производстве. Доля занятых в малом бизнесе в 1991 г. составляла 5,1%; в 1996 г. — 25,7; в 2000 г. — 36,4. На долю малых предприятий в 1996 г. пришлось 17% поступлений в местную казну (более половины того, что дала городу вся крупная промышленность).

Петербургские банки отличает тесное сотрудничество с реальным сектором экономики. По доле выданных в 1995 г. долгосрочных кредитов в общей структуре кредитных вложений банков Петербург занял второе место в стране, уступив лишь Самаре, а по темпам прироста — первое. В стремлении выйти за пределы спекулятивной деятельности и содействовать инвестиционному процессу петербургские банки выгодно отличаются от московских.

Повышению деловой активности в городе способствуют либеральные тенденции в области налоговой политики, проводимой правительством Петербурга. Несмотря на низкие налоги, бюджетные доходы растут быстрее, чем в Москве (2,5% к 2,4%); меньше удельный вес убыточных предприятий и т.д. [*Волошина*]. Депутатами городской думы в начале 1997 г. был принят подготовленный правительством Петербурга закон «О некоторых вопросах налогообложения», который на протяжении трех лет (время действия закона) установил мораторий на повышение всех без

[5] См.: Известия. 1996. 16 июля, 14 ноября; Московские новости. 1996. № 43.

исключения региональных налогов, что является беспрецедентным для России.

Не случайно поэтому, что город все больше привлекает к себе внимание иностранных инвесторов. В конце 1995 г. был открыт завод «JSC Coca Cola St Petersburg Boutlers», в который были вложены 25 млн. долл. Активно развивается сотовая телефонная связь. Сразу две американских компании осуществили инвестиции в эту сферу – «Motorola» (12,5 млн. долл.) и «North West GSM» (20 млн. долл.). Реконструируются и крупнейшие петербургские предприятия, которые при отсутствии зарубежных инвестиций могли бы стать очагами социальных конфликтов. Американская компания «Katerpillar» и АО «Кировский завод» создали совместное предприятие с уставным фондом 5 млн. долл. Позднее эта всемирно известная фирма построила в одном из ближних пригородов Санкт-Петербурга Тосно свой собственный завод, на котором в основном работают петербуржцы. «Craft Foods International Inc» вложила в кондитерскую промышленность города 11 млн. долл. Новые проекты вложений намного масштабней. Так, американская фармацевтическая компания ICM приобрела 75% акций АО «Октябрь» и намеревалась в ближайшие годы вложить 180 млн. долл. в строительство новой фабрики и трех исследовательских центров. Шведский «Baltic Beberage Holding» приобрел 43,5% акций АО «Балтика», обязавшись вложить в развитие производства 150 млн. шведских крон; в итоге к лету 1997 г. пиво этой компании заняло ведущие позиции на рынке России [*Kudrin*, p. 426; *Итоги*].

После распада СССР новые границы России предопределили и новую ситуацию в связях страны с Западом. Вновь прямым «окном» в Европу стал Петербург, резко возросло геополитическое значение прилегающих к нему территорий. Учитывая сложности, возникающие в отношениях с сопредельными государствами (страны Балтии, Польша), мы рассматриваем данное направление как оптимальное для связей с Западной Европой. Уже сейчас значительные, если не основные, прибыли северной столице дают торгово-посредническая деятельность, рыночная инфраструктура, коммуникации. По существу, это «комиссионные», которые город разными путями получает от других регионов благодаря своему выигрышному географическому положению, реформаторской репутации и высокой квалификации специалистов-петербуржцев. В дальнейшем посредническая миссия, несомненно, лишь укрепится.

Особенности рынка труда города обусловлены закрепленным в поколениях высоким квалификационным потенциалом населения. Около 10% работающих заняты в сфере науки и научного обслуживания, более 12% в сфере образования. Интенсивное расширение финансовой, кредитной сферы, развитие малого предпринимательства открыли перспективы решения проблем занятости населения. Люди, потерявшие работу на старых городских предприятиях, во многих случаях нашли себе места в коммерческих структурах, появившихся за годы экономических преобразований.

Уровень зарегистрированной безработицы в Петербурге в 1995—1997 гг. — около 2,2%; в 2000 г. — 0,6%. Уровень безработицы, как видно из приведенных данных, относительно невысок, и на протяжении всех лет ниже общероссийского. Несколько выше, чем в Москве (3,5%), удельный вес лиц с нестабильной занятостью (работающих неполное рабочее время или находящихся в вынужденных отпусках без сохранения или с частичным сохранением зарплаты по инициативе администрации). Женская безработица велика и втрое превышает мужскую (75% против 25), но все же удельный вес женщин среди безработных в Москве примерно на 10% выше, чем в Петербурге. Уровень молодежной безработицы в Петербурге ниже общероссийского. Численность безработных рабочих несколько превышает численность безработных служащих и специалистов, хотя по тенденции численность первых относительно сокращается, а последних относительно растет. Кроме того, на одну вакансию служащего или специалиста приходится больше безработных, чем безработных рабочих на вакансии по рабочим специальностям [*Регионы России*, с. 260, 261].

Среди отраслей, заявляющих о своей потребности в рабочей силе, прежде всего промышленность, строительство, транспорт и связь, т.е. те отрасли, где спад производства был выше, чем в среднем по городу. Подаваемые ими заявки о наличии вакансий свидетельствуют о перераспределении рабочей силы в процессе структурной перестройки и перетекании работников в более благополучные отрасли с относительно высокой заработной платой. Неслучайно ищущие работу составляли 30% среди имеющих совокупный душевой доход ниже прожиточного минимума. В процессе перетекания рабочей силы росло и число работающих не по специальности, но около половины из них были вполне довольны своим новым положением и не собирались его менять [*Мониторинг*, 1996, с. 133—136; *Мониторинг*, 1997, с. 5—10].

По показателям уровня жизни Петербург на протяжении 1990-х гг. находился в заметно худшем положении, чем Москва. В конце 1996 г. 34% населения Петербурга имели душевые доходы ниже прожиточного минимума (312 тыс. руб.), в том числе доходы 10% петербуржцев не превышали 200 тыс. руб. на одного человека в семье [*Иванова* и др.].

Таким образом, несмотря на чрезвычайно сложное положение, в котором оказался Санкт-Петербург в первые постсоветские годы, городу удалось выжить, все активней включаясь в рыночную экономику, совершенствуя структуру хозяйства, привлекая инвестиции, решая проблему занятости.

Теперь о характере региональной политики. Весной 1996 г. жители Петербурга выбрали нового главу городской администрации. Во время предвыборной кампании претенденты выдвигали разные лозунги. Если первый в истории постсоветского Петербурга мэр А. Собчак обещал процветание театрам, музеям и банкам, то его главный конкурент В. Яковлев заявлял, что он отказывается от приоритетов своего предшественника и обязуется поддержать не столько туризм и культуру, сколько промышленное производство. Но эти высказывания относились к предвыборной кампании. Суть же изменений сводилась к ощутимому повороту в русло той политики, которую проводили с начала 1990-х гг. власти Москвы.

Новые городские власти решительным образом стали вмешиваться в экономическую ситуацию города: от решения крупных задач развития промышленности — до закупок товаров для населения. Так, мэрии удалось в 1997 г. снизить цены на хлеб за счет ликвидации цепи посреднических фирм и прямой организации закупок зерна. Мэрия вернулась к единой службе заказчика на многие другие виды продукции, каждый раз убирая лишние звенья в цепочке «производитель — потребитель».

Уже в 1997 г. городским властям удалось остановить спад в промышленности и добиться небольшого подъема в производстве (2%). Власти активизировали поиск инвесторов, подготовили несколько масштабных инвестиционных проектов, связанных со строительством новых предприятий, реконструкцией железнодорожного вокзала, аэропорта. Крупнейший из них — строительство большого порта Петербурга. В 1996 г. Петербургский морской порт переработал лишь 11 млн. тонн груза, большая часть доходов от перевалки российских товаров доставалась государствам

Балтии. Реконструированный порт даст возможность городу перерабатывать в год до 100 млн. тонн грузов, сосредоточив тем самым в России почти все доходы от транспортных операций. Уже в 2001 г. порт переработал 36 млн. тонн грузов[6].

С приходом к руководству страной нового президента Санкт-Петербург получил поддержку в активном развитии своего промышленного комплекса, особенно предприятий оборонного профиля. Военно-морской флот заказал ОАО «Северная верфь» 20 корветов, предназначенных для охраны территориальных вод страны. Эти корабли называют «корветами XXI века» или «корветами-невидимками» в связи с примененной технологией «Стелс», обеспечивающей невидимость судна. Первый из них — корвет «Стерегущий» был заложен в декабре 2001 г. Это был первый заказ нашего Военно-морского флота после 1991 г. Планируется и строительство на петербургских предприятиях фрегатов[7].

К концу 1990-х гг. и на отечественном, и на мировом рынках укрепились позиции петербургского энергомашиностроения. В АО «Электросила» была создана серия турбогенераторов с полным водяным охлаждением. По оценке крупных специалистов, эти турбогенераторы являются выдающимся достижением технической мысли, имеющим мировое значение[8].

Тем не менее положение в промышленности сложное. Важнейший показатель здесь — уровень производительности труда. По этому показателю пищевая промышленность города соответствует европейским стандартам. В судостроении, машиностроении, тяжелой индустрии по производительности труда город находится на уровне слаборазвитых стран. Выпуск продукции на одного работающего на Кировском заводе составляет 16—17 тыс. долл. в год, а на аналогичных предприятиях развитых стран — 60—80 тыс. долл.[9]

В конце 2001 г. вступил в строй нефтеналивной порт поблизости от морской столицы России в Приморске, который призван вернуть стране контроль над экспортом собственных нефтепродуктов[10]. Наша страна ежегодно теряла 1,5 млрд. долл. в год на

---

[6] Поиск. 2002. 17 мая.
[7] Известия. 2001. 22 декабря.
[8] Там же. 2000. 29 февраля.
[9] Поиск. 2002. 17 мая.
[10] Известия. 2001. 22 декабря.

транзите нефти через порты государств Балтии. К 2002 г. вновь построенный Приморский нефтеналивной порт вышел на проектную мощность в 12 млн. тонн в год. Каждая перекачанная тонна — это 6 долл. прибыли. Началась подготовка к строительству второй очереди, она позволит дополнительно перекачивать 18 млн. тонн ежегодно[11].

В московском журнале «Новый мир» было опубликовано прекрасное эссе писателя М. Кураева: «Петербург... — это город, где нация сумела духовно раскрепоститься, где дано было ощутить и пережить с небывалой полнотой сознание внутренней свободы... Петербург — это новый человек в России, желанный, долгожданный, выстраданный. Именно здесь после затянувшегося средневековья распрямилась в полном сознании своего достоинства душа русского человека. ...Этот город был создан для завтрашней России, и он все время опережал Россию, она за ним не поспевала ни умом, ни шагом, и он отрывался от нее... Этот город создан для будущего России — образование, наука, культура, передовые технологии, флот, космос, атомная энергетика... Был Петербург окном в Европу, был он и воротами в будущее...» [*Кураев*, с. 198, 200].

Ситуация в Воронеже

Старинный русский город Воронеж — российская глубинка, заведомо удаленная и отстраненная от непосредственного «приготовления» социальной политики, с сохранившейся на протяжении 1990-х гг. сетью советско-коммунистической номенклатуры.

Большевистское руководство страны в своих амбициозных планах никогда не считалось с интересами и особенностями людей. Как любили выражаться вожди, не было никакой проблемы в том, чтобы «человек менял кожу». И вот теперь, когда потеряло смысл другое любимое выражение прежних руководителей: «Мы за ценой не постоим», когда рынок стал оценивать качество продукции и издержки на ее производство, за цинизм и авантюризм прежних лидеров и их бездарных наследников, и поныне управляющих в провинциях, приходится расплачиваться простым людям.

[11] Известия. 2002. 17 мая.

Функционально неграмотные работники — от директоров до рядовых слесарей и станочников — оказались никому не нужны.

От этой общей картины перейдем к статистике. Возьмем данные 2001 г. В тех случаях, когда имеются сведения по годам опроса (1996—1997 гг.), они приведены в скобках. Население Воронежа — 976,9 тыс. человек. Это важный транспортный узел Европейской России. Промышленность представлена предприятиями 10 базовых отраслей: около 24% (30%) промышленного производства составляют машиностроение и металлообработка; 19% (21%) — электроэнергетика (развивающаяся, как и машиностроение, преимущественно на предприятиях ВПК), более 24% (20%) — пищевая промышленность; 13% (17%) — химическая и нефтехимическая промышленность и прочие отрасли — около 20% (10%). Воронеж занимает 14-е место среди городов — центров субъектов Российской Федерации по объему выпускаемой продукции [*Регионы России*, с. 240].

В то же время расположение Воронежа в Центрально-Черноземном регионе — регионе с развитым и эффективным сельским хозяйством и тот факт, что три четверти территории Воронежской области занимают черноземы, имеющие мировое аграрно-продовольственное значение и создающие уникальные возможности развития аграрного производства, обусловливают не только высокую долю пищевой промышленности в структуре промышленного производства Воронежа, но и тесную связь многих его жителей с сельским хозяйством области.

Оборонка, составляющая 78% промышленности Воронежа, когда-то недурно кормила город. Теперь она заброшена, что является причиной бедности основной части воронежского населения. В настоящее время экономика базируется главным образом на находящемся в кризисном состоянии машиностроении (в основном конверсионном, т.е. бывшем ВПК) и на длительное время снижавшем объемы производства агропромышленном комплексе. В связи с этим по большинству важнейших экономических показателей кризис здесь долгое время был более глубоким, нежели в целом по России. Цены в Воронежской области в 1996 г. выросли примерно на 30% против 21,8% по России в целом, спад в инвестиционной сфере равнялся 28% против 21,5% по стране, объем ВВП за тот же 1996 г. упал на 10—11% против 5—6% по России. К концу столетия ситуация заметно изменилась к лучшему. Возьмем те же показатели пять лет спустя. Рост цен в Воронежской области

в июне 2001 г. по сравнению с декабрем 2000 г. составил 10,1% против 12,7% по России в целом; инвестиции за период с первой половины 2000 г. по первую половину 2001 г. увеличились на те же 8,2%, что и в целом по стране; объем ВВП с 1998 по 1999 г. вырос на 58,8% против 57,5% по России [*Краткосрочные экономические показатели*, с. 3—17, 114—131; *Регионы России*, с. 40; *Соколов*, с. 16].

Специфика региональной экономики (высокий удельный вес предприятий ВПК) и политических симпатий руководства и жителей региона ведет к сохранению здесь высокого удельного веса государственной и муниципальной собственности. По отчету Госкомимущества России за 1996 г., Воронежская область была отнесена к регионам, где ход приватизации был «заторможен» и в течение года было приватизировано менее 30 предприятий.

Относительно слабо был здесь развит и малый бизнес, продукция которого составляла в 1997 г. около 12% общего объема производства в регионе. Создание и развитие малых предприятий в Воронеже затрудняли административные барьеры, правила и процедуры, придуманные местными властями. Так, дифференцированные ставки госпошлины за регистрацию предприятий в Петербурге были в том же 1997 г. в 2 раза ниже, чем в Воронеже. Власти Воронежа всячески препятствовали вовлечению недвижимости в хозяйственный оборот, предпочитая сдавать недвижимость и оборудование в краткосрочную аренду [*Абориева*, с. 44—48]. К началу 2002 г., после прихода к руководству регионом новой, некоммунистической администрации положение с малым бизнесом осталось прежним. В Воронеже вклад малого бизнеса в ВНП составлял всего лишь 7,2%. На состоявшемся в мае 2002 г. совещании по малому предпринимательству прорвавшиеся на трибуну представители деловых людей показали, что лихоимство чиновников, особенно милиции, разоряет бизнес. По их подсчетам, в казну попадает максимум 20% всех платежей, производимых бизнесменами, а остальное образуют взятки и поборы во внебюджетные фонды[12].

В то же время Центральное Черноземье — традиционный очаг российской науки и культуры. Воронеж занимает третье место по России по количеству высших учебных заведений после Москвы и Петербурга, здесь расположены несколько научно-исследовательских центров общероссийского масштаба. Сфера науки пережива-

[12] Новая газета. 2002. 20—22 мая. С. 15.

ет в настоящее время массовое падение спроса на рабочую силу и является одной из наиболее пострадавших в результате сокращения занятости.

Индексы экономической активности населения, учитывающие долю респондентов, вовлеченных в предпринимательскую деятельность, а также тех, кто регулярно получает дополнительные «приработки», в данном регионе одни из самых низких, и если сравнивать ситуацию со вторичной занятостью в Воронеже с подобными процессами в Москве, то разрыв в показателях достигает двух-трехкратных величин. Уровень зарегистрированной безработицы в Воронеже на лето 2001 г. — 1,3% [*Регионы России*, с. 40]. На весну 1997 г. пришелся пик безработицы за постсоветский период — 4%. Доля женской безработицы была свыше 60%. В отличие от Москвы и Петербурга особенно высок был удельный вес молодежной безработицы (около трети всех незанятых), зато невелика доля незанятых среди лиц предпенсионного возраста.

Сравнительно широко была распространена хроническая безработица. Так, в первом квартале 1997 г. каждый шестой официально зарегистрированный безработный имел стаж безработицы более 1 года и только треть — менее четырех месяцев.

Воронеж обладает рядом особенностей, которые оказывают определенное влияние на проводимую социальную политику и политику занятости в городе. Главная из них связана с тем, что он входит в группу консервативных аграрно-индустриальных районов, где население поддерживает коммунистическую номенклатуру. В сочетании с экономическим спадом, отсутствием просветов и проблесков надежд по выходу из экономической депрессии это приводит к торможению реформ, которые движутся здесь крайне медленно и потому особенно болезненны для населения. В определенной степени можно утверждать, что регион находится в социально-политической и экономической изолированности, в первую очередь, от влияния федеральных центров власти.

Отличительными чертами ментальности жителей Воронежа являются консервативная умеренность во взглядах, большой запас терпения, приверженность патриархально-патриотическим устоям. Свобода для воронежцев достаточно значима, но трактуется она как воля. Западное понимание свободы как набора политических прав для здешних жителей не имеет особого значения. Широко распространены конформизм и патернализм. Населению присуща низкая адаптивная способность к переменам. Слабо вы-

ражены индивидуалистские ориентации, зато широко представлены устремления к равенству доходов. Правда, уравнительные установки частично смягчаются общей терпимостью населения. Показательно в этом отношении толерантное отношение воронежцев к «новым русским», во многом объясняемое традиционным уважением к зажиточности.

Сравнительные данные по трем городам

Определить место Москвы, Петербурга и Воронежа, особенности тенденций их развития на фоне других регионов России и в этом контексте выявить специфику местной социальной политики помогает превосходное исследование, проведенное в 1992—1995 гг. Экспертным институтом (Россия) и Центром по изучению России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания). Его авторы выявили конкретные особенности и различия в социально-экономической ситуации российских регионов, в числе которых: уровень развития региона, его специализация и структура хозяйства, экономико-географическое положение, политика властей всех уровней по отношению к региону, предпринимательская активность населения, поддержка или противодействие реформированию, изменение потоков миграции и др. [*Анализ тенденций развития регионов*, с. 42—77].

Далее мы попытаемся сопоставить Москву, Санкт-Петербург и Воронеж по региональным различиям, исследованным вышеназванной группой авторов. Они разделили регионы по уровню и темпам роста номинальных доходов населения на высокие, средние и низкие. При этом Москва была отнесена к регионам с высокими доходами и с высокими темпами их роста, Петербург же попал в число регионов с высоким уровнем доходов при средних темпах их роста, а Воронеж — в число регионов с низким уровнем доходов населения при низких темпах роста (табл. 5.1).

Сравнение регионов России по соотношению денежных доходов и прожиточного минимума в 1993—1995 гг. показало, что Москва и Петербург относятся к регионам с высокой покупательной способностью при средней покупательной способности Воронежа и области.

Таблица 5.1 **Типология регионов по уровню и темпам роста номинальных доходов населения в 1990—1995 гг.**

Уровень	Темпы		
	Высокие	Средние	Низкие
Высокий	Москва	Санкт-Петербург	
Средний			Воронеж
Низкий			

По глубине спада промышленного производства авторы выделили четыре типа регионов: с глубоким, более среднего, средним, менее среднего спадом промышленного производства. Москва при этом оказалась в группе регионов со спадом больше среднего, а Петербург, несмотря на все трудности с его гигантским ВПК, был отнесен к группе со средним уровнем спада. Это возможно объяснить доминированием в городе продуктивного капитализма (табл. 5.2).

Таблица 5.2 **Типология регионов по глубине спада промышленного производства в 1992—1995 гг.**

Спад промышленного производства	Значения ИФОПП* 1995 г. к 1991 г., %	Регионы
Глубокий	< 35	Москва
Больше среднего	35—40	Воронеж Санкт-Петербург
Средний	40—50	
Меньше среднего	55—63	

* Индекс физического объема промышленной продукции.

Пятилетие спустя, в 2000 г. независимый фонд «Центр политических технологий» провел исследование экономического развития регионов и социального самочувствия населения по всем субъектам Российской Федерации. При этом оказалось, что Москва и по экономическому весу, и по самочувствию населения находится на первом месте при значительном отрыве от следующих за нею регионов. Санкт-Петербург и по экономическому весу, и по социальному самочувствию населения находится на четвертой позиции. Что касается Воронежской области, то она оказалась на 30-м месте по экономическому весу и на 19-м — по социальному самочувствию. Авторы исследования при расчете показателя экономического веса региона использовали показатели доли региона в валовом региональном продукте, в основных фондах, в поступлении налоговых платежей и других доходов в бюджетную систему России, в инвестициях в основной капитал, в объемах экспорта и импорта. Показатель социального самочувствия рассчитывали на основе показателей ожидаемой продолжительности жизни, коэффициента миграционного прироста, уровня безработицы, уровня задолженности по заработной плате, соотношения среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума[13].

Благодаря типологическому отбору объектов исследования мы в итоге получили возможность сопоставить социальную политику федеральных и региональных властей. Два города представляют собой «продвинутые» центры по-разному проводившихся рыночных реформ с максимальной адаптацией населения к новой ситуации (Москва и Санкт-Петербург), и третий город (Воронеж) можно определить как центр заторможенного развития с консервативным руководством и населением. Руководство этих городов демонстрирует возможности проведения социальной политики, адекватной типу населения и выражающей подход региональных элит к защите своих интересов и обеспечению социальной стабильности.

Литература

Абориева О., Ремизов Д. Малое предпринимательство в Воронежской области (проблемы становления и развития) // Предпринимательство в России. 1997. № 2.

Акимов М. Дорогая моя Русь // Профиль. 1997. № 33.

[13] Известия. 2000. 24 октября.

Анализ тенденций развития регионов России в 1992—1995 годах: Материалы совместного исследования Экспертного института (Россия) и Центра по изучению России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания) // Вопросы экономики. 1996. № 6.

Волошина В. Налоговый пряник Петербурга // Московские новости. 1996. 20—27 октября.

Город. Реформы. Жизнь: Москва в цифрах. 1992—1995. М., 1995.

Иванова Ю., Никонова О., Мозговая О. Санкт-Петербург: пять углов жилищной реформы // Социальная защита. 1997. № 4.

Калашнов Ю. Московская теория занятости // Деньги. 1997. № 42.

Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации: февраль 2002. М.: Госкомстат России, 2002.

Кураев М. Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург // Новый мир. 1996. № 10.

Мониторинг социально-экономической ситуации на рынке труда Санкт-Петербурга. 1996. № 3, 4.

Мониторинг социально-экономической ситуации на рынке труда Санкт-Петербурга. 1997. № 1.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. М.: Российско-европейский центр экономической политики, 1997. Вып. 2.

Регионы России: экономическая конъюнктура (социально-экономическая информация). Т. 1. М.: Центр экономической конъюнктуры при Правительстве Российской Федерации. 2001. Вып. 10.

Соколов А.Б. О региональных проблемах в банковской сфере и перспективах их решения // Деньги и кредит. 1997. № 1.

Социально-экономическое положение России. Январь 2002 года. М.: Госкомстат России, 2002.

Улюкаев А. Московская особая. Заметки об особенностях экономической политики в одном отдельно взятом регионе // Эксперт. 1997. № 39.

Яковлев В. В Санкт-Петербург двинулись и инвестиции, и бизнесмены // Известия. 1997. 27 ноября.

Kudrin A. St. Petersburg's Progress Towards the Market // Internathional Journal of Urban and Regional Research. 1997. № 3.

The Affluent Worker / Goldthorpe J.H., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. Vol. 1—3. Cambridge, 1968—1969.

Раздел II

Социальная политика: акторы и дебаты

Глава 6

Акторы российской социальной политики 1990-х годов

Вводные замечания

Глубокие трансформационные процессы, охватившие российское общество 1990-х гг., заставляют по-новому подходить к решению многих социальных проблем. Отклонения от намеченных программ, столь характерные для российского общества на этапах исторических «рывков», в острых кризисных ситуациях выводят на первый план поддержание постоянной обратной связи в области принимаемых решений. Это в полной мере относится к комплексу социальных проблем — наиболее уязвимой части современного государственного регулирования. Именно в этой сфере осуществляется реальный контроль за качеством происходящих перемен и определяется дальнейшая траектория развития. Сегодня государство в России теряет позиции монопольного субъекта социальной политики, формируется многосубъектная социальная политика, что предполагает появление новых акторов на ее поле. Исходя из этих представлений

мы и строили стратегию исследования социальной политики в России[1].

Отбор респондентов проводили прежде всего с учетом их предполагаемого участия как в формировании социальной политики в целом, так и в решении конкретных проблем у себя в городе. Были сформированы 5 групп респондентов, в состав которых вошли специалисты, в силу своей профессиональной принадлежности неизбежно сталкивающиеся с решением или обсуждением социальных проблем. Полагаем, что именно директора промышленных предприятий, чиновники министерств, комитетов и департаментов, связанных с трудовой и социальной сферой, представители органов местного управления, профсоюзные лидеры, политические деятели (представители ведущих политических партий и движений) формируют сегодня корпус субъектов социальной политики.

В соответствии с задачами исследования мы предполагали:

получить от участников опроса, выступавших в качестве экспертов, оценку социальной политики, проводимой федеральными и региональными властями в постсоветской России; выяснить их мнение о реальной политике властей «своего» региона, ее специфических чертах, о положении, сложившемся в социальной сфере в целом и особенно в сфере занятости, о том, какие пути решения социальных проблем они считают наиболее эффективными;

оценить уровень компетентности и информированности отобранных нами респондентов; установить, насколько зависят их мнение, их отношение к происходящим социальным изменениям от их социального статуса, социального окружения и близости к центрам принятия решений, от степени их информированности и вовлеченности в решение конкретных проблем;

установить, есть ли особенности, отличающие респондентов из Москвы, Петербурга и Воронежа;

сопоставить результаты двух этапов исследования в 1996 и 1997 гг., проследить изменения во взглядах респондентов.

При подготовке данного раздела мы столкнулись с проблемой терминологической квалификации респондентов.

В соответствии с исходной гипотезой нас прежде всего интересовали новые субъекты социальной политики. В то же время

---

[1] Авторы благодарят О.И. Зеленову (Москва) за помощь в проведении исследования.

привлеченные к опросу респонденты (с некоторым допущением) могут быть квалифицированы в качестве экспертов. Они реально участвуют как в экономических, так и в социальных процессах, неизбежно влияющих на формирование социальной политики. Вместе с тем их деятельность (как показало проведенное исследование) еще далека от реальной работы по формированию социальной политики, а их оценки — это скорее оценки типичных представителей своей социальной среды, проверяющих результаты социальной политики по своим внутренним ощущениям и переживаниям, но не профессионально, не в качестве субъекта, а скорее в качестве объекта (потребителя) действующей политики. Поэтому терминологически адекватным было бы использование понятия «актор социальной политики» [*Турен*, 1993, с. 6—19].

Социальная политика как защита и поддержка кризисных групп (общий фон)

В 1996 г. центральным вопросом, ответ на который давал генерализирующую оценку социальной политики, был следующий: «Как бы Вы определили характер проводимой сегодня социальной политики?». Речь шла о политике государства, что соответственно и отразилось в ответах.

В ходе бесед нас интересовала оценка респондентами не только содержательной стороны социальной политики, но и таких факторов, как уровень активности в ее проведении, что позволяет прежде всего диагностировать, существует ли эта политика как таковая и какое влияние она оказывает на жизнь общества. В 1996 г. всего лишь 7 акторов из 75 оценили социальную политику как «активную» или «скорее активную». Но из этих 7 человек 5 были чиновниками невысокого ранга. Поэтому весьма вероятно, что при ответе они руководствовались желанием высказать угодное начальству мнение. Основная масса опрошенных (40 из 75) оценили социальную политику как «скорее пассивную». Такой ответ дали 6 чиновников высшего эшелона из 7. Поскольку чиновники высшего эшелона — это лица, либо принимающие решения, либо непосредственно участвующие в их принятии, мож-

но сделать достаточно определенный вывод, что группа респондентов, компетентных в этой области, фактически рассматривают социальные вопросы как периферийные в общем процессе управления государством. Данный вывод подтверждает и позиция чиновников среднего звена: большинство из них (18 из 26) определили реализуемую политику как «пассивную» или «скорее пассивную».

Особенно критична позиция москвичей, однозначно оценивающих социальную политику как пассивную (политики — 3 из 4; директора — 6 из 9). В центре директорат всегда смелее (лучше знает многочисленные каналы выхода на высших чиновников, имеет серьезную защиту в лице правительства Москвы), а политики представляют высший слой политической элиты и значительно компетентнее провинциалов. Директора лучше ощущают конкретные результаты политики государства и высказывают вполне определенное мнение: политика государства в социальной сфере «пассивна» (8 из 18) или «скорее пассивна» (также 8 из 18).

Вопрос об эффективности проводимой правительством социальной политики, который также был задан в 1996 г., вызвал преимущественно негативную реакцию у всех групп опрошенных во всех трех городах.

«Мне кажется, что правительство еще не определилось со своей социальной политикой. Цель декларируется правильная, но ничем не подкрепляется. Как может быть оправдана социальная политика перед коллективом акционерного общества, когда мы с января не выплачивали заработную плату? А нам должны почти 26 млрд. руб. с прошлого года. Чтобы обеспечить хоть какой-то прожиточный минимум работникам, мы берем четвертый кредит» (директор промышленного предприятия, Воронеж).

«Как таковая социальная политика у нас отсутствует, если говорить о политике как совокупности каких-то целенаправленных действий, целеполаганий. Можно сказать, что есть отдельные какие-то меры, принимаемые в области социальной защиты населения. Но говорить об их эффективности для большей части граждан скорее всего не приходится» (исполнительный директор гуманитарно-политического центра, Петербург).

В 1997 г. этот вопрос сыграл роль индикатора нарастающего скептического отношения к проводимой социальной политике. При ответе на этот вопрос 60 из 75 опрошенных (80%) ответили «нет», «скорее нет», причем большинство (40, или 53,3%) уверен-

но ответили «нет», в то время как в 1996 г. доля ответивших «скорее нет» превалировала (50,7%).

«Поразительно, что социальная политика осталась на уровне 1980-х гг. Это уже каменный век, реформы в других сферах ушли далеко вперед. Невозможно продолжать существовать словно в 1988 г. Все та же пенсионная система, система здравоохранения. Необходимо активное реформирование социальной сферы» (депутат Московской городской думы, представитель движения «Демократический выбор России»).

«Проводимая в стране социальная политика направлена на уничтожение населения. Сейчас у нас геноцид — низкие пенсии, нищенский прожиточный минимум. Проводится политика на уничтожение» (представитель фракции ЛДПР в Государственной Думе).

В 1997 г. респондентам были предложены схожие или аналогичные вопросы с целью выявления динамики в их оценках социальной политики в стране. Если в 1996 г. основной акцент в центральном вопросе, дававшем общую оценку деятельности государства в социальной сфере, делался на характере проводимой социальной политики (ее активности или пассивности), оценивалась ее эффективность в целом, то в 1997 г. респондентов спрашивали: «Сформирована ли в стране социальная политика как целенаправленная деятельность государства в социальной сфере?».

Большинство опрошенных признают, что социальная политика в России не сформирована (55 из 75, или 73,3%).

«Сейчас социальной политики нет ни в чем. Можно что угодно написать в Конституции, но социальной политики в России нет. Государство как бы устранилось, ушло, свалило все это на других» (консультант фракции ЛДПР в Государственной Думе).

«Понятие социальной политики у нас подменено, мы в социальную политику включаем частные вопросы жизнеобустройства» (представитель КПРФ, консультант муниципального совета Воронежа).

«Вместо социальной реформы нам сегодня предлагают сокращение расходов государства на социальную защиту граждан. В условиях нехватки средств такой подход является ярким проявлением политики "затыкания дыр", реализуемой правительством последние годы» (представитель фракции «Яблоко» в Государственной Думе).

В 1997 г. ответы сдвинулись в сторону критической оценки социальной политики. Вот достаточно характерные суждения из интервью.

«Когда я слышу о коммунальной реформе, то у меня это вызывает скорее опасение, чем надежды. Что ни возьми: образование в завале, здравоохранение — дальше катиться некуда, демографическая политика катастрофическая...» (сотрудник лаборатории социального прогноза областного центра занятости, Воронеж).

«Думаю, что социальная политика в стране не сформировалась, ее нет, потому что не видно никаких значительных перемен в положении людей, да и предприятий. Нам хорошо видно, что государственные предприятия в большинстве своем не имеют ни заказов, ни тем более новых рабочих мест. Трудоустроить людей очень трудно, если и есть вакансии, то либо с очень маленькой зарплатой, либо рабочие специальности с низкой квалификацией» (госслужащий, Петербург).

Аналогичные результаты получены и при ответе на вопрос: «Является ли Россия социальным государством?». Это положение зафиксировано в Конституции Российской Федерации 1993 г. Однако из 75 опрошенных 56 (74,7%) не согласны с этим положением. Ни в одной группе опрошенных (ни в целом, ни по городам, ни по группам в городах) не наблюдается перевеса сторонников точки зрения, что Россия является социальным государством.

«Я считаю, что это все остается на уровне декларации, потому что о социальном государстве тогда можно говорить, когда людям гарантировано обеспечение их прав теми законами, которые государство приняло. Государство должно гарантировать выполнение законов. У нас же все развивается с точностью до наоборот. Это издевательство. Вот, допустим, закон о ветеранах (ветеран труда, войны и т.д.). Самая существенная льгота там — это опять предоставить скидку 50% по оплате жилищно-коммунальных услуг. И люди с 1994 г. бьются, говорят, говорят, но финансирования до сих пор ни копейки нет» (сотрудник Комитета по социальной защите правительства Москвы).

Содержательная сторона социальной политики в обобщенном виде раскрывалась вопросом: «Как бы Вы определили основные цели и задачи проводимой сегодня социальной политики?». (Варианты ответов: «обеспечение социальной стабильности в обществе», «сохранение и развитие квалификационного потенциала», «защита интересов элиты», «создание условий наибольшего

благоприятствования для экономически активной части населения», «помощь наиболее обездоленным слоям населения».) В 1996 г. 21 из 56 ответивших на этот вопрос считали, что социальная политика направлена на обеспечение социальной стабильности в обществе. Вторая по численности группа (16) склонялась к мнению, что социальная политика проводится в интересах элиты. И, наконец, 10 экспертов отметили, что социальная политика направлена на помощь обездоленным.

«Смысл нынешней социальной политики — успокоить людей, не дать взорваться обществу на фоне острого обнищания многих слоев, социального расслоения. Это политика умиротворения. Отсюда и призывы, что надо "на деле сосредоточиться". И что интересно, если вернуться в 1989—1990 гг. Те, кого называли консерваторами, говорили те же слова, что надо не митинговать, а делом заниматься. Политика создается теми, кто у власти. В своем деле эти люди высокопрофессиональны. Они для себя правильно обозначили цель — лучше жить на уровне западного миллиардера в полунищей стране, может быть, ближе к Латинской Америке, и как-то умиротворить, успокоить остальных. Есть еще один момент. Поднимающийся класс российской буржуазии продемонстрировал имущественные претензии такие, на фоне которых меркнут претензии на Западе. Мне приходилось общаться с очень состоятельными людьми, приезжавшими с Запада. Для них заработная плата 20 тыс. долларов очень неплохая. Они не могли себе позволить того, что позволяется у нас, и они были ошеломлены пригородным строительством. Наследственные дворяне у нас и то были поскромнее» (представитель КПРФ, Воронеж).

Наиболее значимая группа респондентов (с точки зрения оценки сущности государственной социальной политики) — это московские чиновники. Наиболее важная группа (с точки зрения оценки результатов социальной политики) — это директора и лидеры профсоюзов. Посмотрим, как высказывались представители этих групп опрошенных.

Все московские чиновники высшего эшелона в 1996 г. видели главную задачу социальной политики в обеспечении социальной стабильности. Московские чиновники среднего эшелона отмечали, что социальная политика прежде всего направлена на обеспечение социальной стабильности, а также на обеспечение интересов элиты и помощь экономически активному населению. Тот факт, что высшие чиновники не дифференцируют задачи со-

циальной политики, подтверждает мнение о слабой заинтересованности руководства государства в решении проблем социальной защиты.

Распределение ответов московских чиновников среднего эшелона говорит, что если и есть какое-то представление о том, какой должна быть социальная политика, то это прежде всего линия на спокойствие в обществе («социальная стабильность»), обеспеченная в значительной мере подачками низам («помощь обездоленным»).

Ближе всех к реальной жизни находятся директора: они в силу своего положения вынуждены трезво оценивать ситуацию в различных социальных слоях. Из 13 директоров, ответивших на этот вопрос, 6 считают, что социальная политика проводится в интересах элиты, 3 — что выполняется задача помощи обездоленным, и лишь 2 директора согласны с тем, что социальная политика преследует цель обеспечения стабильности в обществе. При этом московские директора акцентируют внимание на защите интересов элиты (5 из 9).

Лидеры профсоюзов (3 москвича, 1 петербуржец) единодушны — социальная политика проводится только в интересах элиты. Итак, основной вывод, с точки зрения наиболее компетентных групп респондентов (в 1996 г., на первом этапе исследования): слабо выраженная социальная политика, направленная на обеспечение социальной стабильности в обществе, на деле оборачивается преимущественно обеспечением и защитой интересов элиты.

«Правительство и органы государственного управления защищают интересы правящей элиты, крупных финансовых групп, предпринимательских структур, крупнейших российских корпораций. И в этом плане их политика вполне адекватно соответствует тем ожиданиям, которые элита и финансовые круги, поддерживающие нынешнее правительство, предъявляют к нему. А о том, что эта цель адекватно реализуется, говорит ответная поддержка со стороны крупнейших российских банкиров и крупнейших предпринимательских структур нынешнего президента во время прошедшей выборной кампании. Правительство также, со своей стороны, на это адекватно реагирует — благодарит тех банкиров, предпринимателей, которые внесли наибольший вклад в эту кампанию, производятся соответствующие кадровые назначения, создаются нормативные акты и т.д.

Вторая цель, которую я могу определить, — сохранение макроэкономической стабильности, предупреждение инфляции, т.е.

недопущение резкого увеличения расходной части бюджета. Но эта цель тесно связана с первой. И в третью очередь можно выделить обеспечение социальной стабильности в обществе — власть все-таки стремится предупредить наиболее острые конфликты, которые могут выплеснуться наружу, стать детонатором социальных взрывов. Производится так называемое текущее реагирование. Если бастуют шахтеры, то Чубайс летит к шахтерам, если ложатся на рельсы учителя в каком-то регионе, то глава администрации этого региона едет к этим учителям» (исполнительный директор гуманитарно-политического центра, Петербург).

При ответе на этот вопрос в 1997 г. 28 респондентов из 75 (37,3%) назвали важнейшей задачей социальной политики обеспечение социальной стабильности. Отметим, что это меньше (по удельному весу), чем в 1996 г., когда 21 из 56 ответивших высказали то же мнение. В 1997 г. 21 эксперт (28%) видел главную задачу социальной политики в обеспечении интересов элиты. Этот показатель превышает результат 1996 г. Политики всех городов опроса (а эта группа в силу своей профессиональной ориентации вынуждена обращать внимание на стратегические вопросы социальной политики) склоняются к тому, что социальная политика проводится в интересах элиты. Так же, как в 1996 г., в 1997 г. наиболее компетентной группой респондентов, точнее других (в силу профессиональных обязанностей) способной оценить реальную отдачу проводимой политики, явились директора. Большинство из них (62,5% — в Москве, 50% — в Петербурге и 100% — в Воронеже), так же как и политики, видят основную задачу современной социальной политики в обеспечении интересов элиты. Остальные варианты ответов в 1997 г. были затронуты небольшим числом опрошенных.

Содержательную сторону проводимой социальной политики выявлял вопрос, заданный в 1996 г.: «Какие факторы оказывают наибольшее влияние на социальную политику?». Наибольшее число голосов собрал вариант ответа «экономика» (31 из 70, 44,3%).

«Возможности экономики определяют и возможности социальной политики. Мы сегодня говорим о том, что у нас слабо развито пенсионное обеспечение, большие задолженности по выплате пенсий. Нет средств, чтобы решать эти вопросы. Уровень пособий очень низкий. Когда мы пытаемся решать социальные вопросы, сразу натыкаемся на то, что нет и остатков бюджета (остаточный принцип финансирования), чтобы помочь социальной сфере. Осо-

бенно при этом страдают работники, получающие заработную плату из государственного бюджета: учителя, врачи и т.д. Поэтому решение экономических вопросов прежде всего определяет возможности социальной политики» (чиновник высшего эшелона, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации).

«Если мы сегодня не поправим экономическую ситуацию в стране, не произойдет изменений ни в политике занятости, ни в состоянии финансовой дисциплины предприятий-должников. В этих условиях должны быть приняты более кардинальные меры, а самые кардинальные — это меры по оздоровлению экономики. Социальная сфера, безработица — это производные экономического развития» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

Акторы о совершенствовании социальной политики в России

Следующая группа вопросов касается путей совершенствования социальной политики. На вопрос о том, целесообразно ли ориентироваться в проведении государственной социальной политики на сохранение бесплатных услуг, в 1996 г. большинство наших респондентов ответили «да» и «скорее да» (42 из 73). Распределение ответов по группам опрошенных и по городам рисует более разнородную картину. Так, московские директора либо не определились (3 человека из 10), либо занимают негативную позицию («нет» или «скорее нет» — 4 человека) и лишь 3 из них дали ответ «да» или «скорее да», т.е. поддерживают бесплатность предоставления услуг. Лидеры профсоюзов, что вполне понятно и объясняется корпоративными соображениями, либо не определились, либо высказываются за бесплатные услуги. Чиновники всех статусов в трех городах в подавляющем большинстве высказываются за бесплатные услуги. В группе политиков активнее всего сохранение бесплатных услуг поддержали москвичи.

В 1997 г. на вопрос, следует ли увеличивать долю государственных расходов в социальной сфере, половина респондентов ответили «нет», «скорее нет», что также подтверждает негативное восприятие экспертами проводимой социальной политики. Такое распределение ответов характерно практически для всех городов

и групп опрошенных. Признание нецелесообразности увеличения расходов в социальной сфере тесно связано с оценкой социальной политики как неэффективной. Социальная сфера, по всей вероятности, представляется большинству акторов бездонной бочкой, в которую «сколько ни лей воды (увеличивай расходы), толку не будет».

Вместе с тем по вопросу о необходимости сохранения бесплатных услуг подавляющее большинство респондентов (50 из 75, или 64,6%) в 1997 г. ответили положительно. Лишь незначительное меньшинство (8 голосов, или 10,6%) ответили «нет», «скорее нет». Сторонники сохранения бесплатных услуг преобладают во всех группах респондентов (за исключением политиков Петербурга) и во всех городах.

«Много говорят о разлагающем воздействии бесплатных благ. Но в России люди в большинстве своем очень бедны. Многие просто не могут заплатить за лечение, образование и т.д. Конечно, должны быть и платные услуги, но следует учитывать уровень обеспеченности» (консультант фракции ЛДПР в Государственной Думе).

«Бесплатные услуги необходимы тем, кто не может сам заплатить... Страшно становится, когда каждый день передают по телевизору, по радио, что люди попадают в больницу и узнают, что лечить их будут только за деньги. В отношении бесплатного образования можно сказать следующее: пусть развивается платное образование как альтернатива. У нас резкое расслоение общества: богатые и бедные. Нужно помочь среднему классу. Поэтому образование должно быть и платное, и бесплатное. Кто имеет деньги, тот учит своих детей в Сорбонне, а чьи-то дети ходят в общеобразовательную школу, и их большинство, и там педагоги сейчас бастуют. Что они могут сейчас дать детям, если работа у них вызывает только раздражение: им платят мизерную зарплату, их близким нечего есть, как они будут преподавать? И, как правило, сейчас в школах вакансии подолгу не заполнены. Молодежь ищет работу в частных школах или берет на себя такие нагрузки, что к концу рабочего дня "валится с ног" от усталости» (руководитель управления городской службы занятости, Москва).

Следует отметить, что распределение ответов на этот вопрос находится в определенном противоречии с предыдущим. Система бесплатных социальных услуг немыслима без мощной государственной поддержки. Текущее финансирование бесплатных

социальных услуг даже в крупных городах совершенно неудовлетворительно. Сохранение и поддержка бесплатных социальных услуг объективно требуют увеличения государственных расходов в социальной сфере. Учитывая то обстоятельство, что предыдущий вопрос касался общих (стратегических) проблем государственной политики, а вопрос о сохранении бесплатных социальных услуг относится к решению ее конкретных проблем, следует отметить определенное противоречие в суждениях опрошенных. Идеологически подавляющее большинство респондентов переориентированы на проведение социальной политики, базирующейся на личной ответственности трудоспособных граждан, в то время как весь опыт предыдущей советской жизни и многие оставшиеся от нее институты заставляют признавать необходимость государственной поддержки.

Любопытно, что в 1997 г. увеличилось число голосов в поддержку бесплатности социальных услуг. Так, среди московских директоров число сторонников бесплатных услуг выросло с 30 до 40%. Возможно, изменение удельного веса ответов, поддерживавших бесплатные социальные услуги в 1997 г., связано с тем, что все более очевидным становится процесс социальной поляризации в российском обществе. При переориентации респондентов на ограничение бюджетных социальных затрат наши акторы не могли не учитывать ставшие очевидными реалии постсоветской действительности, когда миллионы нетрудоспособных граждан, представителей слабо защищенных групп населения оказались не в состоянии обеспечить собственное существование и существование своих семей даже на уровне минимальных потребностей. Таким образом, при ответе на этот и предыдущий (и, кстати говоря, последующий) вопросы сталкиваются требования, диктуемые рыночными преобразованиями, проводящимися в стране в последние годы, и фактическим положением (как и культурными традициями, сформировавшимися в течение десятилетий) большинства населения страны.

В ходе интервью респондентам был задан вопрос относительно характера социальной помощи: социальная помощь должна быть адресной или универсальной? В 1996 г. 36 человек из 71 склонились к адресному характеру социальной помощи. Вместе с тем следует отметить немалую долю сторонников универсального характера социальной поддержки (19 человек, т.е. каждый четвертый). Беседы с интервьюируемыми показали, что позиция многих ак-

торов в этом вопросе еще не сложилась, что все еще «борются» понимание неизбежности адресной социальной защиты и осознание надобности для многих миллионов россиян в универсальной социальной помощи.

«Что же касается социальной помощи разным категориям населения (старикам, детям и др.), то здесь главное — берет ли вообще страна на себя ответственность за эту помощь. Если конвенция такова, что страна решает обеспечивать, поддерживать, например, рождаемость, тогда не важно, кому она помогает: миллионеру или нищему, главное — что помогает. Это стратегия — обеспечение рождаемости. А с другой стороны, нужна дифференциация, если на всех денег не хватает. Тогда нужна адресность» (директор предприятия авиационной промышленности, Москва).

В Москве адресный характер социальной помощи защищали директора (8 из 10), чиновники высшего (2 из 3) и среднего (6 из 13, 2 — за универсальный характер социальной помощи) ранга. Профсоюзные руководители и политики в равной мере (по 1 человеку) признали необходимость как адресной, так и универсальной помощи.

В отличие от Москвы в Петербурге чиновники высшего и среднего эшелона равномерно распределили свои предпочтения между адресной и универсальной помощью (соответственно по 1 голосу — высший эшелон и по 2 — средний). Политики и директора с двойным перевесом (4 голоса против 2 в каждой группе) высказались в пользу адресности, а лидеры профсоюзов (2 против 1) — в пользу универсальности.

В Воронеже все опрошенные, кроме нескольких чиновников среднего ранга, поддержали линию на сохранение универсальной социальной помощи.

«В нашем государстве эффективной адресной помощи быть не может. Население и власти недостаточно для этого дисциплинированны. Социальная поддержка должна быть такая: все государству — государство всем» (директор промышленного предприятия, Воронеж).

В 1997 г. большинство респондентов (54 из 74 ответивших, или 72,9%) также признали, что социальная помощь должна быть адресной, и лишь 15 (20,3%) склонились к универсальной социальной поддержке. По сравнению с 1996 г. число сторонников адресности значительно возросло (тогда за адресную помощь выступили 50,8% экспертов).

«Решение социальных проблем без перехода к адресной социальной помощи и введения прожиточного минимума как социального норматива при установлении минимальной заработной платы, пенсий, пособий — невозможно. Нельзя размазывать кашу по тарелке тонким слоем — в результате и тому, кто по объективным причинам не может обеспечить себе прожиточный минимум, и тому, кто имеет очень большие доходы, достанется одинаково. Поэтому пособие на детей должно выплачиваться не в зависимости от возраста ребенка, а в зависимости от душевого дохода в семье этого ребенка. Если этот доход ниже прожиточного минимума в регионе, где живет семья, общество должно помочь ей вырастить ребенка» (представитель фракции «Яблоко», Государственная Дума).

«Богатое государство может позволить себе любую форму социальной поддержки населения. Например, в Швеции дети короля получают такое же пособие, как и дети безработного. В принципе, это правильно. Каждый ребенок имеет право на материальную поддержку государства. Там это происходит следующим образом: сначала дают всем, что им положено, а затем смотрят, кто нуждается в дополнительной помощи. Мы не можем себе этого позволить. Не можем помогать всем одинаково. Мы миллиардеру даем 1/2 МРОТ на ребенка. Зачем ему эти деньги, он же больше потратит в день на сигареты? Какой в этом смысл?» (член Комиссии по социальным вопросам Законодательного собрания Санкт-Петербурга).

Итак, если в 1996 г. (при общем перевесе в пользу адресной помощи) многие опрошенные, особенно в Воронеже, высказывались в пользу универсальной социальной поддержки, то в 1997 г. практически все группы акторов были убеждены в необходимости адресной помощи и только критическим группам. Это, с одной стороны, свидетельство возросшего понимания реалий экономической ситуации и методов социальной политики в рыночной среде, а с другой (по части темпов и масштабов перехода на адресные принципы) — последствие влияния властвующих групп, реализуемого и через социальные сети, и через mass media.

Тяготение же ведущих акторов социальной политики к «адресности» объясняется скорее не их убежденностью в оптимальности такого решения социальных проблем, а тем, что концепция адресности дает возможность снять с себя ответственность за судьбу целых социальных слоев. Либеральная социальная политика предполагает наличие ресурсной базы в домохозяйствах.

Между тем в течение десятилетий социальная политика в СССР была направлена на сосредоточение ресурсного потенциала социальной защиты и поддержки в руках государства, а не самих граждан. Добавим к этому, что сбережения россиян были уничтожены инфляцией, государство отказалось признать их как внутренний долг. Новые накопления в условиях непреодоленного экономического кризиса — достояние немногих. Поэтому, к сожалению, в социальных гарантиях и государственной социальной защите нуждаются столь значительные группы населения, что это ставит под сомнение возможности перехода к строго адресной социальной поддержке.

Социальная политика в контексте сохранения человеческого потенциала

Одним из ключевых вопросов повторного интервьюирования (1997 г.), во многом выявившим фактическую неудовлетворенность проводимой социальной политикой, стал вопрос: «Считаете ли Вы, что одной из острых социальных проблем сегодня стало ухудшение здоровья населения России?». Ответы экспертов были единодушны: 56 из 65 (86,1%) ответили «да», «скорее да».

«Генофонд страны ухудшается, нация деградирует. Мне кажется, что власти должны разработать специальную программу, в ее создании должны принять участие ученые, специалисты, медики, социологи, психологи, в том числе и наша служба занятости, но не таким путем, как у нас сейчас идет: перекладывают ответственность на регионы, а дальше — как хотите. Это должна быть большая целенаправленная программа, где все будет подробно и четко расписано. Если в ближайшие 5 лет такой программы не будет, то наш генофонд мы не восстановим. При общем невежестве, какой-то грубости Россия всегда отличалась очень высокими моральными стандартами, а сейчас не без помощи средств массовой информации очень многое разрушается. Алкоголизм приводит не только к разрушению потенциала страны, к ухудшению здоровья, но и к росту инвалидности. Россия постепенно может превратиться в вымирающую страну» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

Ухудшение здоровья — это комплексный индикатор, показывающий крайне неудовлетворительное состояние самых разных

сфер социальной жизни: здесь и здравоохранение, и уровень доходов населения, и обеспечение рабочими местами, и психологический климат в обществе — практически все сферы социальной действительности связаны с состоянием здоровья населения. Отметим, что в тех странах, где решение проблем социальной защиты на высоте, показатели состояния здоровья и продолжительности жизни населения также одни из лучших.

Отвечая на вопрос (1997 г.), «можно ли мерами нынешней социальной защиты сдерживать процессы обнищания, социального расслоения, падения уровня жизни, ухудшения здоровья населения?», большинство наших респондентов (45 из 71, или 63,4%) заявили, что мерами нынешней социальной защиты невозможно сдержать нарастающее обнищание населения.

«В Москве порядка 40% населения находится за чертой бедности. Меры социальной защиты не могут сдерживать процесс обнищания населения, от нищеты они не спасают. Отличие человека бедного — это отсутствие собственности, уровень доходов» (руководитель Комитета труда и занятости правительства Москвы).

И вновь мы сталкиваемся с той же противоречивостью в позиции экспертов (подчеркиваем — с противоречивостью, а не с расхождением позиций у разных групп). Акторы социальной политики, участвовавшие в исследовании, выступают против увеличения государственных расходов на социальные нужды, за усиление адресности в социальной помощи и одновременно признают недостаточность существующих мер социальной защиты, надобность широкомасштабной помощи населению.

Главное состоит в том, что участники опроса выражают интересы и ориентации представителей своей среды. Фактически они не готовы содействовать корректировке позиций представителей господствующих в экономике и политике групп с учетом стратегических интересов последних, что предполагает оптимизацию взаимодействия основных социальных групп и нахождение относительно устойчивых компромиссов интересов. Постсоветская реальность, состоящая в существовании квазирыночной экономики, сращивании государства с финансовыми олигархиями, монопольными ценами, хорошо известная нашим экспертам и напоминающая о себе на каждом шагу, приходит в противоречие с их рыночными устремлениями и иллюзиями; мифологема о том, что Россия уже живет по законам рыночной экономики,

требует ориентации и на социальную политику, соответствующую прорыночным экономическим параметрам.

Отмеченное выше противоречие в позиции акторов еще раз свидетельствует о недостаточной осведомленности, информированности их в области социальной политики, а также об их ориентированности на интересы социальных верхов. Это косвенно подтверждается и распределением ответов на вопрос, который был задан в 1996 г.: «Что прежде всего влияет на проводимую социальную политику?». Напомним, что большинство респондентов тогда отдали предпочтение экономическим факторам, оставив в тени влияние политических сил, компетентность руководства страной и другие неэкономические факторы.

Субъекты социальной политики

Интересные результаты были получены по вопросу о том, какие из партий (политических движений), придя к власти, могли бы лучше всего решить социальные проблемы. В 1996 г. из 7 чиновников высшего эшелона лишь один высказался в пользу КПРФ, остальные не отдали предпочтения ни одной из политических партий. Чиновники среднего эшелона в массе (16 из 26) также никому не отдали предпочтения. Оставшиеся респонденты разделили свои симпатии следующим образом: 4 — КПРФ, 3 — «Яблоко» и 2 — «Демократический выбор России» (ДВР). Из 13 политиков только 3 не определились. «Яблоко» и КПРФ получили по 4 голоса, ДВР и ЛДПР — по 1. Из лидеров профсоюзов 5 ни на кого не возлагают надежд, 2 — на ДВР и 1 — на КПРФ. Из 19 директоров 15 также ни на кого не надеются, 2 отдают предпочтение КПРФ и по 1 «Яблоку» и ДВР. В целом наиболее сильные позиции у КПРФ — 12 голосов, затем «Яблоко» — 8 голосов и ДВР — 6 голосов, ЛДПР получила всего 1 голос.

В Москве позиции коммунистов почти такие же, как и у сторонников Г. Явлинского (5 голосов против 4). Это позволяет сделать вывод, что в представлении московских акторов социальной политики (чиновники среднего эшелона, политики и директора) коммунисты и демократы (с учетом 1 голоса ДВР) имеют равные шансы в решении социальных проблем. В Петербурге «Яблоко»

вместе с ДВР даже превзошли в этом отношении КПРФ (7 голосов против 5). В Воронеже ДВР и «Яблоко» получили по одному голосу, а коммунисты 2. Вместе с тем следует отметить, что, по ответам экспертов, КПРФ (и в целом, и в любом из рассматриваемых городов) превосходит любую отдельно взятую политическую силу.

«Почему нужна коммунистическая оппозиция? Для того, чтобы знали, что надо помогать и бедным, и больным, и старым» (директор промышленного предприятия, Воронеж).

Обращает на себя внимание очень большая доля неопределившихся акторов социальной политики, не отдавших предпочтения ни одной из политических партий. С одной стороны, это показатель их глубокого социального пессимизма, с другой — это опять же дает некоторый «резерв» предпочтений, который может раскрыться с течением времени.

В 1997 г. мнения респондентов о возможностях существующих политических партий (политических движений) повлиять на решение социальных проблем стали еще пессимистичней. На вопрос о том, какие из политических партий (движений) могут лучше всего решить социальные проблемы, из 66 опрошенных 48 (72,7%) ответили «ни одна из них». По сравнению с 1996 г. уровень негативных оценок возможностей политических партий вырос. В 1997 г. ответ «ни одна из них» дали уже 61,6% респондентов.

«К сожалению, сегодня в России нет альтернативной политической силы, я ее не вижу, не вижу даже, чтобы она где-то зарождалась. Может быть, если в России начнутся массовые беспорядки, это кого-то подтолкнет на какую-либо альтернативу. Народ устал. Элитные слои российского общества боятся заниматься этими вопросами, так как понимают неправедное происхождение собственного богатства, ведь когда-то декларировалось "всеобщее" равенство и все начинали при "равных условиях". У нас нет даже закона о защите прав собственника, а пока его нет, все денежные средства будут перетекать из России на Запад, а не на развитие благосостояния собственного народа. Создайте нормальные условия — и деньги начнут возвращаться» (директор промышленного предприятия, Воронеж).

Принципиально важным при анализе проблем социальной политики является вопрос, кто реально формирует и наполняет конкретным содержанием социальную политику: центр или регионы.

В 1996 г. большинство респондентов (43 из 72, или 59,8%) приписали заслуги регионам и лишь 9 (12,5%) — федерации. При этом в Москве из 35 экспертов 18 (51,5%) признали реальные достижения социальной политики за регионами.

«Наши московские программы не являются частью федеральных программ. И сегодня, заявляя о своих благих намерениях, федеральные власти, к сожалению, забывают, что такое столица, и не оказывают практического влияния на легализацию этих своих же ранее утвержденных федеральных программ. Например, сегодня для реализации программ на уровне города требуется 2,7 трлн. руб. бюджетных поступлений, т.е. федерального бюджета, но на сегодняшний день ни одной копейки на это не поступило» (лидер профсоюза, Москва).

Только 4 человека (по одному из чиновников высшего и среднего эшелонов, политиков и директоров) считают реальные достижения социальной политики результатом деятельности центрального правительства. Очень многие не определились — 13 (37,1%), что подтверждает неоднозначность этой проблемы. Возможно, влияет и то обстоятельство, что в Москве ситуация в социальной сфере не является критической, а во многом эту ситуацию можно квалифицировать как вполне благополучную, особенно по сравнению с провинцией. Относительное благополучие снимает остроту видения ситуации в целом. В то же время в Петербурге и Воронеже процент неопределившихся значительно ниже (соответственно 17,4 и 21,4%). И в том, и в другом городе подавляющее большинство акторов всех групп признают, что достижения социальной политики — это результат деятельности регионов (Петербург — 69,7%, Воронеж — 64,3%).

Интересно, что на вопрос о том, как должны быть распределены полномочия в решении социальных проблем между центром и регионами, 38 из 75 опрошенных (50,7%) высказались в пользу полномочий федерации и 32 (43,6%) в пользу полномочий регионов. Лишь в группе чиновников высшего эшелона есть небольшой перевес (3 против 2) в пользу полномочий регионов. В Петербурге и Воронеже опрошенные преимущественно высказывались в пользу полномочий федерации. Это свидетельствует о том, что сами регионы тяготятся тем грузом ответственности по решению социальных проблем, который центр фактически навязал им, устранившись от принятия решений и поиска дополнительных ресурсов.

В 1997 г. при ответе на вопросы, «что Вы думаете о компетентности федеральных и местных властей, об эффективности проводимой ими социальной политики и чья деятельность, инициатива в области социальной защиты более очевидна для населения?», больше внимания уделено регионам.

«Сейчас создано огромное социальное министерство, в деятельности которого пока трудно разобраться. Конгломерат разросся настолько, что мы даже не знаем, куда и к кому обращаться. Получаем документы, которые противоречат друг другу. В основном вся тяжесть социальных проблем падает на местные органы» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

«Если у нас по всей России не выплачивается заработная плата, а мы с вами худо-бедно получаем, то, наверное, это заслуга не федеральных властей, а заслуга городских властей... Существуют программы социальной защиты как на уровне города, так и на уровне округа. Но проблема в том, что вся социальная политика у нас идет не за счет бюджета, а за счет тех денег, которые мы зарабатываем сами. Конечно, их не хватает, в этом проблема, что денег нет» (заместитель префекта одного из административных округов Москвы).

«Программы, принятые на федеральном уровне, практически не реализуются в субъектах федерации. Причем субъекты федерации могут подавать заявки на реализацию федеральных программ на своем уровне, и федеральный бюджет, обеспечивающий финансирование конкретной программы, обязан предусмотреть отчисления на ее выполнение. Но никаких денег оттуда не идет. Есть программы "Дети-инвалиды" и "Дети-сироты". Та и другая программы были утверждены правительством Санкт-Петербурга и предусматривали финансирование как из федерального, так и из местного бюджета, причем из федерального много больше. Что мы имеем? Мы не имеем реализации ни той, ни другой программы. Единственное, что нам удалось, — в бюджет СПб этого года внести строку, которая называется программа Санкт-Петербурга, во-вторых — подстроку, которая называется программа "Сироты" и, в-третьих, выделить финансирование по этой подстроке — 29 млрд. из нашего бюджета» (член Комиссии по социальным вопросам Законодательного собрания Санкт-Петербурга).

Итак, респонденты — акторы социальной политики, по всей видимости, начинают осознавать безнадежность ожидания эффективной помощи центра, что выразилось в перераспределении

предпочтений в пользу регионов. В 1997 г. за регионы высказались 44 актора из 70 (62,9%). Отметим, что 6 из 12 респондентов, поддержавших центр, — москвичи. Следует учесть, что в Москве эффективность федеральных решений более ощутима, да и не всегда можно разграничить, чье распоряжение (федеральных или городских властей) реализуется. К тому же, повторим, и сама ситуация в социальной сфере в столице объективно более благополучна.

Коренным вопросом для поведения населения и властей в стране с мощными патерналистскими традициями, насчитывающими столетия, является проблема самоидентификации индивидов как акторов на рынке труда и в сфере гражданских отношений. В этой связи представляет особый интерес мнение наших экспертов — акторов социальной политики. На вопрос, кто ответственен: государство или личность за благосостояние людей, в 1996 г. большинство акторов (40 из 74, или 54,1%) высказались за ответственность государства, лишь 8 человек признали, что необходимость бороться за благосостояние — забота самого человека или его семьи. В целом во всех группах опрошенных предпочтение было отдано государству.

«Есть какой-то предел, какой-то порог возможностей людей самостоятельно решать свои проблемы. А за этим пределом уже государство должно создавать такую систему, такие правила игры, которые дадут людям возможность найти работу» (сотрудник лаборатории социального прогноза областного центра занятости, Воронеж).

Весьма показательны в этом отношении ответы 1997 г. Вопрос был откорректирован и звучал следующим образом: «Как Вы считаете, наше "социальное государство" должно взять на себя ответственность по поддержанию благосостояния людей или это должно быть в большей мере заботой самого человека, семьи?» Из 75 респондентов 24 (30,7%) ответили «нет», «скорее нет»; 40 (53,3%) — «да», «скорее да». И хотя позитивное мнение об ответственности государства поддерживается во всех группах акторов социальной политики и во всех городах, удельный вес сторонников ответственности самого человека за свою судьбу очень высок. Это становится более явным при сравнении с распределением ответов в 1996 г., когда лишь 8 из 74 (10,9%) опрошенных посчитали, что обеспечивать свое благосостояние должен сам человек. Столь быстрое изменение позиций опрошенных позволяет предположить нарастание скептического отношения к

возможностям государства в российском обществе. По-видимому, решающую роль в столь быстрых и значимых изменениях ценностных ориентаций сыграли результаты выборных кампаний.

«Голодовки, обнищание не вызывают никакого государственного резонанса — каждый вправе сам выбирать свой рацион. В советские времена голодающий человек на площади был бы сродни катастрофе — прислали бы комиссию из Москвы. К сожалению, мы получили не "свободу для, а свободу от". С одной стороны, свободу от обязанностей, от гражданственности, а с другой — и от защиты со стороны государства. Оно тоже освободилось от нас и делает то, что считает нужным. Эта свобода не подразумевает взаимных обязательств друг перед другом» (представитель КПРФ, консультант муниципального совета, Воронеж).

Акторы о политике занятости

Характер политики занятости

В 1996 г. центральным вопросом, по которому выявлялось мнение акторов о проводившейся в стране политике занятости, был следующий: «Как бы Вы охарактеризовали проводимую сейчас политику занятости, можно ли считать ее активной?». Большинство респондентов (48 из 75) оценили ее как «пассивную» или «скорее пассивную», 33 (30,7%) — как «активную» или «скорее активную». В целом в каждой из групп опрошенных большинство оценили политику занятости как пассивную. Однако такая оценка скорее всего выражает мнение относительно результатов этой политики, а не о ее характере, направленности. Это подтверждают данные по городам. В Москве наблюдается противоречие между мнениями чиновников высшего эшелона (3 человека оценили политику занятости как «пассивную» и «скорее пассивную») и чиновников среднего эшелона (8 человек — «активная», «скорее активная» и 3 — «скорее пассивная»). Объяснение этому мы видим в том, что в 1996 г. чиновники среднего эшелона в основном были представителями службы занятости. При ответе на этот вопрос они прежде всего имели в виду результаты своей работы. Ес-

тественно было бы предположить, что работники службы занятости сами должны оценить свою работу скорее положительно, хотя бы из корпоративной солидарности, и этим можно объяснить полученный результат.

Правда, необходимо признать: в столице действительно многое делается для решения проблем занятости. Комитет труда и занятости и его управления активно работают, вводятся новые формы содействия занятости, в городе нет задержек с выплатой пособий, открываются новые рабочие места, осуществляется финансовая поддержка промышленных предприятий и т.д. Чиновники службы занятости производят впечатление людей, увлеченных своим делом, заинтересованных в результатах своих начинаний, они с гордостью рассказывали о достижениях и перспективах политики занятости в Москве, что позволяет верить в искренность их оценок. Конечно, эти оценки завышены. Другие московские респонденты отметили недостатки проводимой политики, обилие нерешенных проблем, финансовые трудности, недоработки трудового законодательства и т.д.

Что же касается чиновников высшего эшелона, то их суждения прежде всего касались общефедеральных стратегических проблем политики занятости, а не «земных» подробностей о положении критических групп в Москве. Так подходил к ответу на данный вопрос столь влиятельный актор социальной политики, как руководитель Комитета труда и занятости. Он оценивал ситуацию в общероссийском масштабе, сопоставляя деятельность своего департамента (комитета) с деятельностью подобных структур в развитых странах, где политика занятости действительно сформирована и активна.

«Если говорить о федеральной политике занятости, из нее практически ушло направление, которое было связано с реструктуризацией экономики и созданием новых рабочих мест, перепрофилированием производства. Потому что если год назад были средства на это, то сейчас, при плохом сборе налогов, средств не хватает даже на выплату пособий» (руководитель Комитета труда и занятости правительства Москвы).

Следует обратить внимание на мнение московских политиков, единодушно оценивших политику занятости как «пассивную» (3) и «скорее пассивную» (1). Это связано с объективной необходимостью для этой группы респондентов давать критическую оценку проводимой государственной политике, особенно в преддверии избирательной кампании.

В Петербурге распределение ответов на этот вопрос подобно московскому. Правда, чиновники среднего эшелона в основном подтвердили мнение чиновников высшего эшелона («скорее пассивная» — 4 и «пассивная» — 1). Аналогичны ответы чиновников среднего эшелона и в Воронеже.

«Официально политика провозглашена с приоритетом активных мер (трудоустройство и профобучение). Но реально службы занятости мало что могут» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

Политики, лидеры профсоюзов и директора в Петербурге и Воронеже высказали примерно уравновешивающие друг друга мнения. Таким образом, дифференцированный анализ ответов опрошенных по городам позволяет сделать вывод о неоднозначной оценке политики занятости. Наиболее компетентные и относительно независимые группы акторов (лидеры профсоюзов и директора) хотя и склоняются к мысли о доминировании пассивных тенденций в проведении политики занятости, все же усматривают и немалую активность.

В 1997 г. доля скептических оценок характера проводимой политики занятости (ее активности или пассивности) возросла: 42 респондента из 71 (59,2%) сочли ее «пассивной» или «скорее пассивной».

«Что касается фактической направленности нынешней политики, то я бы не сказал, что она носит активный характер, наоборот, ситуация в стране, регионе настолько сложна, что наблюдается даже какое-то свертывание политики как на федеральном, так и на региональном уровнях. Она становится более пассивной. Из Федеральной службы занятости поступают указания, чтобы мы свои ограниченные финансовые ресурсы тратили только на выплату пособий, по минимуму на профподготовку, вот, пожалуй, и все статьи расходов, т. е. на осуществление активной политики не хватает средств» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

Правда, в составе опрошенных нашлись и 22 «оптимиста». При этом большинство из них (13) — чиновники преимущественно среднего ранга, т.е. по отношению к этой теме наименее объективная и наиболее зависимая группа. Итоговым можно счесть такое высказывание:

«Политика занятости требует серьезных изменений. Преобразования в социальной политике необходимо начинать именно с

преобразований в политике занятости: с реформы заработной платы» (консультант фракции «Яблоко» в Государственной Думе).

Однако при обсуждении политики, проводимой в регионах, мнения существенно расходятся. Так, в 1997 г. многие акторы отмечали значительный прогресс, достигнутый за прошедший год в отношении политики занятости в Москве.

«Политика занятости, проводимая в Москве, вполне активна, прежде всего потому, что она начинает осуществлять профилактические функции, начинает выявлять состояние предприятий заранее. Когда будут сокращения, сколько работников предполагается сократить? С приходом нового руководства департамента занятости начали проводить эту политику. Это уже активная политика. Это очень важно. Кроме того, появляются новые программы, новые наработки (те же ярмарки вакансий, те же модельные центры), т.е. есть мысли, есть видение, как надо делать» (депутат Московской городской думы).

В Петербурге доля скептических оценок весьма высока. 16 из 25 акторов (69,5%) назвали политику занятости «пассивной» либо «скорее пассивной».

«В стране отсутствует активная политика занятости. Некоторые центры занятости действительно занимаются подбором работы для безработных, но подход все равно формальный, потому что заработная плата, предлагаемая 30—40-летним, не соответствует должному уровню, до сих пор предлагаются оклады в 150—200 тыс. Нет смысла идти на такую работу. А некоторые центры занятости не имеют и этого. Активной работы нет» (начальник отдела кадров, Петербург).

В Воронеже суждения опрошенных отличаются наибольшей определенностью: 11 из 15 (73,3%) оценили политику занятости в городе как «пассивную» и «скорее пассивную».

«Финансовое и экономическое положение в стране сегодня толкает службу занятости к проведению не активной, а пассивной политики» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

При интерпретации этих данных следует учесть, что первый этап опроса проводился в мае-июне 1996 г., когда социальная политика в целом и политика занятости в частности были активизированы в связи с проведением кампании по выборам президента. Поэтому более показательны ответы акторов в 1997 г. Необходимо также принять во внимание расхождение во мнениях

респондентов из Москвы и других городов опроса. Единодушие респондентов Петербурга и Воронежа в оценке политики занятости как пассивной подтверждает общеизвестный факт, что проблемы занятости гораздо острее стоят в этих городах, чем в столице, и решаются они при меньшей ресурсной обеспеченности.

Пути решения проблем занятости

В 1996 и 1997 гг. акторам социальной политики были предложены вопросы, связанные с возможностями решения проблем занятости. Например, «Как помочь людям, испытывающим трудности с устройством на работу?». В 1996 г. 50 респондентов из 63 давших ответ указали как путь решения этой проблемы переобучение. Остальные ответы совершенно разнородны. Аналогичное распределение ответов получено в 1997 г. Поэтому можно принять за единодушную позицию суждение о переподготовке как монометоде преодоления застойной безработицы.

«Мы много говорим, что можно переподготовиться, что можно найти работу. Но дело все в том, что люди сами должны понимать, на что они могут рассчитывать. У нас в связи с прежней социальной системой многие, приходя сюда, испытывают иждивенческие настроения. Они сами не знают, что им нужно. А если человек не определился в своем желании, найти для него что-то очень сложно. Наиболее нуждается в подготовке, переподготовке, даже какой-то психологической помощи молодежь. Бывают ситуации, когда в трудоустройстве нуждается женщина с маленьким ребенком, имеющая высшее образование, тем более, если она одинокая. Ей нужно помочь найти работу рядом с домом. Поэтому если женщину — конструктора или программиста — мы переподготовим и устроим на работу в детском саду или в школе, то, наверное, это для нее наиболее приемлемо, хотя бы на какой-то промежуток времени. Потом она с нашей помощью переобучится по более интересной для нее специальности с учетом ее знаний и сможет успешно найти работу по душе или вернется к прежней специальности» (руководитель управления службы занятости, Москва).

«Люди, которым надо переподготавливаться, обращаются часто. Как правило, это люди, имеющие высшее инженерно-техническое образование. Причем психологически их очень трудно пе-

рестроить. Проходят неделя, два месяца, и человек понимает, что служба занятости не может устроить инженера-технолога контактной сварки по специальности. Но у нас есть другие возможности. Например, с нашей помощью несколько человек занялись предпринимательством и уже открыли свое дело. А это создание новых рабочих мест для таких же безработных» (руководитель отделения службы занятости, Москва).

Ответ на данный вопрос весьма показателен. Мировой опыт решения проблем безработицы признает в качестве важнейшего средства борьбы с безработицей — предоставление пособий. Данная практика направлена на то, чтобы не только помочь человеку, потерявшему работу, сохранить на переходном этапе нормальный уровень жизни, но и обеспечить социальную стабильность в обществе. Не случайно в некоторых странах с развитой экономикой различные формы пособий грозят стать по существу пожизненной рентой. Наши же эксперты не считают предоставление пособия важнейшим направлением в решении проблем занятости. Но в политике занятости эта форма помощи критическим группам занимает весьма скромное место. В чем причина такого несоответствия?

Современный опыт западных стран не адекватен нынешней российской ситуации, когда по существу заново складывается структура занятости. Не подходит и опыт стран, переходивших от традиционной к индустриальной экономике. Поэтому метод аналогии здесь неприменим. Вопрос требует более масштабных исследований, а главное — накопления опыта в регионах, его сравнительного анализа.

В частности, следует принять во внимание, что трудности с устройством на работу чаще всего испытывают люди старшего возраста, в течение многих лет работавшие на конкретном предприятии (учреждении), специализировавшиеся в какой-то определенной области. Этим людям очень непросто согласиться на переобучение при том, что нет твердой гарантии, что в результате будет получено новое рабочее место.

В других странах апробированным способом решения проблемы безработицы служит организация на широкой основе общественных работ. На вопрос о том, являются ли общественные работы одним из значимых методов решения проблем безработицы, в 1997 г. почти половина респондентов (31 из 65) ответили «да», «скорее да». Вместе с тем часть их были слабо осведомлены о воз-

можностях этого пути решения проблемы занятости, в особенности это касается провинции. В Воронеже 6 респондентов из 15 (40%), представлявшие почти все группы акторов, не смогли определенно ответить на данный вопрос. Следует отметить, частично прояснили такую позицию опрошенных их комментарии о возможностях властей финансировать эту форму содействия в трудоустройстве.

«Общественные работы распространены недостаточно. Однозначно это связано вот с чем. Кейнсианская модель регулирования занятости предполагала, что государство создает систему общественных работ как путь оказания помощи безработным и оплачивает их. У нас все удивляются: как же так, работы полно, города утопают в грязи, а общественные работы не создаются. Так не создаются потому, что нет денег. На службу занятости повесили и создание этих работ, и оплату их, естественно, служба с этим не справится. А вообще я считаю, что проблема это очень важная, нужно, чтобы государство направляло хотя бы часть средств на эти нужды, а то ведь оно совсем отстранилось от создания системы общественных работ» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

Проблема сохранения квалификационного (кадрового) потенциала в контексте политики занятости

Серьезные сомнения в компетентности наших респондентов как реальных субъектов политики занятости, их задействованности в решении проблем рынка труда, формировании и проведении эффективной политики занятости возникли при анализе их ответов на вопрос: «Следует ли при решении проблем занятости (увольнение, прием на работу, переобучение и т.п.) учитывать необходимость сбережения квалификационного потенциала работников?». В 1996 г. из 18 директоров (акторов социальной политики, конкретно занимающихся этой проблемой) 9 ответили «нет», «скорее нет» и 8 — «да», «скорее да».

Не видят необходимости сохранять квалификационный потенциал половина чиновников среднего эшелона. Мнение чиновников среднего эшелона также достаточно весомо. Это одна из наименее политизированных групп опрошенных; им, как и директорам, приходится иметь дело с конкретными проблемами в

данной сфере. Характер и содержание вопроса позволяют не ожидать того, что опасение реакции со стороны вышестоящего начальства, свойственное представителям данной социальной группы, окажет влияние на распределение ответов.

Лидеры профсоюзов, политики и чиновники высшего эшелона высказались за сохранение квалификационного потенциала. Однако нельзя не учитывать скрытое политическое содержание этого вопроса, что, безусловно, мешало части экспертов, ангажированных политически, высказываться откровенно.

Московские респонденты проявили наибольшее безразличие к утрате страной квалификационного потенциала работников (7 директоров — «нет», «скорее нет», 3 — «да»; 8 чиновников среднего эшелона — «скорее нет» и только 3 — «да», «скорее да»). Правда, следует отметить, что ответы директоров предприятий (наиболее компетентная группа экспертов) в большей мере обусловлены отсутствием реальных экономических возможностей, тогда как чиновники мотивировали свой ответ переизбыточностью многих групп специалистов и их невысокой профессиональной подготовкой. В Петербурге лишь в группе чиновников среднего эшелона наблюдается перевес безразличного отношения к сохранению квалификационного потенциала (3 — «скорее нет», 2 — «да», «скорее да»). В Воронеже все группы акторов социальной политики высказались за сохранение квалификационного потенциала.

В 1997 г. распределение ответов на вопрос о необходимости сохранения квалификационного потенциала практически не изменилось. По-прежнему половина директоров (8 из 16) не видят возможности сохранять квалификационный потенциал предприятий; и только 5 склоняются к необходимости его сбережения.

«Думаю, что в целом по региону для сохранения квалификационного потенциала работников просто нет основы. Экономическое развитие нестабильно, основа его хрупка, поэтому уважающие себя специалисты сами уходят искать себе лучшую долю. Специалист отправляется в поиск. В основном пробуют себя в частных фирмах, в торговле. Однако же успешных решений этой проблемы все-таки мало. Конечно, квалификация специалиста — это его капитал, который он накапливал с юности, поэтому сама по себе невостребованность этого капитала — крупное моральное потрясение для человека, и не все его выдерживают. Я согласен, что жалко, когда хорошие специалисты уходят, но не надо делать из этого трагедии. Специалист как личность и профессионал сам

пытается найти решение этой проблемы, ищет более адекватное место на рынке труда, хочет лучше жить. Поэтому тут не должно быть никакой конфронтации между предприятием и работником: вот, мол, ты уходишь, значит, больше не приходи, не возьмем. Реальность такова, что надо в любых формах сотрудничать со специалистами, потом это обернется тем, что при восстановлении заказов, при увеличении объемов производства с ним можно будет договориться о возвращении. У нас ведется политика альтернативного персонала, мы при увольнении пытаемся заключить с ценными профессионалами договор о том, что, если он востребуется, мы обязательно его найдем и пригласим. Думаю, наш опыт может быть использован и на других предприятиях» (председатель совета директоров промышленного концерна, Воронеж).

В Москве и в 1997 г. большинство директоров и предпринимателей по-прежнему высказывают отрицательные суждения, приводя веские (на их взгляд) аргументы.

«Я заканчивал обучение в Московском высшем техническом училище им. Баумана и должен был строить космические базы, поселения. Такой была моя специализация. В итоге я сейчас строю заправки, дома, квартиры, неважно что. А 20 лет я проработал в научно-исследовательском институте, строил ускорители. И это сейчас очень распространено. Понимаете? Если у человека есть образование, а образование — это прежде всего способность мыслить и разумно работать с литературой, то человек не пропадет. Если исключить симпатии, личные интересы и привязанности, то мне, например, безразлично, каким делом заниматься. Есть еще опыт, но опыт — это дело накапливаемое» (генеральный директор строительной фирмы, Москва).

В Петербурге ситуация в общих чертах повторяет московскую. В Воронеже в 1997 г. большинство (7 из 15, 46,7%) высказали сомнения в необходимости сохранения квалификационного потенциала.

«В определенный период своей истории мы мало вкладывали в технологию и много в подготовку кадров, мы пытались за счет высокого квалификационного потенциала решать технологические задачи. В принципе, мы связывали себя по рукам и ногам человеческим фактором. Сегодня рыночные преобразования предъявляют свои требования к профессиональной подготовке работников, нужен тот квалификационный потенциал, который запрашивается конкретным работодателем. Сохранять старый по-

тенциал не имеет смысла. Мы 10 лет топтались на месте. А без постоянного возобновления квалификационный потенциал угасает», (заместитель главного инженера промышленного предприятия, Петербург).

За сохранение квалификационного потенциала продолжают выступать московские политики, проявляя завидное единство, независимо от политической ориентации.

«Проблема сохранения квалификационного потенциала России стоит очень остро. Вот, допустим, закрылся научно-исследовательский институт, в нем осталась маленькая группа, т.е. инновационное ядро. Что они делают — это фантастика! Если их продвинуть, если им сообщить ускорение, они могут сегодня огромные деньги России принести. Я не понимаю вообще, как этого можно не видеть? Ведь научно-технические революции на Западе были сделаны с помощью вот этих самых инноваций. Обязательно из 10 проектов один даст сверхприбыль, обязательно, уже есть статистика» (депутат Московской городской думы).

Субъекты политики занятости

Специальный блок вопросов в интервью был посвящен оценке деятельности самих субъектов политики занятости. Респонденты отвечали на вопросы о роли и возможностях местных властей, директората, профсоюзов, служб занятости в решении проблем российского рынка труда.

В современной России роль директората приобретает все большую значимость в решении проблем трудоустройства, поскольку, как уже отмечалось, среди всех групп акторов лишь директора являются непосредственными работодателями. Поэтому среди вопросов, направленных на выявление мнений респондентов по поводу оценки институтов, способных эффективно решать проблемы занятости, важнейшим является вопрос: «Как вы оцениваете роль директората в решении проблем занятости? Активна ли она?». В 1996 г. 32 человека из 74 склонялось к ответам «да», «скорее да», 18 не определились, а 24 респондента ответили «нет», «скорее нет». Однако активность директоров в первую очередь признают они сами (18 из 19). Политики считают, что директора «скорее не активны» («скорее нет» — 4, «скорее да» — 2 и

не определились — 6). Чиновники высшего эшелона и лидеры профсоюзов с перевесом в 1 голос склоняются к мнению об активности директората в решении проблем занятости. В 1997 г. роль директората в проведении политики занятости оценивается респондентами достаточно высоко. Из 66 на этот вопрос 37 (56,1%) ответили «да», «скорее да».

При всей связанности директоров с непосредственным решением проблем занятости их нельзя считать наиболее компетентной группой экспертов в этом вопросе. С одной стороны, велико желание оценить факт личного участия в трудоустройстве значительного числа работников как активность при решении проблем занятости (а это несколько иное — специальная деятельность, направленная на создание рабочих мест, переквалификацию и т.д.); с другой, при ответе на этот вопрос для респондентов-директоров значительную роль играет корпоративная солидарность.

Весьма показательно распределение ответов на вопрос об активности профсоюзов в решении проблем занятости. В 1996 г. половина респондентов (38 из 74) оценивали роль профсоюзов как «пассивную» и «скорее пассивную», почти треть (22 человека) отметили роль профсоюзов как «активную» и «скорее активную». Значительная часть респондентов (14; 18,9%) не определились. Среди всех участников опроса директора и чиновники среднего эшелона ближе всех знакомы с работой профсоюзов. Директора в подавляющем большинстве (15 из 19) не считают профсоюзы реальными участниками решения этих проблем. Большая часть чиновников среднего эшелона (16 из 25) разделяют мнение директоров. В 1997 г. ответы на этот вопрос фактически повторяют результаты 1996 г.

«Сегодня профсоюзы — это формальная организация. Все осталось у работодателя. Рабочий никак не может на меня повлиять. Работники не защищены. Никаких конфликтов с профсоюзами у нас не было, потому что мы не искали эти конфликты. Профсоюзы сегодня еще не выросли» (директор промышленного предприятия, Воронеж).

На вопрос об активности местных властей в решении проблем занятости в 1996 г. из 18 директоров лишь 2 ответили «да», «скорее да», 5 не определились, а 11 ответили отрицательно. Из 10 лидеров профсоюзов 2 ответили «скорее да», 5 не определились и 3 ответили «скорее нет». Из 13 политиков 2 ответили «скорее да», 8 не определились и 3 ответили «скорее нет». Это мнение наиболее ком-

петентных групп респондентов, тесно соприкасающихся с решением проблем занятости и не имеющих личной заинтересованности в необъективной оценке работы органов местной администрации.

В 1997 г. по сравнению с 1996 г. скепсис относительно действенности политики региональных властей заметно возрос. И в Москве, и в Петербурге, и в Воронеже практически все директора негативно оценили их деятельность. В Москве профсоюзные лидеры также склоняются к негативным оценкам. Даже чиновники среднего эшелона Санкт-Петербурга и Воронежа, объективно заинтересованные в позитивной оценке роли местных властей, в 1997 г. критически характеризовали их усилия в решении проблем занятости.

Каждодневно проблемы безработицы решают службы занятости. В 1996 г. из 75 респондентов 34 (35,4%) положительно оценили работу этой службы, 28 (27,3%) склонились к противоположному мнению, 13 человек (17,3%) не определились. Из 19 директоров 13 (68,4%) отрицательно отозвались о действиях профессионалов по трудоустройству; совсем иначе высказались об этой службе профсоюзные боссы: 6 из 10 благожелательно отозвались о деятельности службы занятости. Из 13 политиков 6 дали отрицательную оценку. Чиновники всех рангов в подавляющем большинстве посчитали эту службу активной, действенной. Эти мнения практически идентичны во всех трех городах и были повторены в ходе интервьюирования в 1997 г.

«Службу занятости придумали аппаратчики, чтобы заниматься каким-то делом. Мы приходили к ним еще два года назад, когда они только появились. Мы хотели заключить договор, чтобы приглашать рабочих. Ну, так до сих пор ни одного рабочего от них и нет» (директор механического завода, Москва).

«Я тысячу раз подавала им заявки на закройщиков, на швей. Никого стоящего они мне не прислали. Присылали одних пьяниц. У них все плохо организовано. Нужна диспетчерская служба с полной информацией. Где-то же мне надо брать работников. В службу занятости обращаются тысячи людей, просят трудоустроить, а мне никого не присылают. Я уборщицу не могу найти» (директор швейного объединения, Москва).

Из отношения к государственной службе занятости вытекает и поведение работодателей при заполнении свободных вакансий. На вопрос, прибегают ли работодатели к услугам этой службы, в 1996 г. из 75 респондентов положительно ответили 24 (32%), от-

рицательно — 37 (36%). В 1997 г. число отрицательных ответов возросло до 61%.

Наиболее компетентными экспертами по данному вопросу, безусловно, выступают директора и чиновники среднего эшелона, для которых обращение к службам занятости представляет собой один из путей решения деловых проблем. В 1996 г. 13 чиновников среднего эшелона (50% от голосов этой группы) отметили, что работодатели обращаются к услугам службы занятости «охотно» и «скорее охотно», в то время как, по мнению 11 директоров (57,9% от голосов этой группы), «неохотно» и «скорее неохотно».

«Мы сами знаем своих потенциальных работников: их не так много. Инженеры в авиации нам все известны. Это узкий круг, корпорационный. Нам служба занятости не нужна. Если есть деньги, мы всегда сами найдем работника. Причем работника любой специальности» (директор авиационного завода, Москва).

В 1997 г. число положительных ответов в группе чиновников среднего эшелона сократилось по сравнению с 1996 г. с 50 до 45%. В группе директоров по-прежнему доминируют сторонники негативной позиции (64,7%), что в относительном выражении превышает число скептиков в 1996 г. Учитывая, что прямыми работодателями являются директора, следует сделать вывод о том, что преобладание скептических оценок в этой группе достаточно показательно и отражает объективную ситуацию в сфере взаимоотношения работодателей и служб занятости.

Респондентам и в 1996, и в 1997 гг. был задан вопрос, удовлетворяют ли работодателей частные службы занятости. В 1996 г. из 75 экспертов 34 (45,3%) не определились, 16 (21,3%) дали положительный ответ и 25 (33,3%) — отрицательный, что демонстрирует общую неосведомленность опрашиваемых. При этом из 19 директоров 4 не определились, а 15 ответили «нет», «скорее нет». Политики, лидеры профсоюзов и чиновники высшего эшелона склонны признавать эффективность частной службы занятости. В 1997 г. характер ответов практически не изменился.

Один из важных вопросов, касающихся решения проблем занятости, таков: «Какова роль федеральных органов власти в решении проблем занятости? Как сказывается (и сказывается ли вообще) их деятельность на ситуации в городе?». В 1996 г. в 3 городах опроса значительная часть респондентов (48 из 75, 64%) ответили «да», «скорее да». Во всех группах, за исключением политиков, большинство склоняются к признанию важности роли

федеральных органов. Мнения политиков разделились в отношении 1:1.

Любопытно, что в столице мнение респондентов, высоко оценивающих роль федерального центра в решении проблем занятости, выражено не столь четко. Так, среди 3 чиновников высшего эшелона 1 сказал «да», а 2 «скорее нет», 5 директоров из 10 не определились, 2 выразили сомнение в важности роли федерального центра и 3 директора высказались положительно. В Санкт-Петербурге важность роли федеральных органов власти оценивается выше; лишь петербургские политики сомневаются в позитивности роли федеральных органов (из 5: «да», «скорее да» — 2, не определился — 1 и «скорее нет» — 2); в остальных группах с большим преимуществом доминирует мнение о важности федерального центра. В Воронеже из 15 респондентов лишь 1 (политик) усомнился в положительной оценке роли федерального центра. По всей видимости, этот эксперт высказал свое мнение с учетом интересов потенциальных избирателей в родном городе. В целом распределение ответов и по группам опрошенных, и по городам в большинстве случаев сводится к признанию важности роли федеральных властей.

В 1997 г. эта тема получила развитие в вопросе о целесообразности перераспределения полномочий между федеральными и региональными властями. Большинство респондентов склонились к мнению, что предпочтение следует отдавать регионам (53 голоса из 66, или 70,3%).

«Расширять полномочия регионов надо в критической ситуации, а у нас она критическая. Считается, что у нас низкий уровень безработицы, поддерживаем 2,6%, но ведь на самом деле она за 16% с учетом неработающих, которые к нам не обращаются, условно безработных, числящихся в отпусках» (служащий областного центра занятости населения, Воронеж).

На мнение опрошенных не может не влиять то обстоятельство, что большинство из них по своей работе ближе связаны с регионом, нежели с федеральными органами управления. Поэтому столь радикальный «регионализм», проявленный в ответах на вопрос о целесообразности перераспределения полномочий, лишь отчасти отражает объективную потребность в корректировке политики занятости. Тяготение регионов к максимальной концентрации полномочий и финансовых средств для разрешения социальных проблем и проблем занятости отражает процесс объективного ослабления внимания центра к нуждам регионов.

«Безусловно, регионы должны иметь твердые правила, по которым формируются местные бюджеты, твердо знать, на какие условия они могут рассчитывать в формировании различных региональных программ» (сотрудник лаборатории социального прогноза областного центра занятости, Воронеж).

Немалое значение для понимания позиций акторов социальной политики по вопросам, связанным с поиском решения проблемы занятости, имеют ответы на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, должен в первую очередь помочь человеку в решении проблем трудоустройства?». Варианты ответов: местные власти; соответствующие государственные службы; друзья, родственники и знакомые; государство; предприятие, где он работает (работал); он сам и т.д.

В 1996 г. 28 респондентов из 67 (41,8%) ответили, что помочь себе должен сам человек, 22 (32,8%) — что это забота государства. Остальные сочли, что помочь должны предприятие или друзья. Директора, лидеры профсоюзов, чиновники высшего эшелона уже расстались с патерналистскими иллюзиями и признали, что человек должен помочь себе сам. Чиновники среднего эшелона и большинство политиков сохранили представление о том, что это забота государства. В Москве ответы 10 директоров распределились так: 4 — человек должен сам помочь себе с работой, 3 — помочь должны друзья, 3 — предприятие. На государство они не возлагают никакой надежды. Ответы лидеров профсоюзов разделились следующим образом: 2 —помочь должно государство, 2 — это дело самого человека и его семьи. Из 4 политиков: 1 — помочь должно государство, 2 — человек должен сам помочь себе, 1 — поддержать должны друзья. Из 12 чиновников среднего эшелона 6 возлагают надежды на государство, 5 — на самого человека и 1 — на предприятие. Из 3 чиновников высшего эшелона 2 человека признали ответственность государства и 1 считает проблемы с работой заботой самого человека.

В Москве 14,42% опрошенных склонны считать проблемы с работой делом самих трудящихся. В еще большей мере эта тенденция проявилась в Санкт-Петербурге. Здесь 56% респондентов полагают, что проблемы с работой — забота самого человека. За исключением политиков, все группы акторов социальной политики, принимавшие участие в опросе, видят решение проблем с работой в активности самого человека. Зато в Воронеже из 9 опрошенных лишь 1 указал, что поиск работы — проблема самого человека, 7 — проблема государства, 1 — помочь должно пред-

приятие. Ответы на данный вопрос именно в Воронеже весьма показательны. Эксперты из этого города демонстрируют откровенную потребность провинциальной России в помощи государства. На ответах в Воронеже явно отразилось и то, что помощь государства в последнее время сократилась и дальнейшее сокращение неизбежно. Российская глубинка еще не готова к полной самостоятельности, и ответы респондентов говорят об этом.

Для понимания роли государства в сфере занятости важны вопросы о том, охватывает ли законодательство все необходимые стороны регулирования занятости и предотвращения безработицы и соответствует ли оно потребностям работодателей и ищущих работу. Ответы акторов выявили всеобщую неудовлетворенность состоянием трудового законодательства. Из 74 респондентов 52 (70,2%) ответили «нет», 14 (18,9%) не знали, как ответить на этот вопрос, и лишь 8 дали положительную оценку. Нет ни одной группы опрошенных, в которой позитивное отношение к законодательству хоть сколько-нибудь уравновешивало бы негативное.

Интегральная оценка мнений акторов социальной политики (предварительные замечания)

Выделим те принципиальные моменты, которые выявились в ходе обработки текстов интервью. Прежде всего следует отметить, что конкретные ответы на вопросы подтвердили наше представление об особенностях менталитета всех групп акторов социальной политики. У респондентов отсутствует концептуальный подход как к проблемам социальной сферы, так и к экономической ситуации в целом. Можно констатировать, что сама по себе система представлений акторов по данным вопросам не обладает целостностью. В известной мере эти целостность и системность привносятся нами извне, как бы задаются самой совокупностью вопросов. Эти выводы обусловлены противоречивостью ответов на различные вопросы, на что мы неоднократно обращали внимание.

Следует отметить противоречие между ответами на вопросы общего характера (по принципиальным компонентам социальной политики) и рассуждениями по поводу конкретных вопросов,

оценивающих реальное состояние дел и возможные конкретные пути разрешения социальных проблем. Круг базовых представлений респондентов о социальной действительности и государственной социальной политике весьма ограничен и сводится, как правило, к набору идеологических штампов.

Это, кстати, подтверждает и обычный логико-интуитивный анализ развернутых текстов интервью. Это обстоятельство определило и наши оценки той информации, которую мы получали в ходе опроса. По итогам проведенных интервью сложилось вполне устойчивое впечатление, что реальное восприятие происходящего в российском обществе присутствует в мышлении респондентов лишь опосредованно, осознается интуитивно, оценивается поверхностно. И тем не менее вот такие не всегда «выношенные», не до конца продуманные оценки происходящего в обществе 1990-х гг. проявили сущность происходящего.

Беседы во многом подтвердили выдвинутое в начале исследования предположение о дрейфе государственной социальной политики в сторону неолиберальной модели. Проанализировав результаты интервью, мы пришли к выводу, что респондентов, недавних выходцев из советской номенклатуры, отличает явное тяготение к радикальному либерализму. В беседах присутствовал общий настрой: человек должен в основном полагаться на свои силы, а не ждать помощи со стороны, помощь должна быть адресной, политика занятости должна быть активной, нужно открывать новые рабочие места, не ограничиваясь выплатой пособий.

Позиции работодателей все дальше от патернализма: современных директоров прежде всего интересуют прибыль, успешность предприятия, это предпочтительнее сохранения конкретного трудового коллектива. В то же время интервью показали, что смещение в сторону либерализма в сознании экспертов как представителей современной российской элиты и близких к ней социальных групп происходит стихийно, под давлением общей экономической обстановки в стране. Необходимость вписаться в рыночную ситуацию формирует соответствующие трансформации в ментальности наших респондентов. Например, на вопрос, кто скорее всего поможет человеку с трудоустройством, на кого можно рассчитывать, большинство экспертов отвечали: сам человек, его родственники или друзья, но не государство. Другими словами, по результатам интервью можно прийти к печальному выводу, что в России на данный момент фактически не существует системы (реального ин-

ститута), гарантирующей трудоустройство, работу, способную обеспечить семье прожиточный минимум (выясняется, что система государственной службы занятости далека от решения этой проблемы, а частные службы подыскивают работников лишь в узком сегменте рынка труда, в основном для коммерческих фирм), и человек должен полагаться прежде всего на свои собственные силы.

При этом респонденты практически уходили от ответа на вопрос, следует ли увеличивать государственные расходы на социальную сферу, хотя можно было бы предположить, исходя из традиций социализма, что именно от государства они ждут решения социальных вопросов. Вряд ли это следует объяснять рациональным выбором либеральной стратегии в проведении социальной политики. Скорее всего люди просто перестали ждать помощи и думают (согласуясь с фактическим состоянием дел), что если уж государство не способно справиться с экономикой, то о социальной сфере и говорить нечего, следует рассчитывать только на самих себя. Широко распространенное среди акторов мнение, что средства нужно вкладывать в экономику, поддерживать оставшиеся «на плаву» предприятия (ну, а люди «потом», они сами справятся: платно полечатся, поучатся и отдохнут), также свидетельствует скорее всего не о том, что новые субъекты социальной политики в России столь осознанно поддерживают неолиберальные тенденции, а об их пессимистической оценке ситуации в экономике и соответственно в социальной сфере. И это опять-таки ставит под сомнение оправданность форсированного осуществления либеральной модели рыночных преобразований в России.

Содержательный анализ материалов опроса дает основание для еще одного суждения об особенностях менталитета акторов социальной политики. В ответах представителей всех групп и городов отчетливо прослеживается стремление переложить решение возникающих проблем на «внешние факторы». В качестве таких внешних факторов выступают государство, в некоторых случаях — объективно сложившаяся ситуация (внешние обстоятельства), а также другие субъекты социальной политики. Это свидетельствует о все еще значительном влиянии социальной пассивности, что характерно именно для представителей элиты советского общества.

Ответы на одни и те же вопросы в 1996 и 1997 гг. во многом совпадают, и это показательно. Вторая половина 1996 г. и первая половина 1997 г. — это период политической нестабильности в

стране, ожесточенной борьбы политических и финансовых группировок за власть, их противостояния коммунистам во время президентских выборов и после них в связи с длительной болезнью президента. Политическая нестабильность усугублялась глубоким кризисом в сфере социальных отношений, вызванным прежде всего хроническими неплатежами и без того мизерных пенсий и зарплат. Неплатежи охватили основные слои наемных работников (рабочие предприятий, врачи, учителя, военнослужащие, другие работники бюджетной сферы и т.д.), что фактически подводило страну к социальному взрыву. В этих условиях очень важно было выяснить, что происходило в сознании формировавшихся субъектов социальной политики, как менялось их восприятие социальной ситуации, в каком направлении трансформировались их мнения и оценки за год, наполненный тревогами и большим внутренним напряжением.

Казалось бы, динамичные изменения в политической сфере должны были повлечь за собой и серьезную переоценку социальных проблем респондентами. Однако проведенный анализ материалов интервью этих изменений практически не обнаружил. В этом смысле определенная стабильность и повторяемость ответов на обоих этапах исследования (1996 и 1997 гг.), по-видимому, дает основание предполагать, что базовые процессы в сфере социальной политики и занятости протекают вяло, инертны и не связаны прямо с текущими событиями в политической сфере, пусть даже очень впечатляющими.

Этот вывод подтверждается и большой степенью однородности ответов на вопросы вне зависимости от групп акторов. Практически все они единодушны в ответах на центральные вопросы интервью, касающиеся общих оценок социальной политики и политики занятости; все признают, что социальная политика пассивна, что не выработано комплексной системы мер, превращающих социальную политику, в том числе и политику занятости, в продуманную и планомерно реализуемую программу действий. Подавляющее большинство экспертов отказывают государству в возможности конструктивно влиять на социальную политику и политику занятости. Причем это в равной мере относится и к исполнительной, и к законодательной власти. Вместе с тем такое распределение ответов дает основание предположить, что скептическое отношение к роли государства во многом обусловлено не только и не столько реальной слабостью современного государст-

ва как такового, но и отмеченными выше особенностями менталитета респондентов.

Говоря о современной российской государственности, опрошенные, в силу своего предыдущего социального опыта, невольно проводят сопоставление с государством советского периода. Ответы же на некоторые конкретные вопросы свидетельствуют о том, что в социальной сфере роль постсоветского государства не столь уж мала. Большинство наших собеседников считают, что долю государственных расходов на социальную сферу увеличивать не следует. Однако в перспективе ведущую роль в решении проблем социальной политики и занятости при всей критике они все-таки оставляют за государством; этому сопутствует и достаточно высокая оценка действий региональных властей, также представляющих государство в решении социальных проблем. В своих ответах многие респонденты проявили склонность к восстановлению старых, советских, механизмов социальной защиты населения. Большинство их склоняются к предоставлению бесплатных социальных услуг, к сохранению всеобщей занятости. Показательно, что акторы социальной политики демонстрируют неосведомленность о новых методах решения социальных проблем. Так, по отношению к ситуациям найма и освобождения работников они слабо представляли правовые и организационные возможности государственных служб занятости, а о деятельности частных фирм по найму многие респонденты просто не знали.

В целом характер ответов дает основания для очень важного вывода, касающегося причин неэффективности проведения социальной политики. Дело в том, что все группы экспертов, принявших участие в опросе, представляют собой как бы основные звенья того механизма, при помощи которого как раз и осуществляется социальная политика. Ответы показывают, что та пассивность мышления, которая проявилась как некоторая особенность менталитета всех групп опрошенных, имеет свое продолжение и в их реальной социальной активности. Да, они осведомлены о состоянии дел. Однако в ходе интервью они крайне редко сообщают что-то новое, неожиданное. Что же касается тех вопросов, которые связаны с активностью в решении этих проблем, и прежде всего активностью самих акторов, то здесь ответы показывают явную неэффективность представителей всех групп опрошенных как субъектов социальной политики. Особенно характерны в этом отношении «перекрестные» вопросы о роли той или иной группы акторов в

решении проблем занятости. Практически все группы опрошенных дали негативную оценку друг другу.

Таким образом, итоги нашего исследования показывают, что одной из фундаментальных причин неэффективности социальной политики является неспособность ведущих групп акторов успешно решать *новые* проблемы, которые возникают перед ними в связи с динамично меняющейся политической и социально-экономической обстановкой, что мы имеем дело с неофитами социальной политики, которым лишь предстоит стать ее реальными субъектами, что их весьма условно можно именовать акторами и экспертами в этой области. Других, к сожалению, нам не дано. И это, конечно, лишь в малой мере проблема исследования, с которой столкнулись его авторы и которая во многом предопределила его результаты. Главное — это проблема развития страны, социальная политика которой находится в критическом положении потому, что не сформировался корпус ее профессиональных творцов и реализаторов. Каков же облик тех, кто ныне «правит бал»?

Типологические особенности акторов социальной политики (региональная специфика)

Полученные нами результаты в определенном смысле подтвердили предположение о том, что мнения разных групп акторов связаны как с их профессиональной принадлежностью, так и с особенностями города, в котором эксперты проживают и работают. Мы заметили, что московские эксперты в целом более компетентны и независимы в суждениях. Предполагаем, что это во многом определяется спецификой столичного города, близостью к центральным органам власти, где принимаются важнейшие решения по социальным вопросам, большей информированностью, а также большей вовлеченностью в решение сложных социальных проблем.

Все нововведения, в том числе и в социальной сфере, в первую очередь «обкатываются» в столице. «Жесткость» рыночных отношений также более всего проявляется в Москве. Естественно, эти обстоятельства повлияли на ответы опрошенных. В большинстве своем московские эксперты склонны отказаться от универса-

листских принципов социальной политики, меньше надеются на помощь государства, а возможности решения социальных проблем видят в деятельности альтернативных субъектов социальной политики и самого человека.

Ответы экспертов из Санкт-Петербурга в целом «мягче», чем мнения экспертов Москвы. Это может быть обусловлено тем, что многие проблемы социальной политики и занятости в Санкт-Петербурге решаются довольно успешно. Возможно, особенности «кризисного социума» ощущаются здесь не столь остро, поскольку все еще удается сохранять солидный промышленный потенциал. Важно отметить, что в отличие от экспертов Москвы, в основном представленных крупными государственными чиновниками, директорами мощных промышленных объединений, руководителями ФНПР, МНФП, Соцпрофа, политиками, петербуржцы — это скорее средний класс нового российского общества. Поэтому и восприятие акторов Санкт-Петербурга ближе восприятию формирующегося среднего класса. поэтому их в большей мере волнуют конкретные (производственные) проблемы, частные социально-бытовые вопросы. В то же время они проявили и наибольшую осведомленность (по сравнению с респондентами из Москвы и Воронежа), активно высказываясь о целях и задачах социальной политики, роли государства в ее формировании, приложимости западных моделей к российской действительности. Около 50% опрошенных петербуржцев отметили необходимость ориентации на социал-демократический путь развития.

При этом респонденты из Санкт-Петербурга (в большей мере, чем москвичи) связывают надежды в решении социальных проблем с деятельностью региональных властей; здесь сильнее ощущаются симпатии к социальной политике универсалистского типа, сложившейся в советский период, что явно связано и с некоторым провинциализмом менталитета петербургских акторов, и с объективными особенностями экономики города, и с особенностями их социального статуса (а соответственно и с особенностями социальных отношений, темпы развития которых отстают от московских). Мнения петербуржцев скорее всего отражают картину, типичную для крупных российских городов, а также восприятие типичных представителей российского среднего класса.

Ответы воронежских респондентов в определенном смысле противоположны ответам москвичей. Это обусловлено рядом объективных обстоятельств. Воронеж — российская глубинка, рыночные преобразования, нововведения приходят туда с известным

«опозданием». Экономика города, претерпев серьезные разрушения, осталась по существу советской. Естественно, что это коснулось и социальной сферы. Отсюда больший пессимизм воронежцев в оценках социальной политики и политики занятости.

В Воронеже ни один респондент не смог сформулировать желаемый тип политики. Принадлежность к регионам, отстающим по темпам развития, накладывает свой отпечаток и на характер проводимой в городе социальной политики, и на восприятие этих мер экспертами опроса. Социальную политику в городе можно оценить как своего рода попытку возвращения к уравнительности в социальной сфере. Часть экспертов Воронежа возлагают надежды на возвращение к существовавшей ранее системе. Ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге мы не сталкивались с такой постановкой вопроса. Ни один из московских экспертов при общем проблемном восприятии современной кризисной ситуации в стране не высказался о возможности реставрации социалистической системы.

Отметим еще одну важную особенность суждений воронежцев. Их мнения малоконструктивны, они поддерживают социальную политику универсалистского типа и при этом не видят силы, способной возродить социально-экономические преимущества советского периода. Причину этого можно объяснить следующим. Слабая экономика относительно небольшого (по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом) города, не способная справиться с наплывом социальных проблем, отсутствие помощи центра, ограниченная информированность акторов (особенности информационного пространства российской провинции) приводят к тому, что их мышление не вполне адекватно реальным социально-экономическим процессам, проходящим в стране, оно все еще ориентировано «назад», в советскую эпоху, что сказывается в явной неспособности принимать решения по реальным проблемам и в большей социальной пассивности, нежели у москвичей и петербуржцев.

Особенности основных категорий респондентов

Прежде чем говорить об особенностях каждой группы акторов социальной политики, выявленных в результате анализа их ответов на вопросы интервью, мы бы хотели отметить следующее. В ис-

следовании участвовали 5 групп респондентов. Однако в ходе анализа текстов интервью мы обратили внимание на группу работодателей (директоров и предпринимателей), которая как бы противостояла всем остальным участникам опроса.

В бывшем СССР директора промышленных предприятий на протяжении десятилетий были вовлечены в решение социально-экономических задач. Сегодня директора обладают совсем другими, не такими, как прежде, правами и самостоятельностью. Нас интересовал вопрос о вовлеченности представителей директорского корпуса в решение социальных проблем в связи с переменами на предприятиях и на российском рынке труда. Как оценивают директора ситуацию с безработицей в своих городах? Каковы возможности в решении проблем занятости у представителей нового директората? Что представляет собой современный директорский корпус, способны ли директора осмысливать процессы, происходящие на предприятиях, и связывают ли происходящее с проблемами занятости? Как оценивает современный директор состояние социальной сферы, связывает ли перспективы развития предприятия с решением социальных проблем? Насколько включены директора в систему социального партнерства?

Были опрошены директора и высшие представители администрации крупных государственных и приватизированных предприятий (авиационных, машиностроительных, судоремонтных заводов и фабрик), а также ряда частных фирм (строительных, обслуживающих автотранспорт, оказывающих услуги населению).

Близкие к нулю надежды на помощь государства реально активизировали деятельность директоров как реальных работодателей, влияющих на состояние дел в сфере найма и увольнения кадров, поддержания достаточного квалификационного потенциала сотрудников. Видимо, пора уже отказываться от распространенного в экономической публицистике негативного представления о российском директорате. Сегодня уже сформирован корпус «новых директоров», которые ясно представляют себе правила игры в рыночной экономике, свою роль работодателей и проводят достаточно жесткую политику увязывания объема и структуры трудовых ресурсов с общеэкономическим состоянием предприятия, конъюнктурой рынка и ее динамикой (на большинстве обследованных нами предприятий и организаций шли организационно-структурная перестройка и сокращение штатов).

Потеря российской промышленностью квалифицированных кадров оценивается этой подгруппой директората как трагедия, однако в настоящее время они не видят реальных возможностей для решения социальных проблем (в частности, сохранения квалификационного потенциала, социальной сферы предприятия и т.д.). Их волнуют проблемы налаживания, развития производства, наращивания прибыли. И прежде всего говорить они хотят именно о состоянии и перспективах своего предприятия. Это создает впечатление некоторой отстраненности от решения социальных проблем. Однако именно с перспективами развития производства современный директор может связывать решение проблем занятости и трудоустройства работников.

Продолжая характеристику данной группы акторов социальной политики, следует отметить, что директорат отличается более «жесткими» оценками всего происходящего в экономике и социальной сфере России. И это тогда, когда распределение ответов в других группах опрошенных по многим вопросам совпадает. Представителям этих групп респондентов (в большей мере, чем директорам) все еще трудно преодолеть влияние того менталитета, который сформировался в советское время. В этом смысле «жесткость» ответов директоров обусловлена их вовлеченностью в «жесткие» рыночные преобразования, поэтому они в отличие от чиновников, живущих относительно спокойно, и даже профсоюзных лидеров (при всей декларируемой активности наши респонденты — это верхушка профсоюзной бюрократии) не склонны давать половинчатые, приблизительные (неопределенные) ответы, не опасаются «гнева» вышестоящих начальников и мнения электората.

Итак, содержание ответов директоров выделяет эту группу на общем фоне интервью. Директора в целом продемонстрировали определенную, поддающуюся фиксации эволюцию системы убеждений, что, несомненно, явилось результатом более тесной вовлеченности во вновь складывающуюся систему экономических отношений. Можно сказать, что директора в чем-то «безжалостнее» представителей других экспертных групп. В большинстве своем они склонны смотреть на работников как на материал, необходимый для успешной работы их предприятия. В отличие от директоров советского времени, которым забота о трудящихся вменялась в обязанности и которые реально выполняли социальные функции «отцов предприятий», директора постсоветского времени стремятся отбросить от себя все ненужное, мешающее им выполнять свои

прямые обязанности. Не случайно эта группа отличается и наибольшим скепсисом в отношении вопросов о возможностях государства эффективно решать проблемы социальной политики и занятости.

Директорский корпус настроен очень прагматично. Критика со стороны директоров направлена в первую очередь на устранение препятствий, мешающих их самостоятельной деятельности. Ответы директоров — это ответы людей, надеющихся только на себя в разрешении любых проблем, с которыми их сталкивает жизнь. Такую же позицию они занимают и в отношении других. Политически они достаточно индифферентны, но в силу большой включенности в систему рыночных отношений в ряде вопросов демонстрируют прорыночные настроения.

Подводя общие итоги, можно отметить следующее: анализ ответов показал, что чиновники в большей мере, чем другие опрошенные, склонны достаточно высоко оценивать возможности властей как на федеральном, так и на региональном уровне. Они осторожно высказывают негативные оценки, в особенности в вопросах, касающихся властных структур и их собственной работы. При обсуждении тем, связанных с возможностями решения социальных проблем, чиновники проявляют сдержанный оптимизм. Сложно оценить, на какую модель социальной политики (либеральную или дирижистскую) ориентированы эти люди, очевидна их политическая аморфность. Для большинства чиновников (как и директоров) кризис в социальной сфере — это следствие кризиса экономики, производная от общей экономической ситуации. Проблемы, связанные с сохранением и развитием квалификационного потенциала России, со здоровьем населения, представители этой группы не считают самыми острыми и болезненными в настоящий момент.

Опрос группы чиновников готовили особенно тщательно, поскольку предполагалось, что именно эта группа во многом является правопреемницей властной элиты бывшего СССР, знакома с механизмами и возможностями решения социальных проблем. При подготовке опроса мы стремились сформировать группу таким образом, чтобы она включала чиновников разных эшелонов власти. В результате мы смогли выделить группы чиновников высшего и среднего эшелонов власти. Наибольшей представительности удалось достичь в Москве: среди московских респондентов — чиновники Министерства экономики и Министерства труда и социального развития Российской Федерации (в ранге заместителей

министров, начальников и заместителей начальников департаментов, начальников профильных отделов), руководители и заместители руководителей комитетов труда и занятости и социальной защиты правительства Москвы, руководители комитетов Московской думы, руководители московских окружных префектур (местных органов власти), руководители окружных управлений и отделений городской службы занятости и т.д. При этом принималось во внимание, что и социальное, и профессиональное положение представителей данной группы можно считать наиболее стабильным.

Результат лишь в небольшой степени оправдал наши ожидания. Выяснилось, что представители этой группы «страдают» теми же «недостатками», что и другие респонденты. То же отсутствие концептуального подхода, стремление перевести разговор в плоскость конкретных ситуаций, слабая информированность в вопросах, находящихся вне узкопрофессиональных интересов респондента. Опрос чиновников подтвердил сложившееся в ходе исследования мнение о формирующихся в России новых субъектах социальной политики. Представители высших государственных учреждений и чиновники среднего эшелона (в исследовании они были представлены работниками служб занятости, органов местной власти и т.д.) в современной России далеки от реального состояния дел в социальной сфере, недостаточно информированы.

Респонденты довольно охотно рассказывали о своей профессиональной деятельности, и общее впечатление от бесед вполне в их пользу. Нам были представлены программы, отчеты, перспективные планы работы соответствующих организаций: комитетов труда и занятости, комитетов социальной защиты, департаментов министерств, окружных префектур. После большинства интервью оставалось ощущение того, что респондент — человек не безразличный, заинтересованный в своей работе, однако в большинстве случаев это можно отнести именно к сфере деятельности самого актора.

Вопросы целостного понимания комплекса социальных проблем, способности и желания проанализировать общую ситуацию в стране и городе, оценить проводимую политику в целом практически оставались вне обсуждения. Это же можно сказать и о практической вовлеченности респондента в решение социальных проблем. На вопрос «В решении каких социальных вопросов Вы принимали непосредственное участие?» практически никто из чиновников не дал конкретного ответа. Что касается проблем, напрямую не связанных с профессиональной сферой конкретного

эксперта-чиновника, то при опросе ситуация осложнялась фактическим отсутствием серьезной работы по сбору и распространению соответствующей информации в рамках конкретного министерства, что делало основой суждений респондентов их профессиональную эрудицию, личную заинтересованность и общие соображения. Следует отметить, что именно в группе чиновников в большей мере проявились зависимость от оставшейся с советских времен традиции «страха перед вышестоящими», тенденция уклониться от беседы на тему о социальных связях. Видимо, как и во времена бывшего СССР, чиновничество — это одна из наиболее конъюнктурных социальных групп, строящая свою карьеру на «теневых» социальных отношениях и пр.

Вне обозначенных тем практически все респонденты открыто излагали свои взгляды. Профсоюзные лидеры, принимавшие участие в опросе, продемонстрировали весьма критическое отношение к ситуации в социальной сфере и проводимой социальной политике. Прежде всего это касалось вопросов, требовавших оценки деятельности властных структур и директората (особенно в отношении политики занятости). Ответы представителей данной группы показывают их очевидный настрой на то, чтобы представить себя защитниками интересов трудящихся, а также явную ориентацию на сохранение универсалистской системы социальной защиты.

В ответах политиков проявились их политические пристрастия. Политики, как правило, весьма критично настроены по отношению к власти, в первую очередь центральной. Однако можно предположить, что эта критичность порождается конъюнктурными интересами. Политики не всегда компетентны в конкретных вопросах социальной политики, нередко оторваны от реальных социальных проблем. Складывается впечатление, что среди них в целом отсутствует серьезный настрой на решение социальных проблем и проблем занятости. Похоже, что их заявления в защиту интересов трудящихся, повышения уровня жизни, обеспечения работой носят популистский характер. В этом плане сложно определить их склонность к той или иной модели социальных отношений.

Подчеркнем некоторые другие особенности, проявившиеся в ответах респондентов. Так, на ответы чиновников среднего эшелона совершенно очевидное воздействие оказывают вертикальные связи, представители этой группы явно ориентируются на мнения

верхов и переоценивают свои возможности оказывать влияние на реальную ситуацию. Что касается группы директоров, то здесь превалируют горизонтальные взаимоотношения.

Вертикальные связи очень заметны и в группе профсоюзных лидеров, здесь очевидна зависимость оценок ситуации профсоюзными лидерами от своих «кормильцев» — широкой массы трудящихся. Применительно к политикам и чиновникам высшего эшелона распределение ответов не позволяет определить, какие связи и взаимоотношения (вертикальные или горизонтальные) оказывают преобладающее влияние на их оценки и мнения. Следует принять во внимание и малую представительность этих двух категорий в нашем опросе.

Все вышесказанное приводит к достаточно неожиданному выводу о том, что в решении социальных проблем и проблем занятости центральным звеном, которое позволит осуществить серьезное продвижение в этом направлении, являются не вопросы финансирования, не изменение аппарата управления, не принятие законодательных актов и не создание новых организаций, а именно комплекс мер по ускорению процесса формирования корпуса субъектов социальной политики, вовлечения дееспособной части ныне действующих основных ее «исполнителей» в новые правила игры, рождаемые переменами в системе политических, экономических и социальных отношений.

Социальная политика в контексте формирования социальных сетей

Действительно, в России складывается ситуация, предполагающая формальные основания для появления в социальной сфере новых субъектов, новых акторов на «поле социальной политики» — возможных партнеров или конкурентов бывшего монопольного субъекта — государства. Во многом это определяется тем, что в игру вступают законы рыночной экономики, а также и тем, что в России появляется новый социальный слой «открытых» собственников, которые способны противопоставить свои действия государственной политике в социальной сфере.

Как показали результаты проведенного нами исследования, многосубъектность социальной политики — видимо, дело буду-

щего. И это, в свою очередь, также определяет характер и особенности реальной ситуации в области решения социальных проблем.

Обратившись к опросу нескольких групп представителей российской политической, властной, промышленной элиты, мы предполагали найти в них потенциальных или уже действующих субъектов новой социальной политики. Результаты не подтвердили наших ожиданий. Еще по итогам интервью 1996 г. складывалось впечатление, что респонденты очень далеки от реальных социальных проблем, если только это не проблемы, которыми они непосредственно занимаются. Что можно думать о «задействованности» в решении социальных проблем современных представителей местной власти — префектов московских округов, если все принявшие участие в опросе дружно заявляют, что социальные проблемы, в частности проблема безработицы, «занимает очень далекое место в списке острых, требующих срочного решения проблем». Как представляется, возможны следующие объяснения данной ситуации: либо участники опроса были недостаточно откровенны (по каким-либо причинам); либо они действительно еще далеки от реального участия в решении социальных проблем (социальная проблематика все еще продолжает восприниматься как нечто второстепенное); либо представители данных профессиональных групп еще не сформировались как субъекты социальной политики, не воспринимают это «поле» как собственное и поэтому еще очень слабо ориентируются во всем спектре социальных проблем.

Причем достаточно вероятны все три варианта. Действительно, даже при самом благоприятном течении интервью некоторые вопросы вызывали определенную напряженность, которая, например, неизбежно возникала, если были затронуты темы социальных связей, производственных контактов, внешней поддержки, отношений с властными структурами. Наш интерес заключался прежде всего в выяснении возможных путей решения социальных проблем. Нам было важно, может ли данный актор социальной политики — руководитель предприятия, предприниматель, профсоюзный лидер — решать социальные проблемы в контакте с другими социальными партнерами, иначе говоря, существуют ли в современной России реальные социальные сети.

Отвечая на эти вопросы, респонденты проявляли повышенную осторожность. Мы восприняли этот факт как проявление

особенностей, специфичности той социокультурной среды, которая сформировалась в последние годы в элитных группах постсоветского общества (по крайней мере, в крупных российских городах), которая, в свою очередь, обусловлена квазирыночными (зачастую патерналистски мафиозными, как определяют их в научной литературе) экономическими процессами, характерными для России 1990-х гг. [*Дондурей; Невлер*].

При всем стремлении современной постсоциалистической системы продемонстрировать свое отличие от предыдущей системы многое свидетельствует о том, что существенные элементы как экономических отношений, характерных для «социалистической», дореформенной экономики, так и межличностных, поведенческих отношений остаются неизменными. Вопреки всем экономическим нововведениям люди продолжают существовать, руководствуясь привычными с дореформенных времен, сложившимися стереотипами социальных представлений. В стране процветает «идеология безнадежности», которая «запрещает обсуждать модели модернизации общественно-экономической системы, ее тупики, достижения, проблемы... никто не занимается целенаправленной психологической адаптацией населения к подлинно рыночной идеологии... не выращивает в массовом сознании ценностей, способствующих тому, чтобы люди не боялись рынка... никто не информирует нас, как трудно, но хорошо жить за частником... никто не занимается реабилитацией имущественного неравенства и пропагандой равных возможностей, институты пропаганды не занимаются дискредитацией бездарной государственной собственности, доказательством того, что она беспомощна и бесперспективна...» [*Дондурей*, с. 11—14].

В этом ключе поведение экспертов (представителей постсоветской экономической и управленческой элиты) во время опроса более чем показательно, оно вполне отражает двойственность формирующейся экономической системы, взаимозависимость столь свойственных ей латентных и открытых структур.

Участники опроса продемонстрировали особый тип «социальной солидарности», сложившийся в последние годы в рамках формирующихся экономических отношений. В статье «Тезисы о плутовской экономике» Л. Невлер называет этот тип солидарности «патерналистским» или «мафиозным», поскольку «в любом случае речь идет о системе, где все знают, что и как происходит, покрывая друг друга круговой порукой, потому что нет никого, кому не

предписывалось бы быть буфером между открытой и латентной частями экономической структуры... Мы слишком долго жили в убеждении, что люди молчат, потому что боятся КГБ. События последних 10 лет показывают, что система круговой поруки консолидирует общество сильнее, чем идеология. Формулу вестернизации в социальном разрезе можно нарисовать так: угроза политического доноса исчезает, экономического нарастает» [*Невлер*, с. 24—26].

Проблема социальных связей и их влияния на решение социальных вопросов непосредственно вплетается в общий контекст проведенного нами исследования. Еще при подготовке опросного листа мы включили в него ряд вопросов, касающихся социальных связей, профессиональных контактов респондентов, влияния этих факторов на решение проблем социальной сферы.

Однако уже на первом этапе исследования (в 1996 г.) мы столкнулись с тем, что эксперты как бы «замыкались» при ответах на эти вопросы. А ведь интервьюер интересовался лишь тем, кто в большей мере помогает в работе: друзья, коллеги по министерству, коллеги по профессиональной ассоциации, местные власти, профсоюзы, трехсторонняя комиссия; насколько сложились связи в профессиональной среде респондента, насколько они эффективны, определяют ли успешность предпринимаемых действий и т.д. В большинстве случаев эти вопросы оставались без ответа. Наиболее распространенное суждение: «Старых связей практически не осталось; хорошо, если связи возникают, но практически все приходится делать самим».

На втором этапе исследования (в 1997 г.), почти разуверившись в возможности получить информацию о существовании социальных сетей и их влиянии на решение социальных проблем, мы внесли некоторые изменения в опросный лист, включив в него ряд новых вопросов. В частности, мы попытались выяснить, что в современной России заменило столь эффективно и долговременно действовавшую во всех областях советского государства сеть партийного контроля и руководства: «Если рассмотреть партийный аппарат советского времени как профессионально занятый тем, чтобы утрясать проблемы, расширять узкие места, регулировать и улаживать нестыковки плановой системы, то видно, что его функция и заключалась в содержании неформальных связей, которые «смазывали» всю систему государственного планирования и распределения» [*Леденева*, с. 101].

Во время интервью эксперты охотно откликались на эту тему. При этом демонстрировавшееся (возможно, как дань времени) критическое отношение к прежнему партийному руководству не мешало признавать его положительную объединяющую роль, однако дальше этого разговор по-прежнему не шел, опрашиваемые предпочитали «откровенничать» в определенных пределах.

Напрашивался вывод об отсутствии сформировавшихся социальных сетей, комплексов социальных связей в современной России, об их разрушении в переходный период. Однако если обратиться к социально-демографическим данным участников опроса, то можно обнаружить, что большинство респондентов — люди среднего и пожилого возраста (например, в 1997 г. респонденты 40—50 лет составили 32 человека, 50—60 лет — 25 и старше 60 — 4 человека, что в целом по 1997 г. составляет 81,3%); подавляющее большинство в среднем около 10 лет занимает высшие управленческие должности (директора предприятий, работники министерств, руководители высших профсоюзных организаций, представители структур местного управления и т.д.). В подобной ситуации формирование системы социальных связей — явление неизбежное. Конечно, следует принять во внимание тот факт, что кардинальные перемены во всех сферах жизни российского общества не могли не затронуть системы социальных взаимоотношений: «Процессы политической и экономической либерализации, начавшиеся в 1985 г., привели к радикальным изменениям в России: были разрушены не только партийная и государственная институциональная система и органы регионального управления, оказались под ударом и повседневные практики, включая взаимодействия в первичных группах, дружеское общение и личные связи. Политические и экономические реформы 1990-х и так называемая шоковая терапия, увенчавшаяся децентрализацией планирования, устранением государственного ценообразования и приватизацией общественной собственности, приведут и к еще более глубоким социальным изменениям» [*Леденева*, с. 95].

Многие связи были нарушены, во многом изменился и характер взаимоотношений. Реформы 1990-х гг., направленные на введение рыночной экономики и приватизацию государственной собственности, привели, в свою очередь, к серьезной переоценке существовавших связей. Столь распространенное в бывшем СССР «сотрудничество по знакомству» во многом утратило свое привычное содержание: «Сейчас сам факт знакомства не играет такой

(как в советские времена. — *Т.С.*) роли — даже если знакомство имеется, известно наверняка, сколько именно стоит та или иная услуга и сколько недостает в кармане оказывающего услугу... Тем не менее "старая гвардия" номенклатурных кадров — партийный аппарат, директора предприятий и руководители региональных, городских и районных администраций — сохранила свои позиции. Прежние связи и круговая порука прежних времен переросли в так называемые корпоративные интересы. Не секрет, что многие банки, предприятия, консультативные фирмы основаны "старой гвардией". Ей доступны необходимая информация о рынке, предложения зарубежных партнеров об инвестиционных проектах, региональная статистика, не говоря уже о моральной и материальной поддержке» [*Леденева*, с. 99].

Возвращаясь к вопросам нашего исследования, нужно также учесть, что при подборе экспертов была использована методика «снежного кома»: мы обращались к самим же экспертам за помощью в подборе следующих участников опроса (естественно, мы опирались не только на эту информацию). В результате ядро группы экспертов (например в Москве) составили хорошо знакомые или хотя бы слышавшие друг о друге люди. В этом смысле группа московских респондентов (с определенным допущением) может быть рассмотрена как пример некоей социальной сети, в которую включены объединенные профессиональными и личными контактами директора авиационных, машиностроительных, текстильных предприятий, депутаты Московской думы (в частности, один из респондентов группы политиков в недавнем прошлом принадлежал к руководству крупного объединения авиационной промышленности Москвы), чиновники Комитета труда и занятости правительства Москвы, руководители префектур московских округов и т.д.

Проблема выяснения этих связей, их влияния на формирование социальной политики и решение социальных вопросов таким «расследованием» не снимается, «выйти» на каждого очередного респондента — актора социальной политики было совсем непросто, даже на уровне получения информации. При этом далеко не очевидны характер и возможное влияние существующих и вновь создающихся социальных сетей на проводимую социальную политику. Неясно, следует ли переносить на российскую действительность то, что известно о социальных сетях на Западе, пытаться экстраполировать тенденции в их формировании в среде западных акторов для понимания социальных процессов в России. Здесь, как нам представляется, следует учитывать специфику российской куль-

турной, национальной традиции, особенности российского менталитета.

Следует признать, что российская политическая элита, бизнес-элита — это особый социальный феномен. По-видимому, по ментальности представителей российской элиты можно скорее отнести не к европейцам, а к «азиатам с европейскими лицами». Пока это всего лишь образ, однако он несет следующую идею: за внешним соответствием европейским канонам в России у россиян отсутствует основная структура европейской рационалистической ментальности, нет соответствия европейским поведенческим и мотивационным традициям, устоям, культуре и т.д. Так, если в Западной Европе и позже в Америке сложились традиции социальных взаимосвязей, профессиональных ассоциаций, политических сетей и т.д., где решающую роль во многом играют семейные взаимосвязи, отношения, формирующиеся еще в элитных учебных заведениях и др., то в России эти традиции либо только начинают формироваться, либо вообще отсутствуют.

Что же потребовалось Америке, чтобы создать ситуацию, в которой успешно сложились целые комплексы социальных взаимосвязей, создавшие необходимые условиях для успешного проведения демократической социальной политики? Почему Америка смогла повторить европейский опыт, почему там, а не в России (Европейской России) реально «работают» демократические социальные сети? Что мешает формированию аналогичных социальных образований в России?

Необходимо учитывать, что в Америке вполне сложилось постиндустриальное, информационное общество — особый тип капиталистической экономики, особый тип социальных отношений и социальной политики (высокий уровень жизни, высокий уровень социальной защиты, социальная политика по типу политики Welfare State); Америка — это страна западного христианства, западного индивидуализма, где свобода каждого — это не свобода для всех.

В России мы имеем дело с совершенно другой моделью развития экономики. У нас реализована модель страны «военно-технического переворота» (в терминологии Н. Лапина), что во многом объясняет ситуацию. Как уже было отмечено, в бывшем СССР социальные связи носили характер так называемого блата, при этом в основе сложившихся социальных сетей была принадлежность к партийно-номенклатурной системе. Следует также учитывать и тот факт, что в России многие годы практически отсутствовала реальная «свобода совести и вероисповеданий», более того, за несколько

десятилетий была уничтожена традиционная для России приверженность православной религии. Сегодня ситуация меняется, однако нельзя прогнозировать, какой период времени потребуется российскому обществу, чтобы перейти от «конъюнктурно-теневых» взаимодействий к истинно демократической системе социальных связей и отношений.

Образно и четко характеризует ситуацию с правящей элитой Ю. Буртин. Он отмечает, что в России сегодня складывается ситуация, при которой правящая элита, как это ни парадоксально, словно бы «защищает» население от социальной защиты, от какой-либо официальной поддержки со стороны государства: «Феномен смены общественного строя бессменно правящим слоем, реализовавшийся в нашей стране на протяжении последнего десятилетия, давно нуждается в осмыслении, политической и нравственной оценке. Если слой коммунистических партаппаратчиков, отбросив идею коммунизма, остался господствующим сословием в идеологически противоположном, псевдокапиталистическом мире, то давайте называть вещи своими именами: это значит, что страна живет под властью оборотней, перевертышей, людей, законченно бессовестных и беспринципных. Такая власть, даже если она воспроизводится с использованием демократических процедур, заведомо неавторитетна и... Еще в большей степени это относится к собственности нынешних хозяев жизни» [*Буртин*, с. 171].

Поэтому, если и говорить о наличии социальных сетей в России (советской или постсоветской), то следует по возможности строго разграничить специфику социальных сетей и связей в странах Запада и в России — особом евро-азиатском государстве.

Литература

Буртин Ю. Выход из кризиса: инвентаризация и люди // Октябрь. 1997. № 8.

Дондурей Д. Кому выгодна безнадега? // Знание — сила. 1997. Сентябрь.

Леденева А. Личные связи и неформальные сообщества // Мир России. 1997. № 4.

Невлер Л. Тезисы о плутовской экономике // Знание — сила. 1997. Сентябрь.

Турен А. Введение к методу социологической интервенции // Новые социальные движения в России: По материалам российско-французского исследования / Под общ. ред. Л. Гордона, Э. Клопова. М.: Прогресс-Комплекс, 1993.

Глава 7

Дискуссии в России по проблемам социальной политики и занятости

Подходы к формированию государственной социальной политики

На протяжении десятилетий советской власти государство в России играло роль монопольного субъекта социальной политики, что не могло не отразиться на ее характере и результатах. Государство выполняло функции не только субъекта социальной политики, но и ее гаранта, отвечая за реализацию многих необходимых направлений жизнедеятельности как общества, так и отдельного человека.

В советские времена различные аспекты социальной политики развивались непропорционально, что стало очевидным как под влиянием рыночных факторов, так и в связи со ставшим известным зарубежным опытом. Например, такой аспект социальной политики, как политика занятости, был сконцентрирован в основном на праве на работу; на неоправданно низком уровне финансировалось здравоохранение. В то же время в отличие даже от других стран социализ-

ма (кроме ГДР) до 1960-х гг. Советское государство почти полностью взяло на себя обеспечение населения жильем (доля индивидуального жилищного строительства составляла: в 1940 г. — 60,8%; в 1960 г. — 49,1%; в 1980 г. — 20,0%; в 1990 г. — 33,7%).

В 1990-е гг. все отчетливее стала проявляться явная потребность в переосмыслении сущности социальной политики, потребность в институте акторов социальной политики в условиях плюрализма форм собственности, а также в исследованиях и аналитических разработках, которые позволили бы лучше понять ситуацию в социальной сфере, поведение как объектов, так и субъектов проводимой социальной политики, а следовательно, и их реакцию на предпринимаемые в этой области действия.

В этой главе мы попытались проанализировать реальную ситуацию в решении социальных проблем в России эпохи реформ; рассмотреть подходы к формированию политики государства в этой области; сопоставить оценки и мнения ведущих российских экономистов и социологов относительно социальных последствий экономического реформирования в России и возможных перспектив реформирования собственно социальной сферы. Мы опирались на материалы научных изданий, статистических сборников, периодическую печать, а также результаты опроса акторов социальной политики (представителей директората, политических партий, профсоюзов, городской администрации, руководителей городских служб занятости, социальной защиты населения и т.д.), проведенного в рамках исследования в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже в 1996—1997 гг.

Либеральные реформы и роль государства в их осуществлении

В преддверии радикальной экономической реформы и преобразований политической системы российского общества (1990 г.) перед российским правительством стояла проблема выбора парадигмы включения социальной политики в экономическую стратегию. Концепция реформ изначально исходила из необходимости повышения эффективности функционирования хозяйственной системы. При этом социальная сфера рассматривалась в качестве элемента общей экономической стратегии. Критерий эффективно-

сти новой системы лежал на стороне экономических факторов, а состояние и динамика социальной сферы относились к числу ограничений. Несмотря на многочисленные декларации о «социально ориентированной экономике», «социальном государстве» и пр., развитие социальной сферы даже не называлось в качестве явной цели реформ (во всяком случае, в кратко- и среднесрочной перспективе); фактически учитывался лишь один аспект — возможность острых социальных кризисов.

Такой подход при выборе стратегии социально-экономического развития во многом обосновывался, а зачастую и оправдывался наличием «определенного запаса прочности социальной системы».

Так, В. Космарский и Т. Малева в статье «Социальная политика в России в контексте макроэкономической реформы» анализируют мотивы, позволившие отложить решение социальных проблем в начале 1990-х гг.:

слабое имущественное и доходное расслоение общества и, следовательно, его относительная социальная однородность приводили к более или менее равномерному распределению тяжести реформ в обществе;

население располагало некоторыми финансовыми и материальными ресурсами, сформировавшимися в условиях дефицитной экономики и не растраченными к моменту начала реформ;

подобный же «запас» существовал и в отраслях социальной сферы, что в силу инерции позволяло им в течение какого-то времени относительно благополучно функционировать даже при отсутствии поступления новых ресурсов;

в обществе были широко распространены реформаторские ожидания и настроения, носившие идеалистический характер [*Космарский, Малева*, с. 4, 5].

При этом, поскольку в основу идеологии проводимых в России экономических реформ была положена либеральная модель перехода к рынку, собственно либеральный подход, в результате осуществления которого социальной сфере был нанесен значительный ущерб, в качестве компенсации предполагал снятие значительного числа ограничений на поведение экономических субъектов, в том числе населения, что в реальности означало — не ждать помощи от государства, а использовать свои возможности для получения дохода в складывающейся институциональной системе. Все это позволило из двух вариантов политики по отношению к населению (либо выделение дополнительных ресурсов,

либо введение новых «правил экономической игры») сделать выбор в пользу второго.

Вместе с тем предполагалось сочетать либеральный переход, постепенно освобождающий государство от роли распорядителя экономическими и социальными процессами, с использованием того задела, который был создан прежней системой. Однако, по существу, так и не было выработано общенациональной программы, в которой бы социальная политика трактовалась как достаточно самостоятельная и действительно социальная.

Практическая реализация экономической реформы и политических преобразований первых лет показала, что средствами социальной политики приходится решать множество самых разнообразных задач. В обстановке политической нестабильности и конфликтности, при растущих экономических трудностях и острых социальных издержках проводимых преобразований социальная политика едва справлялась с тем, чтобы удержать напряжение у критической черты, и, естественно, приобрела характер спешного, не всегда адекватного реагирования на самые острые проблемы.

В научной литературе доминирует мнение, что в российской социальной политике в переходный период преобладали пожарные меры в отношении отдельных слоев населения при консервации системы социальной защиты на уровне денежно-компенсационных механизмов. Социальная политика этого периода получила название политики неотложных мер [*Offe*]. Сходная оценка социальной политики первых лет реформы дается и в аналитических материалах ЭПИцентра Г. Явлинского (1996—1997 гг.): «Сегодня нельзя рассматривать социальную политику центра как нечто единое, имеющее свои институты, механизмы реализации, ресурсы, определенную логику и цели... Скорее это стихийная и противоречивая система самовыживания»[1].

Как показали результаты интервьюирования в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже, акторы социальной политики, принявшие участие в опросе, критически относились к проводившейся государством социальной политике. Большинство респондентов подчеркивали компенсаторный характер предпринимавшихся действий. Самый распространенный ответ: «Социальная политика в России не сформирована» (73,3% опрошенных в 1997 г.).

[1] Октябрь. 1993. № 3.

Особенности формирования социальной политики в России

Прямым следствием общенациональной концепции социальной политики и ее последовательного воплощения в государственном бюджете стал беспрецедентный рост государственных расходов на социальные нужды по отношению к ВВП в 1992—1994 гг. За эти три года суммарные социальные расходы консолидированного бюджета и внебюджетных фондов увеличились более чем на 5% ВВП. Если учесть, что совокупные государственные расходы в процентах к ВВП оставались в течение этих лет приблизительно на одном уровне, становится понятным, почему доля средств на социальные нужды в общем объеме государственных расходов в течение этих трех лет возросла более чем на 40%.

Значительный рост социальных расходов в процентах к ВВП происходил преимущественно за счет ресурсов внебюджетных фондов и территориальных бюджетов. Он затронул практически все основные категории социальных расходов, включая затраты на культуру, образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, социальное страхование, выплату социальных пособий, а также пособий по безработице.

При этом отсутствие четкой программы и политики в области решения социальных проблем проявлялось во всем: в системе социального страхования основным элементом неэффективного расходования средств стало дотирование предприятиям расходов на санаторно-курортное обслуживание работников; в системе пенсионного обеспечения — это поощрение практики досрочного выхода на пенсию работников ряда отраслей; в сфере социальных пособий главной проблемой оставалась безадресность выплат; в системе здравоохранения одним из очевидных примеров диспропорции в расходовании средств был неоправданный упор на госпитальные формы лечения в ущерб развитию первичной медицинской помощи; в сфере образования это прежде всего касалась высшего и среднего специального образования, где система бюджетного финансирования, по существу, закрепляла структуру предложения образовательных услуг, не отвечавшую структуре спроса на рабочую силу, складывавшуюся на рынке труда (в частности, в системе высшего образования явно были преувеличены масштабы подготовки кадров по инженерно-техническим и медицинским специальностям).

Таким образом, из-за отсутствия или недостаточного проведения реальных реформ по реорганизации социальной защиты населения Российское государство подошло к решающей попытке финансовой стабилизации в 1995 г. обремененным крайне дорогостоящими и нерациональными обязательствами социального характера.

В беседах с акторами социальной политики обсуждался вопрос финансирования социальной сферы в 1996—1997 гг. Увеличение расходов на социальную сферу признавали нецелесообразным многие эксперты.

Одной из особенностей социальной политики в складывавшейся системе социально-экономических отношений стало изменение взаимоотношений между федеральным центром и регионами по поводу распределения полномочий в сфере решения социальных проблем. В России до настоящего момента государство остается главным субъектом социальной политики, но возможности федерального бюджета крайне ограничены. В этих условиях государство принимает на себя функции перераспределения средств, постепенно переходя к политике перекладывания решения социальных проблем на плечи регионов, а также введения обязательных платежей во внебюджетные фонды.

С середины 1990-х гг. на местные власти фактически перекладывается ответственность за решение подавляющего большинства социальных проблем, хотя это и не подкреплено необходимым финансовым обеспечением. Нельзя считать нормальной ситуацию, когда из 89 субъектов Российской Федерации более 70 рассчитывают на поддержку федерального бюджета.

Проблему разграничения социальных прав и ответственности федерации и ее субъектов анализирует Е. Строев (в то время председатель Совета Федерации Федерального Собрания) в статье «Социальное развитие и российский федерализм»: «Новая социально-политическая ситуация поставила во главу угла вопрос о распределении обязанностей и полномочий между федеральными и региональными властями, а также между государством, с одной стороны, и неправительственными организациями и частными лицами — с другой» [*Строев*, с. 5]. При этом последствия рыночных преобразований в какой-то мере уже изменили модель взаимоотношений властей, которая в конечном счете определяется реструктуризацией отношений собственности. Последняя, в свою очередь, затронула три уровня: федеральную государственную собственность, государственную собственность субъектов Российской Федерации, собственность местного самоуправления (муни-

ципальную собственность). Теоретически каждая из них должна была стать основой обеспечения социальной защищенности населения на соответствующем уровне. «Что же произошло на деле? — задается вопросом автор статьи. — Местные и областные администрации были вынуждены в 1995—1996 гг. принять на себя дополнительные социальные функции. Федеральным центром была принята программа муниципализации объектов социальной сферы, которая предполагала выделение на эти цели региональных финансовых ресурсов, а в случае их недостатка — помощь из федеральных источников» [*Строев*, с. 6].

Вопрос о распределении полномочий в решении социальных проблем между центром и регионами был предложен участникам опроса на обоих этапах исследования (в 1996 и 1997 гг.). Отмечена следующая тенденция: в 1997 г. большинство респондентов (62,9% ответивших) высказались за расширение возможностей регионов, в 1996 г. в пользу полномочий регионов высказались только 43,6%. Подобное распределение ответов свидетельствует как о снижении доверия к центру, так и об осознании акторами социальной политики возможностей и перспектив альтернативных субъектов в решении социальных проблем.

И это в условиях, когда предусмотренных расходов и федеральных компенсаций для региональных и местных бюджетов было недостаточно, а частные структуры и неправительственные организации оказались не способны в столь короткий срок освоить такой огромный сектор для приложения капитала.

Что касается финансирования принятых Государственной Думой социальных программ, то большинство из них, как заявил занимавший в то время пост министра труда Г. Меликьян в интервью газете «Финансовые известия» 1 октября 1996 г., в ближайшее время реализовано быть не может. Коснувшись вопроса занятости, Г. Меликьян отметил, что усилия правительства, пытавшегося тормозить процесс высвобождения рабочей силы, препятствовали структурной перестройке и не позволяли повышать заработную плату [*Горячева*].

Характеристика ситуации в социальной сфере

В ситуации, когда первостепенное внимание уделяется попыткам экономических преобразований, когда решение социаль-

ных проблем откладывается на неопределенную перспективу, незамедлительно проявляются негативные последствия подобной социально-экономической политики.

Самая характерная особенность социальной ситуации второй половины 1990-х гг. — это обеднение населения страны, глубокий спад уровня жизни. Об этом говорят очень многие показатели. Рассмотрим, например, как проводившаяся экономическая политика отразилась на структуре потребления семей. Прежде всего, статистика демонстрирует рост удельного веса расходов на питание и соответственно уменьшение доли расходов на непродовольственные товары. При этом можно отметить сокращение потребления многих продуктов питания. Калорийность суточного рациона в расчете на душу населения упала с 2527 килокалорий в 1991 г. до 2200 килокалорий в 1996 г., причем доля продуктов животноводства в общей калорийности суточного рациона снизилась с 35 до 29,9% [*Социальные приоритеты*, с. 46, 47].

Особенно возросли цены на такие продукты питания, как рыба, молоко, хлеб и макаронные изделия, т.е. на четыре основные (в недалеком прошлом) позиции в рационе домохозяйств с низкими доходами, что повлекло за собой изменение структуры питания бедных слоев населения, снижение его качества. А это, в свою очередь, негативно сказалось на других компонентах развития человеческого потенциала, таких, как здоровье и способность к обучению. Доказано, что именно ухудшением качества питания в 1990—1994 гг. обусловлен 22%-й прирост заболеваний желудочно-кишечного тракта и 44%-й — эндокринной и иммунной систем, нарушений обмена веществ [*Российский статистический ежегодник*, с. 170].

Усилилась дифференциация структуры потребительских расходов по доходным группам населения. В 1996 г. в 10%-й группе домашних хозяйств с наименьшими доходами, согласно данным обследования Госкомстата России, 55% расходов было использовано на приобретение продуктов питания, а в 10%-й группе с наибольшими доходами — 29,1% (для сравнения: в 2001 г. — 61,4 и 34%) [*Социальные приоритеты*, с. 47].

Однако общий уровень личного потребления в России невысок. Дифференциация потребительского поведения людей с разным денежным доходом проявляется наиболее ярко на уровне питания. Это уже не общество голодных людей, но и еще не общество, в котором потребности высокого уровня (например, рекреационные)

удовлетворяются настолько полно, что существуют массовые обеспеченные слои общества, которые могут себе позволить не ограничивать текущие потребительские расходы [*Обзор*, с. 263].

Так, в 1990-е гг. наблюдалось резкое сокращение продажи многих предметов домашнего обихода. И если, например, в 1990 г. в Санкт-Петербурге было приобретено 234,2 тыс. телевизоров, 84,0 тыс. холодильников, 145,6 тыс. пылесосов, то в 1994 г. было приобретено 51,6 тыс., 22,3 тыс., 22,3 тыс. тех же товаров соответственно [*Муздыбаев*, с. 204]. При этом непрерывно сокращалась покупательная способность населения России. Так, за период с IV квартала 1997 г. до апреля 1998 г. покупательная способность по стране упала на 17%[2].

Значительно более дорогими стали основные коммунальные услуги. С 1990 по 1994 г. рост цен на них составил 6000%. Начиная с 1992 г. стоимость услуг увеличивалась куда более высокими темпами, чем потребительских товаров. Эта тенденция оставалась и в 1995 г., причем особенно подорожали услуги, предоставляемые местными властями: газ, горячая вода, центральное отопление, канализация и аренда жилья [*Социально-экономическое положение*, с. 165, 254].

Резко снизился физический объем платных услуг населению. В 1995 г. он составил 24% уровня 1990 г. Правда, в 1997 г. отмечен рост данного показателя на 3,7%. В структуре платных услуг уменьшилась доля бытовых услуг (до 18,3%) и возросла доля жилищно-коммунальных (до 20,3%), медицинских (до 3,0%), связи (до 8,4%) [*Социальные приоритеты*, с. 47]. Этот перечень можно продолжить, включив введение дополнительной абонентной платы с населения за прием телевизионных программ, платы за пересечение государственной границы, прекращение индексации денежных доходов и сбережений граждан России.

В результате индекс развития человеческого потенциала, основанный на индексах средней ожидаемой продолжительности жизни, образования и ВВП, упал в России с 0,848 в 1992 г. до 0,78 в 1996 г., что свидетельствует о выходе ее из ряда развитых стран [*Социальные приоритеты*, с. 47].

Ужесточение мер проводившейся социальной политики не могло не сказаться на состоянии традиционных областей социальной сферы. Очевидны негативные тенденции в системе обра-

[2] Известия. 1998. 15 апреля.

зования. Сегодня налицо явное разрушение образовательного потенциала России. Перепроизводство числа одних специалистов и недопроизводство других, невостребованность знаний, ухудшение профессионально-квалификационной структуры работников, моральное старение знаний, падение престижа образования — потери, которые несет общество в результате негативных процессов в прошлом и критической ситуации в экономике сегодня, «проектируемое резкое сокращение приема студентов на дневные отделения высших учебных заведений при увеличении на 25% числа студентов на одного преподавателя и, как итог, сокращение высшего образования на 45%» [*Смирнов*, 1996].

Одной из причин кризиса в области образования стал резкий спад объемов финансирования. Расходы на образование из федерального бюджета сократились с 5,85% в 1992 г. до 3,48% в 1997 г. Консолидированные расходы на образование в процентах к ВВП составили соответственно 3,56 и 3,97. Потребность сферы образования в ресурсах удовлетворяется не более чем наполовину.

В свою очередь, сокращение финансирования привело к прямому развалу и здравоохранения в России. Предполагалось, что перевод здравоохранения на страховую основу изменит направленность финансовых потоков. Однако произошло не столько дополнительное финансирование, сколько замещение бюджетных средств внебюджетными (30% всех расходов). За пять лет реальное финансирование сократилось на 21% и составляло, по разным оценкам, 2,3—3,2% ВВП, расходы на одного человека в год — около 50 долл. (в США — 3 тыс. долл., в Западной Европе — 15 тыс. долл.) [*Социальные приоритеты*, с. 27].

Об ухудшении ситуации в социальной сфере свидетельствуют не только данные официальной статистики, но и результаты опросов общественного мнения. В частности, совместное исследование ВЦИОМ и Стрэтклайдского университета в начале 1995 г. обнаружило, что 78% респондентов не были удовлетворены экономическим положением своих семей, а 62% считали, что оно хуже, чем пять лет назад [*Доклад*, с. 27].

Таким образом, социальная политика в России середины 1990-х гг. отличалась резким ужесточением предпринимавшихся мер. Среди последствий проводившейся политики — падение уровня жизни огромной массы населения, растущая дифференциация доходов, резкое сокращение объема доступных социальных благ, рост безработицы.

Для сопоставления с официальной информацией обратимся к проведенному в рамках исследования опросу экспертов — акторов социальной политики. В ходе интервью обсуждались проблемы обеднения широких слоев населения России. Нас интересовало, насколько задействованы участники опроса в решении социальных проблем, что делается ими лично, их предприятием, учреждением, что знают респонденты о мерах, предпринимаемых на уровне федерации, региона, города, территориального округа для решения возникающих социальных проблем. Один из вопросов интервью звучал следующим образом: «Знаете ли Вы о реальных программах, направленных на борьбу с бедностью?».

Мы получили следующее распределение ответов: 40% респондентов (при 20% не определившихся) ответили «нет», «скорее нет»; при этом такие ответы дали 80% представителей группы директората и 40% деятелей профсоюза (против 20% давших положительный ответ). Этот результат показателен, поскольку именно работодатели и профсоюзные работники (скорее чем чиновники всех эшелонов и политики) больше информированы о реальном положении дел. При этом положительные ответы преобладали лишь в группе чиновников среднего эшелона (50% — «да», «скорее да»).

Проблема социальных гарантий

Одно из основных положений Конституции Российской Федерации 1993 г. гласит, что Россия является социальным государством. Это предполагает (среди прочего) формирование социальной политики, соответствующей концепции социального государства с четко выраженными приоритетами, системой социальных гарантий и их реализации, поскольку именно система социальных гарантий и их выполнения соответствует концепции социального государства.

Что же происходило реально?

В дореформенной России ситуация в социальной сфере внешне выглядела вполне пристойно. Социалистическое государство было ориентировано на патерналистскую модель социальной политики и все, что с ней связано; существовала система гарантий (их низкий уровень заслуживает отдельного разговора).

В 1990-е гг. социальные гарантии тоже провозглашались. Однако проявлялись существенные изменения в их системе. Например, право на труд было заменено гарантией содействия в трудоустройстве, снизились уровень отдельных гарантий, их доступность, но при этом появилась свобода выбора, которой не было в бывшем СССР. То, что появилась свобода выбора, — это плюс, но то, что понизился уровень гарантий (а часть гарантий и вовсе была потеряна), — это, естественно, минус. Формировавшаяся политика в социальной сфере постепенно обретала черты, свойственные либеральной модели экономики, но далеко не модели государства всеобщего благосостояния:

государственное обеспечение (поддержка) ограниченного контингента населения, прежде всего тех, кто реально не способен себя обеспечить: инвалиды, пенсионеры, дети (при этом лишь дети из части семей); т.е. явная тенденция к адресности в социальной помощи;

пособие по бедности — по проверке нуждаемости (для тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума)[1];

для всех остальных и во всем остальном государство выполняет функцию содействия.

Обращение к либеральной модели социальной политики — явление широко распространенное. У этой модели (в отличие от кейнсианской), безусловно, есть свои преимущества. Однако требовались определенные условия, при которых была бы возможна ее реализация в современных российских условиях: поэтапность проведения соответствующих реформ, соответствующие превентивные меры (введение того же пособия по бедности, решение вопроса о минимальной заработной плате, прожиточном минимуме, проведение пенсионной реформы, реформы в сфере образования, здравоохранения, жилищной реформы и т.д.).

Очевидно, что процессы социальной трансформации в контексте осуществления либеральной модели в России не могли ид-

[1] Для справки: прожиточный минимум в России на I квартал 2002 г. принят правительством на уровне среднемесячного дохода 1719 руб. (для работающих — 1866 руб., для пенсионеров — 1313 руб., для ребенка — 1722 руб.). При этом прожиточный минимум распределяется следующим образом: например, для работающего: 858 руб. — на продукты питания, 402 руб. — на приобретение непродовольственных товаров, 449 руб. — на услуги, 156 руб. — на налоги. Доля населения, имевшего доходы ниже прожиточного минимума, составила в I квартале 2002 г. 33%, т.е. 47,7 млн. чел. [*Обзор*].

ти форсированными темпами. Страна еще не была готова к этим реформам, они не могли быть проведены в сжатые сроки. Так, очевидно, что жилищную и пенсионную реформы можно осуществлять при условии сравнительно низкого темпа инфляции. Много нерешенных проблем с внебюджетными социальными фондами. В наиболее тяжелом положении во второй половине 1990-х гг. находился Пенсионный фонд (ПФ). «Уже в 1995 г. в целях обеспечения своевременной выплаты государственных пенсий для финансирования затрат ПФ были привлечены временно свободные средства ФЗН (Фонд занятости населения. — *Т.С.*) (1 трлн. руб.) и кредитные ресурсы на межбанковском рынке (2 трлн. руб.). Ситуацию усугубляла систематическая задолженность федерального бюджета по выплатам, осуществляемым ПФ на компенсационной основе. Непогашенная к марту 1996 г. задолженность за 1992—1994 гг. составила 1,6 трлн. руб., а за 1995 г. — 3 трлн. руб. В 1996 г. в федеральном бюджете не были предусмотрены расходы на возмещение ПФ 11,3 трлн. руб. (7,6% расходной части бюджета)» [*Смирнов, Малева*, с. 30].

При этом нужно учитывать, что уровень заработной платы в России не дает пока человеку возможности вписаться в новую ситуацию. Большинство населения при имеющемся уровне зарплаты нуждается в государственной поддержке. И главное, не может реализовать обретенную свободу выбора: платная медицина заменяет бесплатную. Сегодня хирургические операции становятся практически недоступными, мало кто может оплатить лечение в санатории, лечебном центре высокого уровня, все более недоступным становится полноценный отдых в отпускное время как для взрослого населения, так и для детей. Человек может выбрать место учебы для своего ребенка (в России, в США и т.д.), однако далеко не все имеют возможность осуществить это право.

В этой связи показательны результаты проведенного опроса в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже. Большинство опрошенных непосредственно работали в социальной сфере или тесно связаны с решением социальных проблем. Большинство респондентов — акторов социальной политики ответили положительно на вопрос о сохранении практики предоставления бесплатных услуг.

При всех предпосылках в России еще рано говорить о многосубъектности социальной политики. Процесс этот еще только начинается. В нынешних условиях социальная политика должна сочетать как традиционные (характерные для страны, отработан-

ные) методы решения социальных проблем, так и новые подходы; опыт стран, прошедших этап адаптации к рыночной экономике.

Сложившееся и укрепившееся в сознании россиян патерналистское восприятие роли государства как основного социального гаранта не позволяет государству, оставив за собой роль только «законодателя, устанавливающего правила, или посредника» [*Шаронов*, с. 63], считать себя свободным от обязанности социальной защиты граждан. Следует говорить не о сокращении, а о возрастании роли государства в решении социальных вопросов, в осуществлении социальной защиты населения страны. Большинство россиян остро нуждаются в социальной поддержке и не способны «вписаться» (в силу различных обстоятельств) в новые рыночные отношения. Очевидно, что молниеносный переход к новой системе и новой социальной модели просто невозможен, тем более в условиях «кризисного социума» [*Лапин*, с. 10, 11]. Должно пройти какое-то время, в течение которого сложатся новые механизмы регулирования социальной сферы, а пока имеет место ситуация, когда старые механизмы оказываются неадекватными новой системе (которая сама находится в процессе становления), а новые механизмы и субъекты социальной политики еще только обозначаются, но не сформировались в полной мере.

Что же касается проблемы социальных гарантий и обеспечения их реализации в России, хотелось бы обратить внимание и на следующий аспект этой проблемы. Продолжая выполнять функции основного субъекта социальной политики, Российское государство предпринимает определенные меры по реформированию системы социальных гарантий. Естественно, что, согласуясь с основными тенденциями экономического развития, реформирование системы социальных гарантий стремится воспроизвести особенности либерального подхода и в этой области.

«За 70 лет в стране сложилась устойчивая ролевая ситуация, породившая функцию: "государство — монопольный распорядитель социальных выплат". А это обусловило формирование в массовом сознании стереотипов, практически исключающих ответственность работников и работодателей, важность их совместных усилий по созданию специализированных институтов социальной защиты — обязательного и добровольного социального страхования, которые, в свою очередь, являются необходимыми элементами складывающейся либеральной системы социальной защиты» [*Роик*, с. 62, 63].

В массовом сознании все еще господствует убеждение, что государству принадлежит вся полнота власти (законодательной и исполнительной), что в его компетенцию входят все аспекты жизни населения страны, что оно распоряжается всеми общественными институтами. Отсюда — отсутствие потребностей в систематической оценке социальных и профессиональных рисков для различных категорий трудящихся, проведении актуарных расчетов для определения страховых взносов, развитии инфраструктуры медицинской, социальной, профессиональной реабилитации населения, служб установления нуждаемости населения в социальной помощи и т.д.

Поэтому налицо противоречие изначальных установок и реальных результатов. Отсутствие обратной связи с прямыми объектами проводимой социальной политики, инициативы, активного участия в процессе реформирования, затянувшийся и объективно неизбежный процесс социальной инертности (выражающейся в сложившейся психологии иждивенчества по отношению к государству) привели к тому, что существовавшая система социальных гарантий, льгот и выплат превратилась в неупорядоченную совокупность законодательных норм, которая не отвечала потребностям формировавшейся социальной ситуации, во многом продолжая традиции социалистической модели распределительных отношений.

Среди определяющих черт концепции социальной политики второй половины 1990-х гг. можно выделить явную противоречивость и непоследовательность политики государства в социальной сфере. С одной стороны, государство самоустранилось от регулирования многих вопросов (оплаты труда во внебюджетной сфере, установления цен на потребительские товары и т.п.), стремясь почти целиком переложить свои прежние функции на самого человека, местные органы управления, а с другой — не предоставило гражданам достаточной экономической, правовой и организационной свободы для повышения их ответственности за собственное материальное благополучие.

Согласно Конституции «в Российской Федерации... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства... устанавливаются государственные... пособия и иные гарантии социальной защиты» (ст. 7, п. 2); «каждый имеет право на охрану и медицинскую помощь... медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно...» (ст. 43, п. 1).

При этом статистика свидетельствует: «В 1996 г. детская смертность увеличилась по сравнению с 1990 г. на 7,5%. По прогнозам Госкомстата, до конца столетия численность детей раннего возраста в Российской Федерации уменьшится почти на 2 млн. За 1994 г. доля детей, страдающих рахитом, увеличилась на 20%, аллергодерматозами — на 23%. Почти у 10% детей-первогодков отмечается анемия, а 20% дошкольников хронически больны. В 1993 г. каждый 50-й родившийся ребенок умер на первом году жизни. В 1993 г. по сравнению с 1990 г. на 53,5% увеличилось количество детей с врожденными аномалиями из-за отсутствия сбалансированных, химически и экологически чистых продуктов, что напрямую связано с неполноценным питанием беременных женщин и кормящих матерей. Неслучайно в 1994 г. от анемии, возникающей по этой причине, страдала почти треть беременных женщин, в то время как в 1993 г. — четверть, а в 1991 г. — всего 16,6%» [*Здоровье*, с. 34].

Подходы к осмыслению и реформированию социальной ситуации в России 1990-х гг.

Резкое ухудшение социально-экономического положения населения России 1990-х гг. требовало решительных перемен в представлениях о целях, критериях и механизмах функционирования социальной сферы в ходе реформирования российской экономики и соответственно — кардинального изменения и обновления самой социальной политики.

Идеологи и стратеги новых экономических преобразований наконец-то поняли, насколько ошибочным было предположение, что социальная сфера сможет тихо переждать период экономических трудностей и тем самым позволит провести экономические реформы быстрее и успешнее. Процесс реформирования экономики затянулся, все сильнее ощущались несистемность проводившегося социально-экономического курса, бесперспективность мер социальной политики, направленной прежде всего на смягчение социальных последствий экономических преобразований.

Обращаясь к проблеме государственных социальных гарантий и перспектив решения социально-экономических проблем в постсоветской России, А. Улюкаев писал, что к началу реформ

Россия пришла как «общество с масштабными государственными обязательствами при наличии механизма "выбивания" из производителей ресурсов для финансирования данных обязательств». Исходя из данных, обобщающих социально-хозяйственную практику ряда стран за длительный промежуток времени, он строит свои рассуждения на тесной взаимосвязи экономического роста и процессов демократизации. Ориентация на построение рыночной экономики требовала соответствующих демократических (либеральных) реформ, в частности, сокращения государственных социальных обязательств. Улюкаев обращал внимание на неизбежность этой меры для выбранного направления реформ, замечая при этом, что пересмотр и сокращение социальных обязательств государства чрезвычайно трудно осуществимы с политической точки зрения: «Такие меры реальны, лишь когда открывается особое политическое "окно возможностей"» [*Улюкаев*, с. 11].

Первое из таких «окон» было в России в 1991—1994 гг. В этот период удалось сделать очень многое, но области социального реформирования это не коснулось: «Был как бы заключен некий неформальный политический контракт — реформаторы получают свободу действий в экономике при молчаливом согласии на консервацию в основном объема, структуры и механизма государственных социальных обязательств. В ходе постепенного "закрытия окна" все реформаторские силы были брошены на осуществление финансовой стабилизации, и, видимо, попытки привязать к ней и проведение социальных реформ были бы контрпродуктивными — не получилось бы ни того, ни другого» [*Улюкаев*, с. 12].

По мнению Н. Шмелева, от действий, предпринятых правительством реформаторов, сколько-нибудь существенных результатов следовало ожидать лишь после 2000 г. (т.е. уже после парламентских и президентских выборов). При этом в ближайшие 3—5 лет все намечаемые реформы (включая социальную) приведут к неминуемому повышению социальной напряженности в стране. В заключение Н. Шмелев обращался к задачам нового этапа реформ, критически интерпретируя их с позиции «нынешних реформаторов». Так, под пунктом 7 обозначено «проведение социальной реформы с переносом основного бремени расходов на социальное обеспечение, социальное и медицинское страхование с бюджета на плечи рядовых граждан».

Как же виделась ситуация в социальной сфере во второй половине 1990-х гг. директору Института экономики РАН Л. Абал-

кину — одному из представителей первого поколения реформаторов в России? В докладе на научно-практической конференции «Социальные приоритеты и механизмы экономических преобразований в России» (12—13 мая 1998 г.) Л. Абалкин отмечал: «Сегодня Россия стоит перед необходимостью серьезной, достаточно глубокой корректировки курса социально-экономической политики... Острота проблемы обусловлена тем, что в стране нарастает недовольство результатами проведения реформ, усиливается критическая оценка их социальных итогов. Появляются опасные признаки отказа от радикальных преобразований и возврата к прошлому» [*Абалкин*, с. 3].

Л. Абалкин называет ряд социальных проблем, обострение которых — следствие просчетов в социально-экономическом развитии страны, требующих безотлагательного решения:

проблема восстановления социального статуса труда и его оплаты;

рост безработицы и сокращение занятости населения;

глубокий демографический кризис;

глубокий ущерб, нанесенный науке, образованию, здравоохранению и культуре в целом.

По мнению Л. Абалкина, Россия далеко отстала от стран, претендующих на особую значимость социальных приоритетов в своем развитии: «По последним данным, бюджетные расходы на ключевые направления социальной сферы выглядят следующим образом (в % к ВВП): расходы на науку составляют в США 2,54, в Германии — 2,26, во Франции — 2,34, в России — всего 0,53; расходы на образование в США — 7,6, в Германии — 4,1, во Франции — 5,7, в России — 3,7; вложения в здравоохранение в США — 14,1, в Германии — 8,6, во Франции — 9,8, в России — 2,5» [*Абалкин*, с. 8].

Обращаясь к опыту стран, осуществивших глубокие экономические преобразования, Л. Абалкин отмечал, что успех возможен только при одном непременном условии: если результаты реформ отражают интересы широких слоев населения и получают их поддержку. Из чего следует, что уровень развития страны находится в прямой зависимости от вложений в социальную сферу: «Речь идет о науке, образовании, культуре, здравоохранении и других связанных с ними сферах. Тот, кто вкладывает средства именно в достижение этих целей, тот смотрит в будущее» [*Абалкин*, с. 5].

Предлагалась концепция перехода к социально ориентированной, высокоэффективной рыночной экономике, которая включает:

достижение современных характеристик качества жизни населения и среды его обитания;

создание многоукладной, социально ориентированной экономики;

значительное обновление роли государства в регулировании экономических и социальных процессов;

укрепление инфраструктуры, включая стабильную и пользующуюся доверием населения финансово-банковскую сферу;

переход к надежной системе социального партнерства работников, предпринимателей и государства [*Абалкин*, с. 6].

Программа, предложенная в 1998 г. одним из идеологов социально-экономических преобразований в России, безусловно, демонстрировала осознание насущной потребности в переосмыслении ситуации. Тем не менее четко прослеживался акцент на лидирующей, приоритетной роли государства в области решения социальных проблем, практически не учитывался, «оставался за кадром» столь необходимый в нынешних условиях фактор многосубъектности социальной политики.

Поворот к социально ориентированной экономике проявился и в официальной позиции Правительства России, в предлагавшихся государственных программах.

Так, А. Шаронов (бывший в то время заместителем министра экономики), оценивая действия по реформированию социальной сферы и корректировке социальной политики, выделял следующие отличительные черты новой модели (отмечая при этом ее умеренно либеральный характер):

отказ от патернализма (государство перестает жестко регламентировать поведение человека в социальной сфере, набор услуг, который человек может или должен получать);

разгосударствление социальной сферы и освобождение государства от функции непосредственного предоставления гражданину социальных услуг (применительно ко многим видам социальных услуг государство перестает быть оператором, предоставляющим потребителю эти услуги, в одних случаях государство отводит себе роль только законодателя, устанавливающего правила, в других — посредника);

формирование рынка социальных услуг с реально возникающей конкуренцией их производителей, что предполагает повыше-

ние качества данных услуг и снижение издержек на их производство [*Шаронов*, с. 63].

Вряд ли этот «умеренно либеральный» подход может быть назван «новым» даже в российских условиях. В течение ряда лет государство усиленно стремилось сбросить с себя гнет социальных гарантий. В интерпретации Л. Абалкина — значительное обновление роли государства в регулировании экономических и социальных процессов; у А. Шаронова — отказ от патернализма (государство перестает жестко детерминировать поведение человека в социальной сфере, набор услуг, который человек может или должен получать); а также появление нового субъекта в социальной политике — гражданина, реализовавшего ранее лишь функции объекта последней.

При всей перспективности и привлекательности либерального подхода к реформированию как экономики, так и социальной сферы подобные ускорения не вселяют уверенности в реальности осуществления намеченных планов. Нужны серьезные финансовые «вливания», что потребует проведения серьезных программ и времени. Поэтому реформирование проводимой социальной политики следует начинать с постепенного, тщательно продуманного ее совершенствования, уточнения элементов, т.е. речь пока может идти о корректировке деталей.

Но желание получить результат, едва приступив к делу, — по-видимому, еще одна традиционная черта россиян. Уже с 1993 г. по Конституции Россия является социальным государством.

Институтом социально-политических исследований в 1996 г. был проведен мониторинг в рамках изучения движения российского общества к социальному государству. Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что Россия пока еще не нашла своего пути. Государство не гарантирует соблюдения многих норм демократического общества: равенства всех граждан перед законом (85% опрошенных считают, что государство не обеспечивает этого), личной безопасности (92%), прав человека (84%), социальных гарантий (86%), свободы политического выбора (91%), терпимости к чужому мнению (53%), свободы слова (36%) [*Какое государство мы строим*, с. 18].

Возвращаясь к результатам нашего исследования, материалам опроса акторов социальной политики, мы также можем убедиться, что большинство участников опроса считали этот законодательный акт преждевременным.

Политика в сфере занятости во второй половине 1990-х гг.

Политика государства на рынке труда, особенно в ходе проведения экономических реформ, перехода к рыночным экономическим отношениям, с неизбежностью обретает статус одного из ключевых направлений формирующейся социальной политики. Поэтому, обратившись к анализу ситуации в области решения социальных проблем в России, мы не могли не уделить особого внимания положению на российском рынке труда. В этом параграфе мы рассматриваем основные подходы к формированию политики занятости, а также особенности ее проведения в городах — объектах нашего исследования.

Очевидно, что формирование рынка труда требует адекватной политики в сфере занятости, пересмотра существовавших на протяжении десятилетий механизмов решения проблем, возникающих в сфере трудоустройства. России необходимы новый тип воспроизводства человеческих ресурсов и новая система занятости, которые могли бы обеспечить качественный сдвиг в уровне экономического роста.

Можно ли говорить о становлении нового концептуального подхода к проблеме занятости в России 1990-х гг.? Какое влияние оказывает специфика региональных рынков труда на проведение политики занятости? Как решаются проблемы финансирования?

Эти и другие вопросы рассматривались в ходе исследования политики занятости как одного из основных направлений социальной политики.

Характер и приоритеты проводившейся государством во второй половине 1990-х гг. политики занятости были во многом предопределены либеральной направленностью реформ. Одним из результатов предпринятых шагов явились расширение форм трудовой активности и возрастание масштабов самозанятости населения России. Вместе с тем стратегия проведения реформ прежде всего была направлена на решение комплекса экономических задач, оставив практически без внимания социальную сферу. Как отмечают В. Космарский и Т. Малева, «положение в социальной сфере оказывало влияние на выбор макроэкономической стратегии в одном случае — когда социальный критерий использовался при выборе темпа реформ. Этот выбор носил форму альтернативы:

либо жесткий вариант санации экономики через банкротство нерентабельных предприятий и, следовательно, резкий всплеск безработицы (при таком сценарии российские экономисты прогнозировали возможную открытую безработицу в первые два-три года в объеме 4—7 млн. человек; эксперты МОТ — 6—7 млн. человек), либо поддержка неэффективных производств при сохранении высокого формального уровня занятости и предотвращении единовременного массового высвобождения работников. Как известно, на практике была реализована вторая линия» [*Космарский, Малева*].

По мнению названных авторов, правительство не решалось сделать иной выбор, опасаясь открытого социально-политического кризиса, способного положить конец начавшимся преобразованиям. Однако «политика поддержания сложившегося уровня занятости или медленных темпов роста безработицы, осуществляемая на основе применения льготных режимов кредитования и дотирования нерентабельных производств, неизбежно приводит к появлению и воспроизводству высокой латентной безработицы. В России наибольшее распространение получили две ее формы — отправление работников в вынужденные неоплачиваемые (или частично оплачиваемые) отпуска и использование разнообразных режимов неполного рабочего времени. Уже летом 1992 г., когда разразился первый кризис платежей в экономике страны, частично безработных насчитывалось около 2 млн. человек. Далее скрытые негативные процессы на рынке труда устойчиво развивались, несмотря на многочисленные смены парадигм кредитно-финансовой и бюджетной политики» [*Космарский, Малева*].

Следуя этим рассуждениям, можно сделать вывод, что высокий процент скрытой безработицы на российском рынке труда был обусловлен сознательным выбором стратегии на макроэкономическом уровне. Негативные экономические и социальные последствия этого феномена хорошо известны: консервация большого количества неэффективных рабочих мест, снижение реальных доходов формально занятого населения, ослабление стимулов к высокопроизводительному труду и т.д. Однако «с точки зрения конкретных функций правительства при этом достигался еще один, менее очевидный эффект: если в рамках сегодняшнего законодательства зарегистрированные безработные становятся объектом социальной защиты, то в результате сделанного выбора несколько миллионов формально занятых, но лишенных постоянного источника трудовых доходов людей оказываются за рамками социальной помощи и в принципе

не являются объектом социальной политики государства» [*Космарский, Малева*].

Политика в сфере занятости и соответственно характер решения проблем рынка труда в России непосредственно зависят от макроэкономической ситуации и изменений в структуре производства, что определяет подчиненное положение политики на рынке труда по отношению к политике финансово-экономических структур. При этом социальный блок правительства (включая Министерство труда, Министерство социальной защиты населения Российской Федерации, Федеральную службу занятости, Федеральную службу миграции населения и пр.) лишен возможности прямо влиять на масштабы занятости и безработицы; сфера его влияния ограничивается нормативным обеспечением и регулированием конкретных процессов на рынке труда.

В докладе Института экономики РАН [*Социальные приоритеты*, 1998] отмечалось, что либеральная направленность проводимых в России реформ выявила тенденцию к минимизации функций государства по обеспечению занятости, его самоустранение от решения социальных задач и передачу их на уровень регионов в результате общей стратегии проведения социальной политики в 1990-х гг. и недооценки сферы занятости как интегральной области экономики [*Социальные приоритеты*, с. 31, 32].

Особенностью проводимой российским правительством политики занятости, как и социальной политики в целом, является перенос центра тяжести в решении социальных вопросов на региональный уровень. Это очень серьезная проблема, требующая нетривиального, разностороннего рассмотрения. Мы обращались к этому вопросу выше. Что же касается ситуации на рынке труда, то здесь сложность проблемы усугубляется еще и тем, что в комплексе наиболее значимых характеристик российского рынка труда, проявившихся за 1992—1997 гг. (изменение структуры занятости, падение экономической активности населения, резкое увеличение масштабов неформальной занятости, сокращение занятости, резкий рост регистрируемой безработицы, увеличение разрыва между регистрируемой и общей безработицей, рост масштабов скрытой безработицы, рост продолжительности безработицы, изменение социально-демографических характеристик безработных, негативные социальные последствия напряженности на рынке труда и т.д.), проблемы регионов занимают центральные позиции: разнонаправленные тенденции на региональных рынках тру-

да; обострение региональных различий на рынке труда, в сфере трудоустройства; усиление межрегиональной дифференциации уровней безработицы.

С позиций оценки ситуации на региональных рынках труда города — объекты нашего исследования можно отнести к регионам, которые отличает сравнительно спокойная ситуация. Если рассматривать такой параметр, как уровень зарегистрированной безработицы, то по данным 1997 г. он составлял: в Москве — 1%, в Санкт-Петербурге — 2,2%, в Воронеже — 4%. Действительно, уровень безработицы в Москве самый низкий в стране, и при сопоставлении данных статистики заметна существенная разница в численности безработных для трех городов. Однако в целом по России на конец 1997 г. уровень безработицы составлял 9,4% (по данным обследований, проведенных по методике МОТ), что позволило нам оценить ситуацию в сфере занятости в городах исследования как относительно спокойную. Отметим также, что на протяжении всех лет реформ в этих регионах не было резкого обострения социальной напряженности. С одной стороны, это отражает ситуацию на рынке труда, с другой — определяет характер проводимой политики занятости, ее задачи.

В ходе исследования мы провели анализ региональных программ содействия политике занятости, сопоставили результаты их реализации, рассмотрели особенности финансирования. Выявились серьезные различия как в положении на рынке труда, так и в политике местных властей в решении проблем занятости и трудоустройства.

Программы содействия политике занятости и результаты их реализации (Москва, Петербург, Воронеж)*

Обратившись к реальному состоянию дел в сфере содействия занятости населения на российском рынке труда в 1996—1997 гг.,

* При подготовке этого подраздела были использованы материалы, предоставленные Л. Пановой (Санкт-Петербург). Авторы благодарны Л. Пановой за помощь в проведении исследования.

мы попытались проанализировать конкретные результаты осуществления политики занятости в трех городах исследования.

Анализ программ содействия занятости в Москве, Петербурге, Воронеже показал, что основные направления работы по поддержке занятости, находящиеся в компетенции местных властей, сформированы в русле федеральной программы. Однако существенные различия в положении на рынке труда в обследуемых городах наложили некоторый отпечаток на конкретные программы работы служб занятости. Наиболее благоприятное положение на рынке труда в указанный период времени складывалось в Москве. Уровень безработицы незначителен, быстрый рост негосударственных структур довольно успешно поглощает сколько-нибудь приемлемую по уровню квалификации и мобильности рабочую силу. По оценкам большинства московских респондентов, роста безработицы не наблюдалось в течение 1996—1997 гг., однако в группе политиков многие отмечали опасность ситуации скрытой безработицы и для Москвы, особенно в виде длительных задержек заработной платы.

По данным официальной статистики, положение в Петербурге также достаточно благополучно, наблюдалась даже некоторая тенденция по снижению уровня официально зарегистрированных безработных. Если в 1995 г. уровень безработицы (как доля официально зарегистрированных безработных от экономически активного населения) составлял 2,2%, то к концу 1996 г. он снизился до 1,8%, в середине 1997 г. его величина была 1,3% [*Мониторинг*, с. 111]. Следует отметить, что в очередной раз не сбылся прогноз по росту безработицы и в местном масштабе, на уровне Петербурга. В интервью, данном председателем Комитета занятости населения правительства Санкт-Петербурга в начале 1996 г., рост численности безработных прогнозировался до 80 тыс., в реальности число безработных к концу года составило менее 50 тыс. Основной причиной несостоятельности прогноза, видимо, явилось значительное увеличение (на 14,2%) численности работников с неполной занятостью по инициативе администрации (их доля составляла 9,8% от общего числа занятых). Сокращение числа работающих в 1996 г. наблюдалось во всех отраслях экономики города, за исключением органов управления [*Мониторинг*, с. 128, 129]. Сравнение динамики численности работающих в государственном и негосударственном секторе не показывает значительного роста занятых в последнем. Реальный рост скрытой безработицы отме-

чался почти всеми респондентами Петербурга, что свидетельствует о хорошем знании реального положения дел. Вместе с тем государственные служащие верхнего эшелона настойчиво обращали внимание на увеличение нелегальной занятости. Данные Госкомстата России подтвердили реальность этого процесса.

В 1996—1997 гг. Воронеж находился в наиболее тяжелом положении среди всех городов исследования. Безработица продолжала нарастать. В 1995 г. уровень официально зарегистрированной безработицы составлял 2% экономически активного населения, в 1996 г. — 2,8%, к концу первого полугодия 1997 г. — 2,2%. По прогнозу местных властей, к концу 1997 г. ее величина должна была достичь 5,1% экономически активного населения. Судя по статистической информации, в Воронеже не так широко была распространена вынужденная неполная занятость, как в Петербурге, ее величина составляла 6,2% занятых. Правда, воронежская служба занятости отмечала неполноту информации, поступавшей от предприятий. Особенностью 1997 г. эксперты Воронежа считали изменение состава безработных: увеличение среди потерявших работу квалифицированных рабочих узкой специализации, переквалификация которых очень затруднена и в силу низкой профессиональной мобильности этого слоя, и в силу недостаточности средств для переобучения.

Причины столь различного положения дел на рынке труда Петербурга и Воронежа, приводившиеся председателями комитетов занятости, удивительно похожи: «общеэкономическая ситуация, политическая нестабильность, отсутствие инвестиций в материальное производство, незначительные усилия государства по реструктуризации экономики» (Петербург); «спад производства, кризис неплатежей, отсутствие условий для инвестиционной активности, четкой политики конверсии оборонных отраслей, диспропорции цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, длительные задержки зарплаты работникам бюджетных отраслей и всех социальных выплат» (из доклада на коллегии областного центра занятости, Воронеж). Очевидно, что в этих оценках отражаются реальные макроэкономические процессы и слабость общегосударственной политики. Процессы, оказывающие влияние на положение на рынке труда, схожи, различия в результатах скорее связаны с различиями в уже сложившейся структуре рабочих мест и сегментации рынка труда в обследуемых городах. Ясно, что многофункциональная, более открытая и по отдельным

видам производств конкурентоспособная, хотя бы на внутреннем рынке, экономика Петербурга дает больше возможностей для трудоустройства, перемены вида деятельности, чем экономический комплекс Воронежа с большим удельным весом ВПК и неконкурентоспособностью основной части продукции большинства предприятий гражданского назначения и на внешнем, и внутрироссийском рынке.

Несмотря на столь значительную разницу в реальном положении на рынке труда, сравнение программ занятости, разрабатывавшихся в Москве, Петербурге и Воронеже за период 1995—1997 гг., показывает, что общая ориентация их весьма схожа: сдерживание роста безработицы, профилактика массовых высвобождений, профессиональная подготовка и переподготовка, содействие занятости групп населения, особо нуждающегося в социальной защите. В самостоятельные разделы выделены содействие в создании и сохранении рабочих мест; содействие самозанятости и развитию предпринимательской деятельности; содействие в организации общественных работ; оказание профориентационных услуг; оказание социально-психологической помощи в поддержании мотивации к труду. Вместе с тем более детальный анализ программ и деятельности служб занятости позволяет выявить определенные различия.

Приоритеты политики занятости 1997 г. в Москве мало чем отличались от приоритетов 1996 г.: сдерживание массового высвобождения работников и темпов роста официально зарегистрированной безработицы; обеспечение адресной помощи при потере работы таким социально уязвимым группам, как молодежь и женщины. Однако, оценивая реальную деятельность в сфере поддержки занятости, московские эксперты отмечали как приоритетное направление создание рабочих мест в малом бизнесе. Одновременно указывалось на расширение деятельности органов службы занятости в различных районах города, интенсификацию контактов и совместной деятельности с работодателями, заключавшейся в проведении ежемесячных тематических совещаний в административных округах с участием работодателей. Но эта деятельность, по мнению ее участников, скорее похожа на просветительскую работу о положении в различных отраслях промышленности, возможностях службы занятости, законодательных рамках ее деятельности, чем на конкретные поиски методов поддержки занятости.

Московские эксперты активно обсуждали вопрос о том, что считать «подходящей работой» в процессе контактов безработно-

го со службой занятости. В частности, нормативными актами предусматривается, что предлагаемая безработному службой занятости работа должна соответствовать его квалификации с оплатой не ниже заработка на рабочем месте, с которого произошло увольнение. По мнению представителей службы занятости, необходимо внести изменения в законодательном порядке в определение «подходящая работа». Спектр мнений достаточно широк: «Любая оплачиваемая работа должна быть подходящей для безработного» (государственный служащий среднего эшелона); «если в течение полугода безработный не согласился на предлагаемые рабочие места или переобучение, то любая оплачиваемая работа должна считаться для него подходящей, и если он от нее отказывается, необходимо прекратить выплату пособия» (государственный служащий высшего эшелона).

В Петербурге в объявленных на 1997 г. задачах политики занятости и по оценкам респондентов главной особенностью того времени являлись большая нацеленность на сотрудничество с работодателями и большая продуктивность этой деятельности. Начиная с 1996 г. служба занятости города, объявляя приоритетным это направление работы, обратилась к расширению связей с предприятиями, особенно в негосударственном секторе, расширению системы сервисных услуг, оказываемых службой занятости работодателям, финансовой поддержке работодателям. По высказываниям чиновников службы занятости Петербурга, эта инициатива получила свое дальнейшее развитие в формировании новых «адресных технологий», например, в работе с конкретными предприятиями в ситуации сокращения персонала. Суть одной из них в том, что предприятия увольняют людей «по собственному желанию», иначе говоря, не платят им трехмесячного выходного пособия. Сэкономленные деньги частично идут на переподготовку уволенного персонала, а частично — на покупку оборудования для тех, кто хотел бы начать собственное дело. Переподготовка этого контингента идет, как правило, достаточно целенаправленно с учетом имеющихся вакансий или реальной перспективы открытия новых рабочих мест. Что касается новых предпринимателей, нельзя сказать, что последних оказалось много. В рамках проведенного в городе пилотного обследования (1997 г.) менее 10% уволившихся по такой схеме попытались открыть собственное дело. Но, по мнению председателя Комитета занятости города, этот новый механизм, отработка которого продолжается, позволит поддержать занятость и

более рационально расходовать средства предприятий, городского бюджета и фонда занятости.

Другой попыткой подготовки «адресных технологий» можно считать создание банка данных о критической зоне рынка труда, предпринятого петербургским Комитетом занятости населения совместно с Центром стратегического анализа общественных процессов. В критическую зону рынка труда были включены четыре группы экономически активного населения: лица, имеющие официальный статус безработного; неработающие и не имеющие официального статуса безработного, с душевым доходом в семье ниже прожиточного минимума; работающие в режиме неполной занятости, не имеющие дополнительного заработка, с душевым доходом ниже прожиточного минимума; занятые полный рабочий день, не имеющие дополнительного дохода, с заработной платой ниже прожиточного минимума. В первой половине 1997 г. численность оказавшихся в критической зоне рынка труда колебалась в пределах 10—420 тыс. человек и составляла около 17% экономически активного населения, в первой половине 1996 г. она была несколько выше — 20—24% [*Мониторинг*, 1997]. Информация о динамике групп, попавших в критическую зону рынка труда, их демографической структуре, социально-профессиональном статусе, реальном материальном положении, получаемая в режиме мониторинга, делала возможным формирование конкретных адресных программ поддержки с достаточно точным, целевым направлением.

Более тяжелая ситуация на рынке труда в Воронеже и неясность перспектив реструктуризации экономики города заставляли местные власти достаточно широко планировать создание временных, сезонных рабочих мест (в 1997 г. более 12 тыс.) и общественных рабочих мест для трудоустройства безработных, не получавших пособия (около 8 тыс.). Участники опроса настойчиво обращали внимание на необходимость и важность расширения программ психологической поддержки потерявших работу.

Анализ основных направлений Федеральной целевой программы содействия занятости населения на 1996—1997 гг. и программ занятости по трем городам показывает попытку федеральных и местных властей проводить достаточно активную политику в сфере занятости. Однако в реальности, судя по оценкам экспертов, характер политики занятости существенно различается по обследуемым городам. Большинство государственных служащих и политических деятелей, высказавшихся по этому вопросу, отмечали, что Москва

находится в особых экономических условиях, и это позволяет проводить активную политику занятости в городе. Спектр мнений директората включал крайние позиции: «Политики занятости нет, так как нет промышленной политики», «политика носит активный характер, довольно много программ по содействию занятости и переобучению». Однако большинство представителей этой группы экспертов считали, что политика занятости носит пассивный компенсаторный характер, она не может быть другой, пока не будет нормального воспроизводства рабочих мест. Примерно ту же позицию занимали представители профсоюзов. Перемен к лучшему за последнее время ни те, ни другие не отметили.

Практически не изменилась позиция респондентов Петербурга относительно характера политики занятости между двумя стадиями исследования. Отмечая более разумную политику вновь сформированного в 1996 г. правительства города и в сфере поддержки производства, большинство участников опроса считали, что об активной политике занятости можно будет говорить лишь тогда, когда начнется восстановление и наращивание рабочих мест. «Не может быть активной политики занятости в условиях неустойчивости экономики. Сегодня, как и год назад, ни один орган власти не может взять на себя ответственность детально, тщательно проработать эту политику, этого просто нельзя сделать» (заместитель председателя Комитета занятости населения). Одновременно в группе государственных служащих эксперты отмечали усиление таких элементов активной политики, как обучение безработных методам самостоятельного поиска работы.

Позиции представителей директората промышленных предприятий Петербурга более жесткие, чем в Москве. «Отсутствует хоть сколько-нибудь продуманная система поддержки занятости. То, чем занимается служба занятости, безусловно, необходимо, нельзя оставлять людей, потерявших работу, без материальной поддержки, но она не может решать проблемы трудоустройства при отсутствии роста рабочих мест на рынке труда» (директор акционерного общества «Звезда»). «Я даже не догадываюсь, какая она — политика занятости, вижу только, что власти и профсоюзы ведут политику консервации безнадежной ситуации. Их действия наносят только вред. Работодатели пытались как-то активно действовать, но их интересы и возможности совершенно не учитываются, многие просто сдались и поплыли по течению» (директор научно-производственного объединения «Сигнал»). Проф-

союзные лидеры в 1996 и 1997 гг. настаивали на необходимости проведения протекционистской политики относительно отечественных производителей и сохранения и расширения занятости.

Анализ текстов интервью с воронежскими респондентами показывает, что обсуждение проблемы характера социальной политики в сфере занятости неизбежно сводилось к крайне тяжелому положению в производстве и возможности в этой ситуации проведения только компенсаторной политики из-за утраты доходов. Переобучение и трудоустройство крайне затруднены в силу сужения рынка труда. Вместе с тем большинство экспертов, высказавшихся по этому вопросу, отметили усиление такого направления работы в службах занятости, как психологическая поддержка. По их данным, более 50% зарегистрированных безработных считают для себя равнозначными и материальную поддержку, и социально-психологическую реабилитацию.

В научной литературе второй половины 1990-х гг. в программах политических движений довольно часто ставится вопрос о необходимости разработки и использования социальных нормативов как ограничителей проводимых преобразований. Особенно отчетливо это просматривается в программе политического движения «Яблоко», движений социал-демократической ориентации. Похоже, что наши эксперты поддерживают такой подход. Представители московских профсоюзов настаивают на введении двух социальных индикаторов — приемлемого соотношения средней заработной платы в бюджетной сфере и производственных отраслях и социально допустимого предела безработицы. Судя по Федеральной программе содействия занятости населения на 1996—1997 гг., правительство намерено сдерживать уровень регистрируемой безработицы в 1997 г. в пределах 4,9—5,6%. В обследуемых городах этот уровень значительно ниже.

Следует сказать, что большинством экспертов величина социальных нормативов, социально допустимых пределов, в частности по безработице, чаще всего рассматривается скорее в парадигме социальной безопасности, нежели в рамках, скажем, социально-воспроизводственного подхода. «Думаю, что безработица на уровне 10% — это уже очень напряженная ситуация, при 15%, скорее всего, будет взрыв» (первый заместитель председателя федерации профсоюзов Петербурга и Ленинградской области). Аналитики из Министерства экономики предлагали более жесткий норматив и отмечали, что следует ориентироваться в целом по России на со-

циально допустимый масштаб безработицы в размере 7—8%. Обосновывали свою позицию они, ссылаясь на специфику российской модели рынка труда, в частности, такими его характеристиками, как высокая степень коллективизма, являющегося традиционным способом обеспечения взаимной поддержки работающих; разной скоростью движения к рынку различных отраслей экономики; неравномерностью перехода к рынку различных регионов. Эксперты говорили о социально допустимых пределах безработицы, исходя из неэффективности, слабости системы социальной защиты. «Недопустимым является даже небольшой рост безработицы при нынешней системе социальной защиты и низких пособиях» (заместитель руководителя Комитета труда и занятости правительства Москвы). Прогнозировать ситуацию с безработицей даже в ближайшем будущем не решился почти никто в силу неясности перспектив экономической и промышленной политики. Оценивая ситуацию, представители директората промышленных предприятий в Москве и Петербурге отметили, что, на их взгляд, на многих предприятиях процесс массового высвобождения уже прошел. Респонденты Воронежа этой уверенности не выражали.

Проблемы финансирования политики занятости

Формирование рынка труда в России не могло не отразиться на системе финансирования существующей политики занятости. Когда проводилось наше исследование, источником финансирования политики занятости был Государственный фонд занятости (внебюджетный). Страховой тариф взносов в него устанавливался ежегодно принимавшимися федеральными законами о тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования. Страховые взносы начислялись на фонд оплаты труда.

Финансирование политики занятости и деятельность фонда занятости представляли не только одну из наиболее сложных, но и

очень конфликтную сферу. Прежде всего следует отметить, что величина страхового тарифа во многом зависела не только от потребностей политики занятости как таковой, но и от величины налогового бремени в целом. Высокий уровень налогообложения на фоне постоянно сужавшейся налогооблагаемой базы и недоверия властям создавал условия, при которых даже страховой тариф воспринимался как налоговое бремя и способ отобрать средства в пользу властей. Следствием этого являлось постоянное стремление к снижению страховых взносов в фонд занятости при одновременном увеличении налогов, обеспечивавших непосредственные поступления в федеральный бюджет. В соответствии с действовавшим в России законодательством средства фонда занятости были децентрализованы, а в федеральную часть фонда поступило 20% взносов. Средства концентрировались в регионах с относительно благополучной ситуацией при их жестком дефиците в проблемных регионах.

В 2001 г. фонд занятости был ликвидирован. С этого времени финансирование политики занятости стало осуществляться через федеральный и региональные бюджеты. При этом федеральный бюджет взял на себя ответственность за финансирование выплат пособий по безработице и совместно с региональными бюджетами — за финансирование мероприятий так называемых активных программ содействия занятости населения (профессиональная подготовка и переподготовка безработных, содействие занятости социально уязвимых категорий населения на рынке труда и т.п.). В результате удалось ликвидировать задолженность по выплатам пособий по безработице. Специальным постановлением правительства был принят порядок финансирования мероприятий активной политики занятости.

Одна из серезных проблем формирующейся политики на рынке труда в России — соотношение активных и пассивных мер в программе содействия занятости и соответственно в распределении финансирования между активной и пассивной политикой на рынке труда. Эта серьезная стратегическая проблема в середине — второй половине 1990-х гг. была предметом споров на разных уровнях, поскольку превалирование определенного направления обусловливает характер проводимой политики в целом.

В течение ряда лет деятельность федеральной службы занятости была ориентирована на проведение активной политики заня-

тости. Преимущества этой направленности отмечает бывший руководитель ФСЗ Ф. Прокопов. По его мнению, чтобы воздействие на официальную безработицу в нашей стране приводило к ее сокращению через «результативный» выход, уровень расходов на активные меры согласно оценке должен составлять примерно 0,02—0,03% ВВП на каждый процент общей безработицы. Это означает, что доля таких расходов в ВВП России в 1996 г. должна была составить 0,26%, или 5 трлн. руб. О состоянии финансирования политики на рынке труда свидетельствуют межстрановые сравнения. В европейских странах, имеющих опыт проведения политики на рынке труда, в 1993 г. доля расходов ВВП на 1% безработицы составила от 0,16 в Великобритании до 0,55 в Дании. В США она была равна 0,1. В странах с переходной экономикой «удельные расходы» значительно ниже, причем в России самые низкие показатели (в 1994 г. — 0,04, в 1995 г. — 0,06, а в 1996 г. — 0,04). Удельные расходы ВВП на 1% безработицы в Болгарии в 1993 г. были в 1,2 раза выше, чем в России, в Чехии — в 2,8, в Венгрии — в 6,5, Польше — в 3,6 раза выше. При этом активные расходы уменьшились с 71,3% в 1994 г. до 34,1% в первом полугодии 1997 г. Сокращение расходов на профессиональное обучение безработных, организацию общественных работ и других форм проведения активной политики занятости повлекло за собой уменьшение числа вовлеченных в программы безработных: среднемесячное число обучавшихся, например, в 1997 г. снизилось более чем в 3 раза по сравнению с 1995 г., участников общественных работ — в 1,6 [*Прокопов*, с. 30].

Иной точки зрения относительно роли активных мер в проведении политики на рынке труда в России придерживаются И. Заславский, Т. Четвернина и другие: «В 1995—1996 гг. более половины средств по федеральным программам содействия занятости было обращено на поддержание рабочих мест и другие мероприятия, относимые к активной политике занятости, но из года в год снижалась эффективность их использования. Так, из предусмотренных программой 260 тыс. дополнительных рабочих мест к 1996 г. было создано 38%, а компенсацию заработной платы получили лишь 14% работников, формально охваченных соответствующими мероприятиями. В результате рост безработицы не был приостановлен, а в ряде регионов страны возникла хроническая задолженность по выплате пособия зарегистрированным безработным [*Заславский*, с. 86].

Анализ, проведенный Т. Четвериной и Л. Лакуниной, показывает, что с осени 1995 г. возникли серьезные проблемы, связанные с формированием фондов занятости в регионах и сокращением федеральной части фонда занятости, средства которой перераспределяются в регионы с высоким уровнем безработицы. В 1996—1997 гг. практически во всех регионах наблюдалось сокращение поступлений в региональные фонды занятости, что было обусловлено спадом производства, уменьшением облагаемой налогом доли доходов предприятий.

Увеличению дефицита фонда занятости в немалой степени способствовало решение Госдумы о снижении ставки налогообложения с 2 до 1,5% с января 1996 г. Одновременно стала нарастать задолженность работодателей по перечислению страховых взносов в фонд занятости. К 1 октября 1997 г. она составила в целом по Российской Федерации 3,5 трлн. руб. При этом большая часть задолженности (21,8%) пришлась на 14 регионов-доноров. Например, задолженность московских работодателей в 2,3 раза превысила суммарную задолженность работодателей в таких депрессивных регионах, как Псковская, Ивановская и Владимирская области. Абсолютное сокращение денежных поступлений в региональные фонды занятости привело к увеличению доли расходов на выплату пособий по безработице: за 9 месяцев 1995 г. расходы на выплату пособий по безработице составляли 29,2% всех расходов фонда занятости, а за соответствующий период 1997 г. — 56,8%.

Дефицит региональных фондов занятости повлек за собой и сокращение поступлений в федеральную часть фонда занятости. Статистика ее формирования показывает, что эти поступления значительно ниже законодательно установленного уровня в 20%. Если за 9 месяцев 1995 г. уровень отчислений в федеральную часть фонда в среднем по России был равен 12%, то за тот же период 1997 г. — лишь 3,8%. В результате задолженность регионов перед федеральной частью фонда занятости составила к осени 1997 г. более 500 млрд. руб., основными должниками по-прежнему являлись регионы-доноры с низким уровнем безработицы. На протяжении последних трех лет хроническими должниками выступали Белгородская, Смоленская области и Республика Саха (Якутия). Уровень регистрируемой безработицы в названных регионах не превышал в 1990-е гг. 1,4%, а размер отчислений в федеральную часть фонда занятости за 9 месяцев 1997 г. составил:

для Республики Саха (Якутия) — 5,5% (2,4% за весь 1996 г.), для Белгородской области — 0,1% (1% за весь 1996 г.). Смоленская область в 1997 г. денег в централизованную часть фонда занятости вообще не перечисляла, а в 1996 г. процент отчислений составил 6,7%. Ставропольский край (уровень регистрируемой безработицы 1,7%) сократил отчисления в федеральную часть фонда с 15,8% в 1995 г. до 0,3% за 9 месяцев 1997 г.

Между тем потребность в наращивании централизованной части фонда занятости возрастала. Во-первых, увеличилось число дотационных регионов (к 1997 г. оно возросло на 14 субъектов федерации). Во-вторых, растущие дефицит региональных фондов занятости и задолженность по выплатам пособий поставили ряд регионов в полную зависимость от поступлений из федеральной части фонда занятости, ставших основным источником выплат пособий в минимальных размерах [*Четвернина, Лакунина*, с. 119]. Однако и на эту минимальную помощь могли рассчитывать далеко не все нуждавшиеся. Из числа обладателей пособия в марте 1996 г. 40,5% получили его в размере, не превышавшем минимальную заработную плату, еще 38,1% — от одного до трех минимальных размеров оплаты труда, 8,9% — меньше прожиточного минимума в своем регионе и 12,5% — от прожиточного минимума до средней заработной платы. Никакого пособия не получали 54% безработных, имевших право на пособие [*Четвернина, Лакунина*, с. 124].

В результате в большинстве регионов сложилась ситуация, когда безработные не могли рассчитывать даже на минимальное пособие, в то время как для трети безработных пособие являлось важнейшим, а часто единственным источником существования. В этих условиях активные формы политики на рынке труда оказываются недоступными для большинства российских безработных, в том числе профессиональное переобучение, поскольку безработные зачастую не имеют средств даже на транспортные расходы. По мнению авторов статьи, в период экономического спада приоритет должен быть отдан не высокозатратной и малоэффективной активной политике, а такой пассивной политике на рынке труда, которая проводится во всех странах с рыночной экономикой. Поэтому необходимо разделение как источников финансирования активной и пассивной политики занятости, так и количественных долей в общем бюджете [*Четвернина, Лакунина*, с. 127].

Особенности финансирования политики занятости в городах исследования

В беседах с респондентами обсуждались вопросы финансирования политики занятости, открытости информации о расходовании средств, направлениях их использования, возможности и необходимости межрегионального перераспределения.

Результаты опроса оказались противоречивыми. Представители предприятий Москвы и Санкт-Петербурга считали полезным снижение отчислений в фонд занятости с 2 до 1,5%. Большинство московских респондентов-директоров высказались за то, чтобы вообще оставлять эти средства в ведении работодателей, поскольку на конкретном предприятии расходование этих средств будет более адресным в смысле интересов предприятия. Директора Воронежа не смогли сформулировать свою позицию по этому вопросу.

Представители службы занятости говорили о том, что снижение отчислений в фонд занятости неразумно. Обоснование экспертов Санкт-Петербурга заключалось в том, что средств фонда едва хватает на выплату пособий (в течение 1996 г. имели место задержки с выплатой пособий), и мало что остается на реализацию программ по активной помощи безработным, прежде всего на переобучение и профподготовку, что, в свою очередь, может привести к увеличению численности зарегистрированных безработных.

Представителей всех экспертных групп объединило отношение к вопросу об увеличении централизуемой на федеральном уровне части средств фонда занятости. Мнение экспертов сводилось к тому, что финансирование более эффективно на региональном уровне. Особенно остро этот вопрос воспринимался московскими экспертами (чиновники службы занятости, представители политических партий и движений и др.). Эксперты Воронежа высказывались более осторожно.

Надо заметить, что разделение компетенции между федеральными и региональными властями в сфере политики занятости, как, впрочем, и в других сферах управления, было воспринято экспертами чрезвычайно остро. Мы пытались выяснить у них, необходимо ли перераспределение полномочий и их законодательное закрепление, усиление ресурсного обеспечения на региональном уровне или, напротив, на федеральном. Так, эксперты Москвы в целом высказывались за разделение сфер влияния с усилением региональной составляющей. Признавая ключевую роль федеральной власти

в решении социальных проблем, в том числе и в сфере занятости, петербургские эксперты оценивали действия федеральных властей негативно: «У федеральных властей четкая политика — выморить всех чисто физически» (директор научно-производственного объединения «Сигнал»). Отмечалось, что роль местных властей в социальной политике плохо определена законодательно, во многом это моральная ответственность за положение населения.

Сравнение структуры расходов в сфере занятости по трем городам

В 1990-х гг. произошло значительное перераспределение средств между статьями расходов в бюджете федерального фонда занятости. Анализ расходов фонда занятости показывает, что за 1995—1997 гг. значительно вырос удельный вес расходов на выплату пособий по безработице. Аналогичная картина наблюдалась и в расходах по трем обследуемым городам. Основная причина такого положения дел состоит в снижении доли отчислений в фонд занятости с 2 до 1,5% от общего объема оплаты труда, росте числа безработных, значительном увеличении средних размеров заработной платы попадающих в ряды безработных. Работники служб занятости и Москвы, и Петербурга отмечали как новую тенденцию появление довольно большой категории лиц, имеющих незначительный стаж на последнем месте работы, но с высоким уровнем оплаты. По оценкам экспертов, это проявление сознательной линии поведения на получение пособия высокого уровня при отсутствии желания иметь постоянное место работы. Оценка экспертами рациональности расходования средств фонда занятости — одна из немногих, где проявились различия при интервьюировании 1996—1997 гг. В интервью 1996 г. практически все эксперты из групп профсоюзных деятелей, директората, политиков считали необходимым увеличивать долю средств на переобучение и повышение квалификации. Ухудшение финансового положения в целом, в том числе сокращение поступлений в фонд занятости, неясность путей реструктуризации экономики заставили изменить позиции. Переподготовка все же оставалась приоритетной областью, но лишь в прожективной ситуации экономического подъема. Главным же в текущей ситуации 1997 г. называлось сокращение сроков задержки выплат пособий по безработице.

В силу особой тяжести положения в Воронеже все воронежские эксперты делали акцент именно на этой проблеме. Экономическая ситуация в Воронеже такова, что, по словам участников опроса, только 16% предприятий платят налоги, абсолютное большинство предприятий — задолжники фонда занятости еще за 1996 г. Задержки с выплатами пособий доходили до четырех месяцев. Нельзя сказать, что местные власти не пытались изменить ситуацию. В 1997 г. было принято постановление регионального масштаба о приравнивании отчислений в фонд занятости к первоочередным выплатам. Однако это не изменило ситуации к лучшему в силу кризисного положения большинства предприятий города. Выход скорее находился в выдаче пособий продуктами питания, полученными службой занятости в зачет долга у предприятий.

Респонденты Санкт-Петербурга чаще обращали внимание на слишком большие расходы по содержанию самой службы занятости, правда, опираясь больше на информацию прошлых лет, когда удельный вес этой статьи составлял более 20% всех расходов (1995 г.). Как наиболее благополучную расценивали ситуацию с формированием, расходованием и контролем за использованием средств фонда занятости московские респонденты. Работники различных подразделений службы занятости Москвы говорили о достаточно жесткой и эффективной системе контроля за расходованием средств фонда. Профсоюзные лидеры занимали особую позицию по вопросу о распределении средств фонда занятости, суть которой в том, что на стадии принятия решений по использованию средств фонда и в процессе управления расходами необходимо паритетное участие со стороны государства, работодателей и профсоюзов. Технология такого подхода, по их мнению, должна реализовываться в процессе принятия и контроля за выполнением трехстороннего соглашения.

Подходы к реформированию политики в сфере занятости (вторая половина 1990-х гг.)

Анализ научной литературы показывает рост заинтересованности в проблемах рынка труда. Проблемы реформирования политики на рынке труда становятся все более актуальными, все активнее

обсуждаются на страницах научных и периодических изданий. Однако в литературе 1996—1997 гг. при общем многообразии подходов, концепций, мнений еще отсутствовала четкая конструктивная тенденция в предполагавшемся реформировании социально-трудовой сферы; в основном обсуждали характер проводившейся политики.

Следует отметить, что на протяжении всех лет реформ в России государственную политику занятости отличала ориентация на активные формы решения проблем рынка труда. Об этом свидетельствуют как официальные документы, так и высказывания официальных лиц, представителей тех государственных институтов, которые непосредственно отвечают за формирование в России этой политики.

В 1996 г. была принята Федеральная целевая программа содействия занятости населения Российской Федерации на 1996—1997 гг. В разделе «Политика на рынке труда» среди основных задач государственной политики занятости прежде всего рассматривались инвестиционная политика и поддержка предпринимательства. Было отмечено, что «в 1996—1997 гг. повышение инвестиционной активности, направленной на создание и модернизацию рабочих мест, рассматривается в качестве одного из экономических приоритетов...

...Увеличению занятости населения должна соответствовать сбалансированная инвестиционная политика, учитывающая необходимость капитальных вложений как в отрасли экономического прорыва, так и в отрасли традиционной занятости и стимулирующая более полное использование имеющихся рабочих мест и развитие малых предприятий»[4].

Через два года в новом варианте Федеральной целевой программы содействия занятости населения Российской Федерации на 1998—2000 годы создание рабочих мест продолжало рассматриваться в качестве одного из основных экономических приоритетов, одной из основных задач государственной политики занятости[5].

В соответствии с этим, как мы уже писали, формировалась и бюджетная политика в сфере содействия занятости и трудоустройства [*Прокопов*, с. 30, 31].

Таким образом, весной — летом 1998 г. ориентация на проведение активной политики на российском рынке труда все еще оставалась определяющей. Это подтверждается и тем, что в программном

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 20.
[5] Там же. 1998. № 33.

докладе Института экономики РАН «Социальные приоритеты и механизмы экономических преобразований в России» среди основных направлений проведения реформ в сфере занятости населения прежде всего выделялись направления, касающиеся активного характера политики:

переориентация политики с изыскания источников финансовых средств для помощи малообеспеченным (такой подход предполагает неизбежность роста безработицы) на активную политику обеспечения занятости населения, поддержки создания и сохранения рабочих мест в количестве, достаточном для снятия угрозы массовой деградации населения;

политика занятости должна быть сфокусирована на проведении мер, способствующих формированию условий для более полного использования потенциала трудовой и деловой активности граждан, противодействующих обеднению населения и массовой безработице, стимулирующих поведение личности в конкурентной рыночной среде [*Социальные приоритеты*, с. 33, 34].

В научной литературе рассматривались и альтернативные точки зрения. Сотрудники Института экономики РАН Т. Четвернина и Л. Лакунина отмечали необоснованность активного проведения политики на рынке труда прежде всего в силу недостаточности финансовых ресурсов [*Четвернина*, *Лакунина*], подчеркивали необходимость уделять больше внимания пассивной политике занятости. Обращаясь к проблеме реформирования сложившейся системы выплаты пособий по безработице, они предложили ввести новую систему страхования от безработицы, для чего должен быть образован единый общероссийский страховой фонд занятости/безработицы (СФЗ), который бы аккумулировал налоговые поступления из всех регионов и перераспределял финансовые ресурсы в регионы в зависимости от экономической ситуации.

Объектом социального страхования должны выступать работающие по найму граждане, платившие взносы в страховой фонд. Таким образом, из сферы пассивной помощи исключаются не работавшая ранее молодежь, домохозяйки, беженцы из других стран и т.п. Но они имеют право регистрироваться в качестве безработных или пользоваться услугами службы занятости. Вместе с тем представители каждой из названных категорий могут быть охвачены специальной государственной программой, осуществляемой через службы занятости, либо стать объектом внимания соответствующих ведомств. Субъектом страхования согласно этому подходу

должен стать государственный внебюджетный фонд социального страхования от безработицы, средства которого будут аккумулироваться на уровне федерации и перераспределяться между регионами в зависимости от уровня безработицы. Источниками формирования фонда социального страхования от безработицы будут отчисления от работодателей, государства и работников в неравной пропорции. Размер пособия может составлять 60% средней заработной платы на последнем месте работы.

В качестве важнейших целей страховой системы были выделены следующие:

пособие по безработице позволит семье иметь достаточно средств для предотвращения резкого снижения уровня жизни, если один из ее членов становится безработным;

предоставление пособия позволит потерявшим работу сосредоточиться на поиске нового рабочего места;

пособия должны выплачиваться работникам тех отраслей, которые раньше получали субсидии и дотации из бюджета, а в последнее время их лишились и вынуждены перестраиваться;

выплаты таких пособий по безработице автоматически обеспечат финансовые стимулы для развития экономики, повышая покупательную способность населения в периоды резкого падения спроса [*Четвернина, Лакунина*, с. 127, 128].

Говоря о современной парадигме рынка труда, И. Заславский отмечал, что «эффективной формой регулирования безработицы может стать переход к системе социального страхования работников наемного труда, организуемой на принципах социального партнерства и используемой в целях материальной поддержки безработных на период трудоустройства... В известной мере система социального страхования должна заменить приходящие в упадок государственные внебюджетные фонды занятости, перешедшие под контроль исполнительной власти» [*Заславский*, с. 94].

Однако Ф. Прокопов считает, что переход к системе страхования не отвечает российским реалиям в условиях переходной экономики; наиболее приемлема существующая система отчислений из фонда заработной платы.

В предложенном им проекте «оптимального» бюджета фонда занятости (для достижения заметного положительного эффекта необходима некая критическая масса расходов на проведение программ и предоставление услуг) основное внимание акцентировалось на корректировке активной части программы:

замещение субсидий предприятиям на поддержку рабочих мест расширением программ обучения безработных;

ограничение субсидируемой занятости программами временной занятости (общественными работами);

к профессиональному обучению для рынка труда отнесены и целевые мероприятия, адресатом которых является молодежь;

в административные расходы включены затраты, связанные с организацией интенсивного консультирования в рамках «клубов ищущих работу» [*Прокопов*, с. 30, 31].

Литература

Абалкин Л.И. Назревшие перемены // Социальные приоритеты и механизмы экономических преобразований в России. М.: Институт экономики РАН, 1998.

Горячева Н. Правительство перестает сдерживать безработицу // Финансовые известия. 1996. 1 октября.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: Academia, 1997.

Заславский И. К новой парадигме рынка труда // Вопросы экономики. 1998. № 2.

Здоровье и жизнь детей — под государственную защиту // Человек и труд. 1997. № 5.

Какое государство мы строим: Материалы «круглого стола» // Человек и труд. 1996. № 12.

Космарский В., Малева Т. Социальная политика в России в контексте макроэкономической реформы // Общественные науки и современность. 1996. № 4.

Лапин Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. № 1.

Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга. 1996. № 3, 4.

Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга. 1997. Июнь.

Муздыбаев К. Динамика уровня жизни в Петербурге. 1992—1994. СПб.: СМАРТ, 1995.

Обзор российской экономики. Основные тенденции развития. 2002. III. М., 2002.

Прокопов Ф. Об основах финансовой политики занятости // Человек и труд. 1998. № 2.

Роик В. Социальная политика времен отказа от патернализма и иждивенчества // Человек и труд. 1997. № 2.

Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 1995.

Смирнов С. Социальная политика России становится активной, лучше бы она этого не делала // Сегодня. 1996. 2 октября.

Смирнов С., Малева Т. Внебюджетные социальные фонды: варианты реформирования // Человек и труд. 1997. № 5.

Социально-экономическое положение России в 1995 году. М.: Госкомстат России, 1995.

Социальные приоритеты и механизм экономических преобразований в России. Доклад ИЭ РАН // Вопросы экономики. 1998. № 6.

Строев Е. Социальное развитие и российский федерализм // Человек и труд. 1997. № 5.

Улюкаев А. Демократия, либерализм и экономический рост // Вопросы экономики. 1997. № 11.

Четвернина Т., Лакунина Л. Напряженность на российском рынке труда и механизмы ее преодоления // Вопросы экономики. 1998. № 2.

Шаронов А. Социальная политика: умеренная либерализация // Человек и труд. 1998. № 4.

Alesia A., Perotty R. Democratie, stabilute politique et croissance // Problemes economiques. 1997. № 2.

Boron A. State, Capitalism and Democracy in Latin America. Lynne Rienner, 1995.

Offe C. The Politics of Social Policy in East European Trsnsitions: Antecedents, Agenda, and Agenda of Reform // Social Research. 1993. Vol. 60. № 4.

Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Centure. L., 1991.

Lipset M. Political Man: Social Basis of Politics. N.Y., 1960.

Раздел III

Кризис занятости и стратегии выживания городских домохозяйств

Глава 8 Кризис занятости и пути его преодоления на микроуровне

Кого сегодня можно считать безработным и что такое кризис занятости? Кто из попавших в состав проблемных групп становится в итоге хроническим безработным и почему? Как удается выжить безработным в условиях, когда даже работающие в большинстве своем еле-еле сводят концы с концами? Как связаны между собой бедность и безработица? Наконец, какую роль играет в выживании российских домохозяйств государственная социальная политика? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить в данном разделе книги.

Сразу хотелось бы предупредить, что, поскольку одной из задач исследования выступало построение социальных портретов безработных, большое место в данном разделе уделено анализу конкретных человеческих судеб. Именно поэтому многие выводы не только иллюстрируются примерами из жизненных историй некоторых респондентов, но подчас даже делаются на основе анализа и сравнения их жизненных ситуаций. Хочется надеяться, что такой подход позволит полнее представить, как живут сегодня многие россияне. Причем полученные данные о некоторых особенностях хронических безработных отнюдь не означают их осужде-

ния. Люди, о которых идет рассказ, в подавляющем своем большинстве сформировались в другую эпоху, и не вина, а беда их, что им не удалось быстро адаптироваться к изменившимся условиям жизни. В то же время судьбы многих из них являются яркой демонстрацией неспособности современного российского общества оказать действенную помощь даже тем, кто в ней действительно очень нуждается.

Необходимо отметить также, что проблема положения домохозяйств и стратегий их выживания и занятости анализируется в данном разделе через призму существования в современной социологии двух альтернативных подходов, из которых один рассматривает отдельно взятого индивида либо как элемент социальной структуры, которая детерминирует действия через место в системе социально-экономических отношений, либо как элемент культурной системы, в рамках которой он действует под влиянием сложившихся в данной культуре норм и правил. Другой подход воспринимает индивидов как активных социальных субъектов, «рациональных акторов», которые задействуют все свои многочисленные ресурсы, преследуя собственные цели, но с учетом тех правил, которые задаются конкретной ситуацией, в пределах которой им приходится действовать.

Учитывая, что дискуссия эта не завершена до сих пор, нам представлялось важным уточнить, что же является главным в определении материального положения, стратегии действий респондентов и их статуса занятости — структура или действие, система или актор.

Протекающие одновременно процессы — переход к рыночной экономике и перестройка социальной политики, отказ от советской модели «государства всеобщего благосостояния» — дают для такого анализа уникальный материал. При этом получить более полное представление об основных способах адаптации различных групп населения помогают, на наш взгляд, исследовательские подходы, переключающие внимание с поведения индивида на поведение домохозяйства как базового субъекта выживания. Необходим дальнейший анализ тех жизненных практик, возможностей, семейно-коллективных стратегий, которые используют разные типы домохозяйств в различных региональных сообществах в трудных жизненных ситуациях.

Наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание при характеристике предлагаемых результатов исследования, это

то, что одной из его важнейших предпосылок выступало рассмотрение поведения домохозяйств с учетом адаптационного подхода. Для большинства населения России в настоящий момент адаптация к идущим в стране реформам и их последствиям пока не завершена, что обусловливает актуальность дальнейшего изучения как ее основных форм, так и перспектив развития этого процесса применительно к тем или иным социальным группам.

Проблемные группы на рынке труда: безработица или кризис занятости?

Одной из важнейших проблем современного этапа развития российского рынка труда является неосвоенность как обществом в целом, так и отдельными индивидами адекватных меняющимся обстоятельствам образцов поведения. Не случайно ряд социологов считают современный рынок труда важнейшей сферой социокультурной переориентации, где большинству населения еще только предстоит освоение качественно новой социальной роли [*Авраамова*, с. 223; *Рывкина*, с. 267—272]. При этом нужно быть готовым к тому, что новая роль окажется неожиданной и нежеланной, поскольку процесс трансформации рынка труда связан с неизбежными социальными издержками. Главной из них является возникновение и широкое распространение такого ранее неизвестного россиянам феномена, как безработица и нестабильная занятость.

Безработица и нестабильная занятость во всем мире воспринимаются как эндемическое и неизбежное явление рыночной экономики, в основе которой лежит принцип эффективности. Однако российская пореформенная ситуация в сфере занятости развивалась достаточно специфично. Экономическая эффективность была принесена в жертву социальной стабильности, и в России была избрана стратегия поддержки неэффективных производств с целью предотвращения массового высвобождения работников. Такой, по выражению Т. Малевой, «сознательный макроэкономический выбор» [*Малева*, с. 132—136] вылился в формирование большой скрытой безработицы. Среди стран трансформационного типа по масштабу развития этого явления у России практически не оказалось аналогов. На практике для миллионов людей это означало

обострение проблем занятости и положение скрытых безработных при нежелании государства признать их таковыми. В. Радаев очень удачно назвал этих людей «забытыми властью» [*Радаев*]. По данным ВЦИОМ, в 1999 г. 14% опрошенных работников сообщили, что им приходилось переходить на сокращенный рабочий день, неполную рабочую неделю; 15% уходили в неоплачиваемый отпуск в связи с отсутствием работы на предприятии. Об использовании на предприятии административных мер регулирования занятости в общей сложности сообщили 23% опрошенных [*Перова*, с. 30—35].

В свете этого уже не кажется удивительным, что расхождения между результатами применения двух основных методов оценки уровня безработицы, из которых один в соответствии с Законом «О занятости» учитывает только зарегистрированных в органах государственной службы занятости, а второй в соответствии с требованиями Международной организации труда (МОТ) учитывает всех, кто в данный момент не имеет работы, ищет ее и готов к ней приступить, постоянно растут. И если в 1996 г. разрыв был троекратным, то к 1999 г. он достиг шести-семикратной величины. В июле 1999 г. безработица в России, исчисляемая по методологии МОТ, достигла рекордно высокого уровня — 14,2% экономически активного населения, в то время как ее регистрируемые показатели продолжали снижаться и находились в пределах 2,4% [*Влияние экономического кризиса*, с. 10]. Некоторое общее снижение показателей безработицы в 2000—2001 гг. не изменило тенденции в целом.

По данным МОТ, в 1998 г. в положении «скрытых безработных» (отправляемых в административные отпуска или переведенных на неполное рабочее время) оказалось 4—5 млн. человек, что позволило некоторым исследователям утверждать, что в реальности российская безработица выше открытых показателей на 7% [*Влияние экономического кризиса*, с. 4].

Именно эти факты, отражающие истинное положение дел в сфере занятости, служат основой для дискуссий об уточнении предметной стороны исследований безработицы в России. Ее официальная трактовка имеет мало общего с действительной ситуацией на рынке труда, поскольку не учитывает массовые группы работников неблагополучных предприятий, которые регулярно выталкиваются в состояние кризисной занятости или вынужденной незанятости. Кроме того, известно, что подавляющее большинство россиян, теряющих работу, предпочитают не регистрировать статус безработного, слабо надеясь на возможности государственных служб помочь

им в этой ситуации. Стремясь преодолеть или переждать проблемы с занятостью самостоятельно, они не менее официально зарегистрированных безработных страдают от низких жизненных стандартов и крайней степени нестабильности.

Т. Четвернина считает, что расширенная трактовка статуса безработного могла бы принять во внимание тех, кто «в определенный период не может: 1) использовать индивидуальный трудовой потенциал в той мере, в какой хотелось бы, и 2) получать за это соответствующее вознаграждение» [*Четвернина*, с. 225, 226]. Другие исследователи рассматривают скрытую безработицу как кризис занятости, наиболее острые фазы прохождения которого можно было бы облегчить специальными мерами государственной политики [*Гордон*, с. 12]. Третьи говорят о таких скрытых формах безработицы, как «мутантная безработица» работающих, не получающих заработную плату, «безработица неуволенных», проявляющая себя в избытке рабочей силы, недоиспользовании трудового потенциала квалифицированных кадров («underemployment»), «выталкивании разочарованных безработных», вынужденно выбывающих с рынка труда [*Гордон, Клопов*, с. 24—34; *Емцов*; *Кабалина, Рыжикова*; *Соболева*; *Четвернина*, с. 223—233].

Статистически отследить масштаб этих явлений крайне сложно, в том числе и потому, что затруднен методологический консенсус по поводу их характера и трактовки. Тем не менее односторонний подход к пониманию сути российской безработицы — это наиболее уязвимая сторона многих исследований, избирающих в качестве объекта изучения только тех, кто официально зарегистрирован государством в качестве безработного, или тех, кто соответствует понятию безработного по определению МОТ. Для получения полного представления об этом социальном явлении социологам необходимо учитывать особенности объекта изучения в специфически российском контексте, а также постоянно совершенствовать и уточнять предметную сторону проблемы.

Социологические опросы позволяют более наглядно представить себе действительное положение на российском рынке труда, чем данные статистики (серьезную систематическую работу в этом направлении проводит, например, ВЦИОМ) [*Куприянова*, с. 28—31; *Перова*, с. 30—35; *Гордон*, с. 12]. Более глубокому пониманию проблемы немало способствуют те исследователи, которые проводят сравнительный анализ работающего и безработного населения, тем самым рассматривая безработицу в контексте синхронных с ней со-

циально-экономических процессов [*Гордон, Клопов* 2000, с. 24—34]. Еще одним важным источником информации в этой области являются данные RLMS. Изучение проблем занятости основано в этом исследовании на включении в анализ максимально возможного спектра переменных (структуры домохозяйства, положения с занятостью у всех его членов, совокупного дохода, здоровья, образования и других ресурсов семьи, региональных возможностей занятости и т.д.) [*Свaффорд и др.*, с. 157], способных оказывать непосредственное влияние на положение и поведение человека.

В русле расширительного подхода к пониманию безработицы уже получены многие интересные результаты. Исследования реструктуризации российского рынка труда, проведенные В. Кабалиной и С. Кларком во второй половине 1990-х гг. [*Structural Adjustment*, с. 3], показали, что по меньшей мере треть экономически активного населения России испытывает проблемы с полной, регулярно оплачиваемой занятостью. Положение, в котором оказываются эти люди, имеет определенные закономерности развития и ярко выраженные социально-экономические последствия, поэтому даже если оно не укладывается в классическое понимание безработицы, то вполне может расцениваться как кризис занятости. На наш взгляд, именно это явление, максимально полно характеризующее действительную ситуацию на российском рынке труда, должно становиться центральным предметом исследований особенностей безработицы в России.

Именно такой подход был положен в основу нашего исследования. На наш взгляд, он дает возможность сосредоточиться не только на «верхушке» российской безработицы, но и на «подводной части айсберга», более внимательно анализировать особенности положения и поведения людей, испытывающих различные по своему характеру проблемы с занятостью. Изучение кризиса занятости, а не просто безработицы, позволяет учесть сосуществование в России разных ее типов (регистрируемая, фактическая, скрытая безработица). Кроме того, сам анализ проблемы в этом случае основывается на логике взаимосвязанных явлений и процессов: «становление рынка труда — адаптационный ресурс различных групп населения — типы поведения различных групп населения на рынке труда — безработица» [*Тихонова*, с. 241—243].

Таким образом, основной предпосылкой предпринятого анализа стратегий выживания домохозяйств, имеющих проблемы с занятостью у кого-то из членов семьи, стало признание сосуще-

ствования различных форм кризиса занятости, с которым приходится сталкиваться и который приходится преодолевать людям на этапе рыночной трансформации рынка труда. Эта задача предполагала более широкую, чем это обычно принято в исследованиях безработицы, трактовку как объекта, так и предмета изучения. Однако подобная трактовка позволяла наиболее полно изучить не только особенности российской безработицы и безработных как таковых, но и перспективы людей, сталкивающихся с проблемами в сфере занятости в различных проявлениях; стратегии выживания домохозяйств, оказывающихся в наиболее неблагоприятной ситуации; роль государственной социальной политики применительно к различным формам обострения проблем занятости.

Но прежде всего хотелось бы уточнить, каковы в современной России масштабы кризиса занятости. По данным всероссийского репрезентативного опроса, проведенного РНИСиНП осенью 2000 г., кризис занятости у кого-то из членов семьи характеризовал положение 24,1% российских домохозяйств. К домохозяйствам, затронутым кризисом занятости, при этом нами были отнесены семьи, заявлявшие, что в их составе есть безработные, или что в их составе есть лица, испытывающие трудности с постоянной работой (частично занятые, находящиеся в вынужденных отпусках, работающие нестабильно, с перерывами).

В некоторых российских регионах эта доля оказалась заметно большей: проблемы с работой присутствовали у кого-то из членов семьи в каждом третьем домохозяйстве, проживающем в северных и дальневосточных регионах России, а также в избранном нами для углубленного обследования Центральном Черноземье. В Москве эти проблемы затронули меньшее количество домохозяйств, но и здесь их доля оказалась немалой: от кризиса занятости в той или иной его форме страдали 20,4% московских семей.

Кризис занятости, судя по результатам этого общероссийского опроса, для трех четвертей охваченных им семей означал реальную безработицу, для четверти — нестабильность занятости одного из ее членов (значительно реже — нескольких из них). В одном и том же домохозяйстве две основные формы кризиса занятости пересекались лишь в 1,2% случаев, однако такая ситуация практически всегда означала крайне бедственное материальное положение семьи.

Приведенные данные отражают достаточно тревожную ситуацию с безработицей в России. Они существенно расходятся с относительно спокойной официальной картиной. Значительно боль-

шая, чем это принято считать, доля российского населения сталкивается в своей повседневной жизни с серьезными проблемами в сфере занятости. Особенно важно подчеркнуть, что проблема поразному проявляет себя в различных регионах. Причем на региональном уровне различаются не только масштабы распространенности кризиса занятости, но и его формы. Например, для москвичей кризис занятости только в половине случаев означал наличие безработного в семье, преимущественно выражаясь в трудностях с постоянной работой, проблемах с ее стабильностью. В подавляющем же большинстве российских регионов он в основном заявлял о себе через открытую безработицу кого-то из членов домохозяйства (доля безработных составляла в них примерно 70—90% от испытывавших кризис занятости).

Поэтому основной целью нашего углубленного обследования в 1996—1997 гг. панели из 240 домохозяйств, члены которых находились в ситуации кризиса занятости, стал анализ стратегий выживания населения на фоне реальных процессов, происходящих на региональных рынках труда.

Острые проблемы в сфере занятости выявлялись в 1996 г. среди кризисных групп на рынке труда (КГРТ) в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже, начиная с группы нестабильно занятых работников, находящихся в вынужденных неоплачиваемых отпусках или работающих неполное рабочее время по инициативе работодателя. Следующей обследуемой группой были люди, получившие формальное предупреждение об увольнении, которые в дальнейшем частично перетекали в еще одну группу — официально зарегистрированных безработных. Наконец, последней группой обследуемых в 1996 г. были преодолевшие кризис занятости и трудоустроившиеся после безработицы.

Повторное исследование 1997 г. показало, однако, что преодоление кризиса занятости на практике оказалось шире понятия формального трудоустройства. Об изменении ситуации с занятостью респондентов свидетельствовали не только данные о нашедших новую работу (27% представителей КГРТ), но и появление на втором этапе исследования групп самозанятых (6%), частично занятых (7%) и нормализовавших занятость по старому месту работы (28%).

Занятые выделялись как на основании формального обладания работой (зарегистрированного в отделе кадров по месту работы), так и по факту получения ими регулярных доходов от теневой неформальной занятости. Тот же подход, основанный на причис-

лении к занятым всех, кто имеет доходы от любой формы трудовой деятельности, использован группой В. Кабалиной и С. Кларка, изучавшей новые формы занятости и способы выживания домохозяйств в условиях реструктуризации рынка труда [*Занятость и поведение домохозяйств*, с. 288, 289]. На втором этапе исследования занятыми считались все, кто имел занятие, приносящее доход, а характер занятости зависел от способа и регулярности получения дохода. Частично занятые, работающие нерегулярно, не в полном режиме, с большими вынужденными перерывами, включая находящихся в неоплачиваемых отпусках, причислялись к группе нестабильно занятых, т.е. не преодолевших кризис занятости по старому месту работы или на новом месте, обретенном после безработицы. Принятая классификация максимально соответствовала целям исследования, хотя и отличалась от официального определения занятости, применяемого статистическими органами.

Как показало исследование, избавиться от кризиса занятости удалось прежде всего тем, чей режим работы нормализовался на старом рабочем месте, и тем, кто осуществил успешное трудоустройство (предполагавшее отсутствие явных признаков нестабильной занятости на новом рабочем месте — вынужденных неоплачиваемых отпусков, неполного рабочего времени, хронических невыплат зарплат). Причем более перспективным способом избавления от кризиса занятости оказалось новое место работы, а не сохранение старого на испытывающем трудности предприятии.

Однако ситуация у скрытых безработных, находившихся в неоплачиваемых отпусках на своих старых предприятиях, все-таки развивалась заметно лучше, чем у открытых безработных. По крайней мере, безработными де-факто они становились редко. Правда, подобный «успех» имел весьма относительный характер: только половине скрытых безработных в конечном итоге удалось нормализовать занятость по старому месту работы в течение года наблюдений. Добавим также, что, судя по результатам исследования, те, кто когда-либо сталкивался с кризисом занятости в любой его форме, обнаруживают явную тенденцию возникновения его рецидивов и воспроизводства «ядра» «застрявших» в этом состоянии людей.

Учитывая важность этого вывода, проиллюстрируем его конкретными историями тех 19 человек из первоначальной панели 1996 г., наблюдение за которыми продолжалось вплоть до 2001 г.

Четверо из этих 19 принадлежали в 1996 г. к группе официальных безработных. По итогам пяти лет наблюдений выяснилось, что удалось нормализовать свою занятость только одной респон-

дентке из этой группы, которая трудоустроилась социальным работником (посещение инвалидов на дому). Однако сама она оценивала свою занятость как частичную, поскольку нагрузка зависела от ее желания. Что касается трех остальных, то одной респондентке, «сокращенной» из расформированного НИИ, за пять лет работу найти так и не удалось, хотя она ее активно искала (смотрела рекламу, читала объявления, звонила на предприятия) и даже при проведении опроса в 2001 г. интересовалась, нет ли для нее работы интервьюера. Второй респондент, который был уволен в 1996 г. с Бирюлевского мясокомбината по дисциплинарным основаниям, с тех пор так нормально никуда и не устроился, хотя с перерывами работал на рынке (был продавцом, экспедитором, грузчиком), и в конечном итоге спился. Занятость его все время носила частичный и неоформленный характер. Третья респондентка работу тоже не нашла, но была в 1998 г. признана инвалидом, а в 2000 г. умерла после инсульта.

Семь человек из 19, являвшихся объектами пятилетнего мониторинга, принадлежали в 1996 г. к группе нестабильно занятых. В целом за 5 лет двое из них (мужчина и женщина) стали безработными. Двое мужчин работали вплоть до 2001 г. на том же месте (причем один из них за это время вышел на пенсию, но продолжал подрабатывать). При этом положение на их предприятиях нормализовалось, что привело и к нормализации их занятости. Один респондент оставался безработным вплоть до 2000 г. и не стремился к трудоустройству, так как подрабатывал извозом и был занят строительством дома, но к моменту опроса в 2001 г. все-таки вышел на новую работу. Две респондентки нашли новую работу, причем обеим пришлось для этого сменить специальность: в одном случае респондентка после увольнения с ЗИЛа, где была крановщицей, поступила работать дренажницей в метро, а другая респондентка-мигрантка после развала своего микробизнеса (торговли на Арбате) благодаря возможности занять денег на переобучение и высшему медицинскому образованию получила сначала специальность массажистки, а затем врача-гомеопата и к 2001 г. имела частную практику в Москве.

Трое из 19 человек принадлежали в 1996 г. к группе предупрежденных об увольнении. Один из них время от времени подрабатывал (подряжался реставрировать церковь, строить коровники), но к 2001 г. уже нигде не работал (имел проблемы с наркотиками, лежал в больнице). Второй (одинокий отец с двумя детьми) вышел на работу на завод, но систематического заработка так и не

имел из-за проблем на своем новом предприятии и оценивал свою работу как «плохую». Третья (инвалид-лилипут с высшим образованием, очень активная и абсолютно дееспособная) осталась безработной.

Наконец, пять человек принадлежали в 1996 г. к группе трудоустроившихся после увольнения. Эта подгруппа продемонстрировала очень высокую мобильность в сфере занятости, практически все пятеро неоднократно сменили место работы. В результате по итогам пяти лет только двое имели более-менее стабильную занятость, причем одна из респонденток поменяла для этого специальность. Двое работу потеряли и перешли на частичную самозанятость. Пятая респондентка, экономист по образованию, не согласившись на предложение службы занятости устроиться диспетчером в РЭУ, длительное время была зарегистрированной безработной. В 2000 г. по протекции друзей она трудоустроилась офис-менеджером в частную фирму.

Как видим, нормализация занятости представляла собой для этих людей скорее исключение, чем правило, и там, где все же происходила, была связана обычно со сменой специальности или (для нестабильно занятых) с нормализацией положения на их предприятии.

Кроме того, следует учитывать специфику преодоления кризиса занятости в разных регионах. Изначально мы предполагали, что возможности и шансы жителей различных регионов в период обострения проблем с работой должны будут определенным образом различаться. Однако на практике региональная специфика проявляла себя не столько в наличии самих возможностей нового трудоустройства (они присутствовали везде практически в равной степени), сколько в проблеме его успешности, стабильности, перспектив нормального режима работы на новом рабочем месте. С этой точки зрения шансы воронежцев полностью избавиться от кризиса занятости оказались заметно ниже, чем, например, у москвичей.

Тем, кто когда-либо побывал в статусе безработного в Воронеже, даже в случае возвращения к работе гораздо реже, чем в Москве, удавалось получить рабочее место, не воспроизводившее впоследствии кризисной занятости. Треть трудоустройств официальных безработных, осуществленных еще на первом этапе исследования, год спустя вылилась в возобновление кризиса занятости уже на новом рабочем месте, а те воронежские официальные безработные, которые изменили свою трудовую ситуацию к исходу

второго этапа опроса, в большинстве своем оказались нестабильно заняты в теневом неформальном секторе рынка труда. Доля успешных трудоустройств, возвращения к нормальной стабильной работе была в Воронеже явно ниже, чем в Москве (в Воронеже только 60% нашли новую работу как на формальной, так и на теневой основе при 90% вернувшихся к работе москвичей). При этом доля трудоустройств вообще в этих двух городах практически не различалась. Показательно, что ни один воронежец, имевший работу на первом этапе исследования, не рискнул ее потерять, перейдя в статус открытого безработного: ее предпочитали сохранить, пусть даже в нестабильном, кризисном варианте.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Кризис занятости — особое состояние работника на рынке труда, отличающееся как от классической, «нормальной» занятости (предполагающей наличие стабильной оплачиваемой работы), так и от классической безработицы. Люди, попавшие в ситуацию кризиса занятости, будь то неоплачиваемые отпуска или официальная и фактическая безработица, даже при нахождении ими работы имеют относительно большие шансы вновь оказаться в ситуации кризиса занятости. Это значит, что на российском рынке труда уже сформировалась особая социальная группа, характеризующаяся относительно большим риском ухудшения своего положения в дальнейшем.

2. Положение в кризисных группах меняется по-разному в зависимости от состояния регионального рынка труда, однако динамика статуса занятости респондентов в разных регионах все же имеет ряд общих тенденций.

3. Существенное значение для ситуации в сфере занятости имеет обострение проблем трудоустройства россиян.

С учетом последнего обстоятельства одной из важных проблем исследования стал анализ причин увольнения вообще и причин «застревания» респондентов в числе хронических безработных.

Причины увольнений и трудовая мобильность

Говоря о причинах попадания в кризисные группы на рынке труда, необходимо выделять объективные и субъективные причины (то, как воспринимает свое положение сам респондент), а так-

же официальные причины, которые отражаются в соответствующих документах. В данном параграфе будут рассмотрены две последние группы причин, а в следующем — объективные причины кризисной занятости.

Наиболее простую картину представляют собой официальные причины увольнений. Большинство опрошенных в 1996 г. безработных и трудоустроившихся после периода безработицы представляли собой «классических» безработных в том смысле, что работу они потеряли в связи с сокращениями штатов (40%), ликвидацией их предприятий (7%) или окончанием срока временной работы (5%). В то же время почти половину опрошенных (44%) составляли люди, которые в качества официальной причины увольнения назвали «собственное желание».

Субъективно же респонденты из групп безработных и трудоустроившихся после периода безработицы связывали свое увольнение со сложностями, переживаемыми их отраслью или предприятием, а в конечном счете — с происходящими в стране реформами. И в определенном смысле они были правы, так как до реформ увольнение каждого сотрудника воспринималось как чрезвычайное происшествие и вряд ли оно могло бы их коснуться. Тем не менее почти треть опрошенных в 1996 г. безработных и предупрежденных об увольнении работали до увольнения в тех отраслях, которые не только не переживали кризиса, но и находились в условиях весьма благоприятных. Это транспорт и связь, жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, торговля и общественное питание. Правда, ряд респондентов все-таки назвали достаточно серьезные личные причины, по которым произошло их увольнение: из-за плохих взаимоотношений с руководством — 20% официальных безработных и 10% предупрежденных об увольнении, по состоянию здоровья — 7% безработных и 6% предупрежденных об увольнении, из-за загруженности семейными проблемами — 3% безработных и 10% предупрежденных об увольнении).

Год спустя (во время опроса 1997 г.) большинство этих людей оказались в числе официальных или фактических безработных. Из числа опрошенных нами безработных особенно много в 1997 г. оказалось тех, кто в качестве реальной причины своего увольнения назвал в опросе 1996 г. здоровье (70%). Заметно меньше оказалась доля уволенных из-за конфликтов с руководством (42%); 31% опрошенных безработных составили те, кто среди причин обострения проблем в области занятости назвал свою семейную ситуацию. Та-

ким образом, те, кто в 1996 г. связывал подобное обострение со структурной перестройкой экономики, кризисом отрасли или положением своего предприятия, в основной своей массе успешно трудоустроились (официальных и фактических безработных среди них было 26%, а имеющих полную занятость — 58%). Те же, кто имел личные основания для обострения проблем занятости, особенно плохое здоровье и неумение правильно строить отношения с руководством, попали в число хронических безработных.

Отдельно нужно сказать несколько слов о причинах попадания людей в группу лиц с нестабильной занятостью. В подавляющем большинстве респонденты из этой группы также называли в качестве основной причины тяжелое положение, в которое попало предприятие, а многие добавляли к этому и тяжелое положение отрасли в целом. Для них это в основном соответствовало действительности, так как они работали в тех отраслях, которые переживали кризис. Кроме того, члены этой группы составляли по своим объективным характеристикам «костяк» любого крупного предприятия. Образование, стаж работы по основной специальности, опыт работы как квалифицированного специалиста умственного или физического труда, значимость этой работы для респондентов, дисциплинированность, пол, возраст — все это выгодно отличало их от других групп.

Неудивительно, что эти различия проявились при анализе трудовой мобильности респондентов (табл. 8.1, 8.2).

Таблица 8.1 **Изменение статуса респондентов в сфере занятости (за период между опросами 1996 и 1997 гг.) по массиву в целом*, человек (%)**

1996 г. / 1997 г.	Безработные	Нестабильно занятые	Предупрежденные об увольнении	Трудоустроившиеся	Всего
Безработные	32 (44)	4 (6)	9 (18)	3 (5)	48 (19)
Нестабильно занятые	2 (3)	19 (30)	2 (4)	3 (5)	26 (11)
Предупрежденные об увольнении	0	1 (2)	0	1 (2)	2 (1)

Окончание таблицы 8.1

1996 г. 1997 г.	Безработные	Нестабильно занятые	Предупрежденные об увольнении	Трудоустроившиеся	Всего
Трудоустроившиеся	21 (30)	19 (30)	26 (50)	37 (67)	103 (42)
Фактически безработные	13 (17)	1 (1)	5 (10)	7 (13)	26 (11)
Нормально работали *	0	16 (25)	6 (12)	2 (4)	24 (10)
Самозанятые	4 (6)	3 (5)	3 (6)	2 (4)	12 (5)
Не ответили	0	1 (1)	0	0	1 (1)

* Поскольку группировка на втором этапе осуществлялась по самоидентификации респондентов, она несколько отличалась от группировки на первом этапе. Так, вышедший на пенсию из-за проблем с работой, или самозанятый со статусом безработного, или находящий в вынужденном отпуске мог характеризовать себя как фактически безработного и т.п. Эти неточности мало влияли на общие результаты исследования, но приводили к рассогласованиям в несколько процентов при сравнении ответов на различные вопросы анкеты, связанные с незанятостью/занятостью респондентов.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе и как видно из табл. 8.1, и официальные безработные, и трудоустроившиеся после периода официальной безработицы имели достаточно большое и устойчивое ядро, которое сохранилось год спустя. Среди же нестабильно занятых это ядро было относительно небольшим (30%) и включало в себя самых пожилых высококвалифицированных специалистов из этой группы, работавших в сфере науки, образования и ВПК. Лишь каждый восьмой из этой группы стал безработным и около половины в 1997 г. работали успешно. Таким образом, в группе нестабильно занятых ситуация у респондентов складывалась успешнее, чем у официальных безработных. Еще благополучнее была ситуация в группе предупрежденных об увольнении. Сразу или с некоторым перерывом трудоустроилось две трети этой группы, и лишь каждый десятый оказался безработным («официальным» или «фактическим»).

Всего за время между опросами из всех групп работу сменили 108 человек (45% от всего массива), т.е. трудовая мобильность респондентов была очень высокой. Косвенно это служит еще одним подтверждением достаточно больших возможностей трудо-

устройства, предоставляемых рынком труда в городах опроса. Однако общая картина динамики статуса занятости (незанятости) респондентов существенно изменится, если мы рассмотрим ее по каждому из трех городов, где проводили исследование (табл. 8.2).

Таблица 8.2 **Изменение статуса респондентов в сфере занятости за период между опросами 1996 и 1997 гг., человек (%)**

Группы 1997 г.	Москва	Воронеж	Петербург	По массиву в целом
Перераспределение внутри группы официальных безработных 1996 г.				
Официально безработные	14 (47)	11 (73)	6 (24)	31 (45)
Нестабильно занятые	0	1 (7)	0	1 (1)
Предупрежденные об увольнении	0	0	0	0
Трудоустроившиеся	8 (27)	1 (7)	12 (48)	21 (30)
Фактически безработные	6 (20)	2 (13)	7 (28)	15 (21)
Нормально работали	0	0	0	0
Самозанятые	2 (6)	0	0	2 (3)
Всего по официальным безработным 1996 г.	30 (100)	15 (100)	25 (100)	70 (100)
Перераспределение внутри группы с нестабильной занятостью 1996 г.				
Официально безработные	3 (14)	5 (36)	0	8 (14)
Нестабильно занятые	1 (4)	1 (7)	9 (43)	11 (19)

Продолжение таблицы 8.2

Группы 1997 г.	Москва	Воронеж	Петербург	По массиву в целом
Предупрежденные об увольнении	0	0	1 (4)	1 (2)
Трудоустроившиеся	10 (46)	7 (50)	9 (43)	26 (46)
Фактически безработные	4 (18)	1 (7)	0	5 (9)
Нормально работали	2 (9)	0	1 (10)	4 (7)
Самозанятые	2 (9)	0	0	2 (3)
Всего по нестабильно занятым 1996 г.	22 (100)	14 (100)	21 (100)	57 (100)
Перераспределение внутри группы предупрежденных об увольнении 1996 г.				
Официально безработные	4 (16)	0	1 (7)	5 (9)
Нестабильно занятые	9 (36)	2 (12)	0	11 (19)
Предупрежденные об увольнении	1 (4)	0	0	1 (2)
Трудоустроившиеся	8 (32)	2 (12)	9 (60)	19 (33)
Фактически безработные	0	1 (6)	1 (7)	2 (4)
Нормально работали	3 (12)	12 (70)	4 (26)	19 (33)
Самозанятые	0	0	0	0
Всего по предупрежденным об увольнении 1996 г.	25 (100)	17 (100)	15 (100)	57 (100)

Окончание таблицы 8.2

Группы 1997 г.	Москва	Воронеж	Петербург	По массиву в целом
Перераспределение внутри группы трудоустроившихся после периода официальной безработицы 1996 г.				
Официально безработные	1 (4)	1 (7)	1 (6)	3 (5)
Нестабильно занятые	2 (9)	1 (7)	0	3 (5)
Предупрежденные об увольнении	1 (4)	0	0	1 (2)
Трудоустроившиеся	17 (74)	8 (57)	13 (72)	38 (69)
Фактически безработные	2 (9)	4 (29)	2 (11)	8 (15)
Нормально работали	0	0	2 (11)	2 (4)
Самозанятые	0	0	0	0
Всего по нестабильно занятым 1996 г.	23 (100)	14 (100)	18 (100)	55 (100)

Как видно из табл. 8.2, наиболее благополучным было положение в Петербурге, а самым тяжелым — в Воронеже. Распределение работающих по отраслям, формам собственности и численности работающих на предприятиях показывает, что основной поток трудоустройства в период между двумя опросами шел на крупные (более тысячи работающих) акционерные предприятия. Особенно характерно это было для Петербурга. Следом в 1997 г., как и в 1996 г., шли мелкие и средние частные предприятия.

В то же время среди безработных основная масса либо предпочла бы работать на государственных предприятиях (25%), либо вообще не смогла определить своих предпочтений (42%). Ни один человек не хотел работать на крупном акционерном предприятии, а на частных предприятиях хотели бы работать только 16% безработных. Среди трудоустроившихся многие не смогли

определить своих предпочтений, но число стремившихся работать на частных и акционерных предприятиях составляло 28%. Это значит, что объективные возможности трудоустройства и стремления людей, попавших в ситуацию кризиса занятости, носили разнонаправленный характер.

С точки зрения перераспределения кадров между отраслями основной отток шел из тяжелой и оборонной промышленности (в 1997 г. там работали 28 человек против 62 в 1996 г.), трудоустройство же было направлено прежде всего в торговлю (36 человек в 1997 г. против 22 в 1996 г.), в жилищно-коммунальное хозяйство, на транспорт, в строительство и бюджетные отрасли. Таким образом, тенденции перераспределения рабочей силы между отраслями в обследованном массиве в целом совпадали с тенденциями, зафиксированными статистикой применительно к рынку труда изучавшихся городов.

Как видим (табл. 8.3), официальные безработные использовали те же методы ее поиска, что и остальные респонденты. Однако при более детальном анализе стратегий поиска работы, в особенности при сравнении путей поиска работы и путей, которые привели к ее реальному нахождению (трудоустроившимся задавали отдельный вопрос о том, как они устроились на работу), было отмечено, что трудоустроившиеся искали ее более активно, больше лично обращались на предприятия, давали объявления о поиске работы, просили помочь с работой своих знакомых. Впрочем, реально основных путей трудоустройства все равно оказалось только два — по рекомендации знакомых, в том числе бывших коллег по работе (почти половина всех трудоустроившихся), и трудоустройство через службу занятости (около трети трудоустроившихся).

В этой связи нужно сказать об оценке респондентами деятельности службы занятости. Оценивая различные стороны работы службы занятости, респонденты при ответах на разные вопросы последовательно повторяли свои оценки. Такая устойчивость ответов свидетельствует об осознанной позиции в вопросе оценки работы службы занятости.

Сразу нужно отметить, что отношение к респондентам сотрудников службы занятости в целом оценивалось положительно, две трети оценили его на «хорошо» и «отлично». Практически никто не жаловался на то, что получал отказ в выплате пособия. Среди жалоб же присутствовали ответы, свидетельствовавшие о непонимании самого смысла пособия по безработице, типа «сказали, что

больничный лист не оплачивается». Некоторые респонденты, попавшие в опросе 1997 г. в группу фактически безработных, были без предупреждения сняты с учета в службе занятости, но проверка показала, что их стаж безработицы превысил год и они не ходили своевременно отмечаться в службу занятости. Усложненная процедура оформления пособия (прежде всего очереди, которые приходится выстаивать в службе занятости для переоформления пособия) при его относительно небольших размерах привела к тому, что довольны этой сферой деятельности службы занятости были всего около половины тех, кто когда-либо его получал, а недоволен ею был каждый четвертый.

Таблица 8.3 **Выбор путей поиска работы*, %**

Пути поиска	Официальные безработные	Все представители КГРТ
Через рекламу в газетах, на радио, телевидении	67	48
Через друзей, родственников или знакомых	61	62
Личное обращение на предприятия	41	40
В частном агентстве по трудоустройству	20	15
Размещение собственного объявления	2	6
Другое	2	5
Не пытался трудоустроиться	15	13

* *Допускалось несколько ответов.*

Выдача пособий поставлена нами в анализе деятельности службы занятости на первое место не случайно: ответы респондентов показали, что ее работа свелась в 1990-е гг. в основном к выплате пособий. Хотя большинство обращались в службу занятости не столько за тем, чтобы получить пособие, сколько за тем, чтобы получить подходящую работу или пройти переобучение (69%), фактически служба занятости справлялась с этими задачами плохо. Если на работу она еще как-то устраивала, хотя и редко (напомним, лишь треть трудоустроившихся нашли работу

именно через службу занятости), то с переобучением дело обстояло хуже. И хотя невозможность трудоустройства по старой специальности была в ряде случаев ясна сразу, переобучение было предложено только 17 респондентам. Это было связано с существовавшей в службе занятости практикой, при которой на переобучение люди обычно направлялись только после года безработицы. Кроме того, переобучение носило достаточно оторванный от жизни характер. Виноваты в этом были как служба занятости, которая организовывала курсы без учета реальной потребности рынка в тех или иных профессиях, так и сами респонденты, чье стремление сменить специальность имело косвенное отношение к вопросу их трудоустройства.

Вообще тяга к смене специальности в 1996—1997 гг. декларировалась довольно активно: около половины респондентов хотели переквалифицироваться. Причем из тех, кто хотел сменить специальность в 1997 г. (в том числе 57% всех безработных), большинство смогли назвать профессию, которую они хотели бы получить, а многие даже сумели указать зарплату (как правило, весьма высокую), которую получают сегодня представители этих специальностей. Но практически все эти специальности были связаны с квалифицированным умственным трудом, в том числе примерно в половине пожеланий — с работой в финансовой сфере, а остальные хотели приобрести профессии программиста, референта, модельера, переводчика-синхрониста, адвоката, киновидеооператора, ветеринарного врача, экономиста, социолога, психолога, психиатра, трейдера-прогнозиста и т.п. Все это специальности, требующие нескольких лет для их освоения и еще нескольких лет совершенствования в избранной специальности для получения той зарплаты, на которую были ориентированы респонденты, были заведомо бесперспективны для в большинстве своем немолодых людей, оказавшихся в числе опрошенных. Иначе как оторванными от жизни назвать такие их планы «переквалификации» было сложно.

Правда, несколько человек выбрали специальности более реалистично, назвав профессии слесаря-сантехника, автослесаря, водителя, сварщика, плотника и другие рабочие специальности с высоким уровнем оплаты труда, но появление и в этой группе ответов типа «автослесарь или менеджер» заставляет предполагать, что по крайней мере для части ориентированных на рабочую специальность это тоже были скорее прожекты, чем реальные планы.

Что же касается работы, то в основном опрошенным в службе занятости предлагали либо работу, не устраивавшую их по зарплате, либо работу, не соответствовавшую их квалификации. Как это ни удивительно, ни одному из респондентов служба занятости не предложила помощи в организации собственного дела, хотя число людей, пытавшихся его начать, составляло в нашем массиве несколько десятков человек. Для многих опрошенных оказалось откровением, что служба занятости вообще призвана оказывать в этом какое-то содействие.

В результате в 1997 г. менее двух третей респондентов были готовы зарегистрироваться в службе занятости в случае, если снова потеряют работу. Обращение в службу занятости было необходимо для получения пособия по безработице; найти через эту службу новую работу надеялись около четверти всех респондентов. В то же время среди тех, кто не планировал в будущем обращаться в случае безработицы в службу занятости, почти все ссылались на то, что она не помогает найти работу и что они сумеют заработать больше, чем пособие по безработице, за счет приработков. Таким образом, респонденты, в большинстве своем с учетом собственного опыта, четко определили роль службы занятости не как органа трудоустройства, а как органа выплаты пособия по безработице.

В заключение отметим, что трудовая мобильность не ограничивалась просто фактом трудоустройства. Как показывали ответы на вопросы из «дневника респондента», за год наблюдений 6 человек успешно начали свое дело; 16 — попытались его начать, но неудачно; 16 — окончили курсы переквалификации; 10 — начали обучаться на курсах переквалификации; 6 — были заняты на общественных работах; 11 — неоднократно поменяли за год место работы, при этом четверо из них в момент опроса 1997 г. были безработными; 11 — вышли на пенсию по возрасту и 3 человека — на пенсию по инвалидности; 64 — имели регулярные приработки; 97 — трудоустроились один раз, в том числе 7 человек, которые продолжали числиться официально безработными. Таким образом, трудовая мобильность респондентов была не просто высока, но и достаточно разнообразна.

Наибольшего внимания заслуживают в этой связи несколько моментов, тесно связанных с занятостью респондентов вообще.

Прежде всего — это региональные особенности форм трудовой мобильности. Например, общественные работы были представлены в Воронеже и Петербурге, но полностью отсутствовали в Мо-

скве. В Воронеже был выше удельный вес тех, кто неоднократно трудоустраивался на работу. Это было связано в основном с длительными задержками зарплат на предприятиях города (что было менее характерно для Москвы и Петербурга). В то же время в Москве и Петербурге шире были распространены приработки и занятие собственным бизнесом.

Во-вторых — это малоэффективность переподготовки безработных. Обучение их на курсах переквалификации трудоустройству помогало мало: нашли рабочее место менее половины окончивших курсы, так как переподготовка на них велась без учета особенностей рынка труда и запросов безработных, в том числе и по зарплате. Учеба на курсах была лишь способом для части респондентов подольше сохранить статус безработного, а не шагом к новой работе. Откровенно признали, что не заинтересованы в работе или не могут выйти на работу по семейным обстоятельствам 25% окончивших курсы.

В-третьих — это самозанятость, которая была распространена очень широко. Она включала: те 12 человек, которые имели свой бизнес в 1996 г. и сохранили его в 1997 г., и еще 6, добавившихся к ним в 1997 г.; 5 человек, которые охарактеризовали свой статус как «самозанятость» в 1997 г.; значительную часть тех, кто отметил «приработки» как форму занятости (обычно это были различные ремонтные и строительные работы на заказ, которые нигде не фиксировались). Примерно для 60% респондентов, имевших приработки, это была форма постоянной, хотя и не фиксируемой занятости, а у 40% — это действительно случайные разовые приработки, не имевшие существенного значения для улучшения их материального положения.

В этой связи нужно отметить, что если сам факт трудоустройства зависел прежде всего от респондента, а не от состояния рынка труда, то успешность трудоустройства и удовлетворенность новой работой связаны были в первую очередь именно с возможностями, предоставляемыми рынком труда, и его широтой, обусловливающей разнообразие выбора не только различных стратегий занятости, но и рабочих мест, соответствующих запросам респондентов. В результате объективных различий состояния рынка труда в Петербурге своей работой оказались довольны 63% трудоустроившихся после безработицы, а в Воронеже — только 43%. Причем наиболее заметное влияние на удовлетворенность работой имели: оценка «интересности» работы как одной из важней-

ших ценностей респондентов, отношение к понижению статуса при трудоустройстве, должностной и профессиональный статус.

Проблема статуса связана с тем, что основная часть респондентов трудоустраивались на должности с понижением статуса, в том числе для некоторых — весьма значительным. Так, среди тех, кто в 1996 г. идентифицировал себя как руководителя, таковыми в 1997 г. остались лишь 41%, заняли должности специалистов 30%, должности рабочих — 29%. Та же картина наблюдалась и при анализе трудоустройства специалистов. Из них 46% трудоустроились с понижением статуса, причем 21% — на должности рабочих. Из числа служащих в рабочие перешли 23%. Легче всего было трудоустроиться с сохранением своего статуса квалифицированным рабочим, хуже всего шло трудоустройство у неквалифицированных рабочих.

При этом только 40% респондентов были готовы в 1996 г. к понижению своего статуса при трудоустройстве. Естественно, что после трудоустройства с понижением статуса удовлетворенность работой была различной: среди тех, кто в 1996 г. осознанно шел на снижение своего статуса, удовлетворены работой были 59%; среди же тех, кто был к этому психологически не готов, в 1997 г. удовлетворены работой оказались только 37%.

Что касается «интересности» работы, то это вообще оказалась одна из центральных характеристик работы для наших респондентов. Большинство респондентов были ориентированы на интересную работу даже в ущерб заработку. Но понять роль этой характеристики для них в полном объеме можно лишь посмотрев, что они вообще ценят и чем недовольны в своей работе. В оценке ее главными для большинства были необременительность и содержание. Процент удовлетворенных чистотой и легкостью работы составлял соответственно 83 и 79. Процент тех, кто считал, что работа интересная и разнообразная, составлял соответственно 76 и 71 при среднем показателе удовлетворенности нынешней работой по массиву в 48%.

Респонденты постоянно упоминали низкий заработок как важнейшую причину отказа от работы и ее главную негативную характеристику, но статистически удалось зафиксировать связь между удовлетворенностью работой и показателями материального благосостояния только для двух беднейших групп, где доля удовлетворенных своей работой составляла всего 20%. На вопрос об удовлетворенности своей работой отвечали только те, кто ее имел, поэтому

подавляющее большинство безработных не давали ответа на этот вопрос. Представители всех остальных групп, от малообеспеченных до состоятельных, были удовлетворены своей работой практически одинаково (везде число удовлетворенных составляло около 50% группы), а главное значение имели для них именно необременительность и содержательность.

Субъективно респонденты из всех групп в основном связывали причины попадания в состояние кризисной занятости не с собой, а с положением своего предприятия и экономики в целом. Формально самую большую группу из них составляли уволенные по сокращению штатов, а фактически основная масса безработных и предупрежденных об увольнении были уволены в ходе достаточно массовых, но избирательных сокращений на крупных предприятиях, вынужденных в условиях перехода к рынку сокращать излишки рабочей силы.

Трудовая мобильность респондентов была высока и разнообразна, хотя в каждой группе 1996 г. имелось достаточно большое устойчивое ядро, которое сохранилось год спустя. Трудоустройство безработных встречалось гораздо реже, чем трудоустройство представителей других групп. Региональная дифференциация трудоустроившихся была очень значительна, хотя общие тенденции при этом сохранялись.

В соответствии с идущей структурной перестройкой основной отток работников шел из тяжелой и оборонной промышленности, а трудоустройство — прежде всего в торговлю, жилищно-коммунальное хозяйство, на транспорт, в строительство и в бюджетные отрасли. При этом если в 1996 г. трудоустройство шло в основном на мелкие и средние частные предприятия, то в 1997 г. наибольший поток трудоустроившихся шел на крупные акционерные предприятия, что, видимо, было связано с начинавшимся улучшением положения на некоторых промышленных предприятиях. Об этом же свидетельствовало улучшение обстановки на их предприятиях у части респондентов из группы нестабильной занятости 1996 г., которые в 1997 г. имели уже полную занятость на своих предприятиях.

Несмотря на разнообразие используемых путей поиска работы, реальных путей трудоустройства было только два — трудоустройство по рекомендации знакомых, в том числе бывших коллег по работе, и трудоустройство через службу занятости.

Функции службы занятости во второй половине 1990-х гг. состояли не столько в помощи в трудоустройстве, сколько в выпла-

те пособий. С этой функцией служба занятости справлялась в целом успешно, хотя размер пособий и действия, необходимые для его получения, вызывали недовольство безработных.

Удовлетворенность новой работой для большинства респондентов определялась тремя факторами. Один из них, системного характера, был связан с объективными возможностями местного рынка труда и обусловливал не только возможность рационального выбора той или иной стратегии занятости (например, приработков вместо полной занятости в Москве), но и удовлетворенность новой работой. Два других относились к числу личностных факторов и включали в себя готовность к понижению своего статуса, изменению характера деятельности и роль «интересности» работы в ее оценке (многих респондентов «интересность» работы могла примирить с низким заработком и понижением статуса).

Причины «застревания» в группах кризисной занятости

В предыдущем разделе были проанализированы причины попадания в кризисные группы на рынке труда. Однако причины попадания в ту или иную группу кризисной занятости и причины длительного в ней пребывания могут быть различны. Поэтому приведенные выше данные не помогали в ответе на вопрос: почему люди с одинаковыми профессиональными характеристиками в одних случаях трудоустроились, а в других остались безработными, хотя для части из них трудоустройство могло бы заметно улучшить их материальное положение? Картина избрания определенной стратегии занятости и «застревания» в КГРТ стала ясна после детальной обработки результатов интервью.

Сразу подчеркнем при этом, что при попытке вычленить связь статуса занятости с возрастом, полом, объективными показателями состояния здоровья (за исключением случаев получения инвалидности) и особенностями объективного профессионального статуса (уровень квалификации, образование, стаж и т.п.) никаких статистически значимых связей принадлежности респондентов к определенным группам по их текущей занятости выявлено не было. Это позволяет нам утверждать, что объективных препятствий для трудоустройства вообще представителей кризисных групп на

рынке труда практически не существовало, хотя найти работу, соответствовавшую желаниям респондента по всему комплексу факторов, действительно было для многих невозможно.

Анализ степени корреляционных связей статуса занятости по итогам года наблюдений (с ответами на все вопросы анкет обоих этапов исследования) обнаружил, что двумя наиболее значимыми переменными из нескольких сот анализировавшихся были отрасль, в которой работал респондент в 1997 г., и его статус занятости на первом этапе исследования. Так было получено еще одно подтверждение, во-первых, перераспределения рабочей силы между различными отраслями в ходе рыночных реформ как наиболее значимого «системного» фактора, способствующего решению проблем занятости, и, во-вторых, тенденции консервации респондентов в группах с определенным статусом занятости, при которой безработные, не трудоустраивающиеся в первые месяцы после потери работы, становятся хроническими безработными, и даже если на второй-третий год безработицы они выходят на работу, работа эта становится лишь эпизодом, после которого они очень быстро попадают вновь в число безработных (то же относится и к группе нестабильной занятости).

Следующая по значимости группа факторов, оказавших влияние на статус занятости респондентов в 1997 г., включала в себя два типа переменных: 1) количество отказов от работы и 2) причины, по которым респондент не искал работу. Обе эти группы фактически демонстрировали, что респондент работу не нашел, так как либо имел завышенные запросы, либо вообще не был заинтересован в работе, либо оба эти фактора действовали совместно. Поскольку именно эти факторы и раскрывают причины «застревания» в кризисных группах, они заслуживают более пристального рассмотрения.

Особый интерес в этой связи представляют частично уже затрагивавшиеся выше вопросы о том, что же ценили респонденты в работе, какие требования они к ней предъявляли и что обусловливало в конечном счете их удовлетворенность работой. Для получения ответов на эти вопросы в ходе исследования прежде всего была предпринята попытка выявить трудовые ценности респондентов. Отметим, что, по данным ряда исследований, в том числе исследований РНИСиНП, российское население, как и население других стран, считает работу второй по важности сферой жизни после семьи. Однако своеобразие россиян в том, что у них имеет

место один из самых больших в мире разрывов между субъективной важностью семьи и работы [*Магун*, с. 137—151]. Это связано с относительно более низкой значимостью ценности работы в сознании россиян. В нашем опросе 26% респондентов в прожективной ситуации получения большого наследства или крупного выигрыша предпочли бы вообще не работать.

Иерархия трудовых ценностей определялась на основе перечня 23 трудовых ценностей (составленного с учетом исследований В. Магуна), охватывающих практически все основные их категории: материальные и духовные, индивидуальные и социальные, инструментальные и содержательные, «внутренние» и «внешние», характеризующие затраты и результаты труда (табл. 8.4).

Таблица 8.4 **Трудовые мотивации и их роль в удовлетворенности работой в 1997 г.**

Значимые характеристики работы (мотивации)	Удовлетворенные работой, % среди приверженцев данной мотивации	Приверженцы данной мотивации, % от всех респондентов
Разнообразие	54	27
Нужна людям	45	34
Требует смекалки	48	17
Не очень утомляет	56	11
Возможность повышать квалификацию	71	16
Хороший заработок	49	74
Удобная сменность	63	20
Хорошая организация труда	54	18
Хорошие условия труда	50	32
Ритмичность	27	10
Техника безопасности	44	5
Хорошие отношения с товарищами	56	41
Хорошие отношения с администрацией	50	17
Интересная работа	55	42

Окончание таблицы 8.4

Значимые характеристики работы (мотивации)	Удовлетворенные работой, % среди приверженцев данной мотивации	Приверженцы данной мотивации, % от всех респондентов
Не наносит вреда здоровью	48	15
Забота об удовлетворении социально-бытовых потребностей	50	6
Спокойная работа	50	10
Возможность проявить инициативу	58	17
Справедливая оценка работников	39	11
Возможность использовать знания	58	16
Перспектива роста	64	14
Не приходится опасаться увольнения	33	19
Возможность заводить полезные связи	63	10

Иерархия трудовых ценностей замерялась на обоих этапах исследования и показала очень большую устойчивость. Только по 3 пунктам из 23 результаты за год изменились достаточно заметно. С 57 до 74% выросла значимость хорошего заработка, с 33 до 16% упала значимость возможности повышать свою квалификацию и с 28 до 18% упала значимость хорошей организации труда.

Как видим, в целом у всех опрошенных на первый план в иерархическом ряду трудовых ценностей вышла ценность высокого заработка, которая к тому же резко выросла за год наблюдений. В результате заработок значительно опередил в общей иерархии входящие в тройку лидеров ценности «интересной работы» или «хороших отношений с товарищами по работе». В то же время такие ценности, как «возможность проявить инициативу», «повысить свою квалификацию», характеризующиеся наличием достиженческой позиции, уходят в конец списка и частично потеряли популярность за период наблюдений. Более того, хотя большин-

ство респондентов отмечали важность связей и знакомств для получения хорошей работы, возможность завести на работе полезные для будущего связи также оказались в числе аутсайдеров.

В целом те, кто высоко оценивал и значимость хорошего заработка, оказывались также далеко не безразличными к тому, в каких условиях им приходится работать, пренебрегая в то же время трудовыми ценностями, предполагающими высокую самоотдачу в труде, инициативу, ответственность. Те же, чья позиция носила активно-достиженческий характер, были менее обеспокоены размером вознаграждения за свой труд. Так, среди приверженцев высокого заработка 38% отмечали значимость условий труда, а у тех, для кого размер заработка не входил в число наиболее значимых характеристик работы, условия труда были важны лишь для 16%. В то же время показатели важности возможности проявления инициативы составляли соответственно 13 и 30%, повышения квалификации — 14 и 24%, возможности завести полезные связи и знакомства — 7 и 18%.

При этом удовлетворенность работой и успешность трудоустройства были гораздо выше у тех, кто имел выраженные достижительные установки. Пять из шести наивысших значений удовлетворенности относятся именно к тем, для кого важны достижительные ориентации в работе. В среднем удовлетворенность работой в этой группе составляла около двух третей от входивших в нее респондентов.

Что же касается значимости достижительных установок для трудоустройства, то безработные демонстрировали в 2—3 раза меньшую озабоченность возможностью самореализации в труде, проявления самостоятельности и инициативы, повышения квалификации и профессионального роста, чем трудоустроившиеся, зато у них отмечалась заметно более выраженная ориентация на такие ценности, как «хороший заработок» (92% у безработных и 72% у трудоустроившихся), «спокойная работа» (соответственно 21 и 8%), «хорошие отношения с администрацией» (26 и 15%), «справедливая оценка работников» (17 и 9%) и другие ценности, характеризующие комфортность работы.

Таким образом, люди, успешно преодолевшие кризисный период в своей трудовой биографии, демонстрировали гораздо более выраженное стремление иметь работу, дающую возможность полнее использовать свои знания и способности, проявить инициативу и предприимчивость. Они также придавали существенно

большую значимость возможности повысить свою квалификацию и в конечном итоге продвинуться по служебной лестнице. Ориентированность вновь трудоустроившихся на такую трудовую ценность, как «перспектива роста», оказалась втрое более выраженной, чем у безработных, и регрессионный анализ выявил этот показатель в числе одной из главных переменных, по которым эта группа отличалась от безработных.

Особенности трудовых мотиваций и значимости различных характеристик работы отразились и на запросах респондентов по отношению к ней. Для состояния рынка труда того времени эти запросы были достаточно высоки. Более половины опрошенных искали работу обязательно по специальности (единственное исключение здесь — нормально трудоустроившиеся без периода безработицы, среди них к смене специальности при трудоустройстве были готовы около 60%).

Подавляющее большинство респондентов не были согласны на плохие условия труда («грязную» работу), 87% — на плохие взаимоотношения в коллективе, две трети — на неудобный график и неинтересную работу, более половины — на удаленность работы от дома. К требованиям, чтобы работа, на которую они согласны, была во всех отношениях удобна, добавлялось требование высокой зарплаты. Причем уровень требований по зарплате также был завышен. На зарплату менее 800 тыс. руб. (что примерно соответствовало среднемесячной начисленной заработной плате в целом по экономике и среднедушевым денежным доходам населения в период исследования) были согласны лишь 23% опрошенных (в основном в Воронеже, где средняя зарплата по городу была намного ниже, чем в Москве и Петербурге), зато больше половины претендовали на зарплату больше миллиона рублей. При этом 90% респондентов не соглашались на работу с маленькой зарплатой даже при условии выполнения всех остальных требований к работе.

Если от всего массива опрошенных перейти к полностью безработным, то, как оказалось, их запросы в ряде случаев даже превосходили показатели по массиву в целом. Достаточно сказать, что две трети безработных в течение 1996—1997 гг. отказывались от трудоустройства с понижением статуса. Статус оказался сдерживающим фактором трудоустройства даже для наиболее депривированных групп безработных, особенно немолодых одиночек из числа «новых бедных». При этом лишь менее четверти безработных,

входивших в две наиболее бедные группы (из шести выделенных в ходе исследования групп, различавшихся по уровню благосостояния), выразили готовность работать за зарплату меньше миллиона, даже если по всем остальным позициям работа являлась подходящей. Среди беднейшей группы были и такие, кто назвал как рубеж для своего согласия выйти на работу зарплату в 3 млн. руб. и выше. Удивительно было также нежелание двух третей безработных снизить свои требования к работе, даже если они не смогут трудоустроиться в течение еще одного года.

В этой связи достаточно привести только один пример, в котором как в капле воды отразились самые яркие черты безработицы в обследованных городах, так как он сочетал в себе все ее основные типические черты (пол, возраст, квалификацию, образование), а по составу домохозяйства и его материальному положению был характерным для двух наиболее бедных групп среди безработных. Речь идет о безработной женщине, принадлежавшей к возрастной группе 40—50 лет. По специальности она была инженер-программист, ставшая безработной в результате реорганизации крупного государственного предприятия. Трудовой стаж — 18 лет, в том числе 13 — по последнему месту работы. Образование — высшее плюс аспирантура, владела английским и японским языками; опыт работы — системный программист, преподаватель вуза, переводчик с английского и японского языков. Здоровье хорошее. Без работы была с мая 1995 г. При этом согласна была мириться с целом рядом отрицательных качеств работы (удаленность от дома и т.п.). На первый взгляд казалось просто невероятным, чтобы человек с таким потенциалом не нашел работы на московском рынке труда.

Еще более невероятной показалась эта ситуация после знакомства с ответами респондентки на вопросы об отношении к безработице и материальном положении. Состояние безработицы переживалось чрезвычайно тяжело, мысли о самоубийстве появлялись достаточно регулярно. Материальное положение было просто катастрофическим: основу доходов семьи, состоявшей из респондентки и ее 8-летней дочери, составляло пособие по безработице, которое к моменту опроса стало минимальным из-за длительного срока безработицы. В семье приходилось по 5 метров жилой площади на человека в комнате в коммунальной квартире. Из «дорогостоящего» имущества имелись только маленький холодильник, которому было больше 7 лет, и такого же возраста два маленьких коврика. Ни са-

дового участка, ни занятий индивидуальной трудовой деятельностью для себя или на продажу не было. Алиментов на ребенка респондентка не получала.

Однако более детальный анализ показал следующее. Материальное положение действительно очень тяжелое, одно из самых тяжелых по массиву, хотя и лучше, чем в самооценке респондента. При указании душевого дохода респондент учла только пособие по безработице. В то же время наряду с ним она получала пособие на ребенка как мать-одиночка, муниципальную субсидию на оплату коммунальных услуг и жилой площади, пользовалась помощью родственников, бывших коллег по работе и знакомых, а также имела разовые приработки как переводчик. В результате мать все-таки смогла обеспечить ребенку посещение платной музыкальной школы и пользование платными медицинскими услугами. Но ни затрат на отдых, ни ремонта, ни даже покупки одежды в предшествующий опросу год семья себе позволить не могла. Таким образом, это было хоть и не умирание с голода, но совершенно нищее существование.

Безработица действительно переживалась тяжело, настолько тяжело, что респондентка находилась в состоянии невроза и тяжелой фрустрации, сильно влиявших на адекватность реакций. Можно, пожалуй, даже сказать, что шок от безработицы был так силен, что привел к определенным психологическим сдвигам, которые и мешали респондентке решить вставшие проблемы. По типажу она была человеком, не способным к самостоятельному решению своих проблем в экстремальных условиях, с ярко выраженными патерналистскими установками. Ответы на вопросы ценностного блока и ее приписки к анкете позволяют предположить наличие сильного ценностного кризиса, явившегося следствием столкновения собственной системы ценностей с новыми реальностями жизни. Полная фрустрация и сопутствующая ей «каша» в голове со взаимоисключающими позициями по одним и тем же вопросам проявлялись, в частности, и в совершенно немотивированном последовательном убеждении в скором улучшении своей жизни (при убеждении, что искомой работы она, скорее всего, никогда не найдет, а отказываться от своих требований к ней она не собиралась). Готовность к переквалификации конкретизировалась в желание получить профессию адвоката, что было совершенно нереально.

Какую же работу искала эта респондентка и как происходил этот поиск? Во-первых, сама она искала работу очень активно, ис-

пользуя для этого почти все перечисленные в анкете пути. Во-вторых, работу ей неоднократно предлагали. Но везде, куда она приходила, ее отказывались взять на работу, как она сама считает, по соображениям пола, возраста и внешнего вида. Скорее всего, на самом деле кадровиков пугали три обстоятельства: 1) мать-одиночка — значит, большое количество льгот, которые ей полагаются как работнику, и перспектива большого количества больничных листов; 2) сильная неадекватность в поведении, которая прослеживалась и в самой анкете, и в процессе интервьюирования, и которой все кадровики в условиях достаточно лояльного по отношению к работнику трудового законодательства очень боятся, и 3) проблема уровня зарплаты. Проблема эта очень серьезна, так как при том квалификационном потенциале, который был у респондента, даже будучи матерью-одиночкой и не совсем адекватным человеком, она могла бы найти работу с зарплатой минимум 100—150 долл., что обеспечило бы ей с учетом различных социальных выплат и разовых приработков вполне сносный уровень жизни. Но уровень ее притязаний составлял 2000 долл. в месяц, и отказываться от этих требований она не хотела даже под угрозой полной нищеты. Найти же работу с зарплатой даже в 10% от такой суммы для нее действительно было очень проблематично.

Таких примеров можно было бы привести достаточно много. Однако все они свидетельствовали о том, что уровень жизни сам по себе не подталкивает человека к выходу на новую работу, и связь между бедностью и безработицей совсем не столь проста, как кажется на первый взгляд. Поэтому был проведен специальный анализ взаимосвязи бедности и безработицы, на результатах которого мы остановимся чуть позднее. Пока же отметим, что анализ социальных типажей хронических безработных и трудоустроившихся свидетельствовал о заметных различиях между ними.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на один очень важный для понимания позиции российских безработных момент: многие из них — бывшие специалисты или служащие; до реформ они имели довольно высокий статус и вполне благополучный уровень жизни; в подавляющем большинстве это люди средних лет и старше, и у них уже сформировались определенная самоидентификация и соответствующий уровень притязаний. Все это в последние годы было разрушено. В целом российское общество вполне лояльно и сочувственно относится к безработным (только 11% респондентов по общероссийской выборке РНИСиНП в дека-

бре 1996 г. считали, что безработными становятся в первую очередь плохие работники, а остальные связывали безработицу с объективными трудностями, переживаемыми в последние годы Россией), состояние безработицы не снижает социального статуса безработного, который для россиян измеряется не его нынешним положением, а тем, кем он был до безработицы. Для этих людей пойти на отказ от привычного типа деятельности, на понижение статуса, вообще сменить весь привычный образ жизни — очень серьезная внутренняя ломка и большая жертва, поэтому цену за эту жертву (желаемую зарплату) они назначают непомерно высокую, часто такую, при которой трудоустройство стало бы практически нереальным и вопрос о нем отпал бы сам собой. В то же время состояние безработицы переживается ими болезненно, а невозможность реализовать сформировавшиеся ранее стандарты потребления, которые к тому же у многих окружающих дополнительно выросли (как показало исследование, соотнесение себя с окружающими — главное в самооценке россиян), порождает у них чувство катастрофичности своего положения при одновременной неготовности идти на снижение запросов.

Невозможность найти новую постоянную работу с желаемой высокой зарплатой предопределяла для многих имевших нестабильную занятость и некоторых безработных предпочтительность различного рода временных или разовых приработков или жизнь на другие источники дохода (помощь, пособие). Приработки были больше распространены именно у лиц с нестабильной занятостью, которые, во-первых, имели больше свободного времени, а во-вторых, предпочитали эту стратегию выживания трудоустройству из-за несогласия на понижение статуса, нежелания сменить профессию и т.п., и являлись, таким образом, с одной стороны, причиной (как альтернатива постоянной занятости), а с другой — следствием отсутствия у респондентов стабильной работы. Ориентация же на получение помощи была характерна в большей степени для безработных.

Мы попытались математически зафиксировать различия между социальными типажами безработных и трудоустроившихся, и отчасти это удалось сделать с помощью специального индекса ПРА (потенциала реальной адаптивности). Индекс ПРА конструировался на основе ответов на 12 вопросов, связанных с ориентацией на равенство возможностей или равенство доходов, отражающей готовность к принятию социального неравенства, без которой очень проблематична работа в негосударственном секторе экономики; со-

гласием с тем, что руководителям нужно подчиняться; состоянием здоровья; оценкой опрошенными важности для получения работы готовности трудиться и дисциплинированности, с одной стороны, и наличия связей и знакомств — с другой; готовностью работать на месте с неудобным графиком работы, далеко от дома, в условиях плохих взаимоотношений в коллективе и с начальством; согласием на плохие условия труда, неинтересную работу и понижение социального статуса при трудоустройстве.

Уже на первом этапе исследования ПРА показал чрезвычайно низкую адаптивность подавляющего большинства опрошенных к ситуации, сложившейся в последние годы на рынке труда в России (табл. 8.5).

Таблица 8.5 **Распределение индекса ПРА в различных группах респондентов трех обследованных городов в 1996 г., %**

Индекс ПРА	Официальные безработные	Нестабильно занятые	Предупрежденные об увольнении	Трудоустроившиеся	По массиву в целом
Москва					
Низкий	46	43	8	0	30
Средний	46	38	68	45	52
Высокий	8	19	24	55	18
Петербург					
Низкий	29	50	40	19	34
Средний	63	36	32	62	49
Высокий	8	14	28	19	17
Воронеж					
Низкий	67	36	31	42	44
Средний	33	50	63	50	49
Высокий	0	14	6	8	7

Как видим, основная закономерность достаточно жесткая: во всех городах доля лиц с высоким индексом ПРА у трудоустроив-

шихся после безработицы в несколько раз превышала эту долю у безработных. С другой стороны, низкий индекс ПРА был характерен именно для безработных и в меньшей степени — для трудоустроившихся. Таким образом, уже на первом этапе исследования подтвердилась гипотеза о большой роли личностных характеристик в определении ситуации с занятостью вообще и формировании хронической безработицы в особенности.

Год спустя показатели этого индекса были проверены еще раз. И снова больше всего респондентов с низким индексом ПРА оказалось в группе официальных безработных (36%), а высокий индекс ПРА среди них имели лишь 9%. С другой стороны, и у трудоустроившихся подтвердилась ситуация 1996 г., индекс ПРА был у них в среднем гораздо выше, а число лиц с высоким индексом ПРА составляло 19%. Кроме того, респонденты, имевшие низкий индекс ПРА в 1996 г., менее успешно трудоустраивались в течение года наблюдений, чем с высоким индексом ПРА. Наконец, в группе с низким индексом ПРА оказались сконцентрированы респонденты с наименее эффективными стратегиями выживания. Среди них, например, в полтора раза меньше, чем в среднем по массиву, было тех, кто имел постоянную вторичную занятость, зато настолько же больше тех, кто занимал деньги. При этом психологическое состояние респондентов с низким индексом ПРА свидетельствовало о том, что, невзирая на нежелание идти ни на какие уступки при трудоустройстве, свое положение они переносили достаточно тяжело. Более половины группы респондентов с плохим настроением и более трети тех, кто считал, что справиться с проблемами выше их сил, опять-таки составляли респонденты с низким индексом ПРА. В то же время самооценка их была очень высокой. Ни один респондент с низким индексом не сказал однозначно, что думает о себе как о никчемной личности, и всего 7% ответили на соответствующий вопрос «скорее да».

Таким образом, хронические безработные заметно отличались от трудоустроившихся после периода безработицы по целому ряду параметров. Причем параметры эти были связаны в основном с неготовностью принять новые реальности рынка труда России, точнее, с самим существованием рынка и его «правилами игры», в том числе механизмами определения стоимости и цены рабочей силы. Неслучайно поэтому картина мотивов трудоустройства и причин отказа от работы российских безработных оказалась существенно иной, нежели, например, у их британских «коллег», которые вы-

росли в условиях общества с насчитывающим не одно столетие рынком труда и сопутствующей ему безработицей. Так, в уже упоминавшемся исследовании Х. Дина и П. Тэйлора-Губи [*Dean, Tailor-Gooby*] безработные в качестве главного мотива своего стремления найти работу называли прежде всего самоуважение (на этот мотив ссылались более половины английских безработных). У российских же безработных самоуважение оказалось значимым в качестве мотива трудоустройства лишь для четверти респондентов, а главным мотивом выступали материальные факторы (табл. 8.6).

Таблица 8.6 **Сравнительный выбор мотивации поиска работы у безработных России и Великобритании, человек (%)**

Мотивация поиска работы	Россия	Великобритания
Давление социальной службы	5 (3)	2 (2)
Материальные факторы	48 (30)	23 (27)
Самоуважение	45 (28)	45 (53)
Нет ответа	100 (62)	15 (18)

В качестве ограничений трудоустройства безработные россияне называли в первую очередь неподходящую зарплату, а у их английских коллег эта причина занимала только третье место. Зато семейные проблемы как ограничитель трудоустройства назвали в три с половиной раза больше англичан, чем россиян. Кроме того, российские безработные называли в качестве ограничений для получения работы отсутствие на рынке труда подходящих рабочих мест (39%) и неумение найти работу (18%).

Очевидно, такой специфической структурой запросов к работе и объясняется в значительной степени ситуация у хронических безработных, хотя встреч с потенциальными работодателями больше всего было именно у безработных. Встречались с работодателями 3 и более раз 70% безработных, а 26% официальных безработных — даже более 10 раз. Среди трудоустроившихся большинство встречались с работодателями всего 2—3 раза, включая тех, к кому они трудоустроились. Однако последствия этих встреч в различных группах были очень разными. Почти половина хронических безработных сами отказывались от предлагаемой работы после встреч с

работодателями по направлению службы занятости в половине случаев — из-за того, что работа не соответствовала их специальности; среди остальных ответов — «из-за возраста», «из-за ребенка», «не устраивал график работы», «на предприятии давно не получали зарплаты», «не подходили либо я, либо работа», «не нравится работать в торговле», «не умственная, физически тяжелая» и т.п. Но в большинстве случаев работодатели сами отказывались от них после этих встреч. Случаи же отказа работодателей от трудоустроившихся были относительно редки (27—28%). Таким образом, ситуация контактов работодателей с хроническими безработными заметно отличалась от ситуации с трудоустроившимися.

Такова картина, которая представляется при детальном анализе отказов от работы и их связи со статусом занятости. Причины, по которым респонденты работу не искали, в порядке убывания распространенности распределялись так: «не позволяет здоровье», «трудно найти работу, соответствующую моей квалификации» (половина безработных в 1997 г. — это те, кто в 1996 г. считал, что их трудоустройству мешают особенности их знания; среди трудоустроившихся этот показатель составлял 18%), «мне трудно преодолеть барьер, что я сам должен искать работу, не представляю, куда идти и что делать, чтобы ее найти», «семейные обстоятельства не позволяют искать работу», «у меня нет знакомых, которые помогли бы мне устроиться», «не заинтересован», «нет соответствующей информации», «таких специалистов слишком много» и другие причины, включая надежды на трудоустройство на свое старое предприятие.

В целом исследование показало, что безработные в своей основной массе были менее склонны к смене содержания привычной для них деятельности, чем трудоустроившиеся, и менее уверены в своих силах. Среди них было шире распространено убеждение, что их проблемы должны решать за них другие. Трудоустроившиеся же в целом были более склонны рассчитывать на себя и больше уверены в своих силах. Уверенность, что их материальное положение зависит в первую очередь от них самих, испытывали 44% трудоустроившихся и только 19% безработных. Соответственно и готовность к трудоустройству при потере нынешних источников дохода выразили половина тех, кто в момент опроса 1997 г. имел постоянную занятость, и только 20% безработных. Среди методов, помогавших решению их проблем, 38% трудоустроившихся назвали попытку напрямую договориться за вознаграждение с теми, от кого зависело решение, в то время как среди безработных этот метод

(действительно наиболее эффективный в современной России) назвали только 17%. Причем те 17—20% респондентов, которые отвечали положительно на упоминавшиеся выше вопросы, это в основном наиболее благополучная часть безработных, для которых статус безработного лишь прикрытие их нефиксируемой занятости.

Таким образом, основные причины «застревания» работников в группах кризисной занятости следующие.

1. Особенности современного рынка труда в России, где в силу идущей структурной перестройки экономики существуют сильные диспропорции по отношению к ситуации пяти-шестилетней давности в спросе на работников различных специальностей в различных отраслях. Кроме того, в «успешных» отраслях растет уровень требований к работникам, в результате чего происходит их замена на работников из других отраслей с одновременным понижением статуса и увольняемых, и вновь набираемых работников. В результате те, кто отказываются менять привычное содержание своей трудовой деятельности (будь то смена характера деятельности, специальности или отрасли), имеют значительно меньше шансов на успешное трудоустройство после попадания в группы кризисной занятости.

2. Длительная принадлежность к определенной группе кризисной занятости, с одной стороны, увеличивает вероятность того, что человек и дальше будет находиться в этой группе в силу привыкания к определенному образу жизни и адаптации к нему, а с другой — сама является следствием его личных особенностей.

3. В числе этих личных особенностей в первую очередь важны готовность респондента работать и уровень запросов по отношению к работе. Большинство респондентов из числа хронических официальных безработных или лиц с длительной нестабильной занятостью не заинтересованы в получении постоянной работы. Одни — потому, что их нынешний статус является для них лишь прикрытием их реальной нефиксируемой занятости, в том числе предпринимательской деятельности. Другие — потому, что этого не позволяют здоровье или семейная ситуация. При этом семейная ситуация не является жестким ограничителем по отношению к трудоустройству, но может способствовать выбору определенной стратегии занятости с учетом положения домохозяйства и уровня запросов респондентов к работе. Наконец, третьи — из-за характера требований, предъявляемых к работе, которые имеют в конечном счете решающее значение.

4. Запросы по отношению к работе у основной массы опрошенных, а особенно у безработных, были явно завышены по отношению к современной ситуации на рынке труда России. Большинство из них хотели бы работать рядом с домом, по специальности, в комфортных условиях труда, на спокойной работе с хорошим психологическим климатом в коллективе и с высоким уровнем оплаты труда. Готовность снизить уровень требований, предъявляемых к работе, хотя бы в плане удаленности работы от дома, заметно повышала шансы на трудоустройство.

5. Достиженческие трудовые ценности не входили в число приоритетных среди трудовых мотиваций опрошенных, хотя у трудоустроившихся были заметно более распространены, чем у безработных, а среди удовлетворенных своей нынешней работой преобладали. В целом неудовлетворенность работой прежде всего определялась условиями труда и содержанием работы, а для двух наименее обеспеченных групп — также уровнем доходов.

6. Характер требований российских безработных к работе и восприятие ограничений для ее обретения свидетельствовали об их неготовности к поиску работы в условиях рынка труда и о восприятии ими безработицы прежде всего как отсутствия необходимых средств к жизни, а не качественно иного социального статуса.

Попытка зафиксировать психологические особенности респондентов показала, что между безработными и трудоустроившимися (даже для относительно небольшого массива респондентов) существуют значимые различия. Более того, эти особенности оказывали заметное влияние на изменение статуса занятости респондента. В то же время психологическая поддержка и работа психологов и психотерапевтов с безработными как самостоятельное направление работы в деятельности службы занятости в тот период вообще не существовали.

Литература

Авраамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М.: ИСЭПН РАН, 1998.

Влияние экономического кризиса на рынок труда в Российской Федерации. М.: Международное бюро труда, 1999.

Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // СОЦИС. 1994. № 8, 9.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальные эффекты и структура безработицы в России // СОЦИС. 2000. № 1.

Емцов Р.Г. Масштабы и формы безработицы // Экономические и социальные перемены. 1994. № 5.

Занятость и поведение домохозяйств. М.: РОССПЭН, 1999.

Кабалина В., Рыжикова З. Неполная занятость в России // Вопросы экономики. 1998. № 2.

Куприянова З.В. Безработица и безработные // Экономические и социальные перемены. 1999. № 1.

Магун В.С. Трудовые ценности российского населения: социалистическая модель и постсоциалистическая реальность // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995.

Малева Т.М. Политика на рынке труда в контексте макроэкономических императивов // Мир России. 1996. № 2.

Перова И.Т. Ситуация на рынке труда в оценках населения: 1999 г. // Экономические и социальные перемены. 2000. № 2.

Радаев В.В. Забытые властью: портрет новых бедных // Куда идет Россия?.. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000.

Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. Люди и реформы. М.: Дело, 1998.

Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П.М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3.

Соболева И. Скрытые формы безработицы в России. М.: ИЭ РАН, 1997.

Тихонова Н.Е. Особенности формирования проблемных групп на рынке труда // Куда идет Россия?.. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1997.

Четвернина Т.Я. Формы и особенности скрытой безработицы в России // Куда идет Россия?.. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1997.

Dean H., Tailor-Gooby P. Dependency Culture: the Explosion of a Myth. L.; N.Y., 1992.

Structural Adjustment Without Mass Unemployment? Lessons from Russia / Ed. by S. Clarke. Cheltenham: Edward Elgar, 1998.

Глава 9

Способы выживания домохозяйств в ситуации кризиса занятости одного из членов семьи

Активные и пассивные способы выживания домохозяйств

В ситуации, когда работа утрачивается или проблемы с ней обостряются, а также когда доходов от занятости оказывается по тем или иным причинам недостаточно, многим домохозяйствам приходится искать дополнительные способы выживания, самообеспечения и улучшения своего материального положения.

1. Личное подсобное хозяйство (ЛПХ). По данным общероссийского опроса населения, проведенного РНИСиНП осенью 2000 г., свыше половины россиян включают ЛПХ в разряд дополнительной деятельности, обеспечивающей основные потребности семьи. Чаще, чем в среднем по России, на использование ЛПХ с целью выживания ссылаются жители южных и центрально-черноземных регионов России (чему есть достаточно экономических и социокультурных оснований), а также районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Отметим, что вклад ЛПХ в поддержание

уровня семейного благосостояния упоминался жителями столичных мегаполисов гораздо реже, чем в среднем по России (12,7% в Петербурге, 22,9% в Москве).

2. Вторичная занятость. По данным того же опроса, в среднем не менее трети российских домохозяйств время от времени получают дополнительные доходы от приработков, и еще 13—15% подрабатывают регулярно. В России существуют регионы с благоприятным социально-экономическим фоном для включенности во вторичную занятость (Москва и другие «точки» рыночного роста) и регионы с низкими возможностями иметь приработок (например, Воронеж).

3. «Залезание в долги». Результаты опроса РНИСиНП показывают, что примерно каждая пятая российская семья (18,8%) осенью 2000 г. была вынуждена занимать деньги, чтобы свести концы с концами. Жители относительно бедных регионов с низким уровнем заработков жили в долг чаще остальных, занимать деньги приходилось 22% воронежских домохозяйств и только 13,6% московских.

ЛПХ, приработки и долги — это основные альтернативные способы поддержания жизненных стандартов для большинства россиян. Но способы повседневного выживания каждой конкретной семьи гораздо разнообразнее и в них присутствует в различных комбинациях гораздо большее количество действий: получение помощи со стороны; эксплуатация накопленных ресурсов семьи (денежных, имущественных, социальных); сознательная активизация усилий, направленных на переквалификацию с целью найти новое место на рынке труда, и многое другое. Однако российские семьи довольно редко способны целиком опереться на какое-то одно из перечисленных действий. В зависимости от ситуации, ресурсов, задач, стоящих перед семьей, домохозяйства варьируют различные способы выживания, пытаясь поддерживать приемлемый для них уровень жизни.

Приступая в ходе своего исследования к анализу способов выживания домохозяйств в ситуации кризиса занятости члена семьи, мы опирались на предположение, что человеку свойственно пытаться преодолеть кризис, однако в процессе непосредственной адаптации, как правило, будут преобладать тактические ситуативные действия в противовес выстраиванию устойчивых долговременных стратегий. Это предположение опиралось на вывод ряда российских исследователей [*Авраамова*, с. 228, 229; *Вершинина*, с. 193—220; *Гордон*, с. 164]. Наше исследование показало, что способы выживания конкретного домохозяйства, особенно попав-

шего в трудную экономическую ситуацию, принимают разный вид исходя из особенностей стоящих перед ним проблем, но при этом сохраняют определенную направленность, связанную с доступностью тех или иных средств выживания. Такая направленность отражает ориентацию семьи на основную избираемую модель адаптации. Это очень важно подчеркнуть, приступая к содержательной части анализа способов выживания домохозяйств, столкнувшихся с обострением проблем занятости.

Упомянутые выше три наиболее распространенных способа выживания россиян (ЛПХ, приработки и долги) уже сами по себе могут закладываться в основу преимущественной ориентации адаптационного поведения, что подтвердили результаты исследования домохозяйств КГРТ. Те семьи, которые предпочитали задействовать в трудной ситуации только собственные наличные ресурсы (возможности ЛПХ, накопленный материальный или имущественный потенциал), строили модель выживания, опираясь в основном на свои возможности, собственные ресурсы. До тех пор, пока ресурсы не начинали иссякать, домохозяйство практиковало ресурсный способ выживания, ничего при этом более не предпринимая. В свою очередь, те семьи, возможности и стремления которых позволяли проявить большую экономическую активность, в трудной ситуации опирались прежде всего на приработки, вторичную занятость, которая в отдельных случаях сама по себе могла обеспечивать потребности семьи. Те же, кто таких возможностей или стремлений не имел, попадали в ситуацию недостаточности собственных ресурсов и роста зависимости от чужих (долги, помощь). В последнем случае выживание приобретало зависимый характер. Тем не менее анализ адаптационного поведения обследованных домохозяйств подтвердил, что на практике достаточно часто имеет место не однозначный выбор какой-либо из вышеперечисленных моделей, а комбинирование разнообразных действий, направленных на улучшение положения семьи, поддержание ее жизненных стандартов.

Встречаются и такие домохозяйства, которые констатируют, что вообще ничего не предпринимают в трудной ситуации. Их пассивность, как показывают результаты исследования, является следствием двух основных причин: либо у них нет никаких дополнительных способов воздействия на ситуацию, либо (что тоже случается) им просто не нужно их искать, так как семейный экономический потенциал позволяет вполне сносно существовать, невзирая на временное ухудшение материальной ситуации (что, в общем-то, является еще одной формой ресурсного способа выживания).

Ниже на примере Москвы и Воронежа показана распространенность тех или иных способов выживания в семьях, столкнувшихся с кризисом занятости, а также их специфика по сравнению с общероссийскими показателями, полученными в ходе репрезентативного опроса РНИСиНП (октябрь 2000 г.).

Данные табл. 9.1. показывают, что многие россияне в процессе адаптации вынуждены прибегать к разнообразным действиям по улучшению собственного положения в зависимости от ситуации и потенциала конкретной семьи. Возможность выбора какого-то одного, предпочтительного способа выживания (будь то приработки, ресурсы или зависимость) на этом фоне не так уж велика, их распространенность в чистом виде явно уступает использованию их же в каких бы то ни было комбинациях.

Таблица 9.1 **Распространенность разных способов выживания кризисных групп на рынке труда и в целом у населения России (данные исследования КГРТ 1996—1997 гг. (N=160) и общероссийского опроса РНИСиНП в октябре 2000 г. (N=1751)**

Способы выживания	В кризисных группах на рынке труда, %		Среди населения России в целом, %
	Москва	Воронеж	
Приработки	25	5	15
Ресурсы	12	17	24
Зависимость	4	8	6
Комбинация действий	43	65	42
Ничего не предпринимали	16	5	13

Можно предположить, что выбор адаптационной модели зависит от множества факторов, а не только от обострения проблем с занятостью. На выбор определенных действий влияют экономическое развитие региона, создающее благоприятную или неблагоприятную среду для получения приработков; его географическое рас-

положение и климатические особенности, определяющие степень отдачи от ЛПХ и делающие его вклад в благосостояние домохозяйств более или менее ощутимым, и т.д. Можно предполагать, что жители богатых регионов обладают большими материальными и имущественными ресурсами, имеют более высокие реальные доходы, что дает им возможность остановить бесконечный поиск дополнительных средств существования, позволяет выживать за счет традиционных доходов от занятости и накопленного потенциала семьи. В бедных регионах, наоборот, люди стараются больше «вертеться», чтобы получить хоть какой-то результат. Данные таблицы, демонстрирующие некоторые расхождения в выборе способов выживания москвичей и воронежцев, частично позволяют прослеживать эти тенденции.

Тем не менее кризис занятости, трудная материальная ситуация не могут не влиять на модель адаптации, избираемую конкретной семьей. Надо сказать, что характер действий домохозяйств в различных жизненных ситуациях, в стесненных или нормальных обстоятельствах, на разных этапах жизненного цикла имеет одну существенную особенность, заявляющую о себе при всем сохраняющемся разнообразии используемых способов выживания. Речь идет об активности, направленной на максимальное задействование всего имеющегося потенциала семьи с целью выхода из трудной ситуации, либо о пассивности, приспособлении, направленном скорее на изменение своего отношения к ситуации, чем на изменение ее самой. В последнем случае при объективной недостаточности ресурсов существования люди, как правило, ждут лучших времен на фоне постепенного снижения собственных потребностей или начинают использовать (не всегда сознательно) чужие ресурсы (получать помощь, жить в долг), постепенно становясь все более зависимыми от них. Но и пассивность не всегда означает неизбежное формирование зависимости. Большинство семей, не предпринимающих каких-либо дополнительных действий с целью изменить собственное положение, чаще всего довольствуются тем, что у них уже есть. Этого может быть и достаточно, и недостаточно для поддержания привычного уровня жизни, но это уже другая проблема.

Анализ поведения обследованных домохозяйств в ситуации кризиса занятости показал, что активность или пассивность являлись базовыми, типообразующими характеристиками избираемых способов выживания, причем независимо от того, опиралась семья на какой-то один способ или варьировала разнообразные действия. Казалось бы, одни и те же модели адаптационного по-

ведения (например, комбинированные или ресурсные) могли отличаться разной степенью активности. Так, одни домохозяйства просто жили на собственные ресурсы, а другие пытались извлечь из них некую материальную выгоду (сдавали в аренду недвижимость, получали проценты по сбережениям, продавали часть продукции, выращенной на приусадебном участке). И комбинировали различные способы выживания домохозяйства тоже по-разному. Например, весьма распространенные в КГРТ выращивание продукции в ЛПХ, ее потребление и получение помощи со стороны не выходят за рамки пассивного способа выживания, даже несмотря на то, что комбинируются разные (смешанные) действия. Использование ЛПХ при наличии в семье попыток реализовывать его продукцию, эксплуатировать другие ресурсы семьи, хотя бы изредка подрабатывать — это уже более активная «комбинированная» модель. На самом деле активность выживания не только связана с возможностью вторичной занятости, а скорее демонстрирует определенный тип воздействия на ситуацию с использованием всех доступных ресурсов домохозяйства.

Разграничение ориентации адаптационного поведения домохозяйств по линии «активность — пассивность» позволяет усматривать определенные закономерности процесса выживания, позволяющие судить об определенных типах преодоления трудных ситуаций. Однако при этом самой сложной для анализа остается комбинированная модель действий, которую практикуют добрая половина россиян. Безусловно, это варьирование действий, но каких? Как они комбинируются? На что преимущественно направлены?

Ответить на эти вопросы, а также в целом понять, что собой представляет активизация выживания в ситуации кризиса занятости, помогает детальное рассмотрение отдельных случаев-практик из жизни обследованных нами домохозяйств КГРТ. Как показали результаты исследования, активный тип выживания, безусловно, был присущ тем семьям, которые опирались на приработки, совместительство, множественную занятость (как показано выше, так выживали 25% домохозяйств в Москве и 5% домохозяйств в Воронеже). Довольно часто можно услышать, что этот способ действий в большей мере свойственен экономически сильной части населения, и прежде всего людям определенного квалификационного и социально-демографического потенциала (например, более молодым). Исследование КГРТ показало, что в ситуации кризиса занятости активизируют вторичную (множественную) занятость в

основном люди специфического личностного склада, имеющие четкую установку на самостоятельное решение возникающих проблем. Их доля не так уж велика, но они имеют самые разные возрастные, гендерные, профессиональные характеристики.

Приведем пример подобного способа выживания. Респондентка Н. из Москвы, 47 лет, имеющая мужа и двух взрослых детей, была сокращена на первом этапе исследования в связи с ликвидацией МП, где работала бухгалтером. Собственные перспективы в возникшей ситуации воспринимались ею достаточно оптимистично, поскольку респондентка была убеждена, что многое зависит от ее собственных усилий. В семье не было других безработных, не было даже опыта безработицы, у всех ее членов была довольно активная установка на занятость, включая вторичную. Муж Н. занимал довольно высокий пост (был главным инженером крупного предприятия) и неплохо обеспечивал семью, однако она была готова переобучаться, повышать квалификацию, лишь бы не остаться без работы. Именно с этой целью Н. и обратилась в службу занятости, однако, по ее словам, довольно быстро поняла, что возможности этой службы не соответствуют ее ожиданиям. С твердым убеждением, что «служба занятости создана для тех, кто не в состоянии позаботиться о себе сам», она начала активный поиск приработков по специальности, лично встречалась с работодателями, и в итоге через два месяца после увольнения нашла новую работу — бухгалтера в жилищно-коммунальном хозяйстве. Подрабатывать не перестала, продолжая давать консультации мелким частным фирмам по своей основной специальности. Муж также на протяжении всего периода наблюдений практиковал совместительство. Это позволяет заключить, что активная ориентация на приработки в данном случае являлась семейной стратегией, которая довольно успешно была реализована в ситуации возникшего кризиса занятости.

Это, так сказать, «чистый» пример активного типа выживания. Однако, как уже подчеркивалось выше, активизация выживания означает не только регулярность приработков. Следующий пример показывает, что и другие действия в итоге могут свидетельствовать о наличии достаточно активной стратегии воздействия на трудную ситуацию. Респондент С. из Воронежа, 47 лет, проживающий с сыном-студентом, потерял работу инженера-строителя на крупном акционерном предприятии. На протяжении всего периода наблюдений формально оставался безработным, состоял на учете в службе занятости. Однако в течение года имел разовые приработки, временную работу (занимался индивидуальной трудовой

деятельностью по ремонту квартир), не извещая об этом сотрудников службы. В качестве причины называл то, что ему необходимо содержать бывшую жену с маленьким ребенком и сына-студента, а временная занятость «работой не является». В то же время активно эксплуатировал накопленные ресурсы (сдавал квартиру в центре города, которая досталась ему в наследство от матери). Утверждал, что как приработки, так и использование собственных ресурсов помогли ему избежать снижения жизненного уровня в ситуации безработицы. В дальнейшем предпочел бы опереться на временную занятость, поскольку за период безработицы приобрел довольно хороший опыт того, как можно выживать, чередуя разные способы получения доходов.

Надо сказать, что в подобном поведении проявляет себя так называемая способность «вертеться». Домохозяйства при этом максимально варьируют различные действия по поддержанию существования. Пример респондента С. показывает, как активное использование различных источников доходов (приработки, сбережения, доходы от собственности, пособие по безработице и стипендия сына) позволяют с определенной эффективностью переживать состояние безработицы и даже формировать новые жизненные установки, опираясь на ее опыт. Такой комбинированный способ выживания, безусловно, характеризуется активностью, поскольку в итоге безработный полностью самостоятелен материально, не зависит ни от семьи, ни от чужих ресурсов, и сам не растрачивает то, что уже имеет. А следовательно, модель адаптации респондента С. определенно носит черты продуманной стратегии.

Однако придать используемым способам выживания активную стратегическую направленность не всегда оказывается возможным. Так, 40-летним респондентам А. и В. из Москвы и П. из Воронежа, инженерам-специалистам, потерявшим работу из-за структурного кризиса на крупных промышленных предприятиях, в процессе выживания приходилось максимально расширять спектр используемых действий по улучшению материального положения своих семей (во всех случаях в семьях присутствовали несовершеннолетние дети). Использовались возможности ЛПХ, были попытки подработать, проедались сбережения, снижались материальные запросы. Каждый по-своему пытался активизировать свое выживание: П. считала себя чуть ли не предпринимателем, поскольку, будучи безработной, торговала продукцией с дачного участка; А. менял виды занятости, используя любую возможность разовых и временных приработков; В. продавала кое-что из накопленного

имущества и «волевым решением» ограничивала потребление семьи. Тем не менее ни одному из этих домохозяйств не удалось избежать долгов, нехватки денег, ухудшения материального положения. Выживание в период кризиса занятости вылилось для них в постоянный хаотичный поиск источников существования. Это бесконечное расширение спектра дополнительных действий свидетельствовало о том, что какого-то одного из них оказывалось явно недостаточно для удовлетворения потребностей семьи.

Каковы же примерные пропорции приверженности тем или иным типам действий в процессе выживания домохозяйств, сталкивающихся с кризисом занятости кого-то из членов семьи? На рис. 9.1 приведено распределение способов выживания по шкале «активность — пассивность — хаотичность» в обследованных домохозяйствах КГРТ, а также показан механизм формирования указанных типов адаптационного поведения. Чтобы специфика выживания домохозяйств в ситуации кризиса занятости проступала более четко, мы приводим аналогичную схему типов выживания населения в целом (на базе данных репрезентативного опроса РНИСиНП октября 2000 г.).

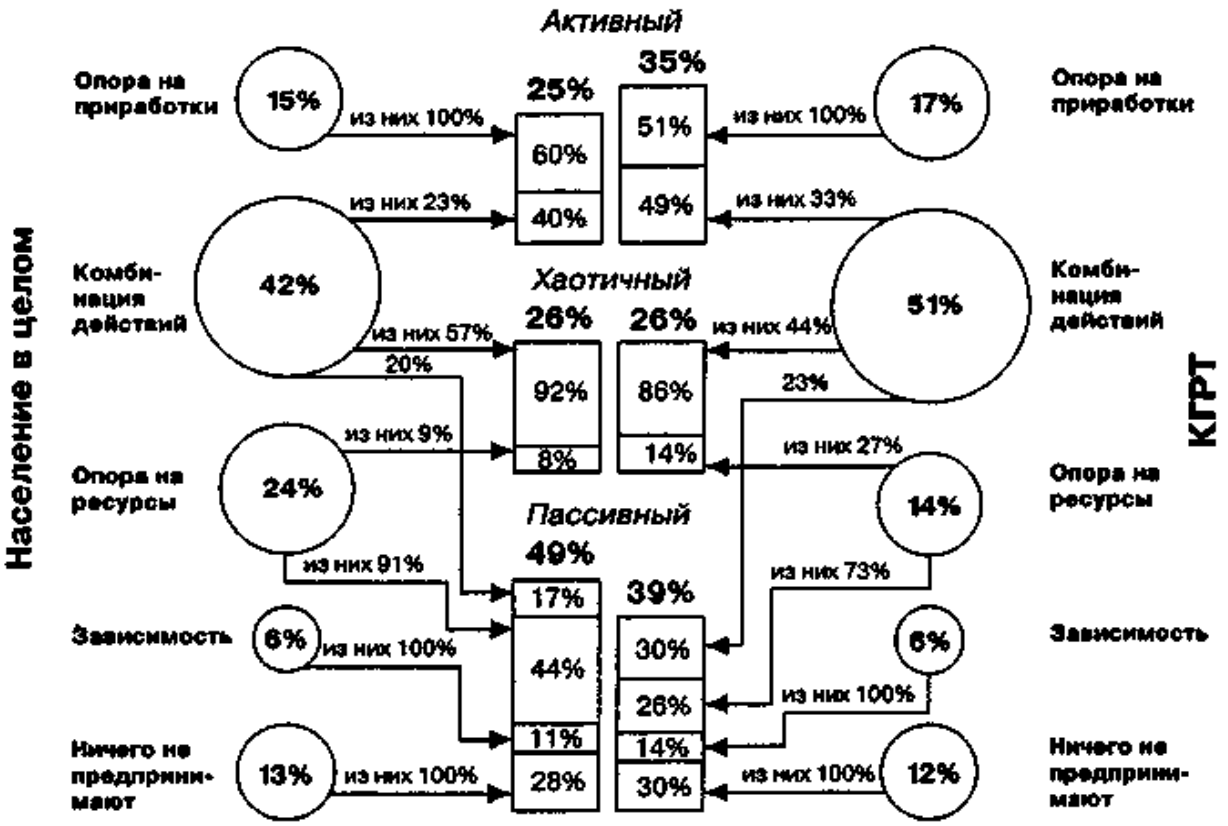


Рис. 9.1. Типы выживания российских домохозяйств

Индекс типов выживания строился на групповом суммировании вариантов ответа на следующий вопрос анкеты: «Каким образом Вы или члены Вашей семьи пытаетесь изменить свое материальное положение в лучшую сторону? (отметьте все, что Вы предпринимаете)». Варианты ответа были следующими:

1 — работаем в нескольких местах;

2 — обеспечиваем себя сами некоторыми продуктами питания;

3 — продаем выращенное в личном подсобном хозяйстве;

4 — используем любую возможность подработать;

5 — занимаемся мелкой торговлей, перепродажей;

6 — сдаем в наем жилье, гараж, дачу и т.п., используем проценты от сбережений;

7 — проедаем накопленные ранее сбережения;

8 — распродаем кое-что из накопленного имущества;

9 — получаем помощь со стороны от других людей или организаций;

10 — вынуждены занимать деньги;

11 — другое (укажите, что___);

12 — ничего не предпринимаем.

Приверженность тем или иным типам действий в процессе выживания домохозяйств распределялась по шкале «активность — пассивность — хаотичность» с присвоением соответствующего значения индекса. В случае, если предпринимались действия, отмеченные позициями 1, 3—6, тип выживания семьи считался активным. Позиции 2, 7 — 10, 12 свидетельствовали о преимущественно пассивной направленности типа выживания домохозяйств. Открытый вариант ответа 11 подвергался дополнительной содержательной кодировке и в зависимости от результата суммировался с индикаторами одного из типов. Однако на практике во многих домохозяйствах обнаруживалась комбинация действий, изначально разведенных по шкале «активность — пассивность». В этом случае присвоение индекса осуществлялось на основании видимого преобладания индикаторов определенного типа выживания (например, набор «совместительство + приработки + дача» означал приверженность домохозяйства активному типу выживания, хотя дача изначально соотносилась с моделью пассивного приспособления). В то же время, когда не удавалось обнаружить явного преобладания каких-либо видов действий (например, набор действий по выживанию включал и приработки, и помощь, и долги,

но считать его преимущественно пассивным из-за приработков уже становилось невозможным), домохозяйство относилось к «хаотичному» (промежуточному) типу выживающих с присвоением соответствующего (отличного от активности и пассивности) значения индекса.

На рисунке видно, что активность выживания была относительно гомогенной (чистая ориентация на приработки или их очевидное преобладание в совокупности с другими способами активизации действий — переквалификацией, инвестиционным поведением, эксплуатацией ресурсов — в комбинированной модели выживания), а пассивность оказалась, по сути, разнородной. Она характеризовала как ничего дополнительно не предпринимавшие домохозяйства (примерно треть), так и домохозяйства, предпринимавшие разные действия (две трети). Однако эти действия никогда не выходили за рамки преимущественно пассивной адаптации — жизни за счет материальных и имущественных ресурсов семьи, включая дачно-огородную деятельность, получения помощи, накопления долгов и т.п.

Рисунок показывает, что население в целом в своих ориентациях на выживание оказывалось более пассивным, чем домохозяйства, попадавшие в трудную ситуацию с занятостью. У «пассивного» населения больше возможностей опираться на свои ресурсы по сравнению с представителями КГРТ (доля выживавших только за счет собственных ресурсов достигает 44% всего «пассивного» типа у населения в целом и лишь 26% в КГРТ). Безусловно, кризисная ситуация с занятостью накладывает свой отпечаток на достаточность располагаемых ресурсов, поэтому треть «пассивных» домохозяйств с обострением проблем занятости (в отличие от 17% пассивно адаптирующегося населения России) были вынуждены комбинировать свои и чужие ресурсы в процессе выживания. В то же время большая опора на собственные ресурсы, демонстрируемая населением, может свидетельствовать о том, что положение определенных социальных групп, сталкивающихся с кризисом занятости, изначально являлось относительно неблагополучным в материальном плане.

Как показало наше исследование, когда существенно обостряются проблемы с занятостью, люди пытаются извлекать из имеющихся в наличии ресурсов максимальную пользу, более активно их задействуют. Так, данные приведенного выше рисунка свидетельствуют, что каждое третье домохозяйство КГРТ, опиравшееся

только на собственные ресурсы, как-то пыталось их приспособить к нуждам более диверсифицированного выживания, а не просто пассивно жить за счет них. Население в среднем поступало таким образом только в одном из десяти случаев. Еще более явно стремление найти практическое применение собственным ресурсам проявляло себя, когда в распоряжении домохозяйств не оказывалось никаких других доступных средств выживания. Например, выживание воронежских домохозяйств КГРТ, у которых было объективно меньше возможностей иметь приработки, чаще строилось на активизации ресурсов семьи (обнаружилось, что 40% опиравшихся на ресурсы воронежцев в отличие от 20% москвичей пытались дополнительно их эксплуатировать).

Формирование адаптационной модели хаотичного выживания в основном базировалось на комбинации разнообразных действий. Представленный выше рисунок очень наглядно демонстрирует, что практикуемые большинством населения смешанные действия в процессе выживания — не всегда признак хаотичности. Примерно треть комбинированных способов выживания в действительности преимущественно активны, пятая часть домохозяйств, даже варьируя свои действия, не переступают рамок пассивности. И только оставшаяся половина приверженцев комбинированных действий в известном смысле «крутятся как белка в колесе».

Как уже было показано выше на примере жизненных историй наших респондентов, «хаотичное выживание» отличалось тем, что недостаточность одних действий по самообеспечению постоянно должна была восполняться использованием как можно большего числа других, однако количество далеко не всегда переходило в качество. Типы активного и пассивного выживания, представленные выше, вполне можно рассматривать в качестве определенных стратегий семьи (при этом мы пока не касаемся проблемы их успешности), в то время как «хаотичное выживание» явно не дотягивает до уровня стратегии, скорее это модель ситуативного реагирования на текущие обстоятельства.

Типы адаптационного поведения домохозяйств обладали определенной спецификой осуществления в социально-экономических условиях разных регионов. Региональный срез применявшихся способов улучшения положения семьи как составных частей избираемых типов выживания в ситуации кризиса занятости представлен в табл. 9.2.

Таблица 9.2 **Распределение способов действий домохозяйств КГРТ из Москвы (М) и Воронежа (В), практиковавших разные типы выживания N=160, %**

Способ действий	Тип выживания						КГРТ	
	активный		пассивный		хаотичный			
	М	В	М	В	М	В	М	В
Выращивание продуктов питания (43%)*	14	46	33	57	44	79	27	60
Временные, разовые приработки (41%)	71	54	—	—	78	63	44	37
Выживание за счет ресурсов семьи (30%)	14	23	65	26	28	17	37	22
Получение денег в долг (20%)	—	15	15	39	50	25	15	25
Регулярная вторичная занятость (19%)	52	38	—	—	17	8	26	12
Получение помощи со стороны (15%)	—	8	18	30	17	17	10	20
Распродажа имущества семьи (9%)	—	—	10	13	22	12	8	10
Продажа излишков ЛПХ (8%)	2	15	3	4	11	21	4	13

Окончание таблицы 9.2

Способ действий	Тип выживания						КГРТ	
	активный		пассивный		хаотичный			
	М	В	М	В	М	В	М	В
Эксплуатация имущества с целью получения прибыли (8%)	14	15	—	—	11	8	8	7
Посредничество, мелкая перепродажа (7%)	10	39	—	—	6	4	5	10

* В скобках приводится средняя доля выбравших данный способ по массиву КГРТ из обоих городов.

Табл. 9.2 показывает, чем преимущественно занимались «активные», на что рассчитывали «пассивные», насколько разнообразен был спектр действий «хаотично выживающих» в Москве и Воронеже. Судя по представленным данным, возможность использовать активный тип выживания прежде всего предполагает не просто приработки, а включенность в регулярную вторичную занятость, совместительство, дополнительную работу. Разовые, временные приработки (в зависимости от их частоты, типов, а также экономической ситуации в семье) могут означать для домохозяйства как основу для формирования активной стратегии выживания, так и хаотичное стремление «вертеться» без определенной продуманной стратегии. В этом смысле приработки как таковые не являются типообразующим элементом формируемых стратегий выживания (кроме тех, которые осуществляются на более-менее регулярной основе), и поэтому мы с одинаковой вероятностью обнаруживаем их присутствие как у ориентирующихся на активную стратегию, так и у тех, кто никакой определенной стратегией не обладает.

Характерной особенностью вторичной занятости воронежцев стала включенность домохозяйств в мелкую посредническую тор-

говлю как наиболее доступный и результативный способ подработать (что не слишком прослеживалось в Москве, где были более широкие возможности заработка в других сферах экономики). На региональном уровне это, безусловно, являлось еще одним типообразующим признаком активного типа выживания. Что касается остальных действий «активных» домохозяйств КГРТ, то, по сути, они носили вспомогательный характер. В большинстве своем эти действия означали самостоятельную установку на преодоление трудной ситуации. Тот факт, что воронежцам при этом не всегда удавалось избежать долгов, скорее являлся отражением местных традиций и/или уровня жизни, чем недостатка их личной активности по сравнению с москвичами.

В основе пассивного типа выживания лежит опора на наличные доступные ресурсы, свои (продукция ЛПХ, сбережения, имущество) или чужие (долги, помощь). Данные специальных исследований показывают, что выжидательное приспособленческое поведение типично для выживания многих россиян в трудной ситуации [*Ронге*, с. 59—69; *Богомолова*, *Тапилина*, с. 404, 405]. Наверное, достаточность располагаемых ресурсов не способствует дальнейшему наращиванию активности, однако мы предполагаем, что главное здесь не в этом.

Пассивное выживание в ситуации проблем с оплачиваемой занятостью балансирует на грани «противодействия двух тенденций — необходимости сберегать как можно больше и недостаточности текущих доходов для накопления ресурсов» [*Олейник*, с. 56—66].

Свой отпечаток на процесс пассивного выживания накладывают региональные различия в уровне жизни, а следовательно, в объеме располагаемых домохозяйством ресурсов (данные Е. Авраамовой свидетельствуют, что размер сбережений в расчете на одного москвича в среднем впятеро больше, чем на одного жителя России) [*Авраамова*, с. 108—118].

По результатам исследования КГРТ мы наблюдаем, что в Москве главным типообразующим признаком пассивных стратегий становится выживание за счет ресурсов семьи, а в Воронеже — комбинация опоры на свои и чужие ресурсы, предполагающая долги и получение помощи. Надо сказать, что в нашем исследовании распространенность модели пассивного приспособления к ситуации кризиса занятости практически не различалась на региональном уровне: так выживали 40% домохозяйств в Москве и 38%

в Воронеже. Однако механизм формирования типов выживания на региональном уровне все-таки различался: «пассивные» москвичи в 65% случаев смогли целиком опереться на собственные ресурсы, в то время как в Воронеже это удалось сделать только 40% пассивно выживавших семей.

Видимо, большинству «пассивных» воронежских домохозяйств собственных ресурсов оказывалось недостаточно (москвичам в этой ситуации по меньшей мере удавалось избегать чрезмерных долгов). Можно предположить, что жизнь за счет ресурсов семьи при условии затянувшихся проблем с работой у кого-то из ее членов рано или поздно приведет к постепенному их расходованию и неизбежному ограничению спектра потребления, снижению уровня жизни в целом. Любое домохозяйство, полагающееся в трудной ситуации только на то, чем располагает в данный момент, рискует не только законсервировать саму ситуацию, но и попасть в зависимость как от ситуации, так и от других людей. С точки зрения перспектив динамики материального положения это не самая лучшая позиция.

Хотя определенный рост использования чужих ресурсов (помощь, долги) у пассивно выживавших домохозяйств был налицо, сознательной установки на зависимость в ситуации кризиса занятости обнаружить не удалось (скорее была установка на явное самоограничение). Полностью зависимое существование у населения в целом и в кризисных группах на рынке труда присутствует ощутимо реже, чем другие формы пассивного приспособления. Доля живущих только за счет пособий или за чужой счет была незначительной даже среди самых «пассивных» домохозяйств КГРТ (от десятой части всех «пассивных» в Москве до пятой части в Воронеже). Думается, что установка на зависимость в России больше связана не с обострением кризиса занятости или трудной материальной ситуацией, а с какими-либо иными факторами.

Правда, у ряда российских исследователей есть мнение, что большинство используемых россиянами пассивных способов выживания (самоограничение, приспособление, выжидание) служат своеобразными проявлениями культуры зависимости, выражающейся в сознательной «минимизации усилий» [*Балабанова*, с. 16—32; *Воронков, Фомин*, с. 57—69].

Нам не хотелось бы быть настолько категоричными, хотя определенный фактор дезадаптации в пассивных стратегиях присутствует. При наличии неблагоприятных обстоятельств, сопутствующих

пассивному выживанию, отдельные домохозяйства действительно рискуют увязнуть в зависимости и полностью утратить рычаги воздействия на сложившуюся ситуацию.

Как это может происходить и какое значение при этом имеет потеря работы, показывают отдельные примеры развития ситуации в обследованных домохозяйствах из кризисных групп на рынке труда. Сразу оговоримся, что приводимые частные случаи являются только одной из сторон указанной проблемы. Истории респондентки К. из Москвы и респондентки З. из Воронежа являют собой типичные примеры того, как определенные обстоятельства на фоне особенностей личностного склада постепенно приводят к состоянию сознательной зависимости, сопровождаемой сильной психологической фрустрацией.

Подобная ситуация, как правило, развивается следующим образом. Немолодая женщина теряет работу, с которой была связана большая часть ее жизни. Изначально вся ответственность за собственное положение возлагается ею на государство, которое смогло подобное допустить. Однако по истечении срока регистрируемой безработицы (который, как правило, в соответствии с законодательством длится полный год, несмотря на заметное сокращение размера пособия за этот период), озлобленность сменяется сильным психологическим дискомфортом и утратой веры во что бы то ни было. Параллельно возникает ощущение, что «государство тебя предало, бросило на произвол судьбы» (хотя за период наблюдений и работу, и переобучение респонденткам неоднократно предлагали).

В предложениях новой работы их, как правило, не устраивало то, что утрачивался статус, по отношению к бывшей работе падала зарплата, нужно было самостоятельно что-то предпринимать. К этому респондентки оказались не готовы, оправдываясь тем, что «могут оставаться безработными, пока это разрешает сын» (в другом случае — муж). Однако ситуация с безработицей постепенно переросла в хроническую (К. по итогам двухлетних наблюдений оставалась безработной, срок безработицы З. приближался в момент второго опроса уже к 3 годам), в их домохозяйствах существенно упал уровень жизни, наросла депривация, заметно проявили себя признаки социальной эксклюзии (люди из ближайшего окружения замещались в основном безработными, нарастали чувства собственной бесполезности, ненужности, апатии, песси-

мизма). Безработица начала восприниматься как «злой рок», собственные материальные трудности стали связываться с недостаточной зарплатой членов семьи, утратой льгот, доплат, помощи по старому месту работы. Самое интересное, что обе респондентки были абсолютно уверены в том, что им положены льготы (К. одна воспитывала сына, и хотя он был уже совершеннолетний, работающий молодой человек, продолжала считать, что ей «должны доплачивать в службе занятости как матери-одиночке»; З. много лет проработала в детском саду закрытого ведомственного предприятия, где пользовалась льготами и разветвленной социальной инфраструктурой ведомства, «жила намного лучше, чем окружающие», поэтому считала, что и в своем нынешнем безработном состоянии должна продолжать «иметь к этому доступ»).

В конце периода наблюдений обе женщины находились в «воронке бедности», ресурсов семьи катастрофически не хватало, обе они не имели понятия, что делать дальше, и очень стыдились отвечать на вопросы о помощи, избегали их, ссылаясь на то, «что никогда бы не попросили, если бы не их бедственное материальное положение». Обе заявили, что готовы участвовать в акциях протеста по поводу «ужасающего положения в стране». При этом никаких самостоятельных действий по выживанию семьи за весь период наблюдений ими так и не было предпринято.

Именно в этом состояло одно из коренных отличий большинства «пассивных» домохозяйств от тех, кто, хотя и хаотично, стремился предпринимать какие-то самостоятельные действия. Среди них были и такие, которые способствовали улучшению положения семьи (конструктивная активизация выживания), и такие, которые свидетельствовали о продолжающемся снижении жизненных стандартов (появление элементов зависимости, сокращения ресурсов, сужения спектра потребностей).

Осуществление модели «хаотичного выживания» происходило на фоне постоянной нехватки денег, средств для выживания. Собственно, это и побуждало эту часть семей больше «вертеться». Однако подобное поведение далеко не всегда гарантировало успех адаптации, по крайней мере, чем больше действий стремилось предпринимать домохозяйство, тем очевиднее была низкая отдача от каждого из них в отдельности. «Хаотично выжившие» много подрабатывали, но приработки почти всегда носили у них случайный, временный характер. Воронежцам «вертеться» приходилось

гораздо интенсивнее, чем москвичам: если половина московских домохозяйств ограничивали свое выживание использованием одного дополнительного способа самообеспечения, то двум третям воронежских семей приходилось предпринимать не менее двух, а чаще — три-четыре разнообразных действия, чтобы свести концы с концами.

Отметим, что специфику выбора предпочтительных типов выживания в обследованных нами регионах во многом определяло состояние местных рынков труда. Если в Москве ориентация на активность была подкреплена реальными возможностями для включения во вторичную занятость, то в Воронеже приработки были не только менее доступны, но и менее эффективны сами по себе. Например, если 60% москвичей, имевших приработки, более не нуждались ни в каких дополнительных действиях по поддержанию благосостояния семьи, то подавляющее большинство подрабатывавших воронежцев (77%) были вынуждены чем-то дополнять вторичную занятость, чтобы выжить. Одних приработков оказывалось просто недостаточно, чтобы семья могла пережить кризис занятости. Неудивительно, что по результатам исследования доля представителей активного типа выживания среди домохозяйств Москвы оказалась заметно выше (42% семей из КГРТ против 22% в Воронеже). «Модель хаотичного выживания», напротив, чаще проявляла себя в Воронеже (40% семей против 18% в Москве).

Дополнить анализ используемых в ситуации кризиса занятости способов выживания хотелось бы уточнением одного достаточно важного аспекта практической жизнедеятельности российских семей, который нередко остается за кадром рисуемой респондентами картины собственного адаптационного поведения. Речь идет о массовой включеннности россиян в неформальный обмен помощью, натуральными и денежными ресурсами, услугами, социальным капиталом. Само по себе наличие социальных сетей как реального или потенциального источника помощи извне в трудной ситуации оказывается важнейшим дополнительным ресурсом домохозяйств. Без хотя бы приблизительного представления о том, каковы функции социальных сетей и изменяются ли они в зависимости от ситуации, каковы характер, объем и условия ведущихся взаимообменов, каково конкретное наполнение помощи, о которой упоминают (или не упоминают) респонденты, невозможно анализировать ни процесс адаптации семьи к кризису

занятости, ни перспективы динамики уровня благосостояния домохозяйств в этой ситуации.

Проблема заключается в том, что взаимообмены ресурсами и услугами, совершаемые между родственниками, друзьями, коллегами, стали настолько органичной частью жизнедеятельности российских семей в процессе адаптации, что зачастую просто не замечаются, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, рутинное, естественно вплетенное в ткань повседневной жизни. От этого реальная значимость подобного взаимодействия не перестает оставаться достаточно существенной. Понять действительный (а не декларируемый) масштаб ведущихся социальных взаимообменов мы и пытались на базе качественного материала обследования КГРТ.

В ходе исследования обнаружилось, что количественные данные, получаемые на основе сведений об источниках доходов со слов респондентов, не всегда адекватно отражают фактический объем и действительную роль семейно-дружеской поддержки в повседневной жизни людей. Так, о наличии помощи родственников и друзей в структуре совокупных доходов семей сообщили 26% домохозяйств КГРТ, а в ходе общероссийского опроса РНИСиНП осенью 2000 г. — всего 16,2% населения.

Усомниться в достоверности этих показателей нас заставили результаты специального анализа данных с использованием индекса помощи, получаемой домохозяйством от социальных сетей, который позволил иметь более предметное представление о степени действительной включенности домохозяйств КГРТ в сети межсемейной поддержки, а также о типе, объеме и условиях предоставляемой им помощи. Сопоставление полученных результатов с итогами репрезентативного опроса населения РНИСиНП в октябре 2000 г. помогло частично прояснить вопрос о том, происходила ли активизация этого ресурса на этапе обострения проблем с занятостью.

Методика построения иерархического индекса помощи домохозяйству от социальных сетей в целом повторяет ступени выстраивания простого индекса, однако помимо этого предполагает ряд специфических технических приемов. Она учитывала, что поддержка, получаемая домохозяйством, может иметь разное наполнение: психологическое, материальное, информационное, инструментальное. Ясно, что все эти виды помощи находятся в определенной иерархии в отношении воздействия на материальные стандарты и перспективы домохозяйства-реципиента в трудной ситуации (како-

вой и является в нашем случае кризис с занятостью в семье). Значимость материальной и инструментально-информационной поддержек выше и ценнее для практического выживания и перспектив изменения ситуации семьи (как материальной, так и с работой), чем сопереживание или простая инструментальная поддержка в решении бытовых и хозяйственных вопросов. Поэтому в построении иерархического индекса применялся принцип расширения, когда более значимый по шкале воздействия на положение семьи вид помощи как бы «поглощал» другой, давая более высокое значение индексу в целом.

При построении индекса помощи, получаемой домохозяйством от социальных сетей, мы исходили из следующей иерархической значимости функций социальных сетей: 1) простая инструментальная (хозяйственная) помощь, т.е. поддержка в быту (ведение хозяйства, уход за членами семьи), не требующая особых материальных затрат; 2) простая ресурсная поддержка, т.е. помощь натуральными ресурсами (вещи, продукты, в том числе и продукция с приусадебных участков); 3) материальная помощь, т.е. оказание прямой денежной поддержки участникам социальных сетей; 4) сложная инструментально-материально-информационная поддержка, т.е. обмен услугами, рекомендациями, связями, а не просто наличными ресурсами (включая содействие в трудоустройстве и нахождении дополнительных возможностей для заработка, консультирование, обучение, а также сложные инструментальные услуги, требующие организационной подготовки и/или обладания специфическими материальными/символическими ресурсами: помощь в ремонте, строительстве, с транспортом, организация дорогостоящих празднеств и ритуалов и т.п.).

Таким образом, присвоение значения индекса основывалось на доступе домохозяйства к указанным видам поддержки в представленной иерархической последовательности, а принцип расширения означал, что семья, имеющая доступ к простой хозяйственной помощи, получает код 1, а семья, пользующаяся какими-то ресурсами, услугами или связями, получает более высокую позицию, независимо от того, присутствуют (или, наоборот, отсутствуют) у нее те виды помощи, которые стоят ниже в иерархическом листе. Соответственно наличию в семье определенного вида получаемой помощи со стороны социальных сетей значение индекса могло варьироваться от 1 до 4.

Как видно из табл. 9.3, половина российских домохозяйств так или иначе охвачены разного рода поддержкой социальных сетей (хотя и не говорят об этом прямо в ответах на вопросы о структуре доходов). По данным RLMS, в 1992 г. в сети неформальной взаимопомощи были включены 39,7% российских домохозяйств; исследование В. Кабалиной и С. Кларка 1998 г. зафиксировало более значительные масштабы ведущихся взаимообменов — до 65% обследованных ими домохозяйств [*Занятость*, с. 259].

Таблица 9.3 **Распределение типов поддержки, получаемой домохозяйствами со стороны родственно-дружеских социальных сетей (по данным исследования КГРТ в 1996–1997 гг., N=160 и общероссийского репрезентативного опроса в октябре 2000 г., N=1751), %**

Тип получаемой помощи	По КГРТ		Среди населения в целом
	Москва	Воронеж	
Хозяйственно-бытовая поддержка	10	8	4
Помощь ресурсами (в натуральном виде, например, вещами, продуктами)	8	18	14
Денежная помощь	15	25	11
Использование услуг, связей, социального капитала сетей в поиске работы, приработков, решении других проблем	29	25	20
Не получали никакой помощи	38	24	51

Уже сейчас по результатам нашего исследования видно, что в кризисной ситуации проблем с работой доля получающих помощь относительно возрастает (особенно это проявляется в росте значи-

мости материальной и социальной составляющих получаемой поддержки). Эксплуатация социальных сетей интенсивнее там, где объективно сложнее выживать, в нашем случае — это менее благополучный Воронеж. Хотя не исключено, что причины активности социальных сетей не только кроются в экономической сфере, но и зависят от традиций местного сообщества [*Давыдова*, с. 12—24].

Нет особых региональных различий в том, как люди пытаются реагировать на трудную ситуацию, однако результаты предпринимаемых действий оказываются в разных регионах далеко не равноценными, а следовательно, разные типы выживания проявляют себя с разной частотой. Данные многих исследований последних лет [*Куприянова*, с. 28—31; *Магун*, 1996, с. 47—62; *Социальная траектория*, с. 378—384] демонстрируют, что по динамике затрачиваемых усилий как между жителями различных регионов, так и между благополучными и неблагополучными группами сегодня больше сходств, чем отличий. В большинстве случаев они возрастают у всех. Проблема состоит в том, что важны не столько рост объема усилий, сколько сфера и среда, в которой они реализуются. Чтобы адаптация к любым ситуациям проходила с большим успехом, необходимы развитие сфер приложения усилий и государственные гарантии равного доступа к ним для различных групп населения России.

Вывод, к которому мы приходим, основываясь на данных проведенного исследования, состоит в том, что региональные возможности вторичной занятости, качество приработков, сложившаяся дифференциация уровня жизни не позволяют многим достаточно активным российским домохозяйствам в объективно трудной ситуации сформировать определенную стратегию выхода из нее, заставляя их хаотично «изобретать» все новые и новые способы выживания. Именно по этой причине типы и модели адаптации, применявшиеся домохозяйствами из кризисных групп на рынке труда в Москве и Воронеже, не всегда наполнялись одинаковым и устойчивым содержанием. Однако наличие в них некоторых общих типообразующих элементов свидетельствует о том, что многие семьи стремились опираться на вполне рациональные, долговременные действия, которые в определенных условиях и в конкретных домохозяйствах вполне могли принимать черты продуманных стратегий.

«Многоканальная» модель выживания

Термин «многоканальная модель выживания и воспроизводства» был использован финским экономистом и социологом Т. Пиирайненом, который, изучая изменения положения населения на этапе перехода России к рынку, пришел к выводу, что стратегии занятости и способы выживания в процессе практической адаптации домохозяйств оказываются очень тесно взаимосвязаны [*Пиирайнен, Турунцев*, с. 71—77].

При этом важнейшую роль играет ситуация в домохозяйстве как базовом субъекте (акторе) выживания. Она определяется рядом его характеристик: составом, типом, структурой располагаемых доходов, степенью нуждаемости, ресурсным потенциалом, доступностью для него тех или иных «страховочных» возможностей выживания, наличием тех или иных приоритетов. В результате не только обострение проблем с работой на индивидуальном уровне влияет на положение и перспективы домохозяйства, но и ситуация в домохозяйстве вполне способна предопределить динамику статуса занятости и избираемые способы выживания в каждом конкретном случае.

В анализе процессов адаптации к негативным последствиям рыночных реформ (безработице, бедности) мы вслед за многими другими российскими и западными специалистами [*Демин*, с. 341—348; *Clarke*; *Glatzer, Berger*], исходим из посылки, что домохозяйство, опираясь на накопленные ресурсы и возможности, способно посвоему рационально распределять и использовать альтернативы занятости или незанятости в зависимости от обстоятельств, глубины и приоритетности возникающих проблем. Поэтому ниже мы постараемся уточнить, каким образом взаимодействуют способы выживания и стратегии занятости членов семьи в период ее обострения, прояснить, что наиболее значимо воздействует на успешность преодоления кризиса занятости в обследованных домохозяйствах.

Происходившие в течение года изменения в статусе занятости респондентов отражали заметную вариативность индивидуальных способов адаптации к кризису занятости, применявшихся населением крупных городов. При этом в ходе исследования обнаружились не только установка на полное восстановление занятости, но и другие варианты индивидуального поведения в

трудной ситуации: некоторые предпочли вообще не работать, другие — не иметь постоянного места работы, третьи — уйти на инвалидность, оформить досрочную пенсию. На момент исследования оформление досрочной пенсии было еще возможно для определенных категорий официальных безработных, однако к середине 1997 г. эта практика была отменена специальной инструкцией ГСЗ. [*Власов*, с. 40—42].

Хотелось бы подчеркнуть, что индивидуальный выбор вариантов статуса занятости далеко не всегда являлся добровольным предпочтением респондентов: он отражал и особенности спроса на рабочую силу, диктуемые формальным рынком труда, и тенденции развития теневого сектора экономики, дававшего дополнительные шансы неформального трудоустройства тем, кто остался не востребован открытым сегментом рынка, и падение экономической активности, где вынужденный выход в незанятость обусловливался отсутствием работы как таковой. Поэтому динамика статуса занятости была связана не только с личными усилиями и установками индивидов и домохозяйств, но и с макроэкономическими факторами развития экономики в целом.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что самостоятельная неформальная включенность в рынок труда была довольно успешной альтернативой восстановления занятости для ряда респондентов. В. Титов отмечает, что «ведущим институтом такого рода решений проблем с работой является вещевой рынок» [*Титов*, с. 20—35], что полностью подтвердилось и результатами нашего исследования. В целом этот способ выжить (регулярные приработки в сфере уличной торговли, посредничества и услуг) за период кризиса занятости постепенно приобретал характер основного занятия для каждого десятого представителя домохозяйств КГРТ.

Результаты перегруппировки респондентов на втором этапе исследования показывают, как собственные усилия людей, выражающиеся в стремлении любой ценой изменить кризисную ситуацию с занятостью, становятся своеобразной альтернативой решения проблем с работой. Именно здесь со всей очевидностью заявил о себе следующий факт: неформальные стратегии занятости тесно переплетались и часто вытекали из используемых способов выживания (в частности, обретение занятия, приносящего доход, явно было связано с активизацией усилий, направленных на включение в приработки, любую доступную форму вторичной занятости). Тем самым самостоятельная трудовая активность становилась сущест-

венным компонентом преодоления трудной ситуации, связанной с кризисом формальной занятости.

Помимо важности личных усилий в процессе преодоления трудной ситуации с занятостью исследование КГРТ подтвердило выводы ряда других исследований динамики положения безработных: равновероятным (а иногда и более эффективным) способом решить проблему нового трудоустройства являются социальные связи [*Гимпельсон, Магун*, с. 134—149; *Козина*, с. 172—200; *Хибовская*].

Динамика статуса занятости на индивидуальном уровне в значительной степени зависит от имеющегося доступа к социальным связям. Какова же была значимость поддержки социальных сетей, поступающей извне, на этапе преодоления кризиса занятости? Происходила ли активизация этого ресурса, и если да, то каким образом?

Данные общероссийского опроса РНИСиНП (октябрь 2000 г.) свидетельствуют, что в целом проблемы с работой на индивидуальном уровне не слишком влияют на саму включенность в сети межсемейной поддержки (не получали помощи со стороны родственников и друзей 46,7% российских домохозяйств с кризисом занятости и 53% домохозяйств без этих проблем). В этом нет ничего удивительного, поскольку социальные сети — это сложившийся, устоявшийся во времени ресурс, который либо присутствует, либо отсутствует в семье, независимо от того, какая в ней в тот или иной момент ситуация. Однако углубленный анализ характера функционирования уже имеющихся сетей, проведенный на базе исследования динамики положения КГРТ, показал, что на этапе кризиса занятости в отдельных семьях, безусловно, происходит активизация этого сложившегося ресурса в сторону усложнения, диверсификации, расширения типов оказываемой поддержки.

Сложная, многофункциональная поддержка извне существенно влияла на динамику статуса занятости респондентов на индивидуальном уровне. На этапе кризиса занятости основные функции социальных сетей перераспределялись в сторону задействования связей в поиске работы, дополнительных заработков, решении материальных проблем, и те домохозяйства, у которых была дополнительная возможность использовать социальный капитал родственников и друзей, определенно оказывались в более выгодной позиции с точки зрения перспектив восстановления занятости.

Удельный вес использования связей, рекомендаций, социального капитала наличных сетей в процессе поиска работы или

приработков, решении других проблем оказался наименьшим в группе тех, кто остался хроническим безработным. Хотя, казалось бы, они также были включены в обмены родственно-дружеской помощью. Проблема в том, что те типы поддержки, которые они имели возможность получать, по сути мало воздействовали на изменение кризисной ситуации с их занятостью, хотя выживание в трудной ситуации, безусловно, облегчалось преобладающей у «застрявших» в безработице бытовой (имеющей скорее психологический эффект) и простой материальной направленностью функционирования межсемейных сетей.

Адаптация к кризисной ситуации на рынке труда на практике оказывалась делом не только индивида, но и всего его социального окружения. Самостоятельно избрать тип адаптации путем личного решения всех возникающих проблем смогли далеко не все, а только определенная (возможно, более экономически «сильная») доля тех, кто преодолел кризис занятости. Дополнительные возможности, ресурсы, связи домохозяйства играли отнюдь не последнюю роль в изменениях индивидуального статуса занятости членов обследованных семей. Одним из главных факторов при этом становилась сознательная активизация усилий, однако и она во многих случаях происходила на уровне домохозяйств, а не на уровне индивидов. Чтобы прояснить соотношение стратегий занятости и выживания, надо ответить на вопросы, как влияли различные формы кризиса занятости, опыт открытой и скрытой безработицы на коллективно избираемые семейные стратегии и как, в свою очередь, тип выживания, осуществляемый семьей, воздействовал на индивидуальную динамику выхода из кризиса занятости.

Как показало исследование, вероятность выбора того или иного способа выживания зависела не от факта попадания в кризисную группу на рынке труда, а от возможностей индивида и домохозяйства задействовать имевшиеся ресурсы в трудной ситуации. В этом смысле «стартовые» позиции у домохозяйств из различных КГРТ оказались примерно одинаковыми (т.е. представители обследуемых кризисных групп на рынке труда были достаточно равномерно распределены среди приверженцев различных моделей адаптации, демонстрируемых их семьями в течение года наблюдений). А вот результат у приверженцев различных стратегий по истечении времени оказывался разным. Это касалось и динамики статуса занятости члена семьи, и основных материальных перспектив домохозяйств.

Большинство семей, «застрявших» в безработице, придерживались пассивных стратегий адаптации. Представители более активных (или, по крайней мере, «вертящихся», пусть даже и хаотично) домохозяйств за год с большим успехом решили проблемы собственной занятости. Включенность домохозяйства в приработки (любые) оказывалась связанной с динамикой статуса занятости членов подобных семей. Совместные активные действия, направленные на улучшение положения в кризисной ситуации, гораздо чаще присутствовали в семьях работавших, чем хронических безработных. Скажем, если в среднем в Москве подрабатывала каждая вторая семья КГРТ, а в Воронеже — каждая третья, то в семьях, где кризис занятости вылился в хроническую безработицу, подрабатывали заметно реже, в одном случае из трех — в Москве и в одном случае из четырех — в Воронеже.

Если трудовая ситуация в домохозяйстве была не слишком стабильной, активизация приработков встречалась еще чаще. Например, в семьях, работавшие члены которых регулярно и в полном объеме получали зарплату, приработки присутствовали в структуре доходов в 37% случаев, а там, где были проблемы со своевременным получением зарплат, в 48% случаев. Показатель включенности во вторичную занятость на регулярной основе (типообразующий элемент активной модели выживания) у нестабильно занятых в 2 раза опережал средние по массиву и в Москве, и в Воронеже. Причем привычка к совместительству в Москве или к участию в посреднических торговых операциях в Воронеже обнаруживала тенденцию к закреплению даже в том случае, если проблемы с работой в домохозяйстве улаживались.

Таким образом, результаты проведенного исследования лишний раз подтвердили, что даже в менее «продвинутых» регионах коллективные усилия индивида и домохозяйства, направленные на активизацию выживания в кризисной ситуации, гораздо чаще приводят к успеху, чем пассивное ожидание перемен к лучшему. Смысл активизации усилий на этапе преодоления кризиса занятости и после него мог различаться: если вначале он заключался в выживании и приспособлении, то в дальнейшем направлялся на обслуживание более высоких запросов и повышение уровня материальной обеспеченности семьи. Надо сказать, что навыки и опыт, приобретенные в процессе воздействия на трудную жизненную ситуацию, в дальнейшем имеют важное значение для успешной адаптации семьи. В этом смысле кризис занятости для

отдельных индивидов и домохозяйств оказывается по-своему конструктивным.

Анализ динамики статуса занятости представителей КГРТ показал, что, когда пребывающие в кризисной трудовой ситуации хотят и пытаются ее изменить, большинство из них предпочитают делать это именно через активизацию или диверсификацию выживания всего домохозяйства. При всех объективных различиях региональных рынков труда группы самозанятых и частично занятых москвичей и воронежцев на втором этапе исследования объединяла поразительная схожесть в приверженности активным способам воздействовать на сложившуюся ситуацию. Собственно, в этом случае именно желания и усилия предопределяли в конечном итоге динамику статуса их занятости, и хотя полностью нормализовать ситуацию им не всегда удавалось, безработными эти люди уже не были.

Активизация выживания на уровне индивидов и домохозяйств, безусловно, становится дополнительным фактором преодоления кризиса занятости. В то же время данные исследования свидетельствуют, что в составе опиравшихся на пассивный тип выживания находились не только семьи тех, кто «застрял» в безработице. Достаточно заметна (хотя она и меньше, чем в семьях с длительно безработными) доля «пассивных» домохозяйств и среди недавно трудоустроившихся, сменивших работу, так или иначе нормализовавших трудовую ситуацию на старом рабочем месте. Такая пассивность в общем тоже понятна: возвращение к постоянной работе снижает интерес домохозяйства к поиску дополнительных источников существования, поскольку основные надежды связываются с возможностями стабильной занятости.

«Многоканальные» модели занятости и выживания, демонстрируемые домохозяйствами КГРТ в процессе преодоления кризисной ситуации, в свою очередь, ставят проблему достаточности возможностей занятости для выживания жителей различных регионов, работающих в сильно дифференцированных условиях местных рынков труда. По крайней мере, бóльшая ориентация на пассивность, демонстрируемая и длительно безработными, и недавно трудоустроившимися москвичами по сравнению с воронежцами, свидетельствует о том, что и качество новых трудоустройств, и располагаемые ресурсы домохозяйств, зависящие от вклада работающих, в столице были выше, чем на периферии. Просто спокойно опирались на ресурсы семьи 60% хронически безработных мо-

сквичей, в то время как та же доля «застрявших» в этом состоянии воронежцев была вынуждена «хаотично выживать», бесконечно комбинируя свои и чужие ресурсы. Именно поэтому результаты исследования демонстрируют еще одну тенденцию: «вертеться», подрабатывать и бесконечно комбинировать доступные ресурсы («хаотично выживать») было свойственно как страдавшим от кризиса занятости, так и избавляющимся от него.

Анализ структуры доходов домохозяйств КГРТ показывает, что именно зарплата формирует их основу, независимо от того, есть в семье кризис занятости или нет. Так, если в среднем по России заработная плата присутствовала в доходах 84,1% семей (по данным репрезентативного опроса РНИСиНП, проведенного в октябре 2000 г.), то возникновение проблем с работой в действительности мало меняло ее ранг и значимость в структуре совокупных доходов, в домохозяйствах из кризисных групп на рынке труда зарплата работавших была названа в качестве источника дохода 81% опрошенных. По-видимому, не только индивидуальная динамика трудоустройств, но и «страховые» возможности других работавших членов семьи были очень важны в процессе выживания в ситуации кризиса занятости у кого-то из ее членов, поскольку позволяли какое-то время амортизировать эффекты безработицы.

В этой связи надо отметить, что в 65% домохозяйств КГРТ присутствовали другие работавшие. Нередко в сложной ситуации выручали и пенсионеры, которые проживали в каждой третьей семье КГРТ. Был случай, когда в одном домохозяйстве нестабильно занятого москвича, пребывавшего в затяжном неоплачиваемом отпуске, насчитывалось даже четыре пенсионера. Естественно, что в таких условиях член семьи, находившийся на пенсии, не только позволял трудоспособным экономить время на поиск дополнительных источников дохода, беря на себя большую часть домашних дел (например, уход за детьми), но и в особо кризисных ситуациях напрямую предоставлял собственные денежные ресурсы в общесемейное пользование.

Мы склонны рассматривать наличие пенсионера в многопоколенной российской семье в большинстве российских регионов скорее как дополнительный ресурс, чем как обузу домохозяйства. Пенсии в настоящее время остаются едва ли не единственным защищаемым от инфляции типом государственных социальных трансфертов. Размер пенсий на законодательном уровне регулярно увязывается с прожиточным минимумом, задержки по их выпла-

там не получили массового распространения, пенсионеры в отличие от работающих неожиданно оказались людьми с ритмично получаемыми денежными доходами. Все это не могло не отразиться на способах выживания и характере ведущихся межгенерационных обменов. Ученые новосибирской экономико-социологической школы отмечают, что взрослые дети стали получать от престарелых родителей помимо продуктовой заметную денежную помощь, а В. Кабалина даже пришла к выводу, что на практике пенсия вносит намного больший вклад в совокупный доход семьи, чем приработки и дача [*Занятость*, с. 14; *Социальная траектория*, с. 436—447].

Стрит ли говорить, что совместное проживание нескольких поколений в семье и их совместная хозяйственная деятельность на определенном этапе могут существенно облегчить выживание индивида, столкнувшегося с обострением проблемы занятости. «Парадигма соучастия» в этом случае не всегда стимулирует лень, скорее является фактором психологической устойчивости [*Магун*]. Другие исследователи, применительно к поведению собственно безработных, также приходят к выводу, что фактическое делегирование ответственности за собственное положение семье связано не только с иждивенческими установками индивида, но и с определенными культурными и семейными традициями в ситуации выбора [*Демин*, с. 35—46].

С другой стороны, не следует переоценивать «страховые» возможности семьи в ситуации кризиса занятости одного из ее членов: во-первых, они есть далеко не у всех (35% респондентов не имели в семье других работавших, а в каждом пятом случае человек оказывался один на один со своими проблемами, в домохозяйстве не было не только других работавших, но и пенсионеров); а во-вторых, «застревание» кого-то из членов семьи в «нерабочем» состоянии неизбежно вело к исчерпанию ресурсов выживания и росту иждивенческой нагрузки на семейные доходы, что не могло не повлечь за собой снижение уровня жизни домохозяйства в целом.

Кроме того, семье приходилось поддерживать не только тех ее членов, которые испытывали трудности с работой. До 60% обследованных домохозяйств КГРТ имели несовершеннолетних детей, причем каждая пятая семья с детьми была проблемной (чаще неполной, где главой и основным добытчиком была женщина; встречались и многодетные, а всего в исследовании было 12% проблемных семей, страдавших от кризиса занятости). При этом в составе домохозяйств официальных безработных, наблюдавшихся в тече-

ние года, дети присутствовали реже, чем у тех, кто попал под сокращение или трудоустроился после безработицы (от 47 до 64—62% соответственно в этих КГРТ). Возможно, присутствие детей становилось своеобразным «стимулом» активности, и здесь кроется одна из причин более успешной динамики статуса занятости представителей этих домохозяйств по сравнению с группой зарегистрированных безработных. Как бы то ни было, если кризис занятости случался в семье, где не было других работавших, количество детей превышало одного несовершеннолетнего, а также там, где женщина одна воспитывала ребенка, уволенные на первом этапе исследования респонденты гораздо активнее и успешнее в течение года восстанавливали собственную занятость (от 70 до 80% трудоустройств как на формальной основе, так и на началах самозанятости при 60% в среднем по группе). Добавим, что респонденты, «застрявшие» в безработице на втором этапе исследования, в каждом третьем случае имели в семье двух и более получателей дохода (других работавших или пенсионера) в отличие от тех, кто осуществил новое трудоустройство (здесь подобная ситуация характеризовала положение только каждой четвертой семьи).

В заключение подведем итоги, полученные в результате исследования особенностей адаптационного поведения индивидов и домохозяйств в ситуации кризиса занятости. Проведенный анализ демонстрирует заметную связь между способами выживания, набором ресурсов домохозяйства, его экономической и социально-демографической ситуацией, с одной стороны, и динамикой статуса занятости индивидов, преодолевающих ее кризис, — с другой. Исследование выявило наличие определенной специфики в адаптации домохозяйств в зависимости от присутствия или отсутствия кризиса занятости в семье. Обнаружились определенные объективные и субъективные обстоятельства, способствующие или тормозящие преодоление кризиса занятости (здесь и состояние региональных рынков труда, и сознательная установка на самостоятельный поиск любых возможностей занятости, и использование связей социального окружения, и «страховые» возможности семьи, связанные прежде всего с ее составом и структурой). Динамика статуса занятости и основные перспективы индивидов зависят как от их непосредственных усилий, так и от активизации, диверсификации, эксплуатации всех имеющихся ресурсов их домохозяйств — трудовых, социальных, символических. Решающую роль в преодолении или смягчении кризиса занятости индивида играют коллективно

избираемые семейные стратегии, где выживание обеспечивается вкладом всех членов семьи: занятых и незанятых, проживающих вместе и живущих порознь.

Все это лишний раз подчеркивает, что выживание в ситуации обострения проблем с занятостью и их преодоление на индивидуальном уровне действительно становятся частью «многоканальных» диверсифицированных способов адаптации домохозяйства в целом. Каждый случай утраты работы или ее стабильности приводит к специфическим последствиям применительно к ситуации в конкретном домохозяйстве, а также тесно связан с временем нахождения вне рынка труда и условиями, на которых происходит возвращение к занятости.

Литература

Авраамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М.: ИСЭПН РАН, 1998.

Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Под общ. ред. И.А. Бутенко. М.: МОНФ, 1999.

Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Субъективная мобильность населения по материальному положению // Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999.

Вершинина Т.Н. Проблема адаптации к новым отношениям на рынке труда // Мир России. 1998. № 1, 2.

Власов В. Новый порядок регистрации безработных // Законность. М., 1998.

Воронков В., Фомин Э. Типологические критерии бедности // Социологический журнал. 1995. № 2.

Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 1.

Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // СОЦИС. 1994. № 8, 9.

Давыдова Н.М. Региональная специфика сознания россиян // Общественные науки и современность. 1997. № 4.

Демин А.Н. Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // Куда идет Россия?.. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000.

Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / Под. ред. В. Кабалиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.

Козина И.М. Реструктурирование рынка труда и каналы мобильности // Занятость и поведение домохозяйств. М., 1999.

Куприянова З.В. Безработица и безработные // Экономические и социальные перемены. 1999. № 1.

Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. 1991. № 6.

Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1.

Олейник А.Н. Домашние хозяйства в переходной экономике: типы и особенности поведения на рынке // Вопросы экономики. 1998. № 12.

Пиирайнен Т., Турунцев Е.В. Отталкиваясь от Макса Вебера: к пониманию процессов социальной трансформации в России // Вопросы экономики. 1998. № 7.

Ронге Ф. Условия жизни в России // СОЦИС. 2000. № 3.

Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999.

Титов В. Вещевой рынок как социальный институт// Общественные науки и современность. 1999. № 6.

Хибовская Е.А. Занятость безработных: отношение к способам трудоустройства // Экономические и социальные перемены. 1995. № 4.

Clarke S. New Forms of Employment and Household Survival Strategies in Russia: Working paper. Warwick: University of Warwick, 1999.

Glatzer W., Berger R. Household Composition, Social Networks and Household Production in Germany // On Work: Historical, Comparative and Theoretical Approaches / Ed. by R.E. Pahl. Oxford: Basil Blackwell, 1988.

Глава 10

Ресурсы и уровень жизни домохозяйств, переживающих кризис занятости

Типы ресурсов и выживание домохозяйств

Проблема роли ресурсов в выживании домохозяйств, в которых как минимум один из их членов находится в ситуации кризиса занятости, уже частично затрагивалась в предыдущей главе в связи с анализом проблемы возможностей выбора домохозяйством того или иного способа выживания. Особое внимание при этом было уделено социальным ресурсам семьи, ее возможностям получения различных видов помощи со стороны. Значение различий в ресурсной обеспеченности домохозяйств для определения их перспектив на будущее настолько велико, что нуждается в самостоятельном анализе.

В данном разделе мы постараемся проанализировать те ресурсы, которые активно использовались для выживания семей с кризисом занятости у кого-либо из их членов в России второй половины 1990-х гг., а во многом продолжают успешно эксплуатироваться и сегодня. В первую очередь здесь надо отметить ресурс, имеющий скорее макроэкономический, чем микроэкономический ха-

рактер. Мы имеем в виду возможность разовых и временных приработков, которая хотя и различается в различных регионах России, как было показано в предыдущей главе, но в любом случае является характерной особенностью ее социальной политики в отличие от большинства западноевропейских стран, где доходы от приработков влияют на размер получаемых трансфертов.

Не случайно, когда мы сравнили полученные нами данные с результатами исследования безработных в Великобритании [*Dean, Tailor-Gooby*], эта особенность их положения сразу бросилась в глаза. Отметим при этом, что и по численности, и по реальному статусу занятости подмассив безработных на втором этапе нашего исследования в 1997 г. оказался достаточно схож с английским. Тем не менее различного рода неполная занятость была шире распространена среди российских безработных. Полностью безработные составляли 79% в Великобритании и 65% в России, нефиксируемую занятость имели 6% английских безработных и 7% российских, а частичную занятость или приработки — 15% респондентов в Великобритании и 28% в России. Таким образом, приработки являлись наряду с пособием по безработице источником средств к существованию для каждого четвертого российского безработного и для каждого седьмого английского.

Важным отличием положения безработных в России от безработных в Великобритании являлось уже подробно разбиравшееся в предыдущей главе использование помощи родственников и знакомых для облегчения своего положения. В отличие от Великобритании в России очень сильны традиции солидарности и помощи среди самого населения. Причем список тех, на чью помощь можно рассчитывать, у россиян гораздо шире (табл. 10.1).

Очевидно, здесь сказывается иная структура социальных контактов и форм социального участия, присущая населению России в целом и безработным в частности. Если отсутствие всяких социальных контактов характеризовало жизнь 20% английских безработных, то для России этот показатель составлял только 1%. Зато регулярные контакты с родственниками и знакомыми без организованных форм отдыха (клубы и т.п.) и вовлеченности в общественную жизнь (политические, религиозные и т.п. организации) были присущи только трети английских безработных при том, что среди российских безработных такая модель поведения была присуща половине всего массива опрошенных. Заметно шире среди российских безработных был распространен и образ жизни, при

котором контакты с родственниками и знакомыми сопровождались участием в деятельности религиозных и, в гораздо меньшей степени, других общественных организаций (26% в России при 16% в Великобритании).

Таблица 10.1 **На чью помощь рассчитывают безработные в России и Великобритании, человек (%)**

Ответы	Россия	Великобритания
Родители, дедушки, бабушки	125 (52)	22 (26)
Братья, сестры	81 (34)	5 (6)
Сыновья, дочери	33 (14)	9 (11)
Бывший супруг	17 (7)	1 (1)
Друзья	103 (43)	7 (8)
Соседи	31 (13)	—
Коллеги	58 (24)	—
Начальник	12 (5)	20 (24)
Никто	45 (19)	2 (2)

Более того, для большинства из них в отличие от английских безработных нынешняя ситуация все же не являлась «крайней», и у них были определенные резервы даже при потере их нынешних источников доходов. Тех, кто в этом случае готов был обратиться к родственникам или друзьям или устроиться на работу, на которую он пока просто не хотел выходить, в России было 62%, а в Великобритании — 52%. При этом примерно одинаковая часть опрошенных (19% в Великобритании и 21% в России) не смогли дать определенного ответа на вопрос о своих действиях в случае потери нынешних источников доходов. Одинаковыми были и показатели предпочтения таких действий, как «продам имущество или буду жить на сбережения» (по 9%) и «совершу самоубийство» (по 1%). Зато если до преступления или проституции дойдут 12%, а станут просить милостыню 7% безработных в Великобритании, то соответствующие показатели в России были всего 3 и 2%, т.е. в 4 раза меньше. Добавим к этому, что определенный «запас прочности» создавало для россиян и их жилищное положение — среди

них не было ни одного бездомного (в Великобритании — 11%), и около трети имели собственное, хотя и очень скромное, жилье (в Великобритании собственников жилья среди опрошенных не было).

Таким образом, как широта социальных контактов и тесно связанные с ней социальные ресурсы, находящиеся в распоряжении россиян, так и особенности их жилищного положения и потенциальные возможности для трудоустройства позволяли им иметь несколько бóльшую уверенность в своем положении, чем англичанам. Худшее положение с уровнем доходов, которое у них при этом было (регулярно покупать газеты, например, могли себе позволить 40% английских безработных и только 18% российских), коррелировало с более низким уровнем жизни в России по отношению к Великобритании.

Представив себе специфику ресурсов российских безработных по отношению к английским, посмотрим теперь на то, как их положение отличалось от положения других россиян. Учитывая, что в предыдущей главе сравнение проводились с использованием данных мониторинга РНИСиНП, в этом случае за основу такого сравнительного анализа примем данные, полученные в ходе исследования «Барометр новой России III» [*Rose, Haerpfer*].

В целом положение опрошенных нами представителей критических групп на рынке труда было значительно хуже, чем у среднего россиянина по данным исследования Р. Роуза. Если, например, в его исследовании материальное положение лучше, чем пять лет назад, было у 20% опрошенных, то в нашей выборке таких оказалось лишь 9%. Очевидно, относительно худшим положением представителей критических групп на рынке труда, входивших в нашу выборку, объяснялись и заметные отличия в их источниках дохода. Так, помощь родственников и друзей была источником дохода для каждого 20-го респондента у Р. Роуза и каждого четвертого — в нашем исследовании. Пособия и пенсии как источники дохода были важны для 22% безработных у Р. Роуза и 48% в нашем исследовании. И хотя роль пособия по безработице была для большинства респондентов относительно невелика, принципиально важны два факта: 1) среди официальных безработных число тех, для кого роль пособия в доходах была важна или являлась основой доходов домохозяйства, за год наблюдений выросло в нашем исследовании в полтора раза и составило в 1997 г. 58% от всех официальных безработных; 2) в числе тех безработных, для которых пособие по безработице в 1997 г. играло важную роль или было основой доходов, две трети составляли хрониче-

ские безработные, бывшие безработными и в 1996 г. (более того, и в 1996 г. для половины из них пособие играло важную роль или было основой их доходов). Это позволяет говорить о формировании среди безработных особой прослойки лиц, живущих на пособия.

Масштабы этого явления, впрочем, не очень значительны, так как число тех, для кого пособие играло важную роль в доходах семьи, составляло лишь пятую часть хронических безработных. Однако если добавить к ним также тех хронических безработных, кто получает помощь родственников, то число лиц, живущих не на заработки, а на пособия от госорганов или от близких, составит около трети хронических безработных. В то же время для большинства из них такая жизнь является результатом сознательного выбора из-за невозможности радикально изменить свое положение за счет трудоустройства или нежелания трудоустраиваться в силу различных факторов, а не следствием культуры зависимости. Бедность для таких респондентов отнюдь не является фактором, подталкивающим к трудоустройству, так как трудоустройство при нынешней ситуации на рынке труда для них не означает сколько-нибудь заметного изменения их положения. Не случайно среди причин, по которым они отказываются от работы, 89% респондентов называли низкую зарплату на предлагаемых рабочих местах. Наиболее типичным в этом плане является положение одиноких матерей с несовершеннолетними детьми и одиноких женщин старшего или предпенсионного возраста с плохим здоровьем, составляющих основную массу бедных хронических безработных. Похожая ситуация и у молодых малообеспеченных замужних женщин с маленькими детьми, для которых нынешняя ситуация с занятостью также является результатом рационального выбора.

Говоря о специфике ресурсов представителей критических групп на рынке труда, необходимо отметить также, что большое количество свободного времени в группах безработных и нестабильно занятых привело к тому, что приработки помимо заработка на основной работе оказались источниками дохода у 39% наших респондентов и только у 21% россиян в исследовании Р. Роуза. В то же время численность домохозяйств и статус занятости супруга в выборках обоих исследований оказались практически одинаковыми, а количество несовершеннолетних детей у среднего россиянина было даже больше, чем в нашем исследовании. Таким образом, указанные выше различия в источниках доходов между нашими данными и данными Р. Роуза связаны не с особенностями домохозяйств, а с особенностями занятости респондентов.

Итак, сравнение наших респондентов с их английскими «коллегами» и с россиянами в целом показывает, что российские безработные, особенно хронические безработные и длительное время находящиеся в неоплачиваемых отпусках, характеризуются достаточно специфической структурой используемых ресурсов, где заметное место среди источников доходов занимают приработки и получаемая из различных источников помощь. Причем главным источником этой помощи является помощь родных и друзей, хотя примерно для трети хронических безработных важную роль играют также получаемые ими пособия. Возможно, оценка роли различных социальных трансфертов в доходах семьи была бы значительно большей, если бы респонденты учитывали те виды трансфертов, которые они получают не как безработные, а как все российские граждане. Поэтому те относительно скромные выплаты, которые получали дополнительно наши респонденты как безработные, не способны были сформировать у них никакой дополнительной «культуры зависимости» в большей степени, чем у всего населения.

В то же время сильный разброс уровня жизни безработных, имеющих сходный состав домохозяйств, заставил нас рассмотреть вопрос о сравнительной эффективности используемых ресурсов для улучшения материального положения респондентов, включая основные виды получаемых доходов (табл. 10.2).

Таблица 10.2 **Использование источников доходов домохозяйствами*, человек (%)**

Источники	Использование
Зарплата других членов семьи	144 (61)
Приработки	93 (39)
Пенсия	83 (35)
Подсобное хозяйство (дача)	72 (30)
Помощь родственников	50 (21)
Личные сбережения	26 (11)
Стипендия	22 (9)
Алименты на ребенка	17 (7)
Пособия для матерей-одиночек	9 (4)

* Допускалось несколько ответов.

Для полноты картины сравним также данные об используемых источниках получения этих доходов у безработных и по России в целом. При этом возьмем данные мониторингового исследования РНИСиНП в 1997 г., т.е. как раз в тот период, когда проводился второй опрос среди представителей кризисных групп на рынке труда (табл. 10.3).

Таблица 10.3 **Выбор стратегий выживания*, %**

Стратегии	По исследованию РНИСиНП (сентябрь 1997 г., 2000 человек)	По массиву КГРТ (240 человек)
Используем любую возможность подработать	26	44
Обеспечиваем себя некоторыми продуктами питания	45	41
Работаем в нескольких местах	21	23
Вынуждены занимать деньги	11	16
Проедаем накопленные сбережения	4	13
Получаем помощь	12	11
Ничего не предпринимаем	15	10
Занимаемся мелкой торговлей	4	8
Сдаем внаем имущество	3	8
Распродаем имущество	3	8
Продаем выращенные на даче продукты	13	7

* Допускалось несколько ответов.

Как видно из табл. 10.2 и 10.3, подавляющее большинство респондентов использовали широкий спектр действий и получали доходы из очень разных источников. Причем стратегии выжи-

вания у представителей кризисных групп на рынке труда были более разнообразны, чем стратегии россиян в целом, содержали больше пассивных или деструктивных видов действий, активные и конструктивные виды действий встречались реже. Несколько опережая проблематику последующих параграфов, отметим также, что при этом среди «старых бедных» были в большей степени распространены маргинальный тип экономической активности, деструктивные или пассивные формы поведения, чем среди «новых бедных», у которых преобладали конструктивные и активные виды деятельности. Однако эта закономерность просматривалась скорее как тенденция, чем как жесткая зависимость.

Наиболее эффективным оказалось получение нескольких стабильных зарплат, которые и по данным госстатистики, и по данным социологических исследований, включая наше, несмотря на небольшие размеры зарплат, оказываются все-таки главным экономическим ресурсом выживания большинства российских семей. Стабильное получение зарплаты обеспечивалось в семье тремя основными путями — постоянной занятостью самого респондента, наличием постоянной занятости у других членов домохозяйства и наличием постоянной вторичной занятости у респондента или членов его семьи. Виды постоянной вторичной занятости могли быть при этом различны (совместительство, самозанятость, уличная торговля).

В ходе исследования нами было предпринято сравнение разных классификаций ресурсов личности в социальном поле, чтобы определить, какая же из классификаций более эффективна для практического использования в условиях современной России.

В основу классификации были положены концепции роли различных ресурсов, предложенные П. Бурдье и О. Шкаратаном.

В результате статистической обработки массива выяснилось, что, по классификации П. Бурдье, наиболее важными для России являются экономические ресурсы, в том числе:

наличие недвижимости;

уровень душевого дохода;

отрасль, в которой работал респондент, массовые сокращения в последние полгода перед опросом как специфическая форма экономического ресурса, связанного с особенностями рыночной позиции респондентов;

возможность стабильного получения нескольких зарплат за счет вторичной занятости;

неполучение зарплаты по основному месту работы в течение полугода.

Оказалось, что и символические ресурсы, и социальные ресурсы — практически незначимы. Точнее, на роль такого социального ресурса, как «связи и знакомства» в получении хорошей работы, указали две трети наших респондентов, но специфика массива, в который заведомо попадали люди, в подавляющем большинстве таких связей не имевшие, не позволила установить видимую роль этого ресурса. Что же касается родственников и друзей, то среди респондентов — сторонников как одного, так и другого круга общения процент успешно трудоустроившихся за год наблюдений был практически одинаков. Поэтому нами была выдвинута гипотеза, что общение преимущественно с родственниками концентрированно отражает более традиционный и патриархальный, не урбанизированный образ жизни и присуще типу людей с менее мобильной психикой, которым труднее адаптироваться к переменам последних лет. Соответственно общение с друзьями характеризует более урбанизированный и мобильный тип образа жизни респондента, а следовательно, круг общения относится скорее к числу характеристик личностного потенциала, чем социального.

Наконец, культурный потенциал также не имел особой значимости, точнее, значимость имела квалификация (но не образование!). Причем значение имел не уровень профессиональной квалификации, а род занятий, т.е. профессия респондентов. Более того, положительную роль в стратификации играл очень узкий круг профессий, и то в основном в Петербурге. Для остальной же части респондентов род их занятий был негативным фактором, осложнявшим или вообще делавшим невозможным трудоустройство по специальности. Думается, что такая весьма специфическая роль квалификационной составляющей культурного капитала являлась естественным следствием структурной перестройки, происходящей в экономике России.

Основная же масса факторов, определявших статусную позицию наших респондентов, вообще не попала в рамки классификации П. Бурдье, точнее, могла быть отнесена к тому, что он называл габитусом и не включал в свою классификацию ресурсов.

Что же касается концепции ресурсов О. Шкаратана, то в ней содержалось большое количество видов ресурсов, вошедших в итоговый список значимых для сохранения или улучшения своих ста-

тусных позиций и уровня благосостояния в ситуации возникновения кризиса занятости ресурсов, полученный в ходе обработки материалов нашего исследования. Так, по ресурсам домохозяйств в обеих классификациях оказались значимыми такие их виды, как уровень и типы доходов, обеспеченность недвижимостью, возможность выбора различных стратегий выживания, возможность использования различных форм социальной поддержки. По ресурсам, связанным с окружением респондентов, — их связи и знакомства. Что же касается тех ресурсов, которые, по классификации О. Шкаратана, относились к личным ресурсам респондента, то они разбились фактически на две группы. Одни носили объективный характер. Из них для нашего массива значимыми оказались возраст, здоровье и отрасль, где работал респондент (причем значимость эта была не позитивной, а негативной, и касалась только отраслей, сильнее всего затронутых кризисом, — тяжелой и оборонной промышленности). Другие же относились скорее к сфере социально-психологической, и именно они давали концепции О. Шкаратана заметное преимущество в ее эвристических возможностях. В первую очередь мы можем говорить здесь о том, что О. Шкаратаном было названо «потенцией к деятельному освоению собственных ресурсов» и включало в себя уровень притязаний, готовность к изменению условий и содержания своей деятельности и наличие вторичной занятости. По сути дела, за такими характеристиками, как трехкратный и более отказ от предлагаемой работы, нежелание сменить свою специальность, трудоустройство по которой невозможно, нереальный желаемый размер заработной платы, о которых как характерных особенностях хронических безработных говорилось в первой главе данного раздела, и стоят неготовность к изменению условий и содержания своей деятельности и завышенный уровень притязаний.

Кроме того, значимыми оказались и другие социально-психологические характеристики, которые были дополнительно предложены нами как самостоятельные «личностные» ресурсы. В их числе прежде всего — степень «рыночности» сознания респондентов, косвенно свидетельствующая об их адаптации к рыночным условиям, и наличие патерналистских установок, весьма условно зафиксированные нами с помощью индекса ПРА, о котором рассказывалось в первой главе данного раздела.

Таким образом, наиболее эффективным ресурсом оказалось получение стабильных доходов от постоянной занятости, которая, в

свою очередь, теснейшим образом коррелировала с личностными особенностями респондентов. Любые объективные факторы (отрасль, где работал респондент, его профессия и т.д.) на протяжении года наблюдений нивелировались за счет смены места работы и характера деятельности в случае, если респондент обладал определенными личностными особенностями. Это заставило нас специально рассмотреть вопрос о личностных особенностях акторов не только как факторе занятости, но и как о важнейшем в условиях структурной перестройки экономики виде ресурсов.

Личностные особенности акторов как важнейший ресурс экономически эффективного поведения

В двух предыдущих главах данного раздела было показано, что статус занятости вполне рационально выбирался акторами с учетом целого ряда факторов: состава домохозяйства, наличия у него различных ресурсов и возможности использования различных стратегий выживания, характера требований, предъявляемых к работе, и готовности смягчить эти требования, а также степени адаптированности к реалиям современной России. В целом же можно сказать, что главным было желание работать. Тот, кто хотел трудоустроиться, как правило, имел возможность это сделать, хотя (в зависимости от состояния местного рынка труда и отрасли, где раньше работал) зачастую с понижением статуса, сменой содержания деятельности, а в ряде случаев — и профессии.

Однако этот вывод все-таки не объяснял три принципиально важных факта. Во-первых, оставалось непонятным, почему же работодатели не хотели иметь с большинством тех, кто стал хроническими безработными, никаких дел и сами отказывались от их услуг. Косвенным подтверждением того, что трудоустроившиеся как работники в большей степени устраивали нанимателей, можно считать и факт их трудоустройства, и наличие в их составе втрое большего числа тех, кого хотели оставить на прежней работе, если бы они согласились сменить специальность, должность или пойти на меньший оклад (соответственно 11 и 37%).

Во-вторых, было неясно, почему же сами хронические безработные, значительная часть которых все-таки не отличались от тру-

доустроившихся ни по составу домохозяйств, ни по квалификационным или иным характеристикам, не хотели выходить на работу, предъявляя к ней явно завышенные требования?

Наконец, в-третьих, учитывая особенности рынка труда трех городов, казалось удивительным положение лиц с кризисной занятостью в Москве. Ведь даже в менее благополучном с точки зрения возможностей трудоустройства Петербурге лишь 18 человек из 80 остались официально или фактически безработными, а остальные нормально трудоустроились. В Москве же этот показатель составил 34 из 100 опрошенных. Конечно, такое положение могло свидетельствовать о правильности нашей гипотезы о том, что безработица может иметь различный характер, и если в Петербурге она в первую очередь связана с идущей структурной перестройкой и носит менее «застойный» характер, то в Москве при благополучном состоянии рынка труда она вызвана прежде всего личностными факторами, связанными с нежеланием или невозможностью в силу каких-то личных причин устраиваться на работу. В определенной степени утверждение о роли личностного фактора в безработице было верно также для Воронежа, где почти три четверти тех, кто работал в 1996 г., без периода безработицы вышли на новую работу после предупреждения об увольнении, в то время как почти все безработные так и остались безработными. Но предположение, что в основе различий в поведении безработных в Москве, Петербурге и Воронеже лежали их личностные особенности, также требовало проверки.

Все это вместе взятое заставило более пристально проанализировать личностные особенности респондентов, т.е. их личностный ресурс. Начнем с особенностей их ценностных ориентаций (табл. 10.4).

Как видим, перепады в ответах между респондентами из КГРТ и остальными россиянами достигали по некоторым позициям 1,5 раза. Причем как двухэтапность исследования ценностей представителей групп кризисной занятости, так и мониторинговый характер исследования РНИСиНП подтверждают неслучайный характер этих разрывов. Позиции респондентов из КГРТ изменились за год по различным ценностям не более чем на 6%, а по некоторым остались вообще абсолютно стабильными. Почти столь же устойчивы были и ценности россиян в целом, а направленность изменений и у них носила точно такой же характер. Так, число поборников интересной работы и в России в целом также

сократилось, только сильнее (с 45% в 1996 г. до 31% в 1997 г.). Таким образом, наши респонденты изменялись вместе со всем населением, но демонстрировали при этом достаточно своеобразный тип ценностных ориентаций, где гораздо большая роль принадлежала «интересности работы» и меньше были распространены конформистские настроения, чем в среднем среди россиян, что затрудняло адаптацию к современным реальностям.

Таблица 10.4 **Выбор россиянами ценностных ориентаций из альтернативных пар суждений, %**

Ценностные ориентации	**Россияне в целом (данные РНИСиНП, март 1997 г.)**	**Респонденты из КГРТ (апрель 1997 г.)**
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	60	70
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	37	25
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	31	56
Главное в работе — это сколько за нее платят	64	41
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить, как все	35	53
Жить, как все, лучше, чем выделяться среди других	59	45

В социально-психологическом плане у респондентов из КГРТ были и другие отличия от общероссийского массива, связанные с повышенным уровнем оптимизма и определенным иде-

ализмом. Вопреки их, казалось бы, сложному объективному положению пессимистов среди них было менее половины. Совершенно фантастической выглядела убежденность лиц из групп с кризисной занятостью в конечном торжестве справедливости. Каждый четвертый из них на обоих этапах опроса считал самым результативным способом отстаивать свои интересы обращение в суд (среди россиян в целом — каждый двадцатый). В то же время число убежденных, что таких способов просто нет, составляло у них всего 22 при 53% у россиян в целом.

Таким образом, характерной чертой многих попавших в состав групп критической занятости и особенно хронических безработных является отсутствие достаточного реализма и адекватности в оценке себя, жизни в целом и своей ситуации на рынке труда. Эта неадекватность связана, очевидно, со слабой адаптивной способностью к новой реальности и защитной реакцией психики на перегрузки последних лет, выражаемой уходом в «желаемую» реальность, и проявлялась не только при сравнении респондентов из КГРТ с россиянами в целом, но и при сравнении между собой представителей двух групп КГРТ — безработных и трудоустроившихся после безработицы.

Об этом свидетельствуют, в частности, ответы на вопросы общего характера, связанные с оценкой респондентами их будущего. Безработные и на первом, и на втором этапах исследования были более безмятежны по натуре, более склонны ожидать, что «все рассосется само собой», и являлись заметно большими оптимистами, чем трудоустроившиеся. И хотя за период наблюдений их оптимизм убавился практически вдвое, но и в 1997 г. 36% безработных (при 28% трудоустроившихся) считали, что ближайшие перспективы сулят им улучшение жизни. А в том, что если потерпеть еще немного, то жизнь как-нибудь наладится, были уверены 61% безработных и 57% трудоустроившихся. При этом в ответах на конкретные вопросы об их будущем (о динамике материального положения, возможности найти работу и т.п.) безработные демонстрировали четкое понимание бесперспективности своего положения.

Отсутствие адекватности в оценке ситуации и себя просматривалось и в других ответах безработных. Так, например, в 1996 г. 50% опрошенных безработных москвичей заявили, что не чувствуют поддержки близких, хотя большинство из них указывали на помощь, получаемую от близких и родственников, как основной источник своих доходов.

Еще одним заметным отличием от среднероссийских показателей являлась склонность лиц из кризисных групп, прежде всего безработных, к недисциплинированности. Так, не согласных с суждением, что руководителям «нужно подчиняться независимо от того, убежден ты в их правоте или нет», в декабре 1996 г., по данным опросов РНИСиНП, было менее 60%. В то же время в нашем исследовании среди безработных этот показатель составлял в 1997 г. 96% (среди трудоустроившихся — 78%). К слову сказать, считали, что дисциплинированность помогает получить хорошую работу, только 13% безработных. В то же время, по данным исследований, проводившихся РНИСиНП в 1996 г., среди малых предпринимателей ряда городов Европейской России, в том числе и в Москве, свыше 40% респондентов указывали на дисциплинированность как самую важную характеристику работника. Еще выше оценивали ее работники службы занятости и другие лица, попавшие в ходе опроса в рамках данного проекта в группу «политиков». Очень невелика была и оценка безработными роли инициативности и самоотдачи в работе (соответственно 15 и 17%) для получения хорошей должности, в то время как среди трудоустроившихся каждый третий считал их важными.

Не останавливаясь на этом вопросе более подробно, отметим лишь, что хронические безработные заметно отличались от трудоустроившихся по ряду психологических особенностей. Для них были характерны неадекватность в оценке ситуации в стране, своих собственных перспектив, методов реализации своих интересов, запросов работодателей по отношению к работникам, стоимости своей рабочей силы, а также негибкость (ригидность) психики. Возможно, именно эта неадекватность не только мешала тем из них, кто все-таки был заинтересован в трудоустройстве, выбрать наиболее приемлемый из возможных вариантов работы, но и отпугивала работодателей, которые после бесед с ними, как правило, отказывались от приема их на работу.

Имеющихся данных, разумеется, недостаточно для того, чтобы решить вопрос о социально-психологических особенностях представителей КГРТ, прежде всего, хронических безработных. Но они позволяют утверждать, что данные исследований А. Гордиенко, Ю. Плюсина, Н. Черниной об имеющихся у безработных социально-психологических особенностях [*Гордиенко* и др.; *Чернина*] имеют под собой очень серьезные основания. Этот вопрос представляется чрезвычайно существенным в первую очередь для

оптимизации работы службы занятости, которая пока не учитывает этого явления. В то же время развивать в ее деятельности направление психологической поддержки и даже в некотором смысле психокоррекции хронических безработных очень важно, так как сами безработные в основной массе не были способны изменить свое отношение к себе и к жизни. Возможно, это было связано с распространенностью патерналистских ориентаций среди безработных. Так, представители безработных и трудоустроившихся резко различались между собой по убеждениям, от кого зависит их материальное положение (44% трудоустроившихся и 19% безработных считали, что от них самих, 38% трудоустроившихся и 53% безработных — что от ситуации в стране), и по ощущению возможности влиять на происходящее в их жизни (42% трудоустроившихся и только 24% безработных считали, что играют в делах важную роль, а в том, что справиться с возникающими проблемами выше их сил, были убеждены 39% безработных и 12% трудоустроившихся). В результате убежденности, что все равно от них ничего не зависит, несмотря на их положение, у хронических безработных сохранялся высокий уровень самооценки и самоуважения: 81% из них не считали себя никчемной личностью.

Здесь хотелось бы снова вернуться к такому важному для понимания позиции безработных моменту, как проблема «культуры зависимости», которая применительно к российским условиям тесно связана с патернализмом.

На проблематику «культуры зависимости» мы вышли в своем анализе в значительной степени случайно. Задача посмотреть, есть ли в России аналог тому явлению, что получило в западной социологии наименование «культуры зависимости», в исследовании ставилась, но и данные первого этапа опроса, и анализ данных по всем вопросам блока по проблематике «зависимости» в анкете после второго этапа не давали сколько-нибудь серьезных оснований считать, что подобное явление в России есть. Казалось, что в силу малого размера социальных пособий «культуры зависимости» в России нет и быть не может.

И вдруг мы натолкнулись на нее при анализе той группы, в которой было свыше трех безработных в ближайшем окружении респондента. Первоначально обнаружив ее как заметно отличающуюся в общем массиве, мы предположили, что эта группа (в ее составе оказался 61 человек) концентрирует в себе наиболее

депривированных участников опроса и сосредоточивает различные виды социальной эксклюзии. В ней, например, была половина всех указавших, что на питание у них уходит более 80% всех доходов.

Однако при более детальном рассмотрении выяснилось, что не все так просто. Хотя эта группа действительно состояла в основном из безработных и в ней была несколько больше, чем в среднем по массиву, доля бедных, главным в ее специфике оказалось все же не это, а достаточно четко выраженная специфика жизненной позиции ее членов. Причем специфика эта связана была не столько с индивидуальными особенностями их ценностных ориентаций или психики, сколько с тем, что в западной социологической традиции как раз и интерпретируется как проявления «культуры зависимости». В российской же терминологической традиции это явление можно охарактеризовать как полусознательную иждивенческую позицию. При этом акцент соответственно делается не на формирование зависимости от социальной помощи, а на вполне рациональную, хотя, может быть, и не всегда до конца осознаваемую, эксплуатацию представителями этой группы и государства, и социальных фондов, и окружающих, включая родственников и друзей, что позволило нам условно назвать эту группу «иждивенцами».

Надо сразу отметить, что члены этой группы понимают, что у большинства из них это получается все менее эффективно. Данные нашего исследования показывают, что их положение по отношению ко всему остальному массиву действительно ухудшилось во всех городах, особенно в Москве (71% отметивших ухудшение своего материального положения при 47% по московскому подмассиву в целом), где характерные черты этой группы вообще проявились наиболее ярко. На будущее они ждут еще большего ухудшения, пессимизм в оценке своих перспектив был почти вдвое шире распространен у представителей этой группы, чем в среднем среди наших респондентов. Это и вызывало, возможно, несколько большую угнетенность их психического состояния. И здесь они были правы, так как ранее достаточно спокойно воспринимавшееся социальное иждивенчество начало в середине 1990-х гг. вызывать все большее сопротивление и осуждение как общества, так и органов власти.

После этой преамбулы попробуем проиллюстрировать на цифрах, почему именно представители этой группы, на наш взгляд, в

большинстве своем были носителями идеологии иждивенчества. Прежде всего отметим, что ни по полу, ни по возрасту, ни по особенностям профессий или уровню квалификации ее представители не отличались от структуры массива в целом, выступая на удивление точной его копией. По всем важнейшим ресурсам, находящимся в их распоряжении, респонденты с более чем тремя безработными в своем окружении отличались от других прежде всего тем, что здоровье у них, по их самооценке, было заметно хуже, чем у не имевших безработных в своем окружении: среди первых на плохое здоровье жаловались 21%, а среди вторых — 6%. Впрочем, возможно, это было следствием их общей ипохондрии.

В Петербурге в эту группу попали только 13 человек, а в Москве и Воронеже — по 24 человека, поэтому, чтобы подчеркнуть некоторые особенности данной группы, мы провели анализ ее позиций отдельно по этим двум городам и далее будем сравнивать Москву и Воронеж, на примере которых хорошо видны и общие особенности всей группы, и диапазон специфических региональных отличий.

По структуре потребления и образу жизни было видно, что хотя удельный вес двух беднейших групп среди «иждивенцев» превосходил средние показатели по каждому городу, но раньше (до реформ) эти люди относились к вполне преуспевающим в гораздо большей степени, чем остальные респонденты. Так, например, мясные и рыбные деликатесы могли позволить себе покупать 62% данной группы в Москве (при 39% по городу в среднем) и 70% в Воронеже (50% по городу в среднем). Об их прежнем вполне благополучном положении свидетельствовал и набор накопленного в их семьях имущества. Достаточно сказать, что если в Москве в этой группе трехкомнатную квартиру имели 42% респондентов, то по городу в среднем — 31%, в Воронеже соответствующие показатели были равны, зато шло превышение по двухкомнатным квартирам. Кстати, имущественные показатели косвенно свидетельствовали о том, что это в основном были «новые бедные», так как объем нажитого домашнего имущества у них был довольно велик. И в Москве, и в Воронеже из 48 человек только у 5 в семье имелись несовершеннолетние дети (по две многодетные семьи в обоих городах и еще одна неполная семья в Воронеже). Таким образом, из 48 человек, составлявших группу «иждивенцев» в двух городах, только пять человек относились к неблагополучным группам, «культура зависимости» у которых может задаваться их

объективным положением. Полных одно- и двухдетных семей с несовершеннолетними детьми в этой группе вообще не было.

Весьма своеобразны в описываемой группе были формы социального участия и социальные связи в целом. В Москве в ней оказалась сосредоточена основная часть тех, кто в последние три года перед опросом играл в оркестре, участвовал в постановках самодеятельных театров и драмкружков, посещал заседания политических партий и т.п. Таких в эту группу попали 8 человек из 12, имевших эти формы деятельности по всему московскому массиву, при том, что сама эта группа составляла менее четверти всех опрошенных москвичей. Относительно менее распространено в ней было посещение церкви и спортивных клубов (вдвое реже, чем по всему московскому массиву), а также вечерних занятий с различными формами обучения (в два с половиной раза реже). В Воронеже использование всех этих форм проведения досуга вообще было менее распространено, хотя и там число посещавших вечерние занятия среди «иждивенцев» было в несколько раз меньше, чем в среднем по городу, зато в компаниях обычно проводила время вдвое бóльшая часть, чем среди воронежцев в целом. Словом, можно сказать, что члены этой группы любили и умели жить в свое удовольствие.

О большей, чем у других респондентов, тяге представителей этой группы к комфортной жизни и меньшей ориентации на «достижительные» мотивации говорили и другие данные. При оценке различных сторон работы они проявили относительно меньший интерес, чем остальные участники опроса, к таким ее сторонам, как содержательность, нужность людям, возможность проявить инициативу или использовать свои знания и способности. Относительный эгоцентризм и «самодостаточность» представителей этой группы были особенно заметны на такой чрезвычайно важной для россиян стороне работы, как отношения с товарищами. Среди них отношения с товарищами оказались значимы всего для 20%, в то время как среди москвичей в целом — для 32%. В Воронеже голоса распределились соответственно 32 и 49%. Зато удобная сменность, хорошая организация труда, неутомительность работы имели для них относительно большее значение, чем для других респондентов.

Структура постоянных контактов в этой группе была довольно необычная. Для ее членов относительно неважны были контакты со старыми друзьями и тем более бывшими и нынешними колле-

гами по работе. Общение (учитывая, что в их ближайшем окружении было более трех безработных) шло, что называется, «в своем кругу». При этом преобладали контакты с родственниками и соседями по дому (54% при 40% у тех, кто не имел в своем окружении безработных), по даче (25% при 17% соответственно) и по гаражу (10% при 5% соответственно).

Но главное, они вообще как должное воспринимали свою иждивенческую позицию, не стремились выйти на работу и умели в основной своей массе, даже будучи безработными, устроить свою жизнь ненамного хуже, чем остальные. По статусу занятости эти люди, как и следовало ожидать, сосредоточены были в основном среди официальных или фактических безработных, а также находившихся в неоплачиваемых или частично оплачиваемых отпусках. Причем и в 1996 г. они также более чем наполовину являлись безработными или находились в отпусках. Работу они особо и не искали, половина этой группы в Воронеже и больше половины в Москве сказали, что в работе не заинтересованы. Более того, среди тех немногих, кто все-таки работал в момент опроса в 1997 г., 4 человека в Москве и 1 в Воронеже собирались увольняться.

Большинство «иждивенцев» в обоих городах были уверены, что работу они никогда не найдут (уточним: для москвичей в отличие от воронежцев это означало не вообще работу, а работу, на которую они согласятся выйти). Среди причин, которые мешали трудоустройству, они называли особенности знаний, опыта и квалификации, загруженность домашними делами, плохое здоровье.

Нами был проведен также анализ их представлений о том, как выжить, с учетом того, что более половины из них в Москве и треть в Воронеже считали, что никакой срок безработицы не заставит их изменить список требований, предъявляемых к работе, а найти рабочие места под их требования было практически невозможно. После этого анализа стало ясно, что доминирующей являлась установка на «авось» с одновременным убеждением, что от самих респондентов ничего не зависит. При ответе на вопрос, «кто в первую очередь должен помочь Вам в решении Ваших материальных проблем и проблем с работой», менее половины опрошенных в Москве и лишь каждый четвертый в Воронеже ответили «я сам», хотя в целом этот ответ избрали больше половины москвичей и почти половина воронежцев. Среди остальных ответов доминировали «государство» (каждый четвертый москвич и почти половина воронежцев) и «друзья, родственники и знакомые». На контроль-

ный вопрос, «от чего главным образом зависит Ваше материальное положение», 28% членов группы в Москве и 32% в Воронеже (при 17% в среднем по Москве и 28% по Воронежу) ответили, что «только от экономической ситуации в стране; сколько бы я ни старался, от моих усилий мало что зависит». Почти столько же считали, что все зависит главным образом от экономической ситуации в стране, хотя и собственные усилия что-то значат.

Убеждение, что от них самих ничего не зависит, в совокупности с твердой, хотя и не всегда обоснованной, уверенностью 75% этой группы в Москве и почти 60% в Воронеже в том, что они живут хуже остальных, давало им моральные основания для того, чтобы пользоваться всеми возможными видами помощи. Во всяком случае, треть (при 12% по массиву) москвичей из этой группы были готовы принять помощь от любого даже без ссылок на свое бедственное положение, и несколько более трети — готовы, но уже со ссылкой на свое тяжелое материальное положение. Четверть москвичей из этой группы (при 9% по московскому массиву) считали при этом, что, поскольку «предназначение и обязанность государства — обеспечивать всех, кто нуждается в поддержке, он вправе обратиться за помощью в соответствующие государственные инстанции». Еще четверть респондентов были убеждены, что ту же обязанность должны выполнять семья и родные. В Воронеже эти показатели были несколько меньше, но также заметно превышали показатели по воронежскому массиву в целом. Может быть, в силу таких установок на «даровые» блага эта группа гораздо болезненнее других переживала утрату возможности пользоваться социальными услугами на предприятии, прежде всего права бесплатно или на льготных основаниях пользоваться домами отдыха, пионерлагерями, медицинским обслуживанием, спортивными сооружениями. Во всяком случае, две трети этой группы в Москве назвали важным для себя утрату этого права (45% по московскому массиву в целом).

И надо сказать, что многим удавалось реализовать свои иждивенческие установки. Треть респондентов из этой группы в Москве (при 20% по массиву) и 40% в Воронеже (при 35% по массиву) в качестве источников своих доходов указывали помощь родственников. Зато приработки были распространены в этой группе в полтора раза меньше, чем в среднем среди москвичей. Только половина членов этой группы и в Москве, и в Воронеже не получали каких-либо видов денежной или натуральной помощи от государства и благотворительных организаций (в среднем по массиву

не получали ее и в Москве, и в Воронеже более двух третей опрошенных). Причем среди видов такой помощи были льготы в сферах здравоохранения, общественного транспорта, ряд других льгот и выплат. Из различных возможных способов выживания в Москве в этой группе доминировали (в порядке убывания распространенности): «занимаем деньги», «получаем помощь», «обеспечиваем себя некоторыми продуктами питания», «проедаем сбережения» и «работаем в нескольких местах». В Воронеже также в порядке убывания доминировали «обеспечиваем себя некоторыми продуктами питания», «занимаем деньги», «проедаем сбережения» и «получаем помощь». Каждая из этих стратегий собирала не менее 20% поддержки. Особенно интересна была позиция «занимаем деньги» при уверенности, что их положение в будущем не улучшится. Фактически это была несколько замаскированная форма все той же стратегии «получаем помощь».

Таким образом, ядро групп безработных и нестабильно занятых (особенно подолгу находившихся в вынужденных неоплачиваемых отпусках) составляла весьма своеобразная по своим социально-психологическим характеристикам группа. Ее члены, относившиеся в дореформенное время к вполне благополучным слоям общества, выбрали для себя образ жизни, где круг постоянного общения ограничивался соседями и родственниками и относительно невелика была роль друзей. Причем среди соседей и родственников избирались для общения прежде всего люди, также не имевшие работы. Мало распространены в группе были достижительные установки, зато ярко выражена ориентация на комфортность условий труда на работе. Практически отсутствовали формы досуговой активности, связанные с обучением или переквалификацией, но широко представлены различные виды развлечений и хобби. Работу практически не искали, объясняя это сложностью ее нахождения. Широко распространены были иждивенческие и патерналистские установки. Определенный эгоцентризм членов этой группы проявлялся и в отсутствии у подавляющего большинства из них детей.

В условиях нынешней экономической ситуации в России положение этой группы относительно ухудшалось. При этом ее члены оставались убеждены, что окружающие (от государства до друзей) обязаны их содержать или по крайней мере помогать им. Это убеждение проявлялось как в плане установок на то, кто должен их обеспечивать, так и в конкретных стратегиях выживания, которые они избирали. В большинстве случаев им действи-

тельно удавалось найти источники средств к существованию помимо заработной платы, хотя число тех, кто по объективным причинам мог рассчитывать на помощь со стороны (многодетные и неполные семьи, инвалиды), в составе группы было очень невелико.

Ухудшение материального положения и понимание бесперспективности избранной позиции в современных экономических условиях вызывали у членов группы «иждивенцев» пессимизм и ипохондрию, однако пересмотреть занятую позицию большинство из них самостоятельно были не способны. Это связано было с их индивидуальными особенностями, в том числе и с завышенными требованиями по отношению к работе и неготовностью их снижать.

Состав домохозяйств и безработица как причины бедности

Проблема взаимосвязи бедности и безработицы имеет огромное значение для понимания процессов, происходящих в социальной жизни сегодняшней России, являясь тем «ядром», которое демонстрирует суть изменений в социальной сфере после кризиса советской модели «государства всеобщего благосостояния». Без понимания этих процессов невозможно разработать эффективную политику занятости, политику помощи малоимущим и, наконец, оценить эффективность осуществляемой сегодня социальной политики Российского государства в целом.

Что же является причиной бедности и есть ли связь между безработицей и бедностью? Как считают практически все исследователи этой проблемы, положительный ответ на вторую часть этого вопроса самоочевиден. Однако по итогам первого этапа исследования в 1996 г. у нас возникло впечатление, что связь эта далеко не однозначна, и на втором этапе исследования мы решили детально разобраться с этим вопросом.

Нас в первую очередь интересовало, как влияло состояние кризисной занятости на уровень благосостояния респондентов, кто из них был в числе наиболее депривированных групп и что их удерживало в составе этих групп. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо было разобраться с общим уровнем благосостояния представителей кризисных групп на рынке труда и с тем, как из-

менилось материальное положение респондентов за период наблюдений. Для этого мы использовали вопросы, повторявшиеся на обоих этапах исследования, а также оценку опрошенными динамики своего положения за это время.

Как оказалось, по размерам душевого дохода можно было отметить некоторое улучшение положения опрошенных. В 1996 г. медианное значение душевого дохода было примерно 350 тыс. руб., в 1997 г. — около 500 тыс. руб. По отношению к среднероссийским показателям это составляло чуть меньше половины. Прожиточный минимум в каждом из городов был очень разным и являлся фактически социальным прожиточным минимумом, поэтому мы ориентировались на цифру в 400 тыс. руб. как величину прожиточного минимума, исходя из данных Госкомстата о размере минимального продуктового набора (250 тыс. руб. на момент второго опроса) и рекомендаций Минтруда о доле питания в минимальном потребительском бюджете примерно в 60% от него. В результате мы вышли на цифру примерно в 420 тыс. руб., которая в целом соответствовала официальным данным по прожиточному минимуму, а также данным Центра макроэкономической стратегии РАН [*Аргументы и факты*, 1997, с. 1] и статистических сборников ИЭППП, содержавших социально-экономические показатели регионов, необходимые для проведения исследования.

Однако общий рост доходов сопровождался во всех трех городах ростом численности лиц, имевших душевые доходы ниже прожиточного минимума. Причем если посмотреть, за счет чего это произошло, и оценить перераспределение опрошенных за год наблюдений в каждом городе между группами с различным уровнем обеспеченности, то мы увидим, что везде произошло размывание основной группы 1996 г. — малообеспеченных, имевших от половины до одного прожиточного минимума на человека. В целом по массиву ее размер сократился с 44 до 23%. При этом треть из этой группы перешла в разряд бедных, а основная часть (две трети) — в разряд среднеобеспеченных. Во всех трех городах наблюдался также рост относительно благополучных слоев, имевших свыше 2 прожиточных минимумов на человека. Таким образом, даже среди не самой благополучной части российского населения шли в этот период процессы быстрого усиления дифференциации различных слоев, углубления разрыва в их уровнях жизни.

Обусловленное кризисом занятости и/или семейными обстоятельствами пребывание в пограничном слое малообеспеченных носило для каждого домохозяйства временный характер и спустя достаточно непродолжительное время либо преодолевало эти обстоятельства с помощью оптимальных для себя стратегий выживания и возвращалось к среднеобеспеченному существованию, либо пополняло ряды бедных. Причем решающую роль для большинства малообеспеченными играли внешние по отношению к домохозяйству факторы, прежде всего состояние регионального рынка труда. Не случайно так велики были различия в уровне материальной обеспеченности в различных регионах опроса (табл. 10.5).

Таблица 10.5 **Распределение по размерам душевого дохода в 1997 г., человек (%)**

Доход на члена семьи, тыс. руб.	Москва	Воронеж	Петербург	По массиву в целом
< 200	8 (8)	22 (37)	3 (4)	33 (14)
200—400	30 (32)	26 (43)	19 (24)	75 (33)
400—600	26 (27)	9 (15)	20 (26)	55 (24)
600—800	10 (11)	1 (2)	17 (22)	28 (12)
800—1000	12 (13)	2 (3)	6 (8)	20 (8)
1000—1500	4 (4)	0	8 (10)	12 (5)
Более 1500	5 (5)	0	5 (6)	10 (4)
Всего	95 (100)	60 (100)	78 (100)	233 (100)

В итоге, как видно из табл. 10.5, если численность группы, имевшей душевые доходы ниже прожиточного минимума, за год наблюдений возросла и составила в 1997 г. в Москве 40%, в Петербурге — 28, а в Воронеже — 80% (в 1996 г. соответственно 32, 23 и 69%), то группа бедных, т.е. с доходом менее половины прожиточного минимума, только в Воронеже составляла весной 1997 г. значительную часть респондентов.

Что же касается остальных групп (малообеспеченных — от половины до одного прожиточного минимума, среднеобеспеченных — от одного до двух прожиточных минимумов, а также обес-

печенных и состоятельных — свыше двух прожиточных минимумов), то в Москве и Петербурге насчитывалось чуть больше 20% благополучных респондентов, а в Воронеже практически все респонденты попали в число бедных или малообеспеченных. К этому следует добавить, что в Воронеже только у 2 человек было превышение средних душевых доходов по городу и совсем не было состоятельных людей (не менее трех прожиточных минимумов). В Петербурге только 5 респондентов имели доход выше среднего по городу и 12 человек (16%) относились к разряду состоятельных людей. В Москве же никто из выборки не достиг уровня среднедушевых городских доходов, а доля состоятельных людей составила в ней 9%.

Таким образом, только в Воронеже практически все обследованные группы кризисной занятости представляли собой действительно депривированную часть общества. В Петербурге же и Москве подавляющая часть опрошенных также относились не к самым процветающим слоям населения, но все же распределение по душевому доходу и доле расходов на питание показывало считанные единицы бедных и около четверти малообеспеченных (табл. 10.6).

Таблица 10.6 **Распределение по доле расходов на питание, человек (%)**

Доля расходов на питание в структуре расходов, %	Москва	Воронеж	Петербург	По массиву в целом
< 30	4 (4)	1 (2)	3 (4)	8 (3)
30—50	23 (23)	6 (10)	28 (35)	57 (24)
50—80	45 (46)	28 (47)	30 (37)	103 (43)
Более 80	26 (27)	25 (42)	19 (24)	70 (30)
Всего	98 (100)	60 (100)	80 (100)	238 (100)

Об этом же свидетельствовал и анализ динамики имущества, находящегося в распоряжении семей. Во всех без исключения городах за год наблюдений оно возросло. В Москве и Петербурге на 6% выросло число собственников квартир, на 6—7% во всех горо-

дах возросло число лиц, имеющих дачу, более 50% респондентов в каждом из городов осуществляли дорогостоящие покупки, включая автомобили и персональные компьютеры, или совершили другие дорогостоящие траты (ремонт квартиры, строительство дачи и т.п.). Правда, примерно поровну респондентов во всех городах (от 45 до 49%) ответили, что ничего подобного им сделать не удалось, и именно применительно к этой доле опрошенных можно, на наш взгляд, говорить о бедности или малообеспеченности. Не случайно 60% респондентов этой группы не имели в собственности никакой недвижимости, в то время как по массиву в целом этот показатель составлял менее половины.

Таким образом, реально бедные в большинстве своем имели не только доходы ниже прожиточного минимума, но и низкий имущественный уровень. Это позволило говорить о применимости к большинству из них критерия бедности как одновременно низкого уровня душевых доходов и отсутствия наиболее распространенных в российском обществе видов имущества.

В то же время, как известно, объективное состояние бедности и ее субъективное переживание очень часто не совпадают между собой. Поэтому мы решили проверить как динамику самооценки респондентами своего благосостояния, так и роль различных факторов в оценке уровня своего материального положения. При анализе корреляционных связей было обнаружено, что на первом месте по значимости при оценке своего материального положения оказался ответ на вопрос о том, каково материальное положение семьи по отношению к окружающим. При этом одну группу составляли те, у кого оно было лучше или такое же, а другую — те, у кого оно было, по их самооценке, хуже. Уровень душевого дохода оказался по значимости лишь на шестом месте, уступая оценке респондентов возможности нормально одеться, доле расходов, идущей на питание, динамике материального положения и т.п.

Таким образом, главным, что влияло на восприятие человеком своего материального положения как «плохого» и получение соответствующего стимула к его изменению, в том числе за счет трудоустройства, оказалось сравнение его с положением окружающих. Тем самым исследование еще раз подтвердило, что россияне в большинстве своем интуитивно интерпретируют понятие «бедность» в духе относительной концепции бедности, как отсутствие возможности «жить, как все окружающие».

Посмотрим, какова в трех городах самооценка респондентами своего материального положения.

В Москве число тех, кто считал свое положение худшим, чем у окружающих, выросло за год наблюдений с 31 до 47%. Соответственно возросло и число тех, кто оценивал свое материальное положение как плохое (с 43 до 56%) и считал, что оно по отношению к прошлому году еще более ухудшилось (с 47 до 65%). Здесь, несомненно, сказывался тот колоссальный разрыв в доходах и уровнях потребления, который бросается в глаза в Москве в последние годы. В Петербурге и Воронеже показатель оценки своего положения по отношению к окружающим как худшего, чем у них, остался в 1997 г. на уровне 1996 г. Соответственно в Петербурге осталась на прежнем уровне и оценка своего материального положения, а в Воронеже оценка своего положения как плохого возросла за год наблюдений примерно на четверть и превысила половину массива. Очевидно, в росте отрицательных оценок своего благосостояния в Воронеже сыграло роль абсолютное обнищание воронежских респондентов при сохранении относительных пропорций по душевому доходу на уровне 1996 г.

Кроме того, ухудшилось социальное самочувствие беднейшей части опрошенных. Показатели изменения динамики материального положения и ожидания дальнейшего его ухудшения резко выделяли наиболее депривированную группу из общего массива. Это было для нас одной из важных побудительных причин проверить, формируется ли застойная бедность в ходе структурной перестройки экономики России, и определить, сопровождается ли экономическая депривация социальной.

Как видно из табл. 10.7 и 10.8, именно наиболее депривированная часть опрошенных чаще всего страдала от дальнейшего ухудшения своего материального положения и отличалась наименьшим оптимизмом в оценке своих перспектив. Как эти, так и другие результаты исследования позволяют утверждать, что процесс формирования застойной бедности интенсивно шел в России уже в середине 1990-х гг. Причем события последующих лет, в том числе и относительно благоприятные социально-экономические тенденции последних двух-трех лет, мало что изменили в положении людей, еще в середине 1990-х гг. попавших в группу застойной бедности. Практически все респонденты, представлявшие в нашем исследовании в 1996—1997 гг. эту группу, при контрольном опросе в 2002 г. продолжали находиться в ее составе, и

положение многих из них стало за эти годы поистине катастрофическим.

Таблица 10.7 **Динамика материального положения за год у респондентов с разной долей расходов на питание, человек (%)**

Материальное положение	Доля расходов на питание				По массиву в целом
	до 30%	30—50%	50—80%	более 80%	
Ухудшилось	2 (25)	13 (23)	41 (40)	45 (65)	101 (43)
Осталось тем же	3 (38)	31 (54)	42 (41)	19 (28)	95 (40)
Улучшилось	3 (37)	13 (23)	20 (19)	5 (7)	41 (17)
Всего	8 (100)	57 (100)	103 (100)	69(100)	237 (100)

Таблица 10.8 **Оценка динамики материального положения на будущее у респондентов с разной долей расходов на питание, человек (%)**

Материальное положение	Доля расходов на питание				По массиву в целом
	до 30%	30—50%	50—80%	более 80%	
Ухудшится	1 (12)	5 (9)	10 (10)	19 (27)	35 (15)
Останется тем же	3 (38)	41 (72)	74 (73)	44 (64)	162 (69)
Улучшится	4 (50)	11 (19)	17 (17)	6 (9)	38 (16)
Всего	8 (100)	57 (100)	101 (100)	69 (100)	235 (100)

Кто же входил в число тех, кто не имел возможности жить «как все», в том числе купить новое домашнее имущество, иметь недвижимость и т.д., а главное, почему они оказались в таком положении?

Для ответов на эти вопросы рассмотрим, кто оказался в числе наиболее депривированных групп, и начнем с безработных. Однако для устранения угрозы «смазывания» региональной специфи-

ки, которая в этом вопросе была очень яркой, анализировать полученные данные нам придется по каждому городу в отдельности.

Москва

В 1996 и 1997 гг. 20 из 30 опрошенных официальных безработных охарактеризовали себя как безработных (остальные трудоустроились). В их числе были 14 безработных, официально зарегистрированных в службе занятости, 3 фактических безработных, которые по разным причинам снялись там с учета, и 3 человека, также охарактеризовавших себя как фактических безработных, хотя из них 1 оформил пенсию, а 2 — инвалидность. К ним добавились в 1997 г. еще 14 человек — 8 официальных и 6 фактических безработных, из которых 2 были пенсионеры. Наконец, 10 человек между опросами трудоустроились. Эти 44 человека и стали предметом нашего специального анализа с точки зрения характера связи безработицы и бедности в Москве. Среди них 25 человек имели доходы ниже прожиточного минимума, в том числе 16 — ниже половины прожиточного минимума.

Кто реально входил в состав этих 16 человек? Это были одинокие женщины предпенсионного возраста с плохим здоровьем, представители неполных семей с несовершеннолетними детьми и семей инвалидов. В целом можно сказать, что, по данным нашего исследования, решающее значение для бедности респондентов в Москве имел состав домохозяйства, а не безработица, так как, во-первых, и до появления безработицы семьи с таким составом относились в основном к числу бедных, а во-вторых, две трети членов этой группы заявили, что по различным причинам не заинтересованы в получении работы.

В качестве поясняющего такую установку примера того, что являлось для большинства представителей этой группы реальным в вопросе трудоустройства, можно привести жизненную ситуацию двух респонденток из семей аналогичного типа, трудоустроившихся к опросу 1997 г. Это были две женщины из неполных семей с несовершеннолетними детьми (у одной был один ребенок, у другой — двое). Не имея возможности трудоустроиться на предприятия частного сектора (где большие нагрузки, трудно совмещаемые с семейными ролями, и куда неохотно берут одиночек с несовершеннолетними детьми), обе вышли на работу в учреждения бюджетной сферы (на должности педагога и социального работника).

В обоих случаях душевой доход в их семьях составил 250—300 тыс. руб., т.е. они так и остались в положении бедных, а доход составлял около половины московского прожиточного минимума того времени.

Таким образом, трудоустройство для представителей этой группы практически никак не влияло на их материальное положение, и выходить на работу им просто не было смысла — они все равно пребывали в нищете. Поэтому большинство из них оставались хроническими безработными, и бедность не подталкивала их к трудоустройству, хотя две трети группы бедных в Москве составляли хронические безработные. В то же время во всем московском массиве из 100 человек бедных оказалось всего 22, т.е. из 56 человек, не вошедших в приведенный выше анализ, только 6 оказались бедными. Это были: одинокая пожилая пенсионерка; мужчина (слесарь) с тремя иждивенцами, который в 1996 г. был предупрежден об увольнении, затем трудоустраивался после периода безработицы и вновь был уволен (что, учитывая дефицитность его специальности, заставляет предположить наличие у него проблем с дисциплиной или алкоголем), а во время опроса 1997 г. снова вышел на работу; две одинокие женщины с детьми и две одинокие пожилые женщины. В целом можно сказать, что подавляющее большинство бедных в Москве были «старые бедные», которые по семейному положению и здоровью и в дореформенное время были бедными.

Самой распространенной стратегией выживания среди них была продажа имущества, за ней шли проедание сбережений, займ денег и приработки, получение помощи, работа в нескольких местах и самообеспечение продуктами питания с дачи. Причем ровно половина респондентов пытались предпринять хоть какие-то конструктивные действия для облегчения своего положения, а вторая половина этого не делали.

Думается, что в значительной степени уже маргинализовавшаяся группа бедных, в основном не стремившихся к работе и не способных ни эффективно работать, ни реализовать какую-либо иную экономически эффективную стратегию выживания, демонстрировала тот социальный тип, для которого доминирующую роль в консервации их положения играли внешние факторы (неполная семья, несовершеннолетние дети, плохое здоровье) в их различных сочетаниях, порождающие зависимость от источников дохода, не связанных с трудовой деятельностью. Конечно, и в таких условиях

при определенных личностных задатках было возможно по крайней мере среднеобеспеченное существование, и примеры этого были у нас даже в воронежском массиве при всей тяжести положения на рынке труда Воронежа. Однако это было скорее исключение, чем правило.

Совсем другую модель поведения и используемых стратегий выживания демонстрировали шесть официально зарегистрированных в службе занятости безработных москвичей, которые относились к высокодоходным группам. Все они не имели иждивенцев, все были фактически трудоустроены. Трое имели постоянную теневую занятость, на которую ссылались как на причину нежелания искать работу (причем у одного из них был свой бизнес). Еще двое были молодые мужчины, имевшие помимо постоянной работы также другие постоянные источники дохода (сдача в наем недвижимости). Наконец, последняя из них была одинокая женщина предпенсионного возраста с плохим здоровьем, которая достаточно умело использовала особенности российского законодательства того времени и ждала пенсионного возраста в статусе безработной, имея более чем втрое превосходившее прожиточный минимум пособие по безработице. На этих примерах мы видим, как при выборе оптимальной для данного человека структуры занятости вполне рационально и успешно использовалась действующая система социального обеспечения.

Наконец, что касается мало- и среднеобеспеченных безработных москвичей, то здесь разнообразие социальных типажей было гораздо больше, как и разнообразие используемых стратегий выживания в соответствии с имеющимися ресурсами и личными предпочтениями каждого. Это были безработные одиночки, имевшие приработки, однако эффективность их была ниже, чем у попавших в группу высокодоходных; замужние женщины, которые частично обеспечивали семью продуктами питания с дачи, замужние пожилые женщины с приработками и замужние женщины с несовершеннолетними детьми.

Думается, уже из приведенного обзора жизни и стратегий выживания наших респондентов понятно: за исключением многодетных, неполных семей или домохозяйств инвалидов и просто одиноких больных людей Москва предоставляла достаточно много возможностей для того, чтобы человек мог прокормить себя без попадания в число бедных даже без постоянной занятости. При этом для одиночек или членов домохозяйств без иждивенцев ре-

шающую роль играли уже не столько объективные, задаваемые внешней ситуацией факторы, сколько их личностные особенности. Правда, наличие определенных ресурсов (дача, где можно обеспечивать себя продуктами питания, и т.п.) давало дополнительные преимущества, но для подавляющего большинства они не носили решающего характера.

Санкт-Петербург

В Санкт-Петербурге в нашем массиве в 1997 г. насчитывалось 13 хронических безработных, в том числе 6 — официально зарегистрированных безработных и 7 человек — фактически безработных, которые в 1996 г. были официально зарегистрированы в службе занятости. Двое из них относились к бедным, причем одна респондентка была главой неполной семьи с несовершеннолетним ребенком, а другая — пожилым инвалидом из большой семьи с высоким коэффициентом семейной нагрузки на работающих. В обоих случаях избирались пассивные, неконструктивные действия.

Еще 3 человека по своему образу жизни и структуре потребления относились к числу малообеспеченных. Это были: глава полной семьи, где было два иждивенца; молодая замужняя женщина с маленьким ребенком, не искавшая работу в силу семейных обстоятельств; имевший приработки женатый молодой разнорабочий, неоднократно увольнявшийся в течение года, что заставляло предположить у него проблемы с дисциплиной и/или алкоголем.

Шестеро хронических безработных соответствовали стандартам среднеобеспеченности. Среди них были: молодой грузчик, живший с родителями, также неоднократно увольнявшийся с работы в течение последнего года, но при своем статусе безработного тем не менее подрабатывавший в нескольких местах; мужчины среднего и старшего возраста в семьях без других иждивенцев с работавшими членами семьи; немолодая женщина из большой семьи с низкой семейной нагрузкой, сознательно ничего не предпринимавшая для улучшения своего материального положения; юноша (менее 21 года), живший с матерью, трудоустроившийся, но уволившийся в течение года наблюдений.

Наконец, к числу обеспеченных и состоятельных относились 2 респондентки из группы хронически безработных. Обе они были замужние бездетные женщины.

Новых безработных (официальных и фактических) в Петербурге оказалось в 1997 г. всего 5 человек. Это были, как и в Москве, одинокий пожилой и молодой женатый мужчина, занимавшиеся мелкой торговлей и имевшие другие приработки; одинокая женщина с маленьким ребенком, не искавшая работу по семейным обстоятельствам; замужняя женщина из большой семьи без иждивенцев, которая ждала пенсии на пособии по безработице, имея приработки. Из этой группы к числу бедных относился только одинокий пожилой мужчина, торговля и приработки у которого явно шли не очень успешно, из-за чего ему приходилось распродавать кое-что из имущества. Из остальных один человек относился к малоимущим, двое — к среднеобеспеченным и один (одинокая женщина с ребенком, сдававшая в наем принадлежащую ей недвижимость) — к обеспеченным.

Весьма успешно складывались в Петербурге и судьбы 12 трудоустроившихся безработных. Среди них не было ни одного, кто жил бы на уровне бедности, только 3 находились на уровне малообеспеченности. В конечном счете у всех них это было связано с комбинацией производственной и семейной ситуаций. Один — женатый мужчина, низкооплачиваемый специалист по культмассовой работе — имел несовершеннолетнего ребенка, и хотя он старался подрабатывать, но из группы малообеспеченных это вывести семью не могло. Второй — молодой женатый мужчина с двумя маленькими детьми, инженер, также предпринимал активные усилия для улучшения своего положения (приторговывал, выращивал на даче овощи), но это мало влияло на ситуацию. Наконец, третий мужчина, имевший высокооплачиваемую специальность (строитель), имел при этом трех иждивенцев, и даже совместительство не могло ему помочь вывести семью из рамок малообеспеченности.

Однако большая часть трудоустроившихся относились либо к разряду среднеобеспеченных (4 человека), либо к обеспеченным и состоятельным (5 человек). Эти последние 5 (за одним исключением, где уровень благосостояния семьи был связан с доходами других членов семьи) были люди с достаточно дефицитными и высокооплачиваемыми специальностями: администратор, прораб, менеджер по сбыту, бухгалтер. Единственным объяснением их временной безработицы могло служить лишь желание побыть несколько месяцев на пособии в «отпуске».

В этом плане ситуация в Петербурге радикально отличалась от ситуации в Москве, где уровень благосостояния был мало свя-

зан у большинства респондентов с их специальностью, а вытекал в основном из достаточно общей и в определенном смысле таинственной формулировки «используем любую возможность подработать». Что в каждом отдельном случае скрывалось за этой формулировкой, выяснить в условиях нелегализованности этой деятельности перед налоговыми и иными контролирующими органами было невозможно, но одни безработные респонденты с такой формулировкой с трудом удерживались в разряде малообеспеченных, а другие ездили в зарубежные турпоездки и покупали компьютеры и автомашины.

В заключение обзора материальной обеспеченности респондентов из петербургского массива отметим также, что среди остальных групп обследованных в число бедных входили 6 человек. Это были: одинокая пенсионерка; одинокий пожилой мужчина с такой малоперспективной в нынешних условиях специальностью, как ботаник, который по итогам года наблюдений остался в группе нестабильно занятых; замужняя женщина с пятью иждивенцами, которая, несмотря на то, что была квалифицированным поваром и занималась к тому же мелкой торговлей, не в состоянии была обеспечить семье соответствующий уровень жизни; пожилая замужняя женщина (радиоинженер) из группы с нестабильной занятостью, в домохозяйстве которой были два иждивенца; два семейных пожилых мужчины.

Таким образом, в Петербурге, как и в Москве, достаточно четко просматривалась связь бедности не столько с занятостью/незанятостью, сколько с семейным положением респондентов и составом домохозяйств. При этом наличие дефицитной высокооплачиваемой специальности (в Петербурге) или приработков (в Москве) способно было значительно повлиять на ситуацию с материальным положением респондентов, но при коэффициенте семейной нагрузки более чем 1/1 могло обеспечить семье как максимум уровень среднеобеспеченности, в уникальных случаях — обеспеченности. Во всяком случае, в нашем исследовании не было ни одного человека из группы состоятельных во всех городах, который имел бы более одного иждивенца, и нашелся только один из числа обеспеченных с двумя иждивенцами. С точки зрения используемых стратегий выживания картина в Петербурге была в основном сходна с московской.

Совсем иначе складывалась ситуация в Воронеже. В числе бедных хронических безработных здесь были не только неполные

семьи, замужние женщины с маленькими детьми и инвалиды. Из 6 человек, входивших в группу бедных хронических безработных Воронежа, только двух (мужчину из неполной семьи с ребенком и одинокую женщину с несовершеннолетними детьми) можно было отнести в разряд «старых бедных». Остальные были те «новые бедные», которые в Москве и Петербурге устраивались в основном относительно сносно, а в Воронеже попали на «дно».

Преобладание среди хронических безработных в Воронеже «новых бедных» сказывалось и на распространенности в их среде различных типов экономической активности. В отличие от Москвы и Петербурга среди безработных здесь доминировал конструктивный тип экономической активности, и лишь около трети группы являлись представителями маргинального типа активности.

Зато сходную с Москвой и Петербургом картину по распространенности различных социальных типажей мы наблюдали в Воронеже при анализе респондентов, ставших официальными или фактическими безработными за прошедший между опросами год (12 человек). Здесь также были представлены неполная семья и одинокий инвалид. Замужние женщины сидели дома с детьми, все работы не искали. В этой группе встречались и другие социальные типы, упоминавшиеся выше. К числу бедных среди 12 «новых безработных» Воронежа относились 3 человека. Все они работу не искали, ссылаясь на особенности своей квалификации, и если входившая в их число неполная семья могла быть охарактеризована как представитель «старых бедных», то двое относились к числу «новых бедных».

Для полноты картины по Воронежу надо отметить, что в группах, не попавших в предшествующий анализ, бедных было всего 6 человек. Трое из них представляли неполные семьи с двумя или более несовершеннолетними детьми, четвертая респондентка — неполную семью с одним ребенком, пятая — полную семью, где на двух работавших приходились трое иждивенцев, и последняя — полную семью с ребенком. В группу бедных их, как и работавших бедных в Москве или Петербурге, привели в основном особенности семейной ситуации.

Итак, подведем итоги рассмотрения взаимосвязи бедности и безработицы в рамках нашего исследования.

Бедные и безработные — это пересекающиеся множества, в основном совпадающие, хотя и не тождественные друг другу. И хотя среди бедных большинство действительно составляют безработ-

ные, а среди хронических безработных — основная масса бедные или малообеспеченные, но причиной их бедности является не сам по себе факт утраты работы, а прежде всего особенности респондентов, связанные с составом их домохозяйств и здоровьем. Более того, их положение — для большинства результат их вполне сознательного, рационального выбора, так как многие безработные честно признавали, что не заинтересованы в получении работы.

В Москве, Петербурге и частично Воронеже первопричиной реальной бедности, особенно глубокой бедности, являлся состав семьи респондентов. Он объективно не позволял им выступать на рынке труда как эффективным работникам, задерживая в числе безработных. В тех же случаях, где респонденты из семей «группы риска» все-таки трудоустраивались, они в основном по-прежнему оставались в числе бедных или, в лучшем случае, малообеспеченных.

Среди бедных существовали заметные региональные различия. Если в Москве и Петербурге к традиционным типам «старых бедных» в результате реформ 1990-х гг. добавились лишь пожилые одиночки с плохим здоровьем, а «новые бедные» были фактически малообеспеченными, чье положение до реформ было заметно лучше, чем сейчас, поэтому свое нынешнее положение они воспринимали как катастрофическое, то в Воронеже в число бедных попали и вполне трудоспособные люди, в том числе с семьями, где были и другие работавшие, а коэффициент семейной нагрузки не превышал 1/1.

Специальность при одинаковом составе домохозяйств в одном городе могла влиять, как правило, только на нахождение в группе мало- или среднеобеспеченных. Только в Петербурге среди людей, в домохозяйствах которых не было иждивенцев, и с достаточно ограниченным кругом специальностей прослеживалась связь между специальностью респондентов и их принадлежностью к обеспеченным или состоятельным слоям. Практически во всех остальных случаях материальное положение респондентов определялось не столько специальностью, сколько эффективностью используемых ими стратегий выживания.

Существуют определенные социальные типажи, которые жестко коррелируют со статусом занятости. Среди хронических безработных такими типажами выступают: представители неполных семей с маленькими детьми; одиночки предпенсионного возраста, часто с плохим здоровьем; замужние женщины с детьми дошкольного возраста; замужние женщины средних и старших возрас-

тов либо из семей без иждивенцев, где муж работает, либо из больших семей (4—5 и более человек), где несколько человек работают.

***

Структурная перестройка экономики России и переход ее на рыночные рельсы больно ударили по большинству населения. Кризисные явления на рынке труда (безработица, нестабильная занятость, массовые увольнения и т.п.) затронули в той или иной степени большинство населения. При этом разные типы работников пострадали от перехода к рынку по-разному. Одни (например, работники промышленности или науки) пострадали от спада в их отраслях. Для них характерны были массовые увольнения по сокращению штатов, нестабильная занятость во всех ее видах и т.д. Другие (работники жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания, торговли и т.п.) пострадали от повышения требований, предъявляемых в рыночных условиях к рабочей силе. Они увольнялись по различным основаниям, но нестабильная занятость (скрытая безработица) среди них полностью отсутствовала. В результате в России сейчас сосуществуют разные типы безработицы, обусловленные разными причинами и требующие принципиально различных управленческих решений для улучшения занятости, причем соотношение их в каждом регионе различно.

При этом чрезвычайно существенно, что в числе причин безработицы, особенно — хронической, наряду с такими факторами, как структурная перестройка промышленности или сокращение бюджетного финансирования ряда отраслей находится также формирование рынка труда вместо трудодефицитной плановой экономики. Реальный рынок труда предполагает определенную подготовленность населения к деятельности в качестве самостоятельных акторов этого рынка: представление о приблизительной стоимости своей рабочей силы, навык поиска работы, умение правильно представлять себе запросы работодателя, адекватное поведение в случае безработицы и т.д. В России же, где в течение 70 лет рынок труда отсутствовал, эти навыки населением практически полностью утрачены. Безработица в этих условиях зачастую выступает не только следствием объективного отсутствия рабочих мест, но и следствием психологической неготовности конкретного человека к смене типа занятости в условиях рыночной экономики, и с

уровня системных факторов, предопределяющих общий уровень безработицы в данный период, как бы спускается на уровень «личностных», определяющих личную судьбу каждого человека и вероятность попадания его в число безработных.

При анализе на этом уровне можно зафиксировать довольно отчетливые особенности социально-психологического портрета безработных, прежде всего хронических, без учета которых никакие макроэкономические меры решения проблем занятости не принесут ожидаемого эффекта. Более того, анализ реального положения домохозяйств хронических безработных позволяет выявить также определенные социально-демографические типажи, которые жестко коррелируют со статусом занятости и избираемыми стратегиями выживания.

Таким образом, спектр возможных действий человека задается в современной России объективной ситуацией. Но для большинства населения, даже в относительно депрессивных крупных городах, он все же достаточно широк, хотя предоставляемые людям возможности, как правило, не соответствуют желаемым. В рамках этого спектра действий человек свободен в своем выборе, и, совершая его, он руководствуется вполне рациональными соображениями. Соображения эти далеко не всегда подчиняются логике экономической целесообразности и так же разнообразны и многогранны, как и сам человек. Для одних важнее материального благополучия оказываются интересы сохранения статуса, для других — интересы семьи и детей, для третьих — собственное здоровье, четвертые не хотят отказываться от любимой специальности, которая в условиях структурной перестройки не пользуется спросом, и т.д. Отсюда вытекает огромная роль личностных факторов, выступающих в роли «внешних ограничителей» активности человека и его статусных характеристик наряду с факторами системного характера.

Литература

Гордиенко А.А., Пошевнев Г.С., Плюсин Ю.М. Структура поведения безработного // СОЦИС. 1996. № 11.

Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // СОЦИС. 1996. № 11.

Dean H., Tailor-Gooby P. Dependency Culture: the Explosion of a Myth. L.; N.Y., 1992.

Rose R., Haerpfer C. New Russian Barometer III // Journal of Public Policy. 1994. № 228.

Заключение

Социальная политика: есть ли альтернатива?

Российская модель социальной политики качественно отличается от советской. Фактически исчез ряд социальных гарантий, основная из которых — право на труд и получение за него заработной платы, отмирает получение благ и льгот через систему производственных коллективов. Однако главное социальное последствие экономических перемен — натурализация потребления населения и резкое сокращение в нем количества и роли наличных денег.

Кажущаяся неэффективность декларируемой социальной политики скрывает ее успешно реализуемые, но не афишируемые цели и механизмы: социальная стабильность на основе неявного консенсуса власти и населения, который строится на экономике выживания. Наше исследование позволило раскрыть некоторые особенности существующей модели социальной политики «поддержания выживания» (практическая бесплатность обеспечения ряда базовых нужд населения, натурализация потребления и обмена товарами и услугами, возникновение у населения модели «коллективного выживания»).

Действующая модель социальной политики в России

В этих условиях особенно важно понять, с каким наследством вошла Россия в XXI век, каковы те рамки, которые как бы «предзаданы» социальной политике существующей в стране ситуацией. Не ставя перед собой задачу дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, мы стремились в книге обсудить характерные особенности социальной политики «ельцинского» периода, точнее, ту модель взаимоотношений власти и населения, которая существовала в это время и являлась основой этой политики на протяжении целого десятилетия.

Сразу подчеркнем: мы ставили своей целью дать анализ этой модели на базе эмпирического материала. Сама по себе наша тема той степени общности, когда материал отдельных конкретных исследований может играть роль не столько основы ее раскрытия, сколько, скорее, иллюстрации тех или иных тезисов. Тем не менее, поскольку к пониманию некоторых особенностей анализируемой модели нас подтолкнули данные наших эмпирических изысканий, в основных разделах монографии им было уделено соответствующее внимание.

В этой связи необходимо напомнить, что наибольшую роль в формировании нашего понимания данной проблемы сыграли результаты исследования, проведенного нами в рамках международного проекта INTAS 94—3725 «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и Запад, 1995—1998». Реализация этого проекта пришлась на годы системного кризиса государства и общества в России, на годы, когда надежды на счастливые и быстрые реформы остались позади. Основные и вполне рациональные причины такой ситуации заключались в катастрофическом ухудшении уровня и качества жизни населения (особенно в провинции), в снижении социальных гарантий при росте налоговой нагрузки, а также в ставших открытыми и даже демонстративными проявлениях социального неравенства. Все это привело к резкому сужению социальной базы либеральных демократических реформ. Сама деятельность реформаторов оказалась целиком зависимой от благоволения президентского окружения и близких к президенту финансовых и политических группировок, чьи интересы не имели ничего общего ни с конкурентно-рыночными, ни с демократическими ожиданиями населения.

В числе объективных экономических последствий социальной политики 1995—2000 гг. особое значение приобрела коррупция, которая превратилась в устойчивую систему отношений между властью и бизнесом, между чиновниками всех уровней и ведомств и населением [*Радаев*; *Латов*; *Клямкин*, *Тимофеев*].

Как результат, конечные цели реформ — создание конкурентной рыночной экономики и построение в России демократического общества — не были достигнуты. При этом обстоятельства конца 1998—2000 гг. представляются неизмеримо более тяжелыми, чем в канун реформ, т.е. в конце 1991 г. При наличии сравнимых по сложности проблем российская экономика стала располагать намного меньшими внутренними ресурсами. Возможности

же внешней помощи были практически полностью исчерпаны. Отсюда и сложная ситуация в сфере социальной политики как по части ее ресурсной обеспеченности, так и по части направленности и методов выполнения.

Социальная политика, как и вся система общественных отношений, претерпела за годы российских реформ весьма значительные изменения. В СССР система социальной защиты как важнейшая часть социальной политики включала в себя прежде всего право на труд, гарантированное государством пенсионное обеспечение, систему административно регулируемых цен, обеспечивавших «ценовую» доступность основных товаров и услуг, бесплатность образования, здравоохранения, занятий физкультурой и многих других форм досуговой активности, а также бесплатность предоставления жилья [*Микульский и др.*].

Наличие, хотя и в ограниченных масштабах, целого ряда социальных благ и льгот, имевших универсальный характер, и еще большего их числа, имевших адресный характер в том смысле, что они зависели от места работы человека, позволяет определить дореформенную модель социальной политики в России как самостоятельный тип государства всеобщего благосостояния, характерными особенностями которого выступали государственное регулирование всех сторон жизни общества, ограниченная стратификация, высокая бюрократизация, а также получение льгот прежде всего через систему производственных коллективов (по месту работы). В СССР население воспринимало любые социальные блага как смысл деятельности государства, его неотъемлемую и обязательную функцию, которая реализуется независимо от наличных экономических возможностей. И в значительной степени это представление разделялось и политической элитой, которая, не забывая о своих собственных интересах, все же декларировала «рост благосостояния советского народа» как одну из важнейших задач государства.

Как показали материалы наших интервью, понимание сильной социальной политики как основной функции государства при одновременном отсутствии институтов гражданского общества, способных заставить государство эту функцию выполнять, сыграло в годы реформ с россиянами злую шутку, оставив их совершенно беспомощными перед государством, вдруг отказавшимся платить по своим «социальным» долгам собственным гражданам (точнее, подданным). И этот шаг, может быть, самый существенный по своим масштабам, на который Российское государство решилось уже

в первый год своего существования, не только не насторожил поборников реформ в России и на Западе, но и вызвал их горячее одобрение, что убедило новые политические элиты России в допустимости подобного типа действий. Вряд ли после этого следовало удивляться дефолту 1998 г.

Впрочем, декларативно-иллюзорный характер прокламаций власти не являлся секретом для многих россиян. Не случайно больше половины опрошенных нами в ходе исследования «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и Запад, 1995—1998» представителей кризисных групп на рынке труда сочли, что,между обществом, существовавшим до перестройки, и современным российским обществом нет никакой разницы в том, заботится ли государство о всех своих гражданах на справедливых началах.

Завоевав массовую поддержку прежде всего под лозунгами борьбы с привилегиями, большей социальной справедливости, индивидуальных свобод и равенства возможностей для всех, реформаторы вынуждены были поначалу маскировать истинную направленность своей политики за маской «социального государства» — именно так охарактеризовано Российское государство в Конституции страны. Однако для большинства представителей политической элиты истинный характер нового Российского государства изначально не являлся тайной. Реформы означали для них лишь возможность сбросить с себя ярмо обязанности заботиться о народе в условиях резко возросших собственных аппетитов и новых стандартов жизни, с одной стороны, и колебания доходов от экспорта природных ресурсов в условиях неустойчивости цен на эти ресурсы на мировых рынках — с другой. В то же время никто официально не отменял социальных обязательств государства перед его гражданами. И хотя попытки отказаться от идеи «социального государства» из-за недостаточности экономических ресурсов на уровне лиц «второго эшелона» предпринимаются постоянно, ни одна сколько-нибудь заметная политическая фигура или партия не решается на это в условиях перманентной предвыборной кампании, в которых Россия живет уже второе десятилетие.

В результате в России сложилась парадоксальная ситуация. Формально в стране действительно существуют разнообразные системы социальных льгот и выплат, охватывающие в общей сложности две трети населения. Опять-таки формально, на уровне конституционных гарантий, продолжают сохраняться право на труд,

пенсионное обеспечение, бесплатность образования, здравоохранения и предоставления жилья. В ряде регионов все еще существует даже система административно регулируемых цен, обеспечивающих «ценовую» доступность основных товаров и услуг. Однако при этом нарушение права на труд и получения оплаты за него затрагивает более четверти экономически активного населения, происходит чудовищное обнищание огромных масс народа, значительная часть молодежи оказывается не только необразованной, но и неграмотной, гарантированность бесплатной медицинской помощи оборачивается подчас необходимостью годами ждать очереди на бесплатную операцию. Очередь на жилье не двигается десятилетиями. И все это происходит на фоне демонстративного «швыряния деньгами» со стороны не только «новых русских», но и рядовых государственных чиновников, массированного нелегального вывоза капитала за рубеж.

Можно ли в этих условиях считать, что Россия является «социальным государством», где причиной неэффективности осуществляемой социальной политики выступает просто нехватка денег? Разумеется, нет. Как показало проведенное нами исследование, основной причиной того, что Россия лишь формально может считаться «социальным государством», и кажущейся фантастической неэффективности осуществляемой в ней социальной политики выступает имманентное противоречие между формально декларируемыми и реальными целями этой политики. И если ориентироваться не на формально декларируемые, а на реальные ее цели, то политика эта, хотя и не имеет никакого отношения к «социальному государству», все же весьма эффективна. Учитывая, что это ключевой вопрос для понимания всей проблематики социальной политики в России, поясним, что мы имеем в виду, более подробно.

В России ныне можно выделить три подхода к социальной политике.

Первый из них выражает модель социальной политики, органичной для олигархического капитализма. Этот подход ряд последних лет доминировал в правящих кругах и является предметом анализа в соответствующих главах книги.

Второй подход развивают сторонники административно-бюрократического капитализма (например, «муниципальный» капитализм Ю. Лужкова в Москве). Он соответствует кейнсианскому подходу к управлению экономикой и придает большое значение гармонизации общественных отношений и учету интересов сред-

них и низших слоев населения. Однако, по крайней мере до последнего времени, он реализовывался только на региональном или муниципальном уровне.

И, наконец, модель социальной политики, которую одно время провозглашал, в частности, Б. Немцов и которая в общественном сознании в России получила популярность с конца 1980-х гг. Эту политику можно охарактеризовать следующим образом: «Создать Россию без бедных и без сверхбогатых».

Оценка экспертами и рядовыми россиянами проводимой социальной политики

Одна из наших гипотез первоначально состояла в том, что правительство, региональные власти и политические силы не обладают концепцией социальной политики, и ни одна из ведущих политических партий не способна взять на себя роль ее лидера. Опрос же акторов социальной политики, проведенный в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже, перевел наши размышления в иную плоскость и показал, что дело не только и даже не столько в отсутствии концепции. Да, действительно, большинство из них считали, что социальная политика в постсоветской России не сформирована, а три четверти опрошенных нами акторов социальной политики полагали, что страна не является социальным государством.

Однако главным оказалось то, что при ответе на вопрос, какова же реальная сущность политики, проводимой при их участии (вне зависимости от степени ее осознанности или стихийности), каковы ее задачи, почти 40% опрошенных основной целью осуществляемой сегодня в России социальной политики назвали обеспечение социальной стабильности, и еще 28% — обеспечение интересов элиты, что тоже является обеспечением социальной стабильности в обществе. Учитывая, что для современной политической элиты России социальная политика нужна лишь постольку, поскольку граждане не должны мешать реализации ее собственных планов и интересов, — это все то же обеспечение социальной стабильности в обществе, и не более. Таким образом, более 65% экспертов сочли главной целью социальной политики

именно обеспечение стабильности в обществе, в конечном счете, в интересах правящей элиты.

Среди групп, в наибольшей степени связанных с практической реализацией социальной политики (чиновники среднего уровня и профсоюзные лидеры), такую позицию разделяли около 90% респондентов, причем основной акцент при этом делался на обеспечение социальной стабильности (около 70% опрошенных представителей этих групп). Группы же экспертов, ближе знакомые с реальным механизмом власти, в частности, механизмом принятия решений по социальным вопросам (политики и хозяйственная элита), также в подавляющем большинстве (более 80%) усматривали главные цели социальной политики в этом, но основной акцент делали на защиту интересов элит (более 50%). Что же касается таких возможных целей социальной политики, как помощь наиболее обездоленным слоям населения, поддержка экономически активного населения, сохранение и развитие человеческого потенциала страны, то они были сколько-нибудь заметно представлены только у чиновников высшего уровня. Треть этих акторов усматривали главную задачу социальной политики в адресной социальной помощи, и еще около 10% — в поддержке экономически активного населения.

Итак, основной целью осуществлявшейся в России в последние годы социальной политики являлось, по мнению практически всех, кто связан с ее реализацией, обеспечение стабильности в обществе в интересах элиты, а отнюдь не адресная помощь наиболее обездоленным.

Что же может в наибольшей степени нарушить ту стабильность в обществе, которую хотела бы сохранить российская элита? Очевидно, это не столько дальнейшее обеднение социально незащищенных слоев населения, сколько лишение привычных благ основной массы россиян. Дело в том, что, и по статистическим данным, и по данным социологических исследований, в наибольшей степени от реформ пострадали пенсионеры. Это мнение разделялось и теми, кто вошел в нашу выборку представителей кризисных групп на рынке труда: на обоих этапах опроса около двух третей назвали среди социальных групп, находящихся в самом тяжелом положении, именно пенсионеров. Но социально слабые слои, куда наряду с пожилыми людьми входят матери-одиночки, инвалиды и т.п., в гораздо меньшей степени способны к активному социальному протесту, чем остальное население. Реального протеста, способного

принять опасные для правящей элиты формы, от этого контингента россиян власть может не опасаться. Очевидно, именно этим и объясняются то спокойствие, с которым проблемы социальной политики воспринимались опрошенными экспертами, и отношение их к своим подопечным в лучшем случае с позиций «сердобольной тетушки».

Совсем иная ситуация с остальным, относительно более благополучным, населением. Как показали «табачные бунты» в Москве в 1991 г., перекрытие железных и автодорог в 1998 г. в различных регионах России, массовые протесты в Москве и Петербурге при попытке ввести повременную оплату телефонных разговоров, наконец, обвальный рост неплатежей за коммунальные услуги по мере их роста, россияне способны к активному социальному протесту, но лишь тогда, когда затронутыми оказываются наиболее существенные для них права и льготы. Причем протест этот выражается обычно в двух основных формах: массового саботажа (как в случае с коммунальными неплатежами) или стихийного, точнее внеинституционального, бунта. Обе формы в условиях кризисной экономики и сильной социальной напряженности представляют для правящих элит весьма серьезную опасность.

Итак, учитывая, что в случае полного пренебрежения со стороны властей позицией рядовых россиян активный социальный протест с их стороны все же возможен, каковы те ключевые для россиян принципы социальной политики государства, которые, в значительной степени интуитивно, вынуждены учитывать сегодняшние политические элиты России?

Прежде всего, судя по репрезентативным всероссийским опросам, проводимым с 1992 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП), на уровне модели «должного» по отношению к государству до последнего времени доминировало представление о том, что оно обязано заботиться обо всех малоимущих, а не только о тех, кто по объективным причинам не в состоянии сам себя обеспечить (пенсионеры, инвалиды и т.д.). Правда, число приверженцев этой позиции постепенно сокращается, но их все же по-прежнему остается больше, чем сторонников адресной социальной помощи.

Такое понимание функций государства связано с убеждением многих россиян, особенно работников госсектора и представителей социально уязвимых групп, что их материальное положение и решение проблем с занятостью зависят только или прежде всего

от государства. Это не значит, что люди не готовы самостоятельно искать возможность зарабатывать. Дело в том, что большинству представителей социально слабых групп (матерей-одиночек, многодетных матерей, инвалидов, пожилых людей с плохим здоровьем и т.п.) и многим жителям депрессивных регионов невозможно самостоятельно улучшить свое положение. Оказавшись в условиях кризисной занятости, они не могут найти работу при нынешнем состоянии рынка труда в России.

Если от социальной политики в целом перейти к проблемам политики занятости, то из представлений опрошенных рядовых россиян о том, как должна строиться политика занятости, следует выделить прежде всего следующие моменты. Во-первых, с их точки зрения безработными следует считать тех, кто не может найти никакой работы. Во-вторых, при трудоустройстве не должны приниматься во внимание пол работника и его возраст, зато должно учитываться состояние здоровья; большинство опрошенных на обоих этапах исследования сочли, что в условиях нехватки рабочих мест инвалиды должны жить на пособие, а работать должны в первую очередь трудоспособные граждане. В-третьих, три четверти респондентов были убеждены, что пособие в случае утраты работы должны получать все работники, независимо от того, какова величина дохода у других членов семьи.

Как видим, мнения большинства населения о социальной политике, которая нужна сегодня в России, являются достаточно противоречивым конгломератом уравнительных представлений, унаследованных от прошлого, и тех корректив, которые в них пришлось внести под влиянием сегодняшних российских реалий.

Таким образом, как на уровне акторов социальной политики, так и в сознании рядовых россиян столкнулись сегодня две модели социальной политики. Одна из них внешне напоминает концепцию государства всеобщего благосостояния, но отражает, по сути, просто интересы сохранения власти правящей элитой и попытки поддержания привычных стандартов жизни у основной массы населения. Она строится на идее универсализма социальной поддержки и обеспечивает консенсус населения и основной массы элитных слоев, хотя консенсус этот в условиях тяжелого положения населения России весьма неустойчив. На первый взгляд кажется, что такая позиция — проявление эгоизма, так как россияне стремятся к обеспечению своего уровня жизни даже за счет наиболее бедных слоев. Однако на самом деле это не так,

большинство россиян уверены, что если бы даже те немногие деньги, которые выделяются на социальные нужды, не разворовывались, то их хватило бы на всех. Вторая модель, идущая скорее от рационально-идеалистических, гуманистических соображений о том, что помогать надо наиболее бедным, разделяется частью «верхушки» политической элиты и (судя по данным исследований РНИСиНП) частью наиболее благополучных слоев населения, численность которых относительно невелика.

А это значит, что до возникновения в России «сильного государства», которое позволит власти не считаться с позицией большинства населения, главной проблемой социальной политики в стране по-прежнему будет попытка сохранить видимость патерналистского государства с одновременным игнорированием в реальности положения наиболее социально слабых групп. Это по-прежнему будет создавать иллюзию неэффективности социальной политики.

Действительные причины этой псевдонеэффективности видятся акторам и объектам социальной политики качественно различно. Для акторов социальной политики главными причинами ее неэффективности выступают нехватка средств и неадекватность распределения компетенций между федеральными и местными органами власти. Для объектов этой политики, судя по ответам наших респондентов, таковой является то, что «даже в правительстве не знают, как сегодня должна строиться социальная политика и на что в первую очередь нужны деньги». Очевидно, так на уровне объектов социальной политики проявляется то противоречие между официально декларируемыми целями социальной политики и реальным механизмом ее проведения, о котором мы уже говорили выше. Видя вопиющую нерациональность многих действий, предпринимаемых в рамках социальной политики, с точки зрения провозглашаемых целей, люди реагируют на них единственно доступным им способом — начинают считать, что те, кто ее проводят, сами не знают, чего они хотят.

И действительно, трудно с точки зрения рационального смысла объяснить систему, при которой нет денег на выплату пособий по безработице или на кредиты безработным для открытия собственного дела, тогда как достает ресурсов для сохранения и создания рабочих мест на крупных и средних предприятиях, т.е. фактически для поддержки хозяйственных элит. При этом сами опрошенные такой путь борьбы с безработицей считают малоэффективным. Более популярны у них идеи предоставления льгот частному бизнесу, совер-

шенствования системы переобучения и идея льготных кредитов безработным для создания собственного дела. Отметим в этой связи, что среди опрошенных нами представителей кризисных групп на рынке труда около трети пытались завести свой бизнес, и примерно у 10% опрошенных эти попытки были успешны. При этом ни один человек в нашей выборке кредита на создание своего бизнеса не получил. Таковы же данные мониторинговых обследований малых предпринимателей, проводившихся РНИСиНП: около 10% всех малых предпринимателей России занялись бизнесом, чтобы избежать безработицы, и практически никто из них не получил кредит на открытие своего бизнеса от службы занятости.

Среди других причин неэффективности социальной политики на втором месте (51%) шла позиция: «чиновники разворовывают значительную часть выделяемых на социальную политику средств, и *они практически не доходят до населения*», далее с *большим* отрывом следовали: «на социальную политику выделяется слишком мало средств» (36%) и «для эффективной работы всех государственных служб, связанных с проблемами социальной политики, не хватает квалифицированных специалистов» (20%).

Добавим также, что как при анализе ответов экспертов — акторов социальной политики, так и при рассмотрении мнений объектов этой политики не удалось обнаружить значимых различий в позициях сторонников различных политических партий и движений. Причем у экспертов прослеживалась скорее связь представлений о существующей и необходимой модели социальной политики с их социально-профессиональным статусом, чем с политическими взглядами.

Консенсус власти и населения — модель выживания

Если от общей характеристики целей, эффективности и субъектов проводимой в России социальной политики с точки зрения самих ее акторов и объектов этой политики перейти к оценке реальных последствий ее проведения, которые удалось зафиксировать на примере обследованных домохозяйств представителей кризисных групп на рынке труда, то мы увидим следующую картину. Тот неявный консенсус власти и населения, о котором мы говори-

ли выше применительно к целям социальной политики, в повседневности материализуется в весьма сложной и хитроумной модели выживания. На ней строит свою жизнь большинство населения страны. Именно эта модель обеспечивает относительную стабильность социально-политической обстановки в России, и поэтому власть склонна закрывать глаза на многие ее особенности, «не вписывающиеся» в либеральную модель социальной политики, которая до последнего времени декларировалась на уровне высшего руководства страны как наиболее желательная в нынешних условиях.

Основной особенностью этой модели выступает создание для населения возможности выживания в условиях почти полного отсутствия реальных, «живых» денег в российской экономике 1990-х гг. с ее практикой бартера и взаимозачетов. Зачастую, если деньги и появлялись (зарплата или социальные выплаты), то по дороге к населению значительная их часть просто исчезала на уровне отдельных чиновников. Болезнь эта, и раньше характерная для России, в последние годы расцвела столь пышным цветом, что изменение ситуации потребует от правительства (если когда-нибудь проявятся желание и политическая воля) нескольких лет огромной и неустанной работы. В нынешних же условиях правительству остается только сохранять политическую стабильность за счет поддержания той модели выживания, которая сложилась за последние годы именно применительно к этим условиям.

Возможность выживания без денег обеспечивается двумя путями. Один из них зависит от органов власти и сводится к тому, чтобы хотя бы на самом минимальном уровне поддерживать жизнеобеспечение населения, удовлетворяя бесплатно или практически бесплатно самые базовые потребности. Это касается прежде всего дотаций по коммунальным платежам, которые позволяют бесплатно или почти бесплатно пользоваться теплом, электроэнергией, водоснабжением и т.д. Единственный вид коммунальных услуг, который является строго платным, — это телефон, социальная значимость которого все же несопоставимо меньше в условиях России, чем, например, отопление дома. Из-за отсутствия денег для оплаты пользования телефонами практика отказа от услуг телефонных станций приобрела даже в Москве достаточно массовый характер. Попытки же ввести повременную плату за телефонные разговоры вызывают сильнейшее сопротивление у населения, причем у тех его групп, которые способны к активному протесту. По-

этому до сих пор в подавляющем большинстве регионов России такая система расчетов не введена.

Кроме того, сохраняются бесплатные государственное образование и здравоохранение, уступающие в большинстве случаев платным услугам по своему качеству. Однако они все же позволяют значительной части населения реализовывать соответствующие социальные потребности хотя бы на самом минимальном уровне. Дотируются также транспортные услуги, без чего зарплаты многих категорий работников не хватило бы даже на проезд к месту работы. В результате такого поддержания фактической бесплатности основных социальных благ возникает возможность обеспечения ряда жизненно важных потребностей без оплаты их в денежной форме или за чисто символическую по сравнению с их реальной стоимостью плату.

Второй путь, обеспечивающий относительную стабильность в обществе при многомесячных невыплатах зарплат, пенсий и детских пособий и при издевательской по размеру заработной плате у большей части бюджетников, да и не только у них, другими словами, при кажущемся полном отсутствии средств к существованию, — это натурализация потребления и обмена товарами и услугами на уровне самого населения, возникновение у него модели «коллективного выживания». Так, например, почти 40% опрошенных занимались различными видами индивидуальной трудовой деятельности (шили, вязали, занимались ремонтом квартир, машин и т.п.). В ряде случаев такие услуги оказывались не посторонним, а знакомым, и не за деньги, а в порядке оказания взаимных услуг. Результаты такой межсемейной взаимоподдержки, заметим, не на селе, а в крупных городах, были значимы для семей 22% наших респондентов. Такими нерыночными механизмами одновременно обеспечиваются выживание людей и сохранение консенсуса власти и населения.

Характерно, что для основной массы опрошенных любые виды социальных пособий не играли значимой роли и из-за их небольшого размера и в связи с задержками выплат. Пособие по безработице имело сколько-нибудь существенное значение только для трети тех, кто когда-либо его получал. Не случайно, что даже помощь со стороны органов власти конкретным группам населения также все чаще принимает натуральную, а не денежную форму: организация бесплатного питания для малоимущих в специальных столовых и распределение продуктовых заказов, предоставление им права бес-

платного проезда, бесплатные билеты в театры детям и т.п. Но и эти «натуральные» льготы также не столь велики, чтобы они могли влиять сколько-нибудь заметно на поведение людей. Во всяком случае, в нашем исследовании этой связи обнаружить не удалось.

Мы не рассматриваем здесь вопрос об эффективности такой модели решения социальных проблем. Разумеется, она чудовищна по своим отдаленным последствиям. Это касается и резкого падения уровня здоровья населения и его образованности, и сужения базы для воспроизводства высококвалифицированной рабочей силы, и общего падения качества человеческого потенциала России. Однако вопрос о последствиях ее существования не является специальной темой нашего исследования. Мы говорим лишь о том, что любая попытка изменить сложившееся в социальной сфере положение, будь то «коммунальная реформа» или попытки пресечь «теневую» занятость людей, чревата серьезными социально-политическими последствиями, которые способны свести на нет прогнозируемый экономический эффект от реформ в социальной сфере. Нужны воля и терпение, чтобы дождаться того времени, когда подъем экономики даст возможность россиянам получать стабильную зарплату, гарантирующую им хотя бы нынешний, крайне низкий уровень потребления, но уже без этих подпорок «бесплатности».

Действующая модель экономики выживания препятствует решению ключевых задач социальной политики (помощь социально слабым группам населения, обеспечение максимальной занятости, стимулирование людей к поиску работы в случае потери ее и т.п.). Ведь в этих условиях невозможно распределять денежные потоки по определенным «социальным адресам».

Альтернативы на обозримую перспективу

В этой связи, теперь уже с другой стороны, мы вновь подходим к вопросу, уже звучавшему в начале заключения: а какой же реально может быть социальная политика в России на перспективу? Каковы имеющиеся здесь альтернативы? Ведь очевидно, что социальная политика неотделима от экономической ситуации в обществе, тенденций развития национальной экономики. Это первая важная

предпосылка корректной оценки того «коридора возможностей», в пределах которого может размещаться веер вариантов реально осуществимой социальной политики. Второй предпосылкой является масштаб охвата этой политикой интересов и потребностей социальных слоев населения страны. И, наконец, третьей предпосылкой является национальный опыт путей и способов осуществления социальной политики.

Если принять во внимание все эти три предпосылки в том виде, как они сложились к началу нового века, то, по-видимому, следует исходить из того обстоятельства, что социальная политика в России на долгосрочную перспективу должна быть ориентирована на формирующуюся двухсекторную экономику, складывающуюся из экономики выживания и экономики развития. Ведь осуществлявшаяся в 1990-е гг. политика привела к тому, что в числе пострадавших оказались как социально слабые группы (функционально неграмотные, пенсионеры и т.д.), так и сильные группы, представляющие собой экономическую и социальную опору любого современного общества и осуществляющие продуктивную деятельность. А это значит, что если от задач простого поддержания стабильности в обществе перейти в ходе реализации социальной политики к попытке использовать ее возможности для возвращения России статуса великой державы, а следовательно, сохранения ее человеческого потенциала, то надо достаточно серьезно откорректировать концепцию социальной политики российского государства [*Российская экономика; Неформальная экономика*].

При этом применительно к сфере экономики выживания речь может идти о развертывании в нескольких пересекающихся плоскостях политики выживания, обращенной на основную массу населения. Эта политика должна помогать большинству домохозяйств россиян попросту выжить в ближайшие годы, пока не будет развернуто промышленное и сельскохозяйственное производство. Важно стимулировать при этом самообеспечение и взаимопомощь граждан, не располагающих доходами, достаточными для их физического и социального воспроизводства. Другими словами, государство обязано помочь выживанию домохозяйств за счет самообеспечения продуктами питания. Это предполагает: стимулирование организации соседской взаимопомощи, содействие в применении труда пенсионеров в «соседском хозяйстве» (присмотр за детьми и т.д.); содействие в продаже по оптовой цене и в необходимых случаях выдача бесплатно семян, племенной птицы и т.д.; помощь в ремонте квар-

тир и домов, в снабжении топливом. Во всех этих случаях решающую роль играют местные власти, опираясь на материальные ресурсы сограждан по принципу «из дома — в дом», «семья — семье».

Особое значение приобретает помощь жителям крупных и средних городов. Их садово-огородные участки зачастую слишком малы, находятся в чрезмерном удалении от места жительства, подчас практически непригодны для обработки. Нужно, опираясь на законодательную базу, во всех возможных случаях передать (до полного удовлетворения запросов) земли горожанам в ближайших пригородах от неэффективных сельхозпредприятий. Необходимо обеспечить транспортные льготы гражданам для проезда на садово-огородные участки. Все эти меры носят временный, чрезвычайный и нерыночный характер. Только таким образом можно помочь большинству. Экономическая активность этого большинства по необходимости образует повседневность экономики и социальной жизни, ориентированных на выживание.

Проблема состоит в том, что в отличие от других государств с экономикой выживания в России в нее вынужденно включены образованные люди, чей человеческий и культурный капиталы при наличии инвестиционных ресурсов могли бы найти применение в другом секторе экономики — экономике развития. Этот сектор определяет будущность страны, ее движение к рыночной информационной экономике. В современной России это возможно лишь путем создания немногочисленных анклавов опережающего развития. База для решения этой стратегической задачи имеется, хотя и доведена до полуразрушенного состояния. Речь идет о предприятиях и организациях ВПК, где до сих пор сконцентрирована значительная часть инновационного потенциала страны.

Во второй половине XX в., вступив в борьбу за мировое господство с США, Советский Союз стимулировал ускоренное развитие оборонной промышленности. Результатом явилась концентрация именно в ВПК основной части квалификационного и инновационного потенциала страны. Так, к середине 1980-х гг. в сфере науки и научного обслуживания трудились свыше 3 млн. человек, но при этом примерно 80% были задействованы в ВПК. На Россию приходилось 82% военно-промышленного потенциала СССР и около 80% предприятий ВПК. Россия и была главной военно-промышленной базой всего мира «реального социализма». В ней, кроме ВПК, были лишь несистемные элементы гражданской экономики. Именно для России в отличие от других бывших рес-

публик СССР и тем более бывших сателлитов из Восточной Европы сбережение ВПК означало сбережение национальной экономической системы в целом и человеческого потенциала в частности. Самые образованные и «профессионально продвинутые» работники были сосредоточены в ВПК. Именно они были активными сторонниками рыночной экономики, правового государства, модернизации образа жизни [*Shkaratan, Galchin*, p. 464—480; *Shkaratan, Fontanel*, p. 367—380].

На месте военно-промышленного комплекса в экономике России утвердился сырьевой капитал, тесно сотрудничающий с западными транснациональными корпорациями. Но в этих сырьевых отраслях преобладает принципиально другой человеческий массив, чем в ВПК накануне его краха: это, как правило, те, кого польские социологи назвали когда-то «крестьяне-рабочие». Таким образом, дальнейшее разрушение ВПК означает для России превращение в сырьевую периферию мировой системы.

Чтобы трансформировать Россию в страну высоких технологий и реального конкурентного рынка, необходимо именно на руинах ВПК создать новые компоненты (анклавы) информационной экономики. Проблема состоит в том, как, не сберегая в определенных и нередких случаях депрессивные предприятия с их оргтехструктурой, предотвратить разрушение трудовой элиты нации, падение инновационного потенциала, а тем самым предупредить необратимые катастрофические последствия, которые не позволят перейти к высокотехнологичному производству. Это принципиально новая, никогда не решавшаяся ранее в России задача, которая, на наш взгляд, является приоритетом не экономической, а социальной политики. Именно рассматривая ее в таком контексте, с нашей точки зрения, необходимо жестко развести проблему сохранения и развития существующих предприятий (фирм) и проблему сохранения и развития инновационного потенциала элитной части человеческих ресурсов России.

Эффективным способом решения этих проблем может стать организация национальной системы региональных инновационных центров. Усилия таких центров должны быть сосредоточены на сохранении и развитии трудовой элиты нации. Основными направлениями их деятельности могли бы стать:

создание системы переобучения и переквалификации, охватывающей все категории работников, включая директоров предприятий;

организация системы поддержки малого и среднего венчурного бизнеса с использованием материальной базы неэффективных предприятий;

разработка основных каналов для инвестирования региональных программ, позволяющих обеспечить сохранение инновационного потенциала.

Все вышеперечисленное, разумеется, не попытка дать исчерпывающий список мероприятий предлагаемого нами нового направления социальной политики, а лишь иллюстрация к предложению подумать о том, что социальная политика в условиях современной России должна быть гораздо шире и по целям, и по методам, чем та, к которой все мы привыкли.

Некоторые итоги

Российская модель социальной политики заметно отличается от советской. Изменились, например, такие ее характерные особенности, как ограниченная стратификация или получение льгот через систему производственных коллективов. Фактически исчез ряд социальных гарантий, главная из которых — право на труд и получение за него заработной платы. Однако основными социальными последствиями экономических перемен за последние годы стали натурализация потребления населения и резкое сокращение в нем количества и роли наличных денег.

В этих условиях традиционные рычаги социальной политики утрачивают свое значение, и достижение ее главной цели — обеспечение стабильности в обществе ради удержания нынешней политической элитой своего положения — требует прежде всего сохранения практической бесплатности обеспечения ряда базовых потребностей основной массы населения. Трудно сказать, к какому типу социальных политик может быть отнесена такая весьма своеобразная ее модель, но, по крайней мере в ближайшие годы, она должна сохраниться в России в силу отсутствия других реальных альтернатив. В то же время она является явно недостаточной для развития страны в современной мировой ситуации, поскольку в этом случае у России нет никакого будущего. Следовательно, она должна быть дополнена новым самостоятельным направлением — политикой развития, призванной предотвратить исключение России из того нового мира, описанием которого мы начали первую

главу книги. Таковы альтернативы, стоящие сегодня перед социальной политикой, такова цена этого вопроса для страны в целом.

Литература

Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000.

Латов Ю.В. Экономика вне закона: Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001.

Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика. М.: Политиздат, 1987.

Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.

Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

Российская экономика: условия выживания, предпосылки развития / Кузьминов Я., Смирнов С., Шкаратан О., Якобсон Л., Яковлев А. // Вопросы экономики. 1999. № 7.

Shkaratan O.I., Galchin A.V. Human Resources, Military-Industrial Complex and the Possibili — ties for technological innovation in Russia // International Journal of Technology Management. 1994. Vol. 9. №3/4.

Shkaratan O.I., Fontanel J. Conversion and Personnel in the Russian Military-Industrial Complex // Defence and Peace Economics. 1998. Vol. 9. № 4.

Г 72 **Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств** / Давыдова Н.М., Меннинг Н., Сидорина Т.Ю. [и др.]; под общ. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 463 с.
ISBN 5-7598-0216-X

Книга обобщает результаты российской части международного исследовательского проекта «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и Запад. 1995—1998» и исследований авторов, проведенных в 1998—2002 гг. Особое внимание в ней уделяется развитию социальной политики России в переходный период, изменениям в политике занятости и социальной защиты кризисных групп на федеральном и региональном уровнях. Наряду со статистическими материалами анализируются данные углубленного изучения повседневной жизни 240 семей, представляющих кризисные группы на рынке труда трех городов: Москвы, Санкт-Петербурга и Воронежа. Книга содержит результаты разработки как теории, так и методов сравнительных социальных исследований, а также основы базы данных для последующего изучения социальной политики и ее формирования в современной России.

Для специалистов в области экономики, социологии, управления, а также всех интересующихся проблемами социальной политики и ее формирования в современной России. Книга может служить в качестве учебного пособия при изучении основ социальной политики, социальной структуры и социальной стратификации, социологии труда и занятости, экономической социологии и др.

УДК 316.334.2
ББК 60.55

Научное издание

Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств

Зав. редакцией *Е.А. Рязанцева*
Редакторы *Д.Я. Берникова, Е.Н. Ростиславская*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Корректоры *Е.Е. Андреева, А.М. Петров*
Компьютерная верстка и графика *Н.А. Веселова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г. продлена до 14 октября 2003 г.

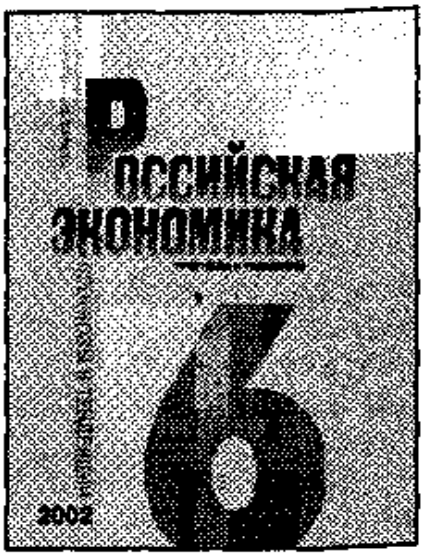
Подписано в печать 02.06.2003. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Уч.-изд. л. 27,98.
Усл. печ. л. 28,93. Тираж 1000 экз. Изд. № 257. Заказ № 2354.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3.
Тел.: (095) 134-16-41; 134-08-77. Факс: (095) 134-08-31.

Изд. лиц. ИД № 00510 от 01.12.99 г.
ООО МАКС Пресс, 107066, г. Москва, Елоховский пр., д. 3, стр. 2.
Тел. 939-38-90, 939-38-91, 928-10-42. Тел./факс 939-38-91.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ



Свежую и достоверную статистическую информацию, оперативный анализ и надежный прогноз развития экономики России предоставит Вам ежемесячный справочно-аналитический обзор

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА:

прогнозы и тенденции

Издается с 1993 года на русском и английском языках

ПОСТОЯННЫЕ РАЗДЕЛЫ

- Валовой внутренний продукт
- Промышленность
- *Инвестиционные процессы*
- Агропродовольственная сфера
- Государственные финансы
- Денежно-кредитная политика
- Финансовые рынки
- Внешняя торговля
- Социальная сфера
- Хроника событий экономической жизни России
- Краткосрочный статистический прогноз
- Бюллетень конъюнктурных опросов предприятий

В обзоре используется информация Госкомстата, Минфина, Банка России, ведущих российских информационных агентств. Аналитический материал представлен наглядно с использованием таблиц, графиков и диаграмм

Распространение в России, СНГ, Балтии:
Каталог Агентства «РОСПЕЧАТЬ»
– ***подписной индекс 79275***
Объединенный каталог
почты России – ***подписной индекс 40548***

Распространение за рубежом:
Eastview Publications, **тел. (095) 318-08-81**
МК-периодика, **тел. (095) 238-49-67**

Координаты редакции:
117312, Москва, ул. Вавилова, 7, тел.: (095) 134-08-77, 134-16-32, факс: (095)134-08-31, e-mail: id.hse@mail.ru